

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК
ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 22 (92)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теория и история права, конституционное право

Гражданское право и процесс

Уголовное право

Обновляется 1 раз в год

Новополоцк

ПГУ

2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
проф., д.т.н. Д.Н. Лазовский

Заместитель главного редактора:
доц., к.т.н. Д.О. Глухов

Председатель ред. совета доц., к.ю.н. И.В. Вегера
Зам. председателя ред. совета доц. к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

*Теория и история права,
конституционное право:*
доц. к.ю.н. Д.В. Щербик

Гражданское право и процесс:
доц., к.ю.н. В.А. Богоненко

Уголовное право:
доц. к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА [Электронный ресурс]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2018. – Вып. 22 (92). Юридические науки. – 1 электрон. опт. диск.

Издается с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.)

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса. Регистрационное свидетельство № 3101404560 от 30.11.2014 г.

В сборнике представлены труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета по направлениям юридических исследований, проводимых в университете: теория и история права, конституционное право, гражданское право и процесс, уголовное право.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен студентам, магистрантам и аспирантам университетов юридических специальностей.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет»
211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь
тел. 8 (0214) 39 40 46, e-mail: vestnik@psu.by

Компьютерный дизайн *М.С. Мухоморовой*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Д. М. Севастьяновой*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 341

НЕПРИЗНАННЫЕ И НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

*И.А. МАСТЮЛИН**(Представлено: ст. преп. П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Рассматривается проблема непризнанных и несостоявшихся государств (на примере Каталонской республики).

Непризнанные и частично признанные государства – государственные образования, которые провозгласили себя суверенными государствами и обладают такими признаками государственности, как: наличие названия, атрибутов, населения, контроля над территорией, системы управления (органы власти, вооружённые силы), но в то же время не имеют дипломатического признания.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. закреплено: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие.

Способами осуществления права на самоопределение могут быть:

- создание суверенного и независимого государства,
- свободное присоединение,
- объединение к независимому государству,
- установление любого другого политического статуса» [6].

Право на самоопределение часто противоречит нормам конституционного права. Вследствие чего возникают противоречия и проблемы в выборе норм права для разрешения конфликтной ситуации.

В 1999 году Венецианская комиссия изучила вопрос о самоопределении и отделении с точки зрения конституционного права. «Комиссия не нашла в текстах конституций положений, предусматривающих отделение части территории страны. Напротив, многие конституции это запрещают, провозглашая неделимость государства и национальное единство. Но с другой стороны, термин «самоопределение» в текстах конституций может означать деколонизацию, независимость уже сложившегося государства. Поэтому сегодня самоопределение следует понимать главным образом как внутреннее – в рамках существующих границ, а не как внешнее – через отделение» [3].

4 октября 2011 на заседании ПАСЕ в Страсбурге была принята резолюция № 1832, согласно которой «право этнических меньшинств на самоопределение не предусматривает автоматического права на отделение и в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств» [2].

Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1334 (2003), которая гласит «государства-члены Совета Европы призываются воздерживаться от признания или поддержки фактических властей незаконно отделившихся территорий, в том числе тех из них, которые были поддержаны иностранными военными интервенциями» [4].

Как мы видим принципы международного права – право народов на самоопределение, принцип территориальной целостности, иные нормы международного права входят в противоречие друг с другом.

Противоречие разрешается следующим образом: согласно Декларации о принципах международного права, в действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению, или к частичному, или полному нарушению территориальной целостности, или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» [7].

Принцип территориальной целостности государств существенно ограничивает возможности реализации права наций на самоопределение, особенно если нация избирает такую форму самоопределения, как создание национального государства. **Однако такое разумное ограничение следует признать правомерным.**

Рассмотрим этот вопрос на примере ситуации с Каталонией. Основной проблемой, по которой началось отделение Каталонии – это национальность, отличающаяся от испанской, а также Каталония вносит в бюджет страны налогов больше, чем получает из казны Испании в виде субсидий.

1 октября 2017г. в Каталонии усилиями региональных властей было проведено голосование о выходе автономии из состава Испании. Право на референдум обосновывается международными нормами о праве на самоопределение и ссылкой на то, что в Конституции Испании прописано верховенство международных законов над национальными. Но почему тогда право на самоопределение не действует, а действуют нормы национального законодательства и принцип территориальной целостности?

«Испания – унитарное государство, чья конституция не предполагает самоопределения регионов. В частности, 155-я статья Конституции приостанавливает действие автономии и переводит все органы региональной администрации в центральное подчинение.

Мадрид ссылается к закону, в котором говорится, что носителем суверенитета является испанский народ. Иными словами, одна часть населения королевства, то есть каталонцы, не могут решать судьбу всей страны. Право на отделение регион имеет исключительно тогда, когда на это есть согласие обеих сторон, которых это касается» [1].

В качестве довода приводятся решения Конституционного суда, который постановил, что единственной государствообразующей нацией, признаваемой конституцией, является испанская, а «автономная область не имеет права в одностороннем порядке созывать референдум, позволяющий решать вопрос о принадлежности к Испании». Получить суверенитет автономия может только после того, как в конституцию будут внесены изменения, одобренные большинством граждан целого государства.

В тоже время в 2008 году была провозглашена «республика Косово», которая сейчас является частично признанным государством. По Конституции Сербии Косово является ее автономным краем. Конституция Испании и Конституция Сербии не содержат положения о проведении референдума о независимости, поэтому ситуации вокруг Каталонии и Косово являются идентичными. Косово было признано независимым, а теперь каталонцам в таком праве отказывают. Ответ Еврокомиссии был краток: вся проблема, оказывается, в том, что Испания – член Евросоюза, а Сербия – нет.

По поводу одностороннего провозглашения независимости Косово в 2008 году Совет министров ЕС заявил, что это «единственный случай», который не может стать прецедентом.

Несмотря на то, что в 2010 году Международный суд ООН в Гааге принял решение, согласно которому объявление независимости Косово не противоречит международному праву, судьи не определили окончательно вопрос статуса» [5].

Правительство Милошевича осуждали за неоправданную жестокость в подавлении сепаратистов Косово – в конечном счете, именно это стало решающим фактором для Международного суда, признавшего обоснованность притязаний Косово на независимость: суд признал невозможным существование в рамках единого государства после столь кровавых репрессий.

Все международные суды подчиняются западным странам. И именно западные страны играют роль "мирового полицейского". Как итог все выглядит так: если ситуация соответствует интересам "судей", то государство может игнорировать нормы права. Здесь будет доминировать право на территориальную целостность. Зачастую применение силы не оправдано и жестоко. Если это "судьям" невыгодно, и государство препятствует народу и одностороннему выходу из государства, это самое государство нарушает право на самоопределение и должно быть подвергнуто «гуманитарной бомбардировке». Именно поэтому Запад признал отделение Косово без референдума.

Демократическое государство имеет право применять силу для сохранения территориальной целостности. Конечно, силовое подавление воли народа – не лучшее решение. Развитые государства выбирают диалог, переговоры.

Федеральные правительства должны провозглашать: мы согласны на проведение референдума о независимости и обязуемся признать его результаты, на дискуссии перед референдумом будет отведено достаточное время (например, 2 года), и сторонникам обеих точек зрения будут предоставлены равные возможности. К сожалению, гораздо чаще народ, и центральные власти предпочитают цивилизованному диалогу интенсивную пропаганду, популизм, запугивание и силовое давление.

Для независимости Каталонии правовых механизмов нет – как согласно конституции Испании, так и в соответствии с нормами международного права.

Сейчас не столь важно, какими будут политические итоги нынешней кампании за независимость. Если следовать логике проевропейских конфликтов, в каталонском процессе на старте следующий этап – процесс возникновения параллельной гражданской идентичности, той части населения, которой оказались близки ценности каталонского государственного строительства. Не важно, какой, испанский или каталонский, флаг будет висеть в течение ближайших лет или десятилетий над их городами, для них он всегда будет каталонским. Это уже не трещина, это пропасть между двумя частями населения одной территории. Это состояние гражданской войны, но в том ее виде, который может быть в современной

Европе. Что свойственно не только Каталонии, но и другим государствам, принявшим попытку отделения и самоопределения как нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Королевства Испании от 27 декабря 1978 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://docplayer.ru/60966248 -Konstituciya-korolevstva-ispaniya-ot-27-dekabrya-1978-goda.html](http://docplayer.ru/60966248-Konstituciya-korolevstva-ispaniya-ot-27-dekabrya-1978-goda.html). – Дата доступа: 20.03.2018.
2. Резолюция ПАСЕ №1832 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24112477>. – Дата доступа: 24.09.2018.
3. Доклад Венецианской комиссии по вопросам самоопределения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/keyword_items.asp?id=4260103. – Дата доступа: 24.09.2018.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи №1334 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[June_2003\]/Res1334.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[June_2003]/Res1334.asp). – Дата доступа: 24.09.2018.
5. Решение Международного суда ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20100722/257402916.html>. – Дата доступа: 24.09.2018.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 20.03.2018.
7. Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г. года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. – Дата доступа: 24.09.2018.

УДК 341

**ПРОБЕЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В ОБЛАСТИ ПРИЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ****И.А. МАСТЮЛИН***(Представлено: ст. преп. П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Статья посвящена пробелам в международном праве в области признания и образования новых государств, а также поиску решений по устранению проблем в данной сфере правоприменения.

Международное право – это особая правовая система, ее главная цель – это регулирование международного права, разрешение споров, конфликтов, которые требуют совместного регулирования со стороны международных сообществ. Данная система, как и любые другие системы права имеет определённые «пробелы», т.е. сферу отношений, которая не регулируется правом. В данной статье речь пойдёт про пробелы в области признания и образования новых государств.

Для этого обозначим первичные субъекты международного права.

- Государства. Признаки: атрибуты, название, территория, население, система управления.
- Нации, борющиеся за национальное самоопределение. Нация - политическая общность граждан определенного государства. Чтобы быть субъектом международного права, определенной нации необходимо: территория, на которой она бы могла самоопределиться, политическая организация, которая могла бы выступать от имени всей нации.

Данных субъектов мы и рассмотрим как основу образования пробелов в международном праве. «Что такое «пробел» с точки зрения международного права? Пробел – это социально-правовое явление, особенностью которого является отсутствие правовых норм в сфере международно-правового регулирования. Сущность пробела в международном праве состоит в отсутствии согласованной воли государств, которые и образуют неполноту юридических норм» [1]. Основные факторы, влияющие на образование пробелов, являются:

- Ошибочное прогнозирование динамики формирования международных отношений.
- Отсутствие норм обязательного характера или жесткой системы принуждения.
- Зависимость международных организаций, правоприменительных органов (судов, арбитражей) от политической составляющей.
- Приоритет политической составляющей над правовой.

Все это способствует возникновению пробелов и появлению правовых коллизий, которые в итоге приводят к нарушению функционирования норм международного права.

Несовершенство современной системы признания новых государств, в результате которой ущемляются права человека, наций, заложенные в основу существующего международного права, должны вынуждать мировое сообщество принять определенные действия по реформированию, созданию нового, более адаптивного комплекса принципов признания новых государств.

Международное право предусматривает возможность появления политико-территориальных образований и рассматривает их как потенциальных субъектов международных отношений. Но есть существенные пробелы в реализации данных норм.

- 1) отсутствие компетентного органа, занимающегося непосредственно рассмотрением вопросов и вынесением решений о присвоении субъектам соответствующего статуса;
- 2) отсутствие конкретного НПА с выверенными критериями признания;
- 3) отсутствие гарантий защиты неприкосновенности нации или государства, которые заявляют о своем праве на самоопределение от подавления их воли со стороны более развитых и сильных стран;
- 4) отсутствие конкретного алгоритма правовых действий, поскольку на сегодняшний момент имеется два пути: либо государство признает само себя и получает поддержку со стороны заинтересованных государств, либо ждет решения авторитетной международной организации.

Устранения правовых пробелов из системы международного права, а также внедрения в практику применения новых норм и институтов права является очень сложной и проблемной процедурой. На данный момент целесообразно предложить следующие пути решения:

- 1) обновление правовой базы международных организаций;
- 2) непосредственная работа с общественными организациями и населением непризнанной страны в соответствии с особенностями сложившейся ситуации на конкретной территории;
- 3) поддержка населения непризнанного государства при помощи существующих благотворительных фондов и организаций, таких как Международный комитет Красного Креста, Армия спасения, Врачи без границ и др.;

4) нормативное исключение возможности распространения статуса непризнанного государства на его граждан, в особенности на их универсальные права, связанные со свободой перемещения, выбора места жительства, приобщения к образовательным и культурным ценностям;

5) создание норм экономического и политического принуждения для реализации международных соглашений.

На сегодняшний день институт признания государств не сформирован окончательно и не адаптирован к динамизму геополитических отношений. Правовые доктрины, концепции и нормы международного права были нацелены либо на обоснование интересов политически властного государства, либо имели чересчур универсальный характер. Существует большое количество инстанций, правовых норм, независимых организаций, но все они противоречат друг другу или же имеют большое количество пробелов в своих актах. И на данный момент эти пробелы восполняются интересами более сильных государств. Очевидно, что институт признания нуждается в поиске конкретного алгоритма правовых действий, совершенствовании, кодификации, а также полностью быть абстрагирован от политической составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев, В.Н. Пробелы в современном международном праве / В.Н. Лихачев. – Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 85 с.

УДК 340

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**Н.И. ЦАПИН***(Представлено: ст. преп. П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Статья посвящена исследованию перспектив использования blockchain-технологий в правовой сфере. Рассматриваются базовые положения о blockchain-технологиях и возможные направления их использования в юридической практике: смарт-контракты, юридическое удостоверение информации и др.

Блокчейн (от англ. Block – блок, Chain- цепь) – цифровая децентрализованная база данных, представляющая собой последовательность блоков, содержащих информацию об операциях, совершаемых участниками данного сервиса [1].

Принципы функционирования баз данных на основе blockchain-технологий [2]:

1. Принцип децентрализации. При проведении каких-либо операций на платформе Блокчейн информация распределяется между всеми участниками, имеющими доступ. Положительное в этой особенности то, что отсутствует центральный узел сбора данных.

2. Невозможность изменения уже внесённых данных. Данный принцип говорит о свойстве безопасности, присущем Блокчейну. Удаление или изменение информации невозможно.

3. Открытость и прозрачность. Этот принцип вытекает из вышеуказанного принципа децентрализации. Данные в той или иной степени доступны всем участникам. В какой-то мере это можно отнести и к недостаткам.

С распространением blockchain-технологий специалисты в сфере информационных технологий открывают новые способы применения этой базы данных. Области применения можно условно разделить на: финансовую и нефинансовую. Если финансовая сфера представляет собой операции, связанные с рынком криптовалют (для которого изначально и была создана технология Блокчейн), то нефинансовая предусматривает создание банков данных, хранение и передачу информации. Это означает, существуют перспективы уменьшения круга обязанностей некоторых специалистов путём внедрения в их профессиональную деятельность. Далее – подробно о возможных вариантах применения сервиса в юридической практике.

- На базе blockchain-технологий разрабатывается технология “умных контрактов”. Smart-контракт представляет собой программный код, который обеспечивает автоматическое заключение соглашения между сторонами или совершения иных юридических действий при наступлении определённых, предусмотренных сторонами условий [3].

- Выполнение некоторых действий, которые в соответствии с законодательством, совершают нотариусы. Принятие документов на хранение; передача заявлений и иных документов от одного юридического лица другому; принятие в депозит денег и ценных бумаг могут быть заменены удостоверением через blockchain-технологии.

- В некоторых странах разрабатывают платформу “Адвокат”, которая так же работает на базе blockchain-технологий. Её главная цель – повышение удобства взаимодействия физических лиц с представителями государственных органов, т.е. усовершенствование института обращения граждан в государственные организации.

- Так же технология нашла применение и в области авторского права. А именно – предоставление авторам произведений возможности создания виртуальных документов (сертификатов), подтверждающих подлинность предмета и его авторство.

- Многие страховые компании США, Сингапура и ряда других стран используют Блокчейн при осуществлении своих прямых обязанностей. А именно – заключают электронные договоры страхования на базе исследуемого сервиса. Но стоит отметить, что на данном этапе услугами такого страхования пользуются в основном крупные бизнес – компании [4].

- Видится перспектива и в сфере операций с недвижимостью. Хранение информации о сделках с недвижимостью в блоках банка данных, возможность составлять выписки из реестра, удостоверять права на объекты недвижимости.

Данный список является далеко не исчерпывающим и в настоящее время появляются различные предложения по внедрению blockchain-технологий во многие сферы жизнедеятельности.

В заключении хотелось бы отметить положительные и отрицательные черты рассматриваемой работе технологии: децентрализованный принцип распределения данных повышает безопасность их хранения и использования, неизменность уже внесённой информации, взаимодействие участников без по-

средников. Система обладает определённой прозрачностью, что в отдельных случаях даёт скорее негативный эффект (например, в вопросах конфиденциальности сделок). Скорость проведения операций может увеличиваться в разы. К минусам можно отнести большой объём электроэнергии, потребляемой оборудованием для blockchain-технологий. Распространение технологии предоставляет возможность создания криптовалюты, создание и использование которой – значительное изменение в экономике государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блокчейн в информационном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/blokchejn-v-informatsionnom-obschestve>. – Дата доступа: 18.09.2018г.
2. Принципы функционирования Блокчейн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bestinvestpro.com/blokchejn>. – Дата доступа: 20.09.2018г.
3. Смарт-контракты на базе Блокчейн [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант-плюс.
4. Использование платформы Блокчейн в юридической практике зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geektimes.ru/company/wirex/blog/281140>. – Дата доступа: 20.09.2018г.

УДК 342

**КРИПТОВАЛЮТЫ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА, ЛИЧНОСТИ****Н.И. ЦАПИН***(Представлено: ст. преп. П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Тема данной статьи – криптовалюта как явление, набирающее в настоящее время популярность в качестве платёжного средства в самых различных сферах, а также особенности и риски её использования, попытки правового регулирования статуса «электронных денег».

Первым представителем в мире валюты, основывающейся на криптографическом шифровании, стал Bitcoin [1], разработанный японским программистом Сатоши Накамото (во многих источниках указано, что это имя - псевдоним одного человека или даже название группы разработчиков). В мире нет единой точки зрения о сущности криптовалют. Одни специалисты называют их разновидность валюты, другие сырьём, денежными суррогатами.

Стоит отметить, что изобретение не было запатентовано, в следствии чего получило такую известность, а главное – возможность для дальнейшего развития любым понимающим в этом человеком. В преимуществах новоявленной технологии указывались следующие характеристики: независимость, анонимность и надёжность. Биткойн использует peer-to-peer технологию, работающую без центрального органа или банка [1].

При рассмотрении качественных характеристик криптовалют выделяют два следующих основных её свойства:

Анонимность электронной валюты. Никто не может узнать о том, кому она принадлежит, какие с помощью её транзакции осуществлялись. Сложное криптографическое шифрование наделило Биткойн и другие виды криптовалюты этим свойством. Специалисты утверждают, что в настоящий момент взломать эту защиту невозможно.

Децентрализация криптовалют. Её эмиссия происходит усилиями сети [2]. Разработчики называют это пиринговым принципом. Благодаря ему криптовалюта не подпадает под государственное администрирование, как любая другая валюта и не зависит от их курса [3].

Так же энергоёмкость для производства Биткойна и прочих видов криптовалюты оценивается как недостаток. Эмиссия будет происходить до тех пор, пока стоимость выпуска не станет превышать стоимость самой криптовалюты. Среди специалистов употребляется понятие «гонки вооружений», то есть все желающие производить криптовалюту должны постоянно улучшать оборудование для этого. Например, в Швеции был построен специальный центр, оборудование которого занято исключительно майнингом (созданием) криптовалюты. Этот аспект предполагает значительные затраты для эмитентов криптовалюты.

Правовая оценка статуса и регулирование "электронных денег"

Изучая мировую практику касательно попыток законодательного регулирования статуса криптовалют, я пришёл к выводу, что государства относятся по-разному к наличию в их экономической сфере такого специфического вида валют.

Так, например, в Российской Федерации отношение к правовой оценке неоднозначно и криптовалюта была даже под угрозой запрета, так как в ней виделся способ финансирования так называемого «теневое сектора», что предполагает финансирование преступности в сфере терроризма, оборота наркотиков и т.п., в связи с чем Министерство финансов предлагало в сентябре 2015 года введения уголовной ответственности за обмен криптовалют на рубли. Позже Росфинмониторинг заявил о возможности выпуска собственной регулируемой криптографической валюты, к которой будет предъявлен ряд требований, а именно: наличие определённого эмитента с правами и обязанностями; предполагается лицензирование деятельности по выпуску криптовалюты, обмен криптовалюты будет происходить на специальных информационных площадках, имеющих свою регламентацию со стороны государства[4].

В Китае Центробанк рекомендовал не использовать юридическим и физическим лицам в своей деятельности криптовалюту, что привело к резкому снижению курса последней.

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2018г. № 8 «О развитии цифровой экономики» законодательно закрепил и урегулировал положение токенов (так криптовалюты именуется в данном акте). Владелец токена признаётся субъектом гражданского права, которому цифровой знак (токен) принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве [5]. То есть в Беларуси юридически разрешено создание, хранение и обмен криптовалютой.

Для успешного внедрения криптовалюты в оборот, по моему мнению, необходима заинтересованность участников оборота. Но ввиду определённых недостатков не каждое лицо готово работать с криптографической валютой. Электронные деньги обладают не стабильным курсом, а стабильная экономика не может строиться на шаткой валюте. Что касается правового регулирования, то в разных странах оно разнится. Можно понять и политику России в отношении криптовалют, ведь государство ожидаемо с опаской отнесётся к валюте с анонимным характером, которая может выпускаться любым лицом, при наличии у него должного оборудования и программного обеспечения. Республика Беларусь к этому явлению отнеслась как к части цифровой экономики и регламентировала его для развития данной сфере. Я думаю, что внедрение криптовалют в целом возможно, но перед этим они, скорее всего, претерпят некоторые изменения. А именно появится необходимость идентификации, что повлияет на анонимность криптовалют, изменение порядка эмиссии для формирования более прочного курса (ограничение в количестве выпускаемой валюты и определение более чёткого круга субъектов эмиссии).

Но общество в целом может неоднозначно отнестись к переходу на криптографическую валюту. Ведь основываясь на изученном мною материале, этот инструмент электронного платежа, потребует наличие определённых условий (программное и техническое обеспечение, проработанная правовая база), которые не создаются быстро и освоение которых потребует времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криптовалюта как первичный инструмент в формировании валютного регулирования государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>. – Дата доступа: 20.09.2018.
2. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriptovalyuta-kak-fenomen-sovremennoy-informatsionnoy-ekonomiki-problemy-teoreticheskogo-osmysleniya>. – Дата доступа: 23.09.2018.
3. Правовой статус криптовалют в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urspectr.info/>. – Дата доступа: 24.09.2018.
4. Экономическая эффективность использования криптовалюты в российской экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-effektivnost-ispolzovaniya-kriptovalyuty-v-rossiyskoj-ekonomike>. – Дата доступа: 24.09.2018.
5. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Республики Беларусь № 8, 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.09.2018.

УДК 342

ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАДСТАЎНІЧЫХ ІНСТЫТУТАЎ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКИМ

Л.Д. АНІСЬКОВІЧ

(Прадстаўлена: ст. выкл. А.В. ВАЛЕЎКА)

Прадстаўнічыя органы ўлады – дзяржаўныя і муніцыпальныя органы, склад якіх фарміруецца шляхам выбараў у іх прадстаўнікоў ад усяго народа або пэўнай яго часткі. У артыкуле надрабязна разглядаюцца працэсы фарміравання і эвалюцыянавання прадстаўнічых інстытутаў, іх віды, структура, а таксама іх характэрныя асаблівасці ў кантэксце 16–18 стст.

У 1569 г. быў падпісаны акт Люблінскай уніі, згодна з якім павінна было адбыцца зліццё дзвюх дзяржаваў: Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага ў адзіную шматнацыянальную канфедэрацыю пад назвай Рэч Паспалітая. Паводле гэтага акта аб'яднанне дзяржаваў адбывалася згодна сцверджаным у ім умовам, сярод якіх галоўнай была страта Вялікім Княствам Літоўскім сваёй самастойнасці. Але ў адпаведнасці з артыкуламі Статута 1588 года ВКЛ здолела захаваць сваю самастойнасць.

Вышэйшымі органамі дзяржаўнай улады ў Рэчы Паспалітай былі кароль і Сойм. [1, с. 280]

У адпаведнасці з законам краіны на чале выканаўчай улады стаяў кароль, з канца 16 ст. – выбіраемы. Прававое становішча караля рэгулявалася агульнадзяржаўнымі актамі – “Пакта канвента” і “Генрыхаўскімі артыкуламі”, а на Беларусі і ў Літве яшчэ і Статутам 1588 г. [2, с. 75] У сваёй дзейнасці кароль быў адказны перад Вальным соймам.

Заканадаўчая ўлада ў краіне належала Вальнаму (агульнаму) сойму. Соймы падраздзяляліся на звычайныя, што склікаліся каралем, і надзвычайныя. [2, с. 72]

Для выбарання новага караля склікаліся тры соймы:

- 1) канвакцыйны, на якім вызначаліся час і месца выбараў караля, выпрацоўвалі ўмовы дагавора з кандыдатамі на прастол;
- 2) элекцыйны (выбарчы), на якім праводзіліся выбары і заключалася пагадненне “Пакта канвента”;
- 3) каранацыйны, на якім ажыццяўлялася ўрачыстая каранацыя і кароль прыносіў прысягу захоўваць усе правы і ўмовы пагаднення. [1, с. 281]

Вальны сойм быў двухпалатны і складаўся з Сената і Пасольскай ізбы (палата дэпутатаў). Вышэйшай палатай сойма з'яўляўся Сенат. Сюды ўваходзілі пэўныя вышэйшыя службовыя асобы дзяржаўнага апарату, вярхі каталіцкага духавенства, ваяводы і кашталяны. [2, с. 72 – 73] Ніжэйшай палатай сойма была Пасольская ізба. У яе ўваходзілі прадстаўнікі (паслы-дэпутаты) ад шляхты асобных паведаў ці земляў канфедэратыўнай дзяржавы, а таксама ў невялікай колькасці дэпутаты ад мяшчан найбольш важных ў палітычных і эканамічных адносінах гарадоў. [2, с. 73]

Што датычыцца выканаўча-распарадчай сістэмы, то тут трэба адзначыць адсутнасць адзіных выканаўча-распарадчых органаў Рэчы Паспалітай. Кожная з частак канфедэрацыі, у тым ліку і ВКЛ, мела свой асобны адміністрацыйны і судовы апарат, сваю прававую сістэму. [2, с. 75]

Звярнуўшы ўбок ад палітычнага ладу дзяржавы, звернемся да вытокаў гістарычнага фарміравання прадстаўнічых органаў ВКЛ – соймаў, а таксама павятовых соймаў. Пытанню аб зараджэнні і развіцці парламенцкіх інстытутаў улады ў Беларусі надавалі ўвагу дарэвалюцыйныя расійскія вучоныя (Матвей Любаўскі, Фёдар Леантовіч, Мікалай Максімейка, Іван Лапшо і інш.). [3, с. 9]

Шматлікія гістарычныя дакументы сведчаць, што з даўніх часоў насельніцтва старажытных беларускіх дзяржаў (Полацкай, Турава-Пінскай, Віцебскай, Смаленскай зямлі і інш.) збіралася для вырашэння важных жыццёвых пытанняў на сходы, якія называліся па-рознаму: «веча», «снем», «сойм». У гістарычных дакументах XIII–XV стст. сустракаюцца і такія назвы грамадскіх сходаў, як «капа», «купа». [3, с. 11].

У перыяд складвання Вялікага княства Літоўскага веча ў Беларусі працягвала дзейнічаць. Вучоныя адзначалі, што агульнадзяржаўны (вальны) сойм ВКЛ узнік са старажытных вечаў сходаў. Водгукі старажытных вечаў парадкаў бачны ў заканадаўстве Вялікага княства Літоўскага, перш за ўсё ў абласных граматах. Аднак да нашага часу дайшлі больш познія, пацвярдзальныя граматы (Полацкай зямлі 1511, 1547, 1580, 1634 г., Віцебскай зямлі 1503, 1509, 1561 г., Смаленскай зямлі 1505 г., Драгічынскай зямлі 1511, 1547 г. і інш.), якія мелі сілу і значэнне мясцовых законаў. [3, с. 14]

Першыя вучоныя, якія займаліся вывучэннем гісторыі парламентарызму ВКЛ, па-рознаму ставіліся да прычын і перыяду ўзнікнення агульнадзяржаўнага сойма. Так, М. Любаўскі адзначаў, што вялікакняская дума (паны-рада), якая стала асновай сойма, у XIV ст. яшчэ не ўяўляла сабой дакладна вызначанай арганізацыі. Вучоны сцвярджаў, што канчатковы склад Рады вызначыўся толькі ў сярэдзіне

XV ст. пры вялікім князі Казіміры, калі яна пераўтварылася з асабістай рады князя ў агульнадзяржаўны орган. [3, с. 15]. Такім чынам, становіцца відавочным, у які перыяд па меркаваннях М. Любаўскага ўзнікаюць першыя агульнадзяржаўныя соймы: не раней 15 ст.

Такое размяшчэнне пачаткаў інстытута сойму Любаўскім выклікала ажыўлённую дыскусію сярод даследчыкаў пытання, з якіх частка прыйшла да зусім іншых, зрэшты надзвычай адрозных, канстатацыяў. Нягледзячы на пэўныя агаворкі, пазіцыю Любаўскага прыняў Фёдар Леантовіч, які, аднак, паставіў пад сумненне дэфініцыю вялікага вальнага сойму (гэта мог быць з'езд толькі паноў-рады), адзначаў багацце парламенцкай тэрміналогіі (вось жа, былі соймы: вялікія вальныя ў шырэйшым і вузейшым складзе, паноў-рады, удзельных князёў, рускіх зямель, абозныя, супольныя для Польшчы і Літвы, судовы, партыкулярныя паасобных удзелаў і земляў, шляхецкія канфедырацыі) і месца ўлады ў функцыянаванні соймаў. [4, с. 12].

Т. Доўнар у сваім артыкуле “Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызма ў Беларусі” ставіць пад пэўнае сумненне канцэпцыю Ф.Леантовіча. Гэта можна прасачыць паводле ейных слоў пра тое, што “... пэўныя нарады вялікага князя з мясцовымі князямі заўсёды мелі месца, таксама як і сумесныя нарады з польскімі каралямі, аднак назваць іх у поўным сэнсе соймамі нельга...”. Пазіцыя Т.Доўнар адносна перыяду ўзнікнення і фарміравання першых соймаў у ВКЛ па вялікаму рахунку пераплятаецца з пазіцыяй М.Любаўскага – пачатковым этапам фарміравання сапраўднага сойма-парламента з'яўляецца перыяд збірання пашыранага пасяджэння Рады (15 ст.), а таксама яна называе і прычыны ўзнікнення сойма: “... сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё дзяржавы, працэс саслоўнага падзелу грамадства, а ў сувязі з гэтым — узрослыя патрабаванні сярэдніх і дробных феодалаў аб павелічэнні правоў і ўраўнанні іх з буйнымі феодаламі.” З пункту гледжання Т. Доўнар гістарычны працэс фарміравання сойма выглядаў так: сойм у перыяд складвання цэнтралізаванай дзяржавы спачатку (перш за ўсё на працягу XV ст.) уяўляе сабой пашыранае пасяджэнне Рады, а потым паступова афармляецца ў агульнадзяржаўны заканадаўчы орган. Гэты працэс завяршаецца, калі асобныя землі падпарадкоўваюцца непасрэдна цэнтральнай уладзе і замест «абласных соймаў» узнікаюць мясцовыя шляхецкія соймікі, на якіх выбіраюцца дэлегаты ад павеятаў на агульнадзяржаўны сойм.

Сярод праціўнікаў канцэпцыі Любаўскага, з аднаго боку, маем Мікалая Максімейку, які цалкам адмовіўся прызнаваць ягоную працу, цвердзячы, што пра соймы ў літоўска-рускай дзяржаве можна казаць нашмат раней, бо літоўскія паны ужо ў 13ст. валодалі правам выбару ўладара. Доказам гэтага было пакліканне на трон Віцены пасля, нібыта, забойства Трайдзеня Даўмонтам. Гэтая выбарчая функцыя склала, такім чынам, першае “парламенцкае” права паноўных класаў Літвы, якое на працягу 15ст. было пашырана на дарадчыя і судовыя функцыі. Пэўныя формы парламентарызму (веча) існавалі і ў княствах Русі перад паглынанням іх Літвой і мелі ўплыў на развіццё гэтай сістэмы ўлады ў супольнай ужо манархіі. У выніку Максімейка лічыў, што менавіта соймы Літвы, дапоўненыя чыноўнікамі, якія ўдзельнічалі ў парламенцкім жыцці рускіх княстваў, склалі гэты самы орган улады ВКЛ у ягоным канчатковым выглядзе, які, аднак, узнік толькі ў 1492 г. [4, с. 12]

Гранічна адрозную ад Максімейкі пазіцыю заняў выдатны даследчык беларускага паходжання прафесар Кіеўскага ўніверсітэта Мітрафан Доўнар-Запольскі. Ён аспрэчыў пэўныя тэзы Любаўскага, але сам напачатку не адкрыў сістэмы прычынаў развіцця соймаў. Ён лічыў, аднак, што пра нараджанне літоўска-рускага сойму можна думаць толькі тады, калі II Статут Літоўскі 1566 г. вызначыў ягоныя паўнамоцтвы і прызначыў яму месца ў сістэме вышэйшых органаў улады. [4, с. 15].

У перыяд складвання цэнтралізаванай дзяржавы сойм спачатку (перш за ўсё на працягу 15 ст.) уяўляе сабой пашыранае пасяджэнне Рады, а потым паступова афармляецца ў агульнадзяржаўны заканадаўчы орган. Гэты працэс завяршаецца, калі асобныя землі падпарадкоўваюцца непасрэдна цэнтральнай уладзе і замест “абласных соймаў” узнікаюць мясцовыя шляхецкія соймікі, на якіх выбіраюцца дэлегаты ад павеятаў на агульнадзяржаўны сойм. Гэты парадак быў замацаваны Статутам ВКЛ 1566 г. [3, с. 17].

На стадыі фарміравання агульнадзяржаўны сойм пачынае складацца з трох частак (станаў): вялікага князя, рады і прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя. Склікаліся ж соймы першапачаткова не для заканадаўчай дзейнасці, а з мэтай вырашэння пытанняў знешняй абароны. [3, с. 17].

У першай палове 16ст. соймы збіраліся даволі часта. М. Любаўскі налічыў у перыяд княжання Жыгімонта Казіміравіча 26 вялікіх соймаў, кіруючыся пры гэтым не простым сведчаннем крыніц аб соймах, а указаннем на тое, што яны датычыліся не толькі радных паноў, але і іншых “станаў”. Да такіх соймаў ён адносіў вялікі віленскі сойм 1508–1509 гг., вялікі сойм 1515–1516 гг. У Берасці, віленскі сойм 1521 г. і і нш. [3, с. 19].

На працягу XVI ст. заканадаўча афармляюцца парламенцкія структуры ўлады Вялікага княства Літоўскага. У 40–50-ыя гг. XVI ст. адбыліся змяненні ў сацыяльна-палітычным і эканамічным жыцці дзяржавы, што запатрабавала ўнясення зменаў у заканадаўства. У лістападзе 1551 г. на падставе просьбы паслоў сойма Жыгімонт Аўгуст са згоды паноў-рады стварыў соймавую камісію для перагляду Ста-

тута 1529 г. Перад ёю ставілася задача: тэкст першага Статута «добра обачити и разважити и выразумети то, чого бы потреба была прибавити альбо убавити, альбо отменити» і вынесці на абмеркаванне свае прапановы на наступным сойме. Як бачым, у гэты перыяд змены ў закон маглі ўносіцца ўжо толькі соймам, які становіцца адзіным заканадаўчым органам дзяржавы, а для распрацоўкі праектаў законаў ствараліся спецыяльныя соймавыя камісіі. [3, с. 19–20]. Акрамя выключнага права сойма на ўнясенне зменаў ў закон, ў гэты перыяд да кампетэнцыі сойма адносілася: абмеркаванне кандыдатур і абранне вялікіх князёў, вырашэнне фінансавых і падатковых пытанняў, міжнародных спраў адносна саюзаў, дагавораў, войнаў з іншымі дзяржавамі, разгляд некаторых судовых спраў, а самае галоўнае – абмеркаванне і прыняцце заканадаўчых актаў. Усё гэта, а таксама перыядычнасць соймавых паседжанняў, соймавы склад і правіла, згодна з якім усе законы дзяржавы павінны прымацца толькі на сойме па згодзе ўсіх станаў, было заканадаўча замацавана Статутам ВКЛ 1566 г. Дадаткова ў 16 ст. упершыню была нарматыўна рэгламентавана магчымасць самастойнай заканадаўчай ініцыятывы вальных соймаў (Віленскі прывілей 1565 г.). Адпаведна гэтаму закону права заканадаўчай ініцыятывы, якое пэўны час належыла вялікаму князю, надавалася сойму.

Статут 1566 г. рэгламентаваў таксама дзейнасць павятовых соймаў – органаў “шляхецкай дэмакратыі”, якія перш за ўсё склікаліся з мэтай абрання дэпутатаў на агульнадзяржаўны сойм. [3, с. 21] Яшчэ большую ўвагу дзейнасці сойма і павятовых соймаў надаў Статут ВКЛ 1588 г. На паседжанні павятовых соймаў павінны былі склікацца мясцовыя біскупы, ваяводы, кашталаны і земскія ўрааднікі, а таксама князі, паны і шляхта. Закон абавязваў шляхту своєчасова з’яўляцца на сойм – да першага дня сесіі. Пачатак працы соймаў і пытанні для абмеркавання на іх вызначаліся ў вялікакняскіх лістах (універсалах). Статут 1588 г. вызначыў таксама іерархію службовых асоб, якія ўдзельнічалі ў працы соймаў. [3, с. 22].

У сувязі з разглядам тых ці іншых пытанняў у ВКЛ склікаліся розныя па назве мясцовыя соймікі, якія вядуць свае карані са старажытных веча і з’ездаў баяр-шляхты. Перш за ўсё соймікі збіраліся для выбару паслоў на агульнадзяржаўны сойм. Склікаліся таксама элекцыйныя соймікі, якія выбіралі кандыдатаў на пасады суддзяў у новыя шляхецкія суды, а таксама некаторых службовых асоб. З паяўленнем Галоўнага суда (Трыбунала), галоўнай задачай якога стаў разгляд скаргаў (апеляцый) на рашэнні мясцовых судоў, пачалі склікацца штогод трыбунальскія (“грамнічныя”) соймікі з мэтай выбару суддзяў Трыбунала. У пачатку 17 ст. пачынае дзейнічаць гаспадарчы сойм, асноўнай задачай якога стала размеркаванне падаткаў, а таксама попісавы з’езд з мэтай попісу войска. [3, с. 24].

Трэба адзначыць, што дзейнасць усіх гэтых соймаў не была цалкам урэгулявана заканадаўствам. Соймікі з’яўляліся не толькі дзяржаўнымі органамі, але і органамі шляхецкага самакіравання. Шляхта бачыла ў іх прадстаўніцтва і абарону сваіх інтарэсаў у дзяржаве, таму ўвесь час імкнулася пашырыць кампетэнцыю соймаў. Акрамя іх соймаў, якія па закону павінны былі склікацца манархам, шляхта пачала па ўласнаму жаданню збірацца на асобныя з’езды (сходы). Упершыню гэта практыка з’явілася ў перыяд бескаралеўя пасля смерці Жыгімонта Аўгуста. Нягледзячы на іх забарону спецыяльнымі соймавымі пастановамі (напрыклад, у 1659 г.), яны працягвалі збірацца, што прыводзіла да яшчэ большага пасаблення цэнтральнай улады. [3, с. 25].

Вучоныя адзначаюць, што паступова ў ВКЛ слабела цэнтральная ўлада, а соймікі эвалюцыянавалі ў бок шляхецкіх з’ездаў, якія не мелі прававых падстаў. Іх роля пастаянна ўзрастала. Адначасова павялічваліся і сродкі ўплыву на соймавыя пастановы і рашэнні. У 16-18 стст. павятовых соймаў выбіралі не толькі паслоў на сойм, але і суддзяў, шэраг службовых асоб, давалі згоду на падаткі, кантралявалі распараджэнне рознымі фінансавымі зборамі, клапаціліся аб падтрыманні парадку ў павеце, з дапамогай спецыяльных службовых асоб выконвалі трыбунальскія і іншыя дэкрэты, вызначалі шляхецкае паходжанне, турбаваліся аб пагарэльцах і асобах, якія страцілі маёмасць, займаліся пабудовай і рамонтам судовых будынкаў і інш. У другой палове 18 ст. пачаўся працэс рэфармавання соймакавага ладу. На соймах Рэчы Паспалітай быў прыняты шэраг нарматыўных актаў (закон аб павятовых соймах, закон аб гарадах і інш.), якія значна ўдасканалілі парламенцкія структуры дзяржавы. Асаблівае значэнне мела Канстытуцыя 1791 г., якая замацавала палажэнне аб тым, што ўлада, якая «бярэ свой пачатак з волі народа», павінна складацца з заканадаўчай, выканаўчай і судовай галін. Аднак у 1793 г. Канстытуцыя была скасавана, а ў 1795 г. Рэч Паспалітая ўвогуле перастала існаваць. Далейшае гістарычнае развіццё парламентарызму ў Беларусі было звязана з Расійскай імперыяй і расійскімі канстытуцыйнымі рэформамі пачатку ХХ ст. [3, с. 25–26].

Разгледзеўшы і ацаніўшы ўнутрыпалітычны лад краіны, мы можам разважаць пра тое, што Рэч Паспалітая па форме дзяржаўнага праўлення з’яўляецца не толькі элекцыйнай (выбарнай), але і моцна абмежаванай манархіяй. Практычна ўся ўлада ў дзяржаве належыла Вальнаму сойму і павятовым соймам, якія складаліся пераважна з паноў-магнатаў і шляхцічаў, таму, хутчэй за ўсё, будзе правільным казаць пра тое, што Рэч Паспалітая па форме праўлення з’яўляецца не манархіяй, а шляхецкай рэспублікай. Калі казаць наконт прадстаўнічых органаў дзяржавы, а іменна адносна пытання аб іх

фарміраванні, мы бачым, што сярод вучоных-даследчыкаў няма адзінага меркавання ў гэтым накірунку. Безумоўна гэта праблема, і праблема цяжжавырашальная, бо нельга афіцыйна прызнаць адну з канцэпцый адзінай правільнай. Таму, падаецца, што адзіны варыянт для такой сітуацыі – прытрымлівацца таго пункту гледжання, які на ўласны погляд здаецца найбольш правільным. Што датычыцца эвалюцыі прадстаўнічых органаў ВКЛ, мы бачым, што яе этапы не акрэслены строгімі гістарычнымі рамкамі. Але на падставе падрабязнага розгляду развіцця гэтых органаў, мы можам умоўна выдзеліць наступныя этапы: 15ст. (зараджэнне і фарміраванне), 16 ст. (росквіт, узрастанне ролі ў сістэме дзяржаўнага кіравання), 17-18 стст. (перыяд найбольшай актыўнасці).

ЛІТАРАТУРА

1. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэбн. дапам. : у 2 ч. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэбн. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тетра-Сістемс, 2005. – 192 с.
3. Доўнар, Т. Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызму ў Беларусі / Т. Доўнар // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XVI – XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г. / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск : БП-С Плюс, 2008. – 374 с.
4. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569 – 1763 гг. / Анжэй Рахуба ; пер. з пол. мовы М. Раманоўскі ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Медысонт, 2008. – 424 с.

УДК 342

**КЛАСІФІКАЦЫЯ ПАВЯТОВЫХ СОЙМІКАЎ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў ПЕРЫЯД 16–18 стст.****Л.Д. АНІСЬКОВІЧ****(Прадстаўлена: ст. выкл. А.В. ВАЛЕЎКА)**

Мясцовае самакіраванне як палітычны феномен у разрэзе гістарычнага перыяда 16–18стст. – істотная, патрабуючая ўвагі тэма. У артыкуле разглядаецца інстытут павятовых соймаў як не-пасрэдная форма тагачаснага мясцовага самакіравання, у прыватнасці – праблематыка класіфікавання соймаў.

Мясцовае самакіраванне – гэта палітычны інстытут, які накіраваны на тое, каб даць магчымасць насельніцтву самастойна вырашаць свае праблемы лакальнага ўзроўню без ўплыву на гэта дзяржаўнай улады. Аднак, калі мы звяртаемся да перыяду 16–18 стагоддзяў, то неабходна адзначыць спецыфіку мясцовага самакіравання гэтага прамежку часу, бо органы такога інстытута выражалі інтарэсы не ўсяго насельніцтва, а толькі пануючага саслоўя перыяду ВКЛ – шляхецкага. З гэтай нагоды навукоўцы, якія займаюцца такога роду пытаннем, называюць тагачасныя органы мясцовага самакіравання органамі, так званай, “шляхецкай дэмакратыі”.

Адной з формаў мясцовага самакіравання ў ВКЛ былі соймікі. Соймік (сеймік) у ВКЛ у 16–18 стст. – сход шляхты павеата, дзейнасць якога рэгламентавалася нормамі права; форма самарэалізацыі шляхецкай супольнасці павеата і дзяржаўна-прававы інстытут, дзякуючы якому шляхецкая супольнасць была здольная прымаць рашэнні. [1, с. 615].

Дзейнасць іх была дастаткова рэгламентаванай. Існаваў цэлы шэраг заканадаўчых актаў, прававыя нормы каторых замацоўвалі розныя аспекты соймавай дзейнасці: перш за ўсё, гэта Статуты ВКЛ 1566 і 1588 г., сюды ж мы адносім і Віленскі прывілей 1565 г., Соймавую пастанову 1567 г., і нават Канстытуцыю 1791 г. Аднак, вучоныя адзначаюць, што жыццёвая практыка і заканадаўчыя прадпісанні супадалі не заўсёды. Так, Т. Доўнар сцвярджае, што “... не ўсе статуныя нормы, якія рэгламентавалі дзейнасць сойма і павятовых соймаў, выконваліся на практыцы. Жыццё значна папраўляла заканадаўства і часта не ў лепшы бок”. [2, с. 24].

Многія даследчыкі займаліся апісаннем і класіфікацыяй соймаў, грунтуючыся на іх паўнамоцтвах, кампетэнцыі, назвах і г.д. Зыходзячы з гэтага, нескладана ўсвядоміць тое, што цяжка выпрацаваць адзіныя чынікі класіфікацыі соймаў. Так, становіцца зразумелым, што першыя праблемы адносна соймаў узнікаюць нават на тэарэтычным узроўні, аднак на падставе існуючых даследванняў магчыма выявіць некаторыя агульныя рысы. Такім чынам, мы можам вылучыць наступныя віды соймаў: перадсоймавыя, генеральныя, элекцыйныя, рэляцыйныя, якія можна назваць асноўнымі, да іншых жа мы адносім дэпутацкія (трыбунальскія, грамнічныя), гаспадарчыя, фіскальныя.

I. Перадсоймавыя

- перадсоймавыя соймікі, утвораныя паводле кароннага ўзору ў адпаведнасці з бэльскім прывіліем і юрыдычна санкцыянаваныя Статутам 1566 г., увайшлі пасля Люблінскай уніі ў парламенцкую сістэму Рэчы Паспалітай у нязменным выглядзе. Аднак іх паменела, бо землі Падляшша, Валыні і Кіеўшчыны былі ўключаныя ў Карону; [3, с. 77]

- падставаю з’езда шляхты на перадсоймавы соймік быў каралеўскі ўніверсал, але часта соймік здараўся і без яго, калі ролю ініцыятара браў на сябе нехта са службоўцаў, хто чуўся ўпаўнаважаным да гэтага, згодна с рашэннем шляхецкай грамады (часта папярэдняга сойма). [3, с. 84] Акрамя ўніверсалаў, кароль высылалі лісты – “адкрытыя” і “закрытыя” – да магнатаў і шляхцічаў з заахвочваннем узяць удзел у соймаку і падтрымаць выкладзены ім у інструкцыі прапановы, абраць годных паслоў. [3, с. 86–87] Апрача караля, чыё права склікаць соймікі было неаспрэчным, існавала багата інстытутаў, якія валодалі такімі правамоцтвамі. Гэта былі ваяводы і кашталіны, сенатары, павятовыя і канфедэрацыйныя маршалкі, судовыя старасты, падкаморыі, харужыя, павятовыя і генеральныя палкоўнікі, іншыя соймікі або з’езды, соймы; [3, с. 87–88].

- тэрмін: скліканне перадсоймавых соймаў павінна было адбыцца за 6 тыдняў перад вальным соймам. А таксама, згодна з заканадаўствам соймік не мог працягвацца даўжэй за 4 дні; [3, с. 82].

- мэта збірання (функцыі): абранне паслоў, перадача ім даручэнняў адносна дзеянняў на сойме і нарэшце рэдактура ўхвалы па пытаннях, узятых на соймаку і прынятых сабранымі. [3, с. 135].

II. Генеральныя

- генеральныя соймікі, якія называліся таксама правінцыйнымі соймамі, галоўнымі соймамі і нават соймамі, былі вядомыя Кароне ўжо з 20-х г. 15 ст. Генеральны соймік (генерал) Вялікага Княства Літоўскага быў уведзены на ўзор каронных – хоць мы не ведаем, ці паводле жадання саміх ліцвінаў – сілай г.зв. генрыхайскіх артыкулаў; [3, с. 167].

• тэрмін: гаворкі пра дакладны тэрмін не было, а толькі пра тое, што ён павінны збірацца перад каронным вальным соймам. А вось ужо у трэцім Статуце ВКЛ 1588 г. згадвалася, што соймак або галоўны з'езд меўся збірацца за 2 тыдні да кожнага вальнага сойму; [3, с. 169].

• парадак правядзення паседжанняў (кампетэнцыя): паседжанні адбываліся ў двух палатах (колах) – сенатарскай і пасольскай. Маршалка пасольскай ізбы абіралі адразу ў першы дзень, наколькі гэта было магчыма. Пасля выбару маршалка знаёміліся (у сенаце) з прапановаю (інструкцыяй), прывезенай каралеўскім паслом. Пасля афіцыйнай падзякі паслу за выкананне місіі знаёміліся з іншымі лістамі, накіраванымі з'езду ад службовых асобаў, інстытутаў, грамадаў і прыватных асобаў. Пасля прачытання лістоў пачыналі галасаванне, ад найвышэйшага паводле рангу сенатара і аж да паслоў, згодна з ерархіяй значнасці паведаў. Часавага абмежавання на падачу галасоў не было. Пасля іх заканчэння вылучалі камісію дзеля складання супольнай інструкцыі для ўсяго Вялікага Княства. Нарэшце даваўся адказ на дасланыя дакументы і накіроўваліся лісты да розных асобаў пра дзяржаўныя справы. Афіцыйныя акты соймака падпісвалі сенатары, маршалак (дырэктар) пасольскага кола і некаторыя паслы. [3, с. 172–174].

III. Элекцыйныя

• функцыі: на элекцыйных соймаках шляхта выбірала электаў (кандыдатаў) на пасады суддзі, падсудка і пісара земскага павятовага суда (з 1564–66), падкаморыя, харужага (1588) і некаторыя іншыя ўрады. У 17 ст. шляхта атрымала права прадстаўляць манарху электаў і на вышэйшую пасаду ў павеце – павятовага маршалка. Таксама на элекцыйных соймаках шляхта выбірала павятовых возных (з 1565), якіх зацвярджаў ваявода і возных-генералаў (з 1588), якіх прызначаў на ўрад вялікі князь. У асобных землях ВКЛ на соймаках выбіралі і сенатараў – ваявод полацкага і віцебскага, старасту жамойцкага; [1, с. 616–617].

• прадугледжвалася авансаванне (прасоўванне) на элекцыйных соймаках земскага пісара або падсудка па пасаду суддзі і земскага пісара на падсудства. [1, с. 616].

IV. Рэляцыйныя

• рэляцыйныя соймакі ўтварыліся паводле Статута 1588 г.; [3, с. 213].

• тэрмін: у 1588 г. было пастаноўлена, што такія соймакі маюць збірацца ў кожным павеце праз чатыры тыдні ад заканчэння сойму. На практыцы ж гэта бывала па-рознаму. Найчасцей, аднак, соймакі склікаліся ў інтэрвале ад 2 да 8 тыдняў пасля сойму, або зазначалася, што яны адбудуцца, калі прыдуць неабходныя для іхняй працы дакументы – галоўным чынам канстытуцыі; [3, с. 213–214].

• мэта збірання (функцыі): іх мэтай было інфармаванне шляхты пасля вяртання з сойму пра ход паседжанняў і прынятыя ўхвалы. [3, с. 213]. Але рэляцыйны соймак не абмяжоўваўся толькі прыняццем справаздачы з соймавых падзеяў, але часам мусіў прымаць рашэнні пра выкананне соймавых ухвалаў. [3, с. 217] Шляхта пад кіраўніцтвам свайго дырэктара (маршалка) не толькі выслухоўвала пасольскія рэляцыі, але і ацэньвала іх дзейнасць на сойме; [3, с. 218].

• вышэйзгаданыя сферы дзейнасці рэляцыйных соймакаў не вычэрпвалі іхніх формаў актыўнасці, бо адсутнасць нормаў дазваляла сабранай шляхце разглядаць справы, прапанаваныя кім заўгодна. Яны маглі тычыцца як агульнадзяржаўных і рэгіянальных, так і прыватных пытанняў. [3, с. 219].

Калі гаварыць адносна астатніх соймакаў, то мэтай дэпутацкіх – быў выбар дэпутатаў ў Галоўны Трыбунал, а іх паседжанні праводзіліся самастойна штогод 2 лютага; асноўнай задачай гаспадарчага – было размеркаванне падаткаў, а таксама попісавы з'езд з мэтай попісу войска; фіскальныя соймакі ішлі поруч з гаспадарчымі, бо іх мэтай было ўсталяванне падатковых абцяжванняў і вызначэнне функцыянераў для іх збору ды пільнавання парадку пры выкананні звязаных з гэтым працэдураў. [3, с. 227–232].

Такім чынам, мы бачым, што распрацаваць адзіныя чыннікі класіфікацыі соймакаў у нас не зусім што атрымалася, аднак альтэрнатываю гэтаму выступае тое, што на падставе аналізу існуючых даследаванняў мы вылучылі наступную групу павятовых соймакаў: перадсоймавыя, генеральныя, элекцыйныя, рэляцыйныя, дэпутацкія (трыбунальскія, грамнічныя), гаспадарчыя, фіскальныя, і грунтуючыся на кампетэнцыі соймакаў умоўна можам падзяліць іх на першасныя: перадсоймавыя, генеральныя, элекцыйныя, рэляцыйныя, і на другасныя: дэпутацкія, гаспадарчыя і фіскальныя.

ЛІТАРАТУРА

1. Радаман, А. Соймак // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2007. – Т. 2. – С. 615–618.
2. Доўнар, Т. Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызму ў Беларусі / Т. Доўнар // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XVI – XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградск, 23–24 ліст. 2007 г. / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск : БІП-С Плюс, 2008. – 374 с.
3. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / Анжэй Рахуба ; пер. з пол. мовы М. Раманоўскі ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Медысонт, 2008. – 424 с.

УДК 342.6

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Н.Л. ЕРМАЧЁНОК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Публикация посвящена одному из основных и неотъемлемых прав человека, а именно праву на объединение. В статье дано определение «общественное объединение», обозначены его цели и значимость. А также затронута перспектива дальнейшего развития данного института в Республике Беларусь и предоставлены рекомендации по либерализации процедуры регистрации общественных объединений.

На современном этапе правовой истории белорусского государства центральное место занимают основные права и свободы человека. Разумеется, что всестороннее развитие и забота о человеке взаимосвязано напрямую с прогрессом во всех сферах жизнедеятельности общества. Эта миссия лежит, в том числе и на общественных объединениях. Так, во многих международных правовых актах закреплено право на свободу ассоциаций, например, во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (1998 г.) и других, которые базируются и ссылаются на этот принцип. В нашем национальном законодательстве также, как и во многих государствах, нашло свое правовое закрепление право человека на свободу ассоциаций, которое относят к основным правам человека. Так, согласно ч. 1 ст. 36 Конституции Республики Беларусь «Каждый имеет право на свободу объединений» [1], это является основной определяющей создания и деятельности общественных организаций, причем наличие этого конституционного права предполагает и обеспечивает сильное гражданское общество.

В Законе Республики Беларусь дано ясное определение данному институту: «Общественным объединением является добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения уставных целей» [2]. Причем инициатива по созданию общественной организации должна исходить «снизу», тогда мы можем говорить о развитом гражданском обществе. Благодаря развитому гражданскому обществу формируется правовое государство. Правовое государство – государство без дискриминации, без коррупции, основные права граждан защищены, в целом действует реальный правопорядок во всех сферах жизнедеятельности общества. В правовом государстве, не издаются законы, противоречащие нравственной идее права, а органы и институты такого государства точно соблюдают действующие законы. Для обеспечения вышеперечисленных целей важную роль играют общественные объединения, а именно они представляют и защищают интересы граждан, способствуют решению отдельных социальных проблем, выполняют роль посредников между государственными органами и населением и т.д.

Согласно опросу, который провел TUT.BY в октябре 2011 года, примерно из 10 тысяч респондентов, только 4,6% (678 человек) ответили, что добровольно состоят в общественных организациях. Другие опрошенные (в подавляющем большинстве (68%)) не состоят ни в каких в общественных организациях; состоят по причине «потому что требуют»; не помнят состоят ли они где-либо; не знают, что такое «общественная организация» и проч. Что в свою очередь означает неспособность граждан объективно оценить политико-правовую обстановку в стране, а значит и участвовать в государственной жизни. Также, если сравнить с зарубежным опытом, за последнее 15-летие количество общественных объединений не изменилось, а процент их роста совсем незначительный [4]. Подобная статистика симптоматично указывает на наличие законодательных и правоприменительных проблем, препятствующих развитию гражданского общества, созданию и функционированию общественных объединений.

Одним из важнейших препятствий для развития общественных объединений в Республике Беларусь является затрудненный порядок их регистрации:

а. разрешительный принцип регистрации. Он означает, что для создания общественного объединения, кроме предъявляемых необходимых документов, нужно также получить разрешение соответствующего государственного органа. С одной стороны, регистрирующий орган более детально рассматривает предмет деятельности потенциального общественного объединения, с другой – отказ в регистрации общественных объединений носит субъективный характер. Основанием для отказа в регистрации может служить предоставление неполных или недостоверных сведений при регистрации, например, по словам директора трансформации О.Смоляноко, достаточно было неверно указать телефон руководителя и это уже служило поводом для отказа в регистрации общественного объединения. Также в белорусской

юридической практике основанием для отказа может служить указание в уставах общественных объединений предмета деятельности и задач выходящие за пределы указанного в названии характера деятельности. В силу своей малозначительности для отказа это опасная практика, которая позволяет отказать в регистрации практически любым общественным объединениям. Вынесенное решение об отказе в регистрации можно обжаловать в суде, но исход дела об обжаловании, как правило, не меняется. Игнорируются и вынесенные решения в пользу белорусских общественных объединений Комитетом ООН по правам человека [4].

б. завышенная планка к минимальному количеству членов-учредителей для общественных объединений. Даже для местных общественных объединений необходимо как минимум 10 членов от двух или более административно-территориальных единиц территории, на которую будет распространяться деятельность этого общественного объединения. В зарубежных странах минимальное число учредителей, необходимых для учреждения организации, обычно оговаривается в законодательных актах и обычно составляет 2-3 участника, как, например, в Нидерландах, Франции или Финляндии [5].

в. проблема поиска юридического адреса. Будущие члены-учредители обязаны позаботиться о приобретении или об аренде помещения, т.к. это является одним из условий, указанных в законодательстве Республики Беларусь для регистрации общественных объединением. Важным условием для использования помещения является то, что это помещение должно быть признано нежилым. Это может послужить проблемой для небольших городов, в которых найти свободное помещение проблематично. Например, для коммерческих организаций это не является проблемой. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 14 Жилищного Кодекса Республики Беларусь утверждается, что частные унитарные предприятия, крестьянские или фермерские хозяйства можно, в установленном Президентом порядке, зарегистрировать юридический адрес в жилых помещениях, например, в собственной квартире или частном доме. Из этого следует, что у коммерческих организаций более упрощенный порядок регистрации юридического адреса, чем у некоммерческих организаций.

Таким образом, из-за сложного порядка регистрации общественные объединения незащищены от произвольного отказа в регистрации. «Так, в 2012 году в третий раз отказано в регистрации Общественному объединению «Краёвае згуртаванне лiтвинаў», в отношении которого решение об отказе в регистрации каждый раз выносится по различным, как представляется, не существенным основаниям. Имеет место и наличие отказов в регистрации обусловленных оценкой регистрирующим органом направлений деятельности общественных объединений. В литературе отмечается, что проблемы с регистрацией, обусловили уменьшение количества учредителей, подающих документы для регистрации общественных объединений, деятельность которых направлена на демократические преобразования в стране» [6]. Поэтому «учитывая все затруднения для получения зарегистрированного статуса юридического лица, многие организации регистрируются белорусами за рубежом, чтобы работать там в интересах страны. Они есть в Литве, Польше, Украине, Швеции, Великобритании и ряде других стран» [7].

За нарушение законодательства как физическими, так и юридическими лицами необходимо соблюдать соразмерное наказание. Так, Беларусь одна из немногих стран, где предусмотрена уголовная ответственность (ст. 193¹ УК Республики Беларусь) за деятельность или участие в ликвидированных, приостановленных, незарегистрированных организаций, максимальный срок которых составляет 2 года лишения свободы. По словам Ольги Смолянок данная статья не применяется с 2010 года. По причине давления западных стран в Беларуси воздерживались от применения данной статьи на практике, хотя каждый год по ней выносилось ряд предупреждений. Однако медленными темпами, но все же ситуация по отношению к неправительственным организациям в Беларуси идет к улучшению. Совет Министров Республики Беларусь внес законопроект, в котором предусматривается исключение статьи 193¹ УК Республики Беларусь и заменой ее на ст. 23.88 КоАП Республики Беларусь в присвоении штрафа размером 50 б.в.

Таким образом, мы считаем, что правовая сфера чуть улучшается для НПО, в связи с тем, что правонарушения общественных объединений не будут подлежать уголовному преследованию. Однако мы считаем, что размер штрафа сильно завышен. Исходя из экономических реалий Республики Беларусь данный размер штрафа будет многим общественным объединениям непосилен.

Обозначив проблемы регистрации общественных объединений, мы предлагаем:

1. разрешительный принцип регистрации заменить на явочный;
2. уменьшить порог количества членов-учредителей до 2-3 для местных общественных объединений;
3. разрешить использовать жилое помещение в качестве помещения для общественного объединения.
4. установление взаимодействия между государством и третьим сектором, проинформировать их о потенциальных возможностях,

5. информировать широкие массы населения о проводимых общественными объединениями мероприятий, путем публикации через СМИ (телевидение, радио, газеты, Интернет)
6. исключить уголовную ответственность за деятельность в незарегистрированных общественных объединений.

В заключении еще раз необходимо подчеркнуть, что нужно упростить законодательные рамки в Республике Беларусь по регистрации общественных объединений, т.к. это напрямую связано со становлением и развитием гражданского общества, что актуально для Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
2. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 4 окт. 1994 г., № 3254-ХП : в ред. от 29.10.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Чаусов, Ю. Гражданское общество: новые реалии и вызовы финансовой устойчивости [Электронный ресурс] / Ю. Чаусов // Белорусский ежегодник. – Режим доступа: <http://nmbny.eu/yearbook/2016/page13.html>. – Дата доступа: 17.04.2018.
4. Ньюман, К. Создание НПО в странах Западной Европы [Электронный ресурс] / К. Ньюман. – Режим доступа: <http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/SOZDANIE-NPO-V-STRANAH-ZAPADNOJ-EVROPY11.doc>. – Дата доступа: 23.04.2018.
5. Бортник, В. Динамика регистрации некоммерческих организаций в Гомельском регионе в 2012 году [Электронный ресурс] / В. Бортник // Международный консорциум «ЕвроБеларусь». – Режим доступа: <https://eurobelarus.info/news/society/2013/02/28/dinamika-registratsii-nekommercheskih-organizatsiy-v-gomelskom-regione-v-2012-godu.html>. – Дата доступа: 10.05. 2018.
6. Мурина, И. Почему в Беларуси общественных организаций в 20 раз меньше, чем в Чехии? [Электронный ресурс] / И. Мурина // Портал EJ.BY. – Режим доступа: <https://ej.by/news/sociaty/2016/07/13/pochemu-v-belarusi-obschestvennyh-organizatsiy-v-20-raz-menshechem.html>. – Дата доступа: 10.05. 2018.

УДК 342.6

РОЛЬ И МЕСТО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.Л. ЕРМАЧЁНОК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)

Описана роль и место общественных объединений в Республике Беларусь. Подчеркнута необходимость в наличии данного гражданского института, посредством деятельности которого достигается высокий уровень правового социального демократического государства.

Общественное объединение как составляющее третьего сектора во многих государствах имеет разную модель функционирования в зависимости от их роли и взаимодействия с государством. Так, исследователи Норин МакДонлалд и Люк Тайарт-де-Бормс в своем масштабном обзоре под названием *Philanthropy in Europe* выделили 4 модели НКО в Европе.

- англосаксонская модель, в которой частные некоммерческие организации создавались в противовес государству;
- рейнская модель напротив дает возможность государству участвовать в деятельности НКО;
- латинская, или средиземноморская модель, в которой важная роль отводится церкви, а государство выступает посредником;
- скандинавская модель строится на мощной государственной социальной системе и крепких традициях волонтерства [1].

Страны бывшего социалистического лагеря можно выделить в особую модель, имеющую два типа. Первый тип — это страны Прибалтики и часть Западной Европы, в которых третий сектор пошел по пути Западного развития. Второй — страны Центральной и Восточной Европы, в которых третий сектор достаточно неразвит. Характеристика третьего сектора второго типа обычно такова, что количество зарегистрированных НПО находится практически на одном уровне, доля активных граждан, занятых в этой сфере незначительна, «вклад третьего сектора в ВВП стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) не превышает 0,7%» [2]. Это связано тем, что с распадом СССР, юридически потерпел крах и тоталитарный политический режим, при котором гражданская инициатива подавлялась. Однако, сохранилась значительная преемственность в определении объема функций государства, его роли в взаимодействии с гражданами и, в целом, с гражданским обществом.

Согласно Посланию Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 2004 года, можно сделать вывод, что государственная власть осознает роль неправительственных организаций для общества и государства в целом: «Ведь чем разнообразнее их спектр, тем больше возможностей для проявления социальной активности у граждан» [3]. В свою очередь, известно, что от отношения власти государства к таким организациям, зависит будет ли благоприятная или жесткая нормативно-правовая среда для развития третьего сектора. Однако на данный период 2017-2018 гг. Республика Беларусь по индексу Международной независимой некоммерческой организации *World Justice Project* Беларусь занимает 65 место среди 113 стран. Области «открытое правительство», «основные права граждан», «гражданское судопроизводство» и т.д. находятся в слабых позициях. Таким образом, следует, что наличие НПО в республике не обладают достаточной силой, которая смогла бы влиять на правовые показатели успешности государства.

В Беларуси имеет место слабая гражданская устойчивость. Согласно исследованию экспертов Международного просветительского общественного объединения «АКТ» и Агентства США по международному развитию, в 2017 году индекс устойчивости гражданского общества составил 5,5 балла. Это считается низким показателем, т.к. максимальным высоким баллом считается единица. «С 2000 года, когда в Беларуси впервые был проведен расчет этого индекса, наилучший результат страна показала в 2003 году (5,3 балла), наихудший (6 баллов) — в 2007 и 2008 годах» [4]. По сравнению с другими странами Европы Беларусь занимает далеко не лидирующие показатели. В свою очередь, отсутствие устойчивости гражданского общества влечет низкое количество зарегистрированных общественных объединений в Беларуси.

Причинами слабой гражданской устойчивости могут быть разными. Например, для чтобы участвовать в решении социально значимых проблем в жизни государства не обойтись без должного уровня правосознания граждан. Согласно опросу, который провел TUT.BY в октябре 2011 года, примерно из 10 тысяч респондентов, только 4,6% (678 человек) ответили, что добровольно состоят в общественных организациях. Другие опрошенные (в подавляющем большинстве (68%)) не состоят ни в каких в обще-

ственных организациях; состоят по причине «потому что требуют»; не помнят состоят ли они где-либо; не знают, что такое «общественная организация» и проч. Согласно другому исследованию 2016 года на вопрос: «какое утверждение наилучшим образом отражает вашу осведомленность о деятельности и оказываемых услугах существующих правозащитных объединений?» «... опрошенные скорее склонны доверять правозащитным организациям (60,4%), хотя с большой долей вероятности могут ошибочно отнести к ним часть правоохранительных структур. Доверительное отношение (от 52,4% до 61,6%) респонденты выражают к следующим институтам: церковь, суды, общественные объединения по защите прав и свобод граждан, прокуратура, милиция, армия, независимые СМИ, руководство страны (Президент), международные благотворительные фонды. Большинство опрошенных (54,3%) с недоверием относятся лишь к политическим партиям» [5]. В следующем вопросе: «в какой мере вы им доверяете?» по мнению респондентов общественные объединения занимают 3 место обходя прокуратуру, милицию, правительство и т.д. Таким образом, анализируя эти данные можно прийти к выводу, что белорусское общество нуждается в общественных организациях, особенно по направлению защиты прав и свобод гражданина, т.к. данные организации выполняют важную функцию: а именно правовая защита человека при конфликтах с государством. Однако, противоречивые данные 2011 года показывают, что подавляющий процент граждан не заинтересовано представлять свои интересы перед государством. Это может происходить, потому что белорусское общество не осознает всю значимость НКО или правовая среда не позволяет добиться реальной силы третьего сектора, и из-за этого граждане оставляют попытки вступать и образовывать общественные объединения.

Таким образом, без гражданского общества сложно представить демократическое социально-ориентированное и правовое государство. Оно является основой для возникновения общественных объединений и других общественных организаций. В свою очередь, роль НКО заключается в том, что они способны развивать институты демократии, формировать правовое государство, оказывать качественнее социальные услуги. Государственная поддержка НКО позволит третьему сектору лучше развивать разные сферы жизнедеятельности общества. К тому же третий сектор может стать незаменимым помощником первому сектору ввиду того, что посредством деятельности общественных объединений представляется воля народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мильнер, Э. Расцвет Европы: как развивается благотворительность в европейских странах [Электронный ресурс] / Э. Мильнер // Электронный журнал о благотворительности «Филантроп». – Режим доступа: <http://philanthropy.ru/analysis/2017/02/09/46137/>. – Дата доступа: 15.04.2018.
2. Соболевская, О.В. Научно-образовательный портал IQ [Электронный ресурс] / О.В. Соболевская // Медиаресурс IQ.hse.ru. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177665953.html>. – Дата доступа: 17.04.2018.
3. Лукашенко, А.Г. Благополучие родной земли – дело всех и каждого : послание Президента белорус. народу и Нац. собр., 23 апр. 2009 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Правовая библиотека. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic10/text890.htm>. – Дата доступа: 10.05.2018.
4. Государство использует третий сектор исключительно в своих интересах [Электронный ресурс] // Международное просветительское общественное объединение «АКТ». – Режим доступа: <http://actngo.info/article/gosudarstvo-ispolzuet-tretyi-sektor-isklyuchitelno-v-svoih-interesah>. – Дата доступа: 10.05.2018.
5. Права человека и правозащитная деятельность в общественном мнении населения Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://baj.by/sites/default/files/analytics/files/2016_fh_belarus_hr_sociology_report_print_russian.pdf. – Дата доступа: 10.05.2018.

УДК 342.55

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Я.С. ЗЯНЮК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)

Рассмотрена деятельность института общественного контроля в Российской Федерации. Выделены основные формы общественного жилищного контроля, также выявлены случаи, в которых данные формы были использованы на практике.

Опираясь на зарубежный опыт общественного контроля в сфере ЖКХ, Беларусь может добиться повышения эффективности управления в данной сфере. Учитывая идентичность законодательства в период СССР, особый интерес имеет изучение опыта по внедрению общественного контроля в сферу ЖКХ в государствах, которые, как и Беларусь, получили независимость в начале 90-х гг. XX века. Соответственно, имеет смысл обратиться к опыту Российской Федерации.

Основными нормативными документами, которыми предусмотрены порядок осуществления общественного контроля в Российской Федерации, являются Конституция Российской Федерации [1], Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2], установивший правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

В Федеральном Законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2] выделены следующие формы осуществления общественного жилищного контроля (ст. 18):

- мониторинг правоприменительной практики в сфере ЖКХ;
- проведение акций по анализу отдельных проблем в сфере ЖКХ, как в Российской Федерации в целом, так и в рамках конкретного региона;
- осуществление проверок, в том числе выездных, по рассмотрению обращений граждан;
- оказание помощи гражданам в защите их интересов в суде;
- проведение общественной экспертизы нормативных правовых актов федерального и регионального уровней;
- формирование общественных рейтингов управляющих организаций;
- осуществление мониторинга реализации региональных программ по переселению из аварийного жилья и реализации региональных программ капитального ремонта в многоквартирных домах.

Субъектами общественного жилищного контроля являются Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти.

Минстроем России осуществляется контроль и поддержка деятельности по развитию сети региональных центров общественного контроля в сфере ЖКХ. Центры общественного контроля созданы в 71 субъекте Российской Федерации.

Следует отметить, что не во всех субъектах Российской Федерации имеется практика создания общественных палат в муниципалитетах. Так, решением Совета депутатов городского округа Подольск утверждено положение об общественной палате муниципального образования «Городской округ Подольск Московской области» [3], в соответствии с которым общественная палата муниципального образования выступает в качестве независимого коллегиального органа, осуществляющего свою деятельность на общественных началах. В качестве целей функционирования общественной палаты указываются обеспечение взаимодействия граждан, проживающих на территории муниципального образования, с органами местного самоуправления; учет общественно значимых законных интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации муниципальной политики по наиболее важным вопросам экономического и социального развития муниципального образования, а также защита законных прав общественных объединений, иных некоммерческих организаций граждан. Вышеуказанным муниципальным правовым актом подробно регулируются вопросы формирования общественной палаты, статуса ее члена, организация деятельности палаты.

Статьей 10 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ закрепляются права и обязанности субъектов общественного контроля, к примеру, указывается, что субъекты уполномочены выступать в качестве инициаторов, организаторов мероприятий, проводимых при осуществлении общественного

контроля, а также участвовать в проводимых мероприятиях, подготавливать по результатам осуществления общественного контроля итоговый документ и направлять его на рассмотрение в органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации (пп. 2, 5 ч. 1 ст. 10).

Интересно то, что в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусматривается право субъектов общественного контроля на создание ассоциаций и союзов в целях координации своей деятельности, объединения усилий и средств для повышения эффективности общественного контроля (ст. 17).

Общественный контроль, осуществляемый на местном уровне в форме правозащитной деятельности. Так, постановлением главы Ногинского района [3] создана общественная организация «Группа народного контроля» в целях защиты конституционных и социальных прав граждан Ногинского района в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса, падения реальных доходов населения и борьбы с нарушениями прав потребителей товаров и услуг. Другой пример – постановлением администрации Городищенского муниципального района Волгоградской области утверждено Положение об общественном телефоне доверия «Народный контроль» по вопросам противодействия правонарушениям в сфере благоустройства [3].

Также общественный контроль может осуществляться его субъектами за различными процессами, происходящими в конкретном муниципальном образовании: например, общественный контроль за миграционными процессами (постановление главы администрации г. Махачкалы от 14 февраля 2007 г. № 268 «Об утверждении состава и положения о комиссии по общественному контролю за миграционными процессами в г. Махачкале»), общественный контроль за ремонтом автомобильных дорог (постановление городской управы г. Калуги от 28.05.2009 № 120-п «Об общественной комиссии по контролю за ремонтом автомобильных дорог общего пользования местного значения муниципального образования «Город Калуга» [3]), общественный контроль за обеспеченностью пожарной безопасности (постановление главы администрации г. Кузнецка от 13 октября 2006 г. № 1600 «Об организации общественного контроля за обеспеченностью пожарной безопасности на территории города Кузнецка» [3]).

Отдельно хочется выделить осуществление общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства (постановление администрации Камбарского района Удмуртской Республики от 22 октября 2001 г. № 457 «О создании группы общественных инспекторов по контролю задолженности за электрическую энергию»), а также общественный экологический контроль (решение думы городского округа Сызрань Самарской области от 11 октября 2006 г. № 109 «О порядке осуществления общественного контроля в области охраны окружающей среды (общественный экологический контроль) на территории городского округа Сызрань» [3]).

Таким образом, общественный жилищный контроль является важнейшим механизмом воздействия негосударственного сектора на государственную власть и местное самоуправление, причем эффективность общественного контроля на местном уровне зависит от прозрачности деятельности органов местного самоуправления, включенности населения в деятельность местных органов и наличия реальных возможностей обжаловать действия и решения данных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] ; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 13.04.2018.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон 21 июля 2014 г. №212-ФЗ : с изм. и доп. от 29 дек. 2017г. // Консультант Плюс. – М., 2017.
3. Гадельшин, Л.И. Муниципальное правовое регулирование общественного контроля / Л.И. Гадельшин // Марийский юридический вестник. – 2016. – С. 45–47.

УДК 342.55

ПОНЯТИЕ И РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ**Я.С. ЗЯНЮК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассматривается проблема роли и значения общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, обобщены точки зрения различных авторов по поводу определения его понятия.

Понятие «общественный контроль» все чаще употребляется в различных сферах деятельности. Считается, что понятие общественный контроль ввел французский социолог и криминолог Габриель Тард [1]. Где изначально он понимал под социальным контролем реабилитацию преступника, при помощи которой он мог безболезненно вернуться к общественно полезной деятельности. Со временем продолжив изучения Г. Тард стал рассматривать социальный контроль как один из факторов «социализации» личности. Вслед за Г. Тардом, американские социологи Г.Росс и Г.Парк[1] пришли к выводу, что социальный контроль – это важный способ публичного воздействия т.к. именно он служит достижению и поддержанию стабильности социальной системы.

В советской юридической литературе, да часто и в современной юридической литературе определения понятия «общественный контроль» сводятся в основном к указанию на субъекты, осуществляющие контрольную деятельность. В частности, В. А. Власов под общественным контролем подразумевал «контроль, осуществляемый общественными организациями трудящихся», и в соответствии с этим выделил такие его формы как общественный контроль, осуществляемый партиями, профсоюзами, комсомолом и постоянными комиссиями местных Советов депутатов трудящихся. Е.П. Попова [2] дала уточненное, но близкое к предыдущему определение понятия общественного контроля как массовому, самодеятельному контролю, осуществляемому в добровольном порядке общественными организациями, добровольными обществами и союзами, органами общественной самодеятельности населения и гражданами за деятельностью органов государственного управления. В трактовке современных правоведов, определяющих общественный контроль в рамках субъектов, его осуществляющих, в частности А. Кожухова, общественный контроль представляет собой осуществляемую в особом процедурном порядке деятельность специальных субъектов (институтов гражданского общества, отдельных граждан) по проверке, оценке качества государственного управления, соблюдения прав и свобод человека на предмет соответствия предъявляемым требованиям [3].

В современной литературе, в частности С.М. Зубаревым [2], отмечается, что право общественного контроля принадлежит любому гражданину вне зависимости от того, состоит ли он в какой-либо общественной организации или нет. С точки зрения сущности, и в этом плане правоведы сходятся во мнении (И.С. Дрейслер, В.П. Беляев), что общественный контроль представляет собой одну из двух разновидностей контроля социального, вторым видом которого выступает государственный контроль. Эти разновидности социального контроля, обладая рядом сходных и отличительных признаков: единством целей и коренных задач, совпадением принципов, в то же время различаются по способу возникновения, осуществления, по правовому положению, характеру полномочий. Отличительную позицию, однако, занимает украинский ученый В.Н. Гарашук, который считает, что деятельность различных общественных формирований общественным контролем можно признать лишь с определенной долей условности, поскольку в их деятельности отсутствуют такие важные признаки контроля, как право вмешательства в деятельность контролируемого объекта и право самостоятельно привлекать его к правовой ответственности [2].

Чаще в современной юридической литературе встречается понятие общественного контроля за государственной деятельностью. Под этим термином понимают контроль за реализацией политики государства и деятельностью политических властей и должностных лиц, осуществляемый партиями, общественно-политическими движениями, общественными организациями и другими объединениями граждан. А. Кожухов [2] целесообразно отмечает, что предметом общественного контроля является деятельность не только государственных органов и местного самоуправления. Целью субъектов общественного контроля, по его мнению, является реализация гражданами своих конституционных прав и свобод в осуществлении общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, их должностных лиц, субъектов хозяйствования независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Таким образом, под общественный контроль должны подпадать практически все образования публичного характера, юридические лица, субъекты хозяйствования.

Иными словами, общественный контроль также необходим в тех секторах жизни общества, в которых государство не должно и не способно эффективно исполнять функции. Общественному контролю должно подлежать соответствие деятельности всех вышеперечисленных субъектов всем нормативно-правовым актам, а не только законам.

Как известно, что основной задачей любого демократического государства является обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом ни одна власть не сможет добросовестно и эффективно выполнять свои обязанности при отсутствии контроля со стороны своего "работодателя" – общества. Власти, как и любому работнику, нужно четко ставить задачу, следить за процессом и итогами ее деятельности.

Общественный контроль выступает как сила, которая помогает устоять от соблазнов и коррупционных махинаций, которые появляются в процессе получения власти. Общественный контроль своим давлением помогает чиновникам корректировать свои действия, стать более компетентными в своей сфере деятельности, что, несомненно, является главной задачей для простых граждан

Бесконтрольная власть подвержена коррупции, работает нерационально. Общественный контроль – это как раз тот механизм, который позволяет обществу контролировать власть, как на этапе принятия, так и на этапе реализации решений и оценки полученного результата. Такое большое внимание к общественному контролю неслучайно, так как на сегодняшний день идет стремительное развитие информационных технологий, социальных сетей и т.д. В этих условиях усиливается отчужденность населения от государства. И реагировать государству все сложнее на многочисленные запросы и социальные конфликты. Решением этих проблем и служит общественный контроль так называемая «обратная связь» с обществом, которая принимает непосредственное участие граждан в государственном управлении и решении вопросов, в ходе которых граждане могут вести открытый, и самое главное, честный разговор со своей властью.

Таким образом необходимо обратить внимание на следующее:

1. Общественный контроль – это непереносимое условие оптимизации контрольной деятельности в масштабах всего государства.

2. Понятие «общественный контроль» включает в себя не только контроль над деятельностью государственных органов, их должностных лиц и иных публичных органов власти, но также и контроль над соблюдением прав и свобод человека иными субъектами независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности.

3. Общественный контроль служит важнейшим условием реализации принципа народовластия. С уверенностью можно утверждать, что в случае, если между государством и обществом отсутствует такая **форма** взаимодействия, как общественный контроль над властью, то отсутствуют и условия для реального народовластия.

4. Использование информационно-коммуникационных технологий способно эффективно усилить и существенно дополнить существующие механизмы общественного контроля, а также позволить участвовать в процедурах общественного контроля большему числу заинтересованных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазовская, Т.П. Социальный контроль в молодежной среде [Электронный ресурс] / Т.П. Абазовская // Современные проблемы науки и образования. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1103>. – Дата доступа: 24.09.2018
2. Гриб, В.В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации / В.В. Гриб // Отрасли права. – 2016. – С. 77–79.
3. Земскова, О.А. понятие общественного контроля и его современные трактовки [Электронный ресурс] / О.А. Земскова. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/23.html>. – Дата доступа: 15.05.2018.

УДК 342

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

И.В. КУДЕЛЯ

(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)

Как мы все знаем, в интернете имеется огромное количество информации, различного рода изображений, литературы, фильмов, научных исследований, и все эти работы имеют своего автора. Рассмотрена одна из наиболее важных составных частей правового интернет регулирования – авторское право.

Для начала, рассмотрим, что такое авторское право. Авторское право – это институт гражданского права, регулирующий правоотношения, связанные с созданием и использованием произведений науки, литературы, или искусства, то есть объективных результатов творческой деятельности людей в этих областях.

В Республике Беларусь авторское право, в интернете регулируется Законом РБ “Об авторском праве и смежных правах”, Законом РБ “Об информации, информатизации и защите информации” Все эти законы основаны на нашей конституции, в которой, помимо этого имеется несколько статей, в которых описано, как человек может отстаивать свои права. Также санкции за нарушения в сети интернет прописаны в гражданском и уголовном кодексах РБ, и, хотелось бы отметить, очень немаловажный пункт, что свобода творчества и права на доступ к информации являются неотъемлемыми в Республике Беларусь [1]. В содержании Закона РБ “Об авторском праве и смежных правах” говорится, что автором называется физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. При отсутствии же доказательств иного, автором произведения является лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения [2]. На международном уровне авторское право регулируется такими документами, как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года и Всемирная конвенция об авторском праве. Бернская конвенция была принята 9 сентября 1886 года и является основным документом, охраняющим авторские права, связанные с художественными и литературными произведениями. Всемирная конвенция об авторском праве – это международное соглашение по охране авторского права, принятое на Межправительственной конвенции по авторскому праву в Женеве 6 сентября 1952 года. Основной задачей было то, чтобы все страны находились под системой охраны авторского права [3].

Давайте же узнаем, как, в соответствии с нашим Законом, человек может декларировать своё авторское право. Как и оговаривалось ранее, автором является тот человек, который указан автором на экземпляре или оригинале произведения. Для охраны своего авторства люди используют различные способы, такие, как:

- 1) Водяные знаки.
- 2) Установление точной даты издания произведения
- 3) Латинской буквы “С” в окружности
- 4) Использование программно-технической защиты на своих интернет порталах

Но, все эти способы не мешают правонарушителям посягать на авторские права. В таком случае, их приходится отстаивать. Если человек знает, о том, что его права были нарушены, он пишет претензию нарушителю. Она пишется в свободной форме и содержит просьбу прекратить правонарушение, также изъятие копий из публичного доступа, а также, возможно, выплате компенсации.

Но проблема заключается в том, что, логично, после предъявления обвинений, нарушитель сразу же постарается стереть все свои незаконные копии и действия из интернета. К счастью, google, некоторое время после удаления сохраняет копии, с указанием даты, когда она была сделана, что позволяет в Суде отстоять авторство. И, говоря о суде, в Республике Беларусь в связи с тем, что защита авторских прав сложный процесс, требующий специальной подготовки, в этой области занимается Судебная Коллегия по делам интеллектуальной собственности верховного Суда РБ.

Неоднозначным остаётся вопрос, к кому же предъявлять претензии о нарушении прав. В России же существует судебная практика, когда именно владелец сайта несёт ответственность, т.к. он создал все условия для распространения информации.

Также имеется некоторая критика законодательства об авторском праве, а в частности о длительности защиты авторских прав. Так как защита прав напрямую зависит от срока жизни автора, это ставит в неравные условия долгоживущих авторов, и тех, кто ушли из жизни в раннем возрасте. Большинство авторских прав принадлежит не авторам, а “правообладателям” – то есть продюсерам, компаниям или же издателям.

Истекая из этой критики, хотелось бы привести в пример казус, связанный с авторским правом. Пол Маккартни, утративший права на свои песни в составе Битлз, вынужден был платить правообладателям, в числе которых был Майкл Джексон, за то, что исполняет на концертах собственные песни.

Давайте же теперь рассмотрим примеры нарушения авторских прав, или более устоявшейся у нас фразы “пиратства”. В сети интернет пиратство больше всего распространено среди таких типов информации, как музыкальные композиции, книги, фильмы, программное обеспечение и компьютерные игры.

Нарушение авторских прав распространено во множестве стран мира, и, к сожалению, страны бывшего Советского Союза занимают лидирующие места. В частности, Беларусь, находится в десятке самых пиратских стран. У нас, по неофициальной статистике люди используют 70-80% пиратского контента. Основной причиной использования нелегальных копий является экономический фактор. Из-за различия в заработной плате, некоторые граждане просто не могут себе позволить какой-либо товар. Возьмём для сравнения 2 страны: США и Беларусь. В первой средняя заработная плата составляет почти 900 долларов, у нас же около 350. Из чего можно сделать вывод, что компьютерную игру, ценой в 50 долларов, американскому гражданину будет приобрести легче.

Вторым фактором является то, что некоторые правообладатели попросту запрещают использование своей информации в некоторых странах. Это является поводом для пиратства. В пример можно привести то, что исполнитель запретил распространение своей аудиозаписи на территории определённой страны, но, посредством сети интернет, гражданин этой страны начал распространение её копий.

Дабы уменьшить количество потребления пользователями пиратского контента, большинство государств начали проводить официальную политику легализации программного обеспечения, то есть покупка лицензий на используемое ПО, или же покупка другого.

Из всего вышесказанного можно выделить то, что защита авторских прав, особенно в интернете, это очень серьёзный вопрос, требующий большого внимания. Также заметно, что в этой сфере Беларусь, явно не занимает лидирующие позиции, и, чтобы улучшить ситуацию, с моей точки зрения должно произойти следующее:

Правообладатели сами должны проявлять инициативу и предпринимать меры пресечь нарушения. К примеру, нотариальное заверение своих произведений, программно-технические средства, исключающие несанкционированное копирование.

Во многих странах мира, в органах полиции и прокуратуры существуют специальные отделы, которые занимаются только вопросами охраны интеллектуальной собственности. Будь так в нашей стране, это позволило бы намного быстрее разрешать данные вопросы.

Таким образом, ссылаясь на страны, в которых эта сфера более развита, мы можем улучшить правовую систему и сократить количество правонарушений в сети интернет. Но, несмотря на все проблемы отстаивать свои права реально, ведь юристы в нашей стране и существуют затем, чтобы толковать закон, отстаивать права законопослушных граждан и доказывать правоту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3// Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Подробный постатейный комментарий: Постатейный комментарий к Женевской конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм / под ред. И.А. Близнаца // Интеллектуальная собственность. Законодательство. Вопросы правоприменения. – 2005. – Приложение N 3 (9).

УДК 342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

И.В. КУДЕЛЯ

(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)

В Беларуси, как и во многих других странах, всё чаще начал подниматься вопрос по обеспечению граждан защиты неприкосновенности их частной жизни, и их персональных данных. Для начала стоит узнать, что такое персональные данные.

Персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу.

В связи с развитием информационно-технических технологий, опасность посягательства на персональные данные очень сильно увеличивается. Существуют множество случаев, когда становились общедоступными данные интернет пользователей, клиентов мобильных операторов, а также банков.

Хоть у нас в стране и имеются конституционные, законодательные нормы, регулирующие право на неприкосновенность частной жизни, на практике они слабо гарантируют защиту данного права. Согласно статье 28 Конституции Республики Беларусь “каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство”

В части второй, статьи 34 Конституции Республики Беларусь говорится: “Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставлять гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы”. “Пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав” это часть третья, всё той же статьи [1].

Но все эти нормы, не исправляют ситуацию, связанную с нашим законодательством. Оно является очень запутанным, имеет разрозненный характер, а также, что немаловажно, не соответствует международным стандартам. Примером может являться то, что является одним, из нескольких европейских государств, которые не подписали Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматической обработке персональных данных от 28 января 1981 года.

И, если мы затронули тему, то стоит рассмотреть несколько международных актов о персональных данных. Один из них, это вышеупомянутая Конвенция. Были приняты также две директивы Европарламента и Совета Европейского Союза (Директива 95/46/ЕС от 24 октября 1995 года о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных и Директива 97/66/ЕС от 15 декабря 1997 года, касающаяся использования персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в сфере телекоммуникаций); а также Рекомендации Комитета министров государствами – членам Совета Европы по защите неприкосновенности частной жизни в Интернете от 19 февраля 1999 года.

Необходимо отметить, что в Беларуси отсутствует комплексный закон, отдельно регулирующий защиту персональных данных. Так у нас отсутствует чёткое определение “персональных данных”, и информации, которая относится к частной жизни. Это не позволяет нам с точностью определить, какая информация является личной, и какие данные являются персональными [2].

Даже в законе Республики Беларусь “Об информации, информатизации и защите информации” имеются лишь базовые положения, которые создают механизм защиты персональных данных. В законе закреплён основной принцип обработки персональных данных – получение согласия физического лица, к которому относятся персональные данные, на любое с ними действие. Последующая передача персональных данных, так же как и любые меры по их разглашению, разрешаются только с согласия физического лица. Но в нашем законодательстве способы, которыми может быть получено такое согласие, не уточняются [3].

Поэтому, я считаю, что наше законодательство должно быть улучшено. А если быть точнее, то, либо дополнены уже имеющиеся правовые акты, где были бы точнее определены понятия, деятельность людей в сфере персональных данных. Или же создание одного, специализированного закона о персональных данных, где бы уместилось всё, связанное с этой сферой – то есть понятия, санкции, и так далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Близнец, И.А. Авторское право и смежные права / И.А. Близнец, Леонтьев К.Б. ; под ред. И.А. Близнеца. – М. : Проспект, 2010. – 416 с.
3. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : с изм. и доп. от от 11 мая 2016 г. № 362-З // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 17.05.2016, 2/2360.

УДК 347.9

**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ***Д.А. ЛЕПНЁВА**(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассматриваются этапы возникновения и развития юридической ответственности медицинских работников и соответствующие нормативно правовые акты.

Из всех богатств и ресурсов, которыми дано владеть человеку, самыми ценными являются жизнь и здоровье. В реальной жизни эти ценности часто находятся в руках конкретного врача, медицинской сестры. И тогда наша жизнь зависит не только от уровня профессиональных знаний, но и от их добросовестности и правопорядка, что определяется уровнем правовой культуры, внутренней готовности соблюдать требования закона при оказании медицинской помощи пациенту.

Особая сложность врачебной профессии заключается, в первую очередь, в ее высочайшей ответственности перед обществом. Врачебное искусство требует постоянной готовности выполнить врачебный долг независимо от наличия или отсутствия желания, вдохновения или усталости.

Тема ответственности медицинских работников при осуществлении ими профессиональной деятельности становится все более актуальной, растёт число претензий к медучреждениям и медработникам, увеличивается количество уголовных дел в связи с неоказанием, ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Это связано не с ухудшением качества медицинской помощи, а с низкой правовой культурой медицинского сообщества, в том числе и руководителей медучреждений.

Особая связь медицины с правом и особая значимость и ценность содержится в взаимоотношениях пациентов и врачей, их правах, обязанностях, взаимных претензиях, проявляются в специфической медицинской проблеме, обозначаемой такими терминами, врачебная ошибка, несчастный случай, неблагоприятный исход.

Вред, нанесенный здоровью и жизни пациента в результате оказания медицинской помощи, осуждался обществом с древних времен. Первые законодательные нормы, регулирующие деятельность медицинских работников, появились уже в период расцвета первобытного общества, когда медицина выделилась в самостоятельную область человеческих знаний. В то время медицинские услуги сравнивались со сверхъестественной силой, связывали с богами. Именно в храмы шли больные за получением медицинской помощи, где монастырские работники занимались их лечением. При монастырях (храмах) образовывались своеобразные лечебные учреждения. Конфликты из-за качества лечения и его исхода, как правило, не возникали, т.к. исходы эти были «в руках господ бога».

Постепенно ответственность врачей выделяется в отдельные составы. В своде законов Вавилонского царя **Хаммурапи** указывается различная ответственность врача в зависимости от классовой принадлежности больного. Умысел, неосторожность, несовершенство знаний целителя не учитывалось. В частности – при нанесении вреда здоровью рабовладельцу, целителю отсекали руку, иногда его лишали жизни. При неудачном лечении раба врачеватель обязан был или возместить владельцу его стоимость или отдать другого раба [3].

В древнем Египте впервые вводятся стандарты оказания медицинской помощи. От врачей требовалось выполнять свою деятельность в соответствии с правилами, предписанными в «Священной книге». Если пункты этой «книги» соблюдались врачевателем, то он был свободен от ответственности даже в случаях смерти больного. Если же были отступления от указанных в этой «книги» правил, то врачеватель жестоко наказывался, вплоть до смертной казни [1, с. 3].

В Древней Греции целитель Гиппократ основал медицинскую школу на острове Кос. Врачеватели должны были давать клятву Гиппократа, в которой говорилось об обязанностях и ответственности врачевателя.

В Риме врачебная профессия была свободной, ею могли владеть все слои общества. Закон в Риме наказывал врача за грубые ошибки. Под понятием «врачебные ошибки» понималось: неопытность, неосторожность, неоказание медицинской помощи. Римское право допускало возможность смерти больного в силу тяжести заболевания. За умышленное убийство, за продажу ядов с целью отравления, за аборт и кастрацию врачи наказывались так же, как и всякий другой гражданин.

В эпоху раннего христианства появились суровые законы, карающие за неоказание помощи больному. Например, в **Палестине** за такое преступление в отношении людей свободного звания полагалась позорная казнь и конфискация имущества. Мера ответственности зависела от того, кому причинен вред. Разумеется, ответственность за повреждение здоровья раба была наименьшей.

Таким образом, можно сделать вывод, что в эпоху древнего мира уже существовали законы, предусматривающие ответственность врача. Их ответственность была довольно суровой, несмотря на уровень медицинских знаний. Также их ответственность дифференцировалась от ответственности обычного человека, так как законы имели нормы, в которых предусматривалась ответственность лекаря, вра-

чевателя и т.п. Наличие данных норм указывает на то, что уже в древнем мире общество столкнулось с проблемой наказания медицинского работника, и в связи с наличием реальных случаев, в которых имели место ошибки врачей, появились эти нормы. Однако, ответственность зачастую рассматривалась в категориях частного права и каралась по принципу талиона.

В период зарождения буржуазно-демократических преобразований, развития капитализма происходит формирование системы медицинского законодательства как самостоятельной отрасли права. В этот период началась подробная регламентация медицинской деятельности. При этом издающиеся законодательные акты (законы, указы, уставы, уложения) в области здравоохранения формировали отдельную отрасль права. Ответственность за профессиональные правонарушения рассматривалась как частные взаимоотношения, основанные, прежде всего, на коммерческих началах. Например, во **Франции** уже накануне буржуазной революции 1789 г. парижский парламент признал принцип «контракта» между врачом и больным. Врач не нес ответственности за свои ошибки и неумение, так как выбор его исходил от пациента. В других западных государствах ответственность врача за его профессиональные упущения также рассматривается с точки зрения частных отношений между ним и больным [2].

Появлялись все новые нормативные акты, такие как в **Уложении** Российской Империи о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.). В котором «делам врачей» посвящено Отделение седьмое в главе первой восьмого раздела: «О нарушении уставов врачей» Уложением устанавливались санкции за профессиональные преступления медицинских работников [2].

Например, ст. 870 «Когда медицинским начальством будет признано, что врач, оператор (хирург - автор), акушер или повивальная бабка, по незнанию своего искусства, делают явные, более или менее важные, в оном ошибки, то им воспрещается практика, доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельства в надлежащем знании своего дела. Если от неправильного лечения последует кому-либо смерть или важному здоровью вред, то виновный, буде он христианин, предастся церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства».

Со временем, при новом этапе развития общества, вошло обязательное вскрытие мертвых тел. Таким образом, создавались условия для научной разработки мер по предупреждению и правонарушений. Существовал и особый порядок расследования и экспертизы врачебных дел.

В XX века разгорелась дискуссия по вопросу об отношении к врачебным ошибкам. Медиками старого поколения поддерживалось мнение о том, что «вложить врачебную деятельность со всеми ее специфическими особенностями в юридические формы, общие для всех граждан, почти невозможно». Против такого взгляда резко отрицательно выступили юристы и часть медицинской общественности, которые подчеркивали равную со всеми гражданами правовую ответственность врачей. Результатом организованных дискуссий было единодушное осуждение предложения о создании специальных комиссий для решения вопросов о предании суду врачей в Европе.

В 1970–1980 годы стала складываться определенная практика расследования и судебно-медицинской экспертизы «врачебных» дел. Они не стали возбуждаться сразу после поступления сигнала о профессиональном правонарушении, а предварительно обязательно проводилась административная проверка, по результатам которой принималось решение о возбуждении уголовного дела или отказе от него.

Исходя из всего вышесказанного можно выделить следующие исторические этапы развития ответственности медицинских работников:

- 1) Отсутствие норм об ответственности медицинских работников в период первобытности и возникновения государственности.
- 2) Появление первых статей, норм об ответственности медицинских работников, но эти нормы носили частный характер. В период архаичных, античных и средневековых государств.
- 3) Законодательные акты (законы, указы, уставы, уложения) в области здравоохранения формировали отдельную отрасль права. Частный характер сохранялся. XVIII-XIX вв.
- 4) Усовершенствование законодательных актов, а также создание специальных комиссий для решения вопросов о предании суду врачей. XX век.
- 5) В новейшее время появляются специализированные законодательные акты, регулирующие деятельность медицинских работников и их ответственность за свои действия. Например, самый важный – «Закон о здравоохранении Республики Беларусь»

ЛИТЕРАТУРА

1. Галюкова, М.И. Профессиональные преступления медицинских работников: современное состояние проблемы / М. И. Галюкова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета, Экономика и право. – 2007. – № 2. – С. 3–4.
2. Замалева, С.В. Уголовная ответственность медицинских работников : история и современность / С. В. Замалева // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 85–87.
3. Черниловский, З.М. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / З.М. Черниловский. – М., 1984. – С. 14–25.

УДК 347.9

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****Д.А. ЛЕПНЁВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Проанализирован опыт зарубежных стран в сфере юридической ответственности медицинских работников. Также рассмотрены составы преступлений в частности в области охраны репродуктивного здоровья женщин.

Изучение норм права зарубежных государств, и сравнение их с белорусским уголовным законодательством позволит учесть опыт этих стран при совершенствовании действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь. Как показывает обзор зарубежного уголовного законодательства, кодифицированные уголовно-правовые акты многих стран СНГ, Балтии, Восточной и Западной Европы и Дальнего Востока, содержат предписания относительно ответственности за деяния, наносящие ущерб отношениям в сфере медицинской деятельности. При этом в ряде случаев позиции законодательной власти разных стран в вопросах криминализации некоторых видов посягательств оказались достаточно близкими. [2, с. 188].

В настоящее время отмечается быстрый темп развития медицины, рост ее технического оснащения. Это неизбежно влечет за собой необходимость создания правовой базы, которая регулировала бы медицинскую деятельность.

По-разному государства относятся к вопросу охраны репродуктивного здоровья женщин. Об этом свидетельствует законодательство Японии, Испании, Болгарии, России, США.

Доступность аборта на более поздних сроках снижает ответственность за репродуктивное поведение. Но все же вопрос не регламентирован достаточно, например, в отношении того, как быть с подростками, которые в некоторых ситуациях не могут даже понять, что они зачали ребенка. Население по-разному реагирует на действия врачей по проведению аборт. Запрещение аборт может создать угрозу роста других преступлений, например таких, как убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК Республики Беларусь).

Уголовное законодательство Японии содержит отдельную главу № 29 «Преступления, состоящие в совершении аборт». Так, ст. 214 УК Японии предусматривает ответственность за производство аборт лицом, занимающимся специальным видом деятельности, и причинение в результате этого смерти или телесных повреждений. Согласно диспозиции указанной нормы, уголовной ответственности подлежат врач, акушерка, фармацевт или торговец медикаментами, которые произвели аборт по желанию или с согласия беременной женщины.

Уголовный кодекс Испании предусматривает ответственность медицинских работников за незаконное производство аборт и повреждение плода (ст. 144 – 146, 157, 158 УК Испании). Статья 144 УК Испании гласит, что тот, кто произвел аборт без согласия женщины, наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от трех до десяти лет. По этой же статье предусматривается такое же наказание за производство аборт с согласия женщины, полученного путем насилия, угроз или обмана.

Тот, кто произвел аборт с согласия женщины, за исключением случаев, разрешенных законом, наказывается лишением свободы на срок от года до трех лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от года до шести лет (ч. 1 ст. 145 УК Испании).

По статье 146 УК Испании, тот, кто вследствие грубой неосторожности произвел аборт, наказывается арестом на срок от двенадцати до двадцати четырех выходных дней. Беременная женщина в этом случае не наказывается. В самостоятельный раздел выделена уголовная ответственность за нанесение повреждений плоду.

Причинение плоду повреждения или травмы, нанесших серьезный вред развитию плода или вызвавших у него серьезный физический или психический недостаток, наказывается лишением свободы на срок от года до четырех лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от двух до восьми лет.

Согласно законодательству Болгарии ст. 126 УК, кто с согласия беременной женщины умертвит ее плод вне лечебного заведения, определенного Министерством здравоохранения, или в нарушение установленных этим Министерством правил, наказывается лишением свободы до пяти лет. Если виновный,

не имея высшего медицинского образования, умертвил плод у двух или более женщин, наказание – лишение свободы до восьми лет. Если умерщвление плода совершено без согласия беременной, наказание – лишение свободы от трех до восьми лет. Если в последнем случае последовала смерть беременной, наказание – лишение свободы от пяти до двенадцати лет [1, с. 298].

Таким образом, подводя итог данной статьи можно сделать вывод о том, что законодательство Республики Беларусь схоже с законодательством зарубежных стран. Сравнительно-правовой анализ норм зарубежных норм, и выявление в них различий по сравнению с нашим законодательством, может способствовать развитию нашего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашова, А.И. Уголовный кодекс Республики Болгарии / А.И. Лукашова ; пер. с болгарского Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 298 с.;
2. Попова, В.С. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за разглашение врачебной тайны в законодательстве некоторых зарубежных государств / В.С. Попова // Вестник Удмуртского государственного университета, Экономика и право. – 2014. – С. 188–193.

УДК 34.096

**ПРАВА ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ****С.А. МЕНИЦКАЯ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Исследуются права и обязанности женщин в системе брачно-семейных отношений в Великом княжестве Литовском, процессы, связанные с женским населением Великого княжества Литовского. Проводится анализ возникновения и развития прав женщин для оценки их исторического уровня развития и применения в современных условиях.

Брачно-семейные отношения являются фундаментальным институтом общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. Институт брака уходит своими корнями в глубины истории. В ходе культурно-исторического развития изменялась не только форма семейно-брачных отношений, но и структура данных отношений. Многочисленные стороны семейно-брачных отношений регулировались обычным, церковным и светским писанным правом [1]. В законодательстве Великого княжества Литовского изначально закладывались некоторые идеи и тенденции брачно-семейных отношений, которые в последующем нашли свое отражение в нормах семейного права Республики Беларусь: Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.

Женщины в Великом княжестве Литовском обладали достаточно широкими правами, которые основывались на обычаях и законодательных актах-Статутах. Основное закрепление и развитие нормы брачно-семейного права получили в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Они описывали основные права и обязанности, включая те, что имели женщины в семье, рассматривали вопросы о положении женщин в обществе.

Систематизация права, на основе которой создавался Статут 1588г., делалась на новых принципах, свойственных для переходной эпохи от Средневековья к Новому времени и зарождения буржуазных отношений. В сравнении трех Статутов ВКЛ можно заметить некоторые изменения, касающиеся норм брачно-семейного права. Например, в определении возраста наступления совершеннолетия: если в нормах кодекса, составленного в 1529 году, у девушек возраст составлял пятнадцать лет [2, с.253], то к 1588 году он снижается до тринадцати [3, с. 207]. На развитие институтов брачно-семейного права влияли глубокие изменения в феодальном обществе: в духовной, идеологической и социально-экономической сферах в ВКЛ.

Девушки до замужества находились под опекой родителей. Родители либо лица, заменяющие их, были обязаны выдавать девушек замуж, выделяя $\frac{1}{4}$ часть имущества в качестве приданого (разд. V, ст. 3) [3, с.207]. Приданое являлось важным имущественным аспектом брака, дающий девушкам обеспечение и статус в новой семье. Оно целиком принадлежало женщине, и она могла подарить его любому лицу. То, что приданое вносилось в дом мужа, не означало, что он мог распоряжаться имуществом жены. Только по дарственным записям движимые и недвижимые вещи могли стать собственностью мужа. Самовольный захват имущества приводил к судебным жалобам.

Брак в то время представлял собой договор между двумя свободными людьми. В период перед самой свадьбой отношения сторон регулировались через змовный лист, то есть через соглашение между отцом невесты (или опекуном) и женихом о заключении брака. Стоит отметить, что нарушивший его наказывался штрафом в пользу не только потерпевшей стороны, но и князя.

В ВКЛ сохранялось такое явление, как невенчаный брак: играли свадьбу без венчания, невесте давали приданое - деньги либо недвижимость, а жених подписывал своеобразный выкуп невесты - вено, обеспечивающий права на личную и совместную собственность. Правом на приданое обладали все женщины ВКЛ, если они вступали в брак с согласия родителей и их избранником был человек, сословный статус которого был не ниже невесты [3, с. 208].

Светским законодательством закреплялись определенные условия действительного брака: отсутствие кровного родства до четвертого поколения включительно и иных родственников отношений до третьего поколения. Третий Статут закрепил еще одно условие подлинности брака – свободу от определенного положения. Таким положением, которое не могло допустить вступление в брак, являлся уже существующий брак. Закон предусмотрел, что за вступление во второй брак при известном существовании первого казнятся оба супруга, которые являются нарушителями (разд. V, ст. 22) [3, с. 206].

Главой семьи являлся мужчина, но на женщину также было возложено множество ролей. Нередко жена самостоятельно или совместно с мужем решала финансовые вопросы, заключала сделки, отстаивала свои права в суде. Важнейшей обязанностью женщины в семье можно считать воспитание детей. Большую роль женщины играли в судьбе дочерей, поскольку согласие матери на брак было настолько же обязательным, как и разрешение отца. Супруги обладали широкими правами в распоряжении имуще-

ством, которые давали им некую независимость в материальном отношении. Это гарантировало женщине определенную степень равенства в семье.

Институт развода в Великом княжестве Литовском имел множество особенностей и сильно отличался от практик разводов в соседних странах. Началом бракоразводных процессов могли послужить следующие причины:

- прелюбодеяние (разд. XIV, ст. 30);
- тяжелая болезнь мужа или жены, неспособность к продолжению рода;
- кровное родство (разд. V, ст. 20, 22); совершение тяжкого преступления мужем или женой;
- желание супругов стать монахами (разд. XI, ст. 5) [3, с. 207].

Следует отметить, что часто супруги избегали обращения в духовный суд за разводом. В таком случае практика была следующая: муж и жена выдавали друг другу «разводные листы» со своими печатями, потом представляли эти листы соответствующему княжескому уряду и развод считался совершенным [4, с. 708]. Так поступил дворянин Иван Богушевич Таруса, предоставив для записи в книги земские документы о разводе с женой. Поводом в данном случае послужили «немилость в малженстве» и жалобы жены на мужа. Он и его жена, Марина Кумпелевна, «вызволяют друг друга с малженства». Относительно материальной стороны вопроса, сообщают, что отдали друг другу положенное им имущество и не имеют материальных претензий. Отдельно оговаривается, что бывшие супруги вольны вступать в другие браки [5, с. 638]. Не всегда бракоразводный процесс протекал так гладко и заключался только в предоставлении «разводных листов». Были и случаи, когда этому предшествовали долгие судебные разбирательства.

Следует рассмотреть вопрос о положении женщины-вдовы, так как ее статус считался более престижным, нежели статус замужней женщины и тем более незамужней девушки. До замужества за девушку отвечали родители и опекуны, во время брака муж, после его смерти женщина получала возможность жить самостоятельно, становилась полноправной владелицей своего вена [4, с. 708]. Подобные выводы можно сделать даже из текста Статута Великого княжества Литовского от 1529 года. Как правило, когда женщина находилась замужем, при обращении ее в суд подчеркивалось, что она делает это вместе с мужем, даже если вопрос касался только ее. Вдовы же спокойно обращались в суд самостоятельно, и общество не видит в этом никаких нарушений установленного порядка [6, с. 153]. В обществе того времени подчеркивалось, что у женщин появляется больше возможностей для самостоятельных действий. Можно сделать вывод, что женщины даже оставшись без опеки вполне могли справляться со всеми возложенными на нее задачами.

Таким образом, женщины в Великом княжестве Литовском обладали целым рядом прав, обязанностей и обладали достаточной степенью свободы. Право владения собственностью, сохранение своего имущества, даже возможность подавать на мужа в суд за непристойную жизнь и поведение – все это было доступно замужней женщине в Великом княжестве Литовском. Нормы Статута 1588 г., которые регулировали статус женщин в Великом княжестве Литовском, расширяли объем прав и свобод женщин, а также существенно улучшали их правовое положение в обществе.

Можно отметить, что женщины имели довольно широкие права, однако они могли значительно ограничиваться в соответствии с нормами, относящимися к определенной сфере. Например, в сфере брачно-семейных отношений представительницам женского пола принадлежала гораздо большая роль, нежели в сфере гражданского и наследственного, которые, в свое время, могли ущемлять целый ряд прав женщин. На основании вышеописанного, можно составить картину положения женщины в социуме с точки зрения законодательства, а также выявить процессы, связанные с женским населением Великого княжества Литовского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные положения брачно-семейного права ВКЛ (XV – середина XVI вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sci-book.com/>. – Дата доступа: 10.05.2018.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.Л. Яблонскиса. – М. : Академия наук БССР, –1960. – 253 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – М. : Беларусь, 2005. – 207 с.
4. Архив Юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. – Киев : Университетск. типогр. 1909. – Ч. 8, Т. 3. Акты о брачном и семейном быте в Юго-западной Руси в XVI–XVII вв. XLIX. – 857 с.
5. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Том XVII. Акты Гродненского земского суда. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1890. – 638 с.
6. Пелипенко, Т.И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время / Т.И. Пелипенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2012. – Вып. 4. – С. 152–157.

УДК 34.096

ИНСТИТУТ РАЗВОДА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

С.А. МЕНИЦКАЯ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)

Исследуется правовое регулирование расторжения брака в Великом княжестве Литовском. Рассматриваются причины и специфические особенности разводов, основываясь на каноническом и светском праве в целях определения возможностей и прав женщин в рамках института развода.

На протяжении всей истории человечества изучение семьи, проблемы брачного права и семейного права были актуальными и являются актуальными до сих пор, поскольку семья выполняет особые, жизненно важные функции в обществе. Необходимо более подробно рассмотреть такой институт брачной семьи как развод. Как развод описывается в каноническом и светском праве. Более того, в изученном состоянии данный институт имел много особенностей и сильно отличалось от практики развода в соседних странах.

В XV-XVI веках была сформирована правовая система Великого княжества Литовского, которая действовала практически до середины XIX века. Следует отметить высокий уровень кодификации права, а именно Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. На развитие институтов брака и семейного права влияли глубокие изменения в духовной, идеологической и социально-экономической сферах в Великом княжестве Литовском в XVI веке. Следует также отметить тенденцию к регулированию брачных и семейных отношений - это стремление к детальному регулированию их правом.

Причины развода в Великом княжестве Литовском были почти такими же, что и в других европейских странах, как и в той же Англии. Однако не все хотели доносить до общественности неприятные факты, а вместо измены суду называли другие причины, например, кражу драгоценностей у дамы, потому что за ней стояла семья, которая не желала дискредитировать свою фамилию. Брак мог быть прекращен, если мужчины и женщины были в достаточно в близких родственных связях – троюродные брат и сестра, но до свадьбы об этом не знали.

Исследователи отмечают следующие поводы для начала бракоразводных процессов в духовных судах:

- Прелюбодеяние
- Невозможность совместной супружеской жизни
- Ситуация, когда муж или жена признаются пропавшими без вести, с высокой вероятностью их смерти
- Желание супругов стать монахами
- Несогласие жить в браке с представителем другой конфессии [1, с. 45].

Типичной формой расторжения брака был развод по соглашению сторон. Его можно было получить, подав заявление, например, в ратушу, которое регистрировалось в специальной книге. Таким был развод, оформленный в 1557 году городским судом в Гродно в отношении шляхтича Ивана Таруса и его жены Марины. Представ перед судом, они засвидетельствовали, что взаимно освободились от брачных уз, а условия между собой укрепили залогом. Тот из супругов, который бы в будущем стал предьявлять права на другого супруга, должен согласно с этим заплатить определен залогу в пользу монарха. Это типичное соглашение о расторжении брака, содержащее формулу отказа от права на возвращение состояния супружеской жизни, подкрепленную залогом.

В 1585 году могилевский мещанин Андрей Акулинич с женой Марией просили записать в могилевские городские книги, что так же, как они добровольно заключили между собой брак, так сейчас во время голода, не имея средств к жизни, добровольно его расторгают. И это не один подобный договор, внесенный в регистрационные книги города Могилева в первой половине XVII века. Такова была городская практика [2].

Интересным является тот факт, что записей о разводе в Актах, издаваемых Виленской Археографической комиссией, гораздо меньше, нежели в Актах Юго-Западной Руси. Трудно сказать, чем это обусловлено. Возможно, что практики развода в самой Литве и ее южных землях были различны, но все вероятнее, что материалы просто оказались утеряны. Вообще, почти все имеющиеся материалы о разводе поданы добровольно обоими супругами и называют причиной развода расплывчатое «несогласие в семейной жизни» [3, с. 413].

В Статуте 1588 года во втором разделе идет речь о жене изменника государства как о вдове, а о детях как о сиротах, следовательно, можно сделать вывод, что и государственная измена была основной для расторжения брака, однако это не являлось причиной развода.

Необходимо также обратить внимание на регулирование института развода со стороны светского законодательства, в частности Статутами Великого княжества Литовского. Таким образом, Статут 1588 года в первый раз регулировал брачно-семейные отношения при разводе, в то время как в предыдущем Статуте только упоминал про развод как форму прекращения брака [4, с. 34].

Тот факт, что подданные литовских земель были не до конца определены, что для них брак – таинство или договор, видно и из того, в какую инстанцию они идут оформлять развод. Существовала система церковного и светского права, поэтому разводы регулировались в двух судах. За развод брали деньги – как светские, так и духовные суды. Согласно второму Статуту 1566 года, сам процесс происходит в духовном суде, он разрешает или не разрешает развод и определяет, кто его виновник. Если духовный суд решил, что брак может быть прекращен, супруги отправлялись в светский суд. Он занимался имущественными вопросами. Представители духовенства разбирали дело, устанавливали вину того или иного супруга и принимали решение о расторжении брака. Если в разводе виноват муж — он теряет собственность, записанную в вено жене, естественно в ее пользу. Если жена, то она теряет приданое. Если нет вины не одного из супругов, то приданое остается жене, а вено мужу [5, с. 142].

Стоит отметить, что при невенчанном браке детей могли лишиться наследства, если на этом настаивали родственники. Не редкостью были ситуации, когда официально не разводились: например, жена собрала вещи и уехала. А если в ее собственности находилась усадьба, то она могла там и жить отдельно от мужа [6].

Во время развода супруги отдельно оговаривали, что в будущем они обязуются не создавать проблем друг с другом. Гарантом данного условия выступало не только вполне ожидаемое наказание в случае обращения в суд, но и княжеская власть. Именно в ее пользу провинившаяся сторона должна была оплатить неустойку за несоблюдение условий развода.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в регулировании брачных и семейных отношений в XV-XVI вв. существуют различные проблемы. Обратив внимание на институт развода и изучения его, стало ясно, что на некоторых позициях при изучении брака и семейных отношений, можно прийти к различным мнениям, а также исследование указывает на недостаточное изучение этих проблем в литературе. В наше время этот институт не только утратил свое значение, но и укрепил свои позиции в браке и семейных отношениях, что увеличивает интерес к изучению этого института.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы:

- В Великом княжестве Литовском в течение рассматриваемого периода существовал институт развода.
- Брак был не только церковным таинством, но, прежде всего, гражданским договором. Поэтому можно было прекратить его по обоюдному желанию супругов, не прибегая к обоснованным причинам.
- Инициатором такого процесса может стать женщина на равных с мужчиной.
- Разведенная женщина или решившая освободиться от брака не встречала осуждения со стороны общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзержина, Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Ренесансу / Г. Дзержина. – Менск : Тэхналогія, 1977. – 73 с.
2. Народные традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litvin.pl/statii/narod/mozhno-li-bylo-razvestis-v-srednie-veka-v-velikom-knyazhestve-litovskom-i-v-evrope/>. – Дата доступа: 26.09.2018.
3. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1890. – Т. XVII. Акты Гродненского земского суда. – 638 с.
4. Андрыюліс, В.І. Правое регуляванне сямейных адносін па Літовскаму Статуту 1588 года : аўтореф. дис. ... канд. юрід. нав. / В.І. Андрыюліс. – Вільнюс, 1975. – 34 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – М. : Беларусь, 2005. – 207 с.
6. Любовь, браки и разводы в вкл: Если родственники не спешили выдавать девушку замуж, она могла подать в суд. Великое княжество Литовское. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wiki.ru/sites/velikoe_knyazhestvo_litovskoe/id-news-495371.html/. – Дата доступа: 26.09.2018.

УДК 342.5

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**М.А. АКАЧЁНОК***(Представлено: А.С. НУЖДИНА)*

В настоящее время все большую актуальность приобретает проблема эффективности государственного управления. На данный момент ученые не нашли компромисс в области понимания того, что такое эффективность государственного управления и каким образом можно ее оценить.

Понятие «эффективность» происходит от латинского слова "efficiencies", что означает действительный, созидательный [1]. В историческом развитии слово «эффективность» стало приобретать более широкий смысл, чем оно обладало ранее. Понятие эффективности рассматривают в связи с определенными факторами: 1) основываясь на концепции лидерства; 2) в соответствии с концепцией профессионализма; 3) учитывая экологические факторы; 4) подход, основанный на концепции управления качеством [2].

Концепция лидерства заключается в том, что ее представители связывают понятие эффективности с личными качествами руководителя, с индивидуальными характеристиками, с определенным стилем управления, мотивацией и профессиональным развитием.

Концепция профессионализма предполагает зависимость эффективности от профессиональных навыков должностных лиц в органах государственного управления.

Экологический подход, в рамках которого подчеркивается, что результаты деятельности бюрократии зависят от характера внешней среды (экологии организации) и способности органов государственной власти управлять изменениями и инновациями с целью адаптации к этим изменениям [2].

Подход, основанный на концепции управления качеством заключается в том, основное внимание акцентируется на создании в органах государственной власти системы постоянного совершенствования процессов и государственных услуг; вовлечении в эту деятельность государственных служащих, максимально используя их творческий потенциал и организуя их групповую работу. Управление качеством основано на взаимосвязи потенциала органов государственной власти и результатов деятельности при постоянном соотношении со стратегическими целями и вовлечении служащих в процессы качества, их обучения, увеличении их компетентности и мотивации [2].

Применительно к системе государственного управления эффективность (в широком смысле) следует рассматривать как комплексную характеристику потенциальных и реальных результатов функционирования системы, с учетом степени соответствия полученных результатов целям и задачам ее развития [1].

В связи с тем, что перед государством стоят различные задачи, которые связаны с управлением внутри страны, с проведением эффективной внутренней политики и внешней политики, выделяют следующие виды эффективности:

1. Социальная
2. Экономическая
3. Внешнеэкономическая
4. Экологическая

Социальная эффективность определяет уровень проводимой социальной политики государства, роль государства в решении социальных проблем. На государственном уровне социальная эффективность представлена социальной политикой, проводимой государством, которая, в свою очередь, во многом определяет как социальную сферу, так и экономическую. При хорошо развитой социальной сфере будет высоким уровень жизни в стране и, вследствие этого, экономический сектор так же будет развиваться [3].

Экономическая эффективность отражает качество проводимой государством экономической политики, эффективность различных процессов и др.

Внешнеэкономическая эффективность характеризует внешнюю политику государства, его деятельность в различных международных организациях и др.

Экологическая эффективность связана с использованием окружающей среды, реализацией природоохранных мер [1]. Так же она включает в себя различные способы и средства по обеспечению экологической безопасности.

В современном обществе с демократическим политическим устройством и рыночной экономикой государство выполняет, разумеется, множество функций и обязанностей, которые весьма сложно оценить с формализованных позиций эффективности. Очевидно, что, например, функция обеспечения духовного и физического здоровья населения, развития образования, защиты семьи, материнства и детства,

воспитания подрастающего поколения, стимулирования развития науки и национальной культуры с трудом подводятся под показатели экономической и даже социальной эффективности [4].

Подводя итог, и говоря об эффективности государственного управления в целом, стоит отметить, что до сих пор эта тема является дискуссионной, потому что разные ученые понимают эффективность по-разному и предлагают свои способы оценки. Некоторые авторы в качестве основы оценки эффективности государственного управления используют экономическую и внешнеэкономическую эффективность. Другие экологическую и социальную эффективность, и именно поэтому показатели будут разные. На наш взгляд, для того, чтобы более объективно оценить эффективность государственного управления необходимо учитывать и принимать во внимание все виды эффективности в комплексе, а не по отдельности каждую из них. Такой подход позволяет полно и всесторонне оценить государственное управление как самостоятельный вид деятельности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конспект лекций по теме «Эффективность государственного управления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/4118/1/Тема%2013%20Эффективность%20госуправления.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2018.
2. Эффективность государственного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uhlib.ru/yurisprudencija/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie_konspekt_lekcii/p9.php. – Дата доступа: 24.03.2018.
3. Социальная эффективность и её показатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simpleeconomic.ru/silems-353-1.html>. – Дата доступа: 24.03.2018.
4. Эффективность государственного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nicbar.ru/politology/study/49-kurs-gosudarstvennaya-politika-i-upravlenie/502-lektsiya-12-effektivnost-gosudarstvennogo-upravleniya>. – Дата доступа: 28.03.2018.

УДК 342.5

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****М.А. АКАЧЁНОК***(Представлено А.С. НУЖДИНА)*

За последние годы, в связи с кризисными проявлениями в мировой экономике, проблемы эффективности государственного управления в первом ряду тех, которые находятся в центре внимания современной науки и практики. В наше время разработано множество критериев и оценок, однако до сих пор существует проблема достоверности и точности определения качества государственного управления.

В нашей статье оценка эффективности государственного управления будет проведена в соответствии с исследованием The Worldwide Governance Indicators. Система была разработана Всемирным Банком, к которому Республика Беларусь присоединилась в 1992 году. Создатели системы рассчитывали на то, что она будет объективно отражать уровень эффективности деятельности государственных органов, учитывая различные факторы из более чем 30 источников исследования. Оно проводится с 1996 года и отражает эффективность государственного управления в шести основных областях: 1) Учёт мнения населения и подотчётность государственных органов; 2) Политическая стабильность; 3) Эффективность работы правительства; 4) Качество законодательства; 5) Верховенство закона; 6) Сдерживание коррупции. Эффективность по этим критериям рассчитывается в численном промежутке от одного до ста, где сто – максимальная оценка критерия. В исследовании используются несколько различных источников данных: исследование домашних хозяйств и фирм, государственные организации, социологические опросы неправительственные организации и коммерческая информация [1].

Рассмотрим все критерии касательно Республики Беларусь. Для изучения мы возьмем временной промежуток 20 лет, т.к. за последние несколько лет существенных изменений по данным критериям не произошло. Это говорит о наличии определенной положительной динамики в области государственного управления.

Первый критерий – политическая стабильность. В данной области изучается возможность политической дестабилизации, способность государственной власти придерживаться определенного политического курса. В соответствии с исследованием WGI, на протяжении 20 лет в Республике Беларусь наблюдается стабильный показатель по данному критерию – 50 пунктов из 100. Это определенно играет положительную роль, т.к. результат показывает, что в стране функционирует достаточно стабильная политическая система на протяжении последних 20 лет, что также отражается на восприятии государственных органов населением и в целом на управлении государством.

Следующий критерий – учёт мнения населения и подотчётность государственных органов. В данной области изучают способность граждан участвовать в политической жизни общества, изучается степень свободы слова, свободы объединений и других свобод. Другими словами, этот индекс оценивает политическую систему и место гражданских и политических свобод в ней [2]. В 1996 году по данному показателю было зафиксировано 24 пункта из 100. В 2016 году, количество пунктов по данному критерию составило 10 пунктов. В данной области, очевидно, существует ряд проблем, которые необходимо решать, что и является задачей органов государственного управления.

Если говорить об эффективности работы правительства – это третий критерий оценки эффективности исследования WGI, то с его помощью мы можем оценить качество оказания государственных услуг, эффективность внешней политики, компетентность государственных служащих, степень независимости государственных органов. Оценка работы правительства в целом в Беларуси на 1996 составляла 46 пунктов из 100. В 2016 году показатель составил 36 пунктов. Можно сказать, что данный показатель отражает качество государственного управления в Беларуси в целом, включая почти все критерии, которые предусматривает данная система.

Некоторые критерии, такие как качество законодательства и верховенство права не претерпели существенных изменений. Говоря о качестве законодательства, мы можем оценить качество национального законодательства в таких категориях, как доступность языка НПА, точность формулировок, предотвращение коллизий и пробелов и др. Верховенство права включает показатели, измеряющие степень уверенности различных субъектов в установленных законодательных нормах, а также соблюдения ими этих норм, уровень преступности и отношение граждан к преступлению, эффективность работы милиции, судов и так далее [3]. Эти критерии очень схожи между собой и в целом оцениваются ниже среднего, что дает возможность констатировать наличие существенных недостатков в этих областях.

Заключительный показатель – контроль коррупции. Деятельность государства по сдерживанию коррупции является одним из основных критериев оценки эффективности деятельности государственных органов в целом. Критерий изучает распространённость использования государственной власти в личных целях, наличие коррупции в органах власти, также отношение граждан к коррупции в государстве. На 1996 год показатель составлял 42 пункта. Затем в 2016 году он составил 48 пунктов. В государстве проводится политика по сдерживанию коррупции, которая реализуется в Конституции Республики Беларусь, в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» и в других нормативных правовых актах Республики Беларусь.

Для того чтобы государственная власть качественно и эффективно выполняла свои функции, необходимо совершенствование самой системы государственных органов, т.к. мы живем в современном мире, который постоянно меняется и развивается.

В первую очередь важную роль в повышении эффективности государственного управления играет повышение компетентности и профессиональный опыт государственных служащих. Становление государственного служащего как профессионала своего в своем деле требует не мало времени. Профессиональный опыт приобретается в течении нескольких лет. Именно поэтому в Республике Беларусь для того, чтобы занимать определенные должности на государственной службе необходимо иметь уже определённый опыт работы в данной сфере на более низких должностях. Если говорить о повышении компетентности государственных служащих, то здесь можно выделить три основных фактора: получение специального образования в высших (средне – специальных) учебных заведениях, самообразование и образование через повышение квалификации.

Очевидно, что для того, чтобы обладать минимальным набором компетенций, будущий профессионал в своей сфере должен закончить специальное учреждение, которое будет его готовить для исполнения будущих обязанностей. Но на этом процесс образования не заканчивается.

Главным фактором мы считаем самообразование. Самообразование – это процесс приобретения знаний самостоятельно. Процесс самообразования основывается на желании самого человека приобретать дополнительные компетенции, а также получать новые знания в течении всей жизни.

Последний фактор – повышение квалификации. Повышение квалификации заключается в освоении государственными служащими образовательных программ, с помощью которых они приобретают все больше компетенций, которые нужны в нашем современном мире. Оно проходит регулярно, один раз в несколько лет.

Важным аспектом также является совершенствование самой системы подготовки кадров. Необходимо оптимизировать государственные образовательные программы по подготовке квалифицированных специалистов. В целом, говоря о государственной образовательной политике, в том числе и в области государственного управления, нужно сказать, что в Республике Беларуси реализуется процесс “Образования через всю жизнь”. Это подчеркивает изменчивость современного мира и необходимость постоянного развития человеческого потенциала.

Повышению эффективности также может способствовать работа государственных органов непосредственно с населением. Государственные служащие и представители различных государственных органов и учреждений могут положительно влиять на правовое развитие и воспитание граждан, путем проведения различных бесед, конференций, встреч и т.д. На наш взгляд, данные формы работы способствуют формированию активно – сознательного правомерного поведения граждан и помогут предотвратить определенные правонарушения и казусные ситуации, и как следствием этого будет являться повышение эффективности деятельности государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Worldwide Governance Indicators [Electronic resource]. – Mode of access: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>. – Date of access: 28.03.2018.
2. Всемирный банк о некачественном качестве государственного управления в беларуси: кейс в пользу необходимости полноценной реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liberalclub.biz/analytics/politics/memorable-notes/vsemirnyy-bank-o-nekachestvennom-kachestve-gosudarstvennogo-upravleniya-v-belarusi-keys-v-polzu-neobhodimosti-polnocennoy-reformy>. – Дата доступа: 28.03.2018.
3. Качество государственного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>. – Дата доступа: 31.03.2018.

УДК 342

**ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ,
ЕГО ПРИНЦИПЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ****А.В. РОМАНЕНКО***(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)*

Избирательное право является одним из главных прав граждан, механизмом регулирования политической жизни страны, а также способом определения дальнейшей политической культуры общества. Именно поэтому гражданам важно знать не только общие и основные положения, которые касаются данного права, но и его особенности. Также необходимо выявить проблемы, которые существуют в сфере избирательного права, и определить способы их разрешения.

Само понятие «избирательное право» в законодательстве Республики Беларусь не установлено, однако оно было определено доктринально. Существует множество вариаций определения данного понятия. Однако все они схожи между собой. Так, например, было определено, что избирательное право понимается в двух смыслах: в объективном и субъективном. В объективном смысле – это «система правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с выборами представительных органов власти и должностных лиц в государстве» [1]. В субъективном смысле – это «гарантированное государством право граждан участвовать в выборах представительных органов государственной власти и местного самоуправления и должностных лиц в государстве» [1].

Избирательное право в нашей стране может быть прямым и косвенным. В качестве прямого избирательного права представлено право граждан избирать Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты Представителей, депутатов местных Советов депутатов [2]. Косвенное избирательное право представлено избранием членов Совета Республики на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и депутатов Минского городского Совета депутатов [2]. В данной статье будет подробно рассмотрено избирательное право граждан, следовательно, прямое избирательное право.

Основополагающим источником избирательного права в нашей стране является Конституция Республики Беларусь. Она обладает высшей юридической силой по отношению к иным актам законодательства [3]. Что касается конкретно избирательного права, то Конституция регулирует данный вид отношений в нескольких аспектах. Например, закрепляет принцип народовластия, что означает принятие участия граждан в политической жизни страны как непосредственно, так и через выборные органы [4].

Более подробно основные положения Конституции Республики Беларусь в сфере избирательного права были урегулированы в Избирательном Кодексе Республики Беларусь. В данном нормативно-правовом акте определяются основные понятия, принципы избирательного права, правила проведения выборов, референдумов и иные положения, регулирующие избирательное право в нашей стране [1]. Избирательный Кодекс Республики Беларусь является кодифицированным нормативно-правовым актом, который включил в себя как все основные положения избирательных отношений, так и особенности реализации их и гарантии.

Что касается иных актов законодательства, регулирующих избирательное право, то к ним относятся различные указы и декреты Президента Республики Беларусь, решения Конституционного Суда, решения местных исполнительных и распорядительных органов по созданию избирательных комиссий и иные [1]. Данные нормативно-правовые акты являются уточняющими по отдельным вопросам избирательных отношений и обладают наименьшей юридической силой по отношению к Конституции Республики Беларусь и Избирательного Кодекса Республики Беларусь [3].

Принципы избирательного права – это основополагающие нормы, которые являются фундаментом и основой для правового регулирования избирательных правоотношений и нормотворческого процесса в этой сфере [2]. Принципы избирательного права законодательно закреплены в нормативно-правовых актах различных стран, в том числе в Конституциях этих стран. Республика Беларусь не является исключением. В ст. 38 Конституции Республики Беларусь, про которую говорилось ранее, закреплены принципы избирательного права нашей страны. А конкретно:

- 1) Свободные выборы;
- 2) Всеобщие выборы;
- 3) Равные выборы;
- 4) Прямые или косвенные выборы;
- 5) Тайное голосование [4].

Принципы избирательного права были раскрыты в Конституции Республики Беларусь и в Избирательном Кодексе Республики Беларусь, где данным принципам выделена глава 2 «Основные принципы избирательной системы, проведения референдума». Следует рассмотреть каждый принцип в отдельности.

Как известно, Республика Беларусь является демократическим государством (ст. 1 Конституции Республики Беларусь) [4]. Одним из признаков демократии как политического режима является свобода выборов, где граждане сам, без давления, принимают решение на выборах [5]. Сущность принципа свободных выборов определена в ст. 65 Конституции Республики Беларусь, где сказано, что «избиратель лично решает, участвовать ли ему в выборах и за кого голосовать» [4]. Также данная формулировка принципа свободных выборов была применена в ст. 5 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. Стоит отметить, что из данного принципа следует, что никто не может оказать воздействие на гражданина Республики Беларусь для принуждения его к участию на выборах и высказывания своей политической воли [1].

Следующий принцип – принцип всеобщности выборов. Он отражён в ст. 64 Конституции Республики Беларусь и в ст. 4 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. В данном принципе предполагается, что избирательным правом наделены не все, то есть существуют некоторые ограничения. К таким ограничениям относится, в первую очередь, возраст: право избирать имеют граждане, достигшие 18 лет [4]. Также в выборах не могут принимать участие лица:

- 1) признанные судом недееспособными;
- 2) содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы;
- 3) в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей.

В остальном говорится, что пресечение по иному признаку, не предусмотренному законодательством, не допустимо [4].

Принцип равных выборов закреплён в ст. 66 Конституции Республики Беларусь и в ст. 6 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. Там сказано, что «избиратели участвуют в выборах на равных основаниях» [4]. То есть они не имеют перед друг другом никаких преимуществ, включаются в списки один раз и могут проголосовать только один раз. Данный принцип не может полностью реализовываться только потому, что невозможно создать округа с одинаковым количеством избирателей, хотя в большинстве случаев стараются сделать округа максимально равными [1].

При прямые и косвенные выборы говорилось ранее. Прямое избирательное право закреплено в ст. 67 Конституции Республики Беларусь и в ст. 7 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. Косвенное избирательное право закреплено в ст. 8 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. В одном случае граждане избирают лиц на определённые должности, в другом граждане избирают выборщиком, которые, в свою очередь, избирают депутатов и иных должностных лиц [1].

Принцип тайного голосования нашёл своё отражение в ст. 68 Конституции Республики Беларусь и в ст. 9 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. Он означает, что «контроль за волеизъявлением избирателей в ходе голосования запрещается» [4]. В процессе голосования на бюллетене не помечается, кто проголосовал, также голосование происходит в специальной кабине или в определённом месте, где недопустимо присутствие посторонних лиц.

Подводя итог анализированного материала, стоит отметить, что принципы избирательного права закреплены на законодательном уровне, даётся конкретное их определение, отмечаются некоторые ограничения и особенности реализации. Это означает, что законодательством избирательное право урегулировано и избирательная система имеет чёткую определённость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфер, С.А. Избирательное право Республики Беларусь : пособие для студентов вузов / С.А. Альфер. – Минск : Тесей, 2010. – 344 с.
2. Избирательный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г., № 370-3 : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 июня 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О нормативно-правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-3 : в ред. от 2 июля 2009 г. № 31-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2005. – 64 с
5. Скаун, О.Ф. Теория государства и права : учеб. пособие / О.Ф. Скаун. – Харьков, 2000. – 704 с.

УДК 342

**ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ****А.В. РОМАНЕНКО***(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)*

Избирательное право является одним из главных политических прав граждан, механизмом регулирования политической жизни страны, а также способом определения дальнейшей политической культуры общества. В данной сфере важно не только законодательное регулирование, но и реализация отдельных принципов избирательного права. Рассмотрена реализация одного из принципов, а именно принципа «свободных выборов».

Само понятие «избирательное право» в законодательстве Республики Беларусь не установлено, однако оно было определено доктринально. Существует множество вариаций определения данного понятия. Однако все они схожи между собой. Так, например, было определено, что избирательное право понимается в двух смыслах: в объективном и субъективном. В объективном смысле – это «система правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с выборами представительных органов власти и должностных лиц в государстве» [1]. В субъективном смысле – это «гарантированное государством право граждан участвовать в выборах представительных органов государственной власти и местного самоуправления и должностных лиц в государстве» [1].

Принципы избирательного права – это основополагающие нормы, которые являются фундаментом и основой для правового регулирования избирательных правоотношений и нормотворческого процесса в этой сфере [1]. Принципы избирательного права законодательно закреплены в нормативно-правовых актах различных стран, в том числе в Конституциях этих стран. Республика Беларусь не является исключением. В ст. 38 Конституции Республики Беларусь, про которую говорилось ранее, закреплены принципы избирательного права нашей страны. А конкретно:

- 1) Свободные выборы;
- 2) Всеобщие выборы;
- 3) Равные выборы;
- 4) Прямые или косвенные выборы;
- 5) Тайное голосование [2].

Как известно, Республика Беларусь является демократическим государством (ст. 1 Конституции Республики Беларусь) [2]. Одним из признаков демократии как политического режима является свобода выборов, где граждане сам, без давления, принимают решение на выборах [3]. Сущность принципа свободных выборов определена в ст. 65 Конституции Республики Беларусь, где сказано, что «избиратель лично решает, участвовать ли ему в выборах и за кого голосовать» [2]. Также данная формулировка принципа свободных выборов была применена в ст. 5 Избирательного Кодекса Республики Беларусь. Стоит отметить, что из данного принципа следует, что никто не может оказать воздействие на гражданина Республики Беларусь для принуждения его к участию на выборах и высказывания своей политической воли [4].

Принцип «свободы выборов» в нашей стране на практике реализовывается, но с некоторыми особенностями. Имеется в виду, что граждане сами решают, участвовать им в выборах или нет. Так же, законодательством не предусмотрены санкции за неявку на выборы. Исходя из этого выявляется, что избирательное право на законодательном уровне представлено конкретно в качестве права. Однако, большое значение следует уделить реализации данного права, а конкретно практике применения избирательного законодательства. Известно, что некоторые организации, учреждения и иные структуры обязывают своих работников принимать участие в выборах вплоть до занесения выговора в личное дело за неявку. Как видим, здесь уже присутствует санкция за уклонение от участия в выборах, хотя она не предусмотрена законодательством.

Стоит разобраться, в следствии чего принимаются такие меры. Одной из причин (наиболее важной для государства) считается возможность признания выборов несостоявшимися, в следствии чего необходимо провести повторные выборы. Как известно, финансирование выборов осуществляется за счёт средств республиканского бюджета, согласно ст.48 Избирательного кодекса Республики Беларусь [4]. Следует предположить, что часто несостоявшиеся выборы будут плохо сказываться на бюджете государства, так как будут производиться большие затраты на повторные выборы.

Республика Беларусь является демократическим государством. Для полного признания государства демократическим гражданам следует пользоваться своим избирательным правом, как одним из спо-

собов реализации своих политических прав. Если они не будут ими пользоваться, то возникнут вопросы с правильностью позиции о том, что государство является демократическим.

Из предыдущего пункта вытекает очередная проблема, а конкретно выборность органов государственной власти. При игнорировании гражданами своего избирательного права следует то, что никто не будет в итоге избираться и не будет понятна дальнейшая судьба свободной вакансии на должность, которая должна быть занята человеком, которого выбрал народ.

Немаловажным пунктом в определении особенностей реализации законодательства в сфере избирательного права являются итоговые отчёты Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ). 11 сентября 2016 года Бюро по демократическим институтам и правам человека (далее – БДИПЧ) ОБСЕ опубликовало итоговый отчёт по выборам в Беларуси. В данном документе показаны некоторые, интересующие нас проблемы, а также выданы рекомендации. Среди данных проблем имеет место быть следующие: голосование и подсчёт голосов были омрачены значительным количеством нарушений и отсутствием прозрачности, замечено, что агитация проводилась с давлением на общество. Одними из рекомендаций являются: пересмотреть существующее законодательство, чтобы обеспечить свободное волеизъявление избирателей, результаты выборов должны публиковаться с подсчётом голосов «против всех» и числом испорченных бюллетеней. Одним из важных пунктов рекомендаций является то, что нельзя допускать давление на сотрудников при агитации, а также то, что «избиратели должны свободно пользоваться своим правом без страха угнетения и унижения» [5].

Таким образом мы видим, что в нашей стране существуют некоторые проблемы с реализацией принципа свободных выборов. В связи с опубликованием итогового отчёта БДИПЧ ОБСЕ стоит прислушаться к рекомендациям, которые там даны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфер, С.А. Избирательное право Республики Беларусь : пособие для студентов вузов / С.А. Альфер. – Минск : Тесей, 2010. – 344 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2005. – 64 с
3. Скакун, О.Ф. Теория государства и права : учеб. пособие / О.Ф. Скакун. – Харьков, 2000. – 704 с.
4. Избирательный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г., № 370-3 : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 июня 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Итоговый отчёт Миссии по наблюдению за выборами БДИПЧ/ОБСЕ [Электронный ресурс] : Парламентские выборы 11 сент. 2016 г. : Республика Беларусь // Бюро по демократическим институтам и правам человека. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/290006?download=true>. – Дата доступа: 11.05.2018.

УДК 34.09(476) «14118»

**ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА
В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ В XIV–XVIII вв.****Е.М. СМОЛЯНИН***(Представлено: д-р юрид. наук, проф. Д.М. ДЕМИЧЕВ)*

Рассматриваются отличительные черты магдебургского права, как права на самоуправление. Выделяются особенности городского права. Раскрываются предпосылки появления института местного самоуправления.

Появление термина «городское право» как специфической отрасли средневекового права связано с возникновением самих городов. Как отмечает А. Л. Рогачевский, «в ходе борьбы с феодалами, начало которой относится ещё к XI в., города постепенно освобождаются от феодальных повинностей, а их жители объявлялись лично свободными». Города, в зависимости от политических, экономических или военных условий, становились либо центрами вновь создаваемых государств, либо центрами княжеств, которые в свою очередь являлись административными единицами государств. В городах формировались основные государственно-политические институты, развивается искусство, образование, наука, идет интенсивный процесс развития ремесла и торговли. Вполне логично, что на определенном этапе формирования и развития городской общины встал вопрос о правовом оформлении и новом статусе городов в политической и экономической жизни государства, о закреплении особого положения жителей этих городов по сравнению с другими жителями страны. Так появилось городское право, которое регулировало отношения горожан между собой и с жителями других местностей, а также определяло порядок организации и деятельности городских органов власти, что в итоге позволяет говорить о чрезвычайно важной роли данной группы норм в жизни города. Речь шла об определённой автономии города от центральной власти [6].

В период с XIII по XIV века практически вся территория современной Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского. Государство смотрело на распространение магдебургского права, как на средство колонизации, а потому охотно выдавало городам привелеи такого рода. Однако особенности социально-экономического и политико-правового строя городов на территории современной Беларуси сыграли свою роль в установлении неклассического магдебургского права [7].

Действие городского (магдебургского) права на белорусских землях имело свои особенности. Городское самоуправление вводилось в ВКЛ не просто правительством. Глава государства был высшей инстанцией в этом процессе и либо удовлетворял, либо нет просьбу жителей города о «даровании» права на самоуправление. А потребность в этом праве возникла только тогда, когда новые экономические отношения в городах не могли найти себе эффективную систему законодательства.

Таким образом, магдебургское право содействовало дальнейшему развитию экономических отношений в городах и их законодательному закреплению.

Единого образца текста привелеев на самоуправление не было. Однако можно выделить основные положения, которые в той или иной степени встречаются во всех актах: создание системы органов управления и суда по магдебургскому праву; предоставление торговых льгот жителям городов; развитие ремесленного производства [5].

Известный немецкий историк права Карл Крешель выделяет 4 особенности средневекового городского права. Первой отличительной особенностью городского права, с точки зрения Карла Крешеля, является индивидуальная свобода городских жителей и их свободное право на недвижимое имущество. Второй отличительной особенностью городского права, по мнению Карла Крешеля, являются письменные фиксации городского права в так называемых привелеях, его дарующих. К третьей отличительной особенности городского права можно отнести семьи городского права. И, наконец, четвертая отличительная черта городского права – это Конституция или основной закон города. В частности, речь идет о формировании, начиная с XIII в., городского Совета [3].

Магдебургские города освобождались из-под государственной юрисдикции воевод и старост, в них приостанавливалось действие «права русского и литовского», создавались самостоятельные, избираемые горожанами органы управления – рада или магистрат, оформляются его атрибуты – печать и герб. Печать свидетельствует о самостоятельности поселения как юридического лица, ею заверялись издаваемые правовые акты самоуправления и договоры. Герб олицетворял независимость территориального сообщества, обладающего особыми правами [8, с. 19].

С получением привелея на магдебургское право город освобождался от многих повинностей, а горожане получали право на свободную торговлю, на земельные владения вокруг города для выпаса скота,

для охоты и рыбной ловли и др. Вместо многочисленных существовавших ранее натуральных повинностей горожане (мещане) платили только денежный налог определенного размера. Жители могли заниматься ремеслом, земледелием, торговлей. Имели право выбирать городские органы управления — магистрат, заседавший в ратуше; создавать ремесленные профессиональные объединения — цехи. Введение магдебургского права способствовало развитию торговли, так как для мещан вводились льготы в виде освобождения от торговых пошлин на всей территории Великого княжества Литовского. Это способствовало в первую очередь росту экономического могущества государства [4]. Они освобождались от суда и власти великокняжеских чиновников, что в значительной мере укрепляло неприкосновенность имущества и свободу экономической деятельности горожан. Города с магдебургским правом могли до 4 раз в год проводить ярмарки, на которых приезжие купцы должны были продавать товар только оптом, от чего город имел определённую выгоду. Великий князь был заинтересован в переходе городов на самоуправление и укреплении их экономического положения: чем богаче был город, тем стабильнее поступали налоги в казну. Кроме того, жители городов с магдебургским правом за предоставленные им гражданские права возлагали на себя дополнительные обязанности, в частности, ремонтировать и обновлять за свой счет оборонительные сооружения, что также было выгодно государству [2, с. 16, 47].

Грамоты на магдебургское право предусматривали ограничение власти местных государственных органов и создание в городе собственных органов управления и самоуправления, относительно самостоятельную организацию и регулирование ремесленной и торговой деятельности, а также закрепляли право горожан на свой собственный городской суд и др. В этих городах вводилась особая форма городского управления, подобная в некоторых чертах к форме управления в городах Германии и Польши, которые имели магдебургское право. В соответствии с грамотами городское население освобождалось от административной и судебной власти местной администрации — воевод, старост и их заместителей, а в городе создавались собственные органы управления (городской магистрат), во главе которых стояли войт и городской совет. С приданием магдебургского права город получал и право на свой собственный герб [1, с. 51–54].

Таким образом, особенностями магдебургского права являлись: 1. предоставление индивидуальной свободы горожанам в различных сферах деятельности; 2. право горожан на формирование органов государственного управления; 3. избирательность в применении магдебургского права; 4. построение системы органов самоуправления. Эти особенности способствовали быстрейшему распространению магдебургского права на белорусских землях, а также развитию городов.

Магдебургское право не было простой формой заимствования, т. к. до его появления на территории белорусских земель уже существовало местное самоуправление. Необходимо констатировать, что магдебургское право применялось совместно с нормами местного права, дополняя и корректируя их, а также заполняя пробелы в законодательстве. Появление и распространение магдебургского права стало своеобразным этапом в дальнейшем развитии белорусских городов, что не могло сказаться на развитии всего государства в целом.

Введение магдебургского права на территории белорусских земель способствовало социально-экономическому, политическому и правовому развитию городов.

С применением магдебургского права на белорусских землях местное самоуправление вступило на новый этап своего развития. Действие норм магдебургского права на белорусских землях явилось своеобразным этапом в применении зарубежного законодательства на практике. Влияние городского права на местное самоуправление проявилось в том, что произошли изменения в политической, социальной, экономической и законодательной сферах жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. — 2-е выд. — Мінск : Амалфея, 2008. — 400 с.
2. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси : пособие для студентов высш. учеб. заведений / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. — Минск : Тесей, 2004. — 320 с.
3. Келлер, О.Б. Из истории городского права, правовых семей и сборников средневековой Германии [Электронный ресурс] / О.Б. Келлер // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2015. — № 1 (88). — С. 24–30. — Режим доступа: <http://repo.gsu.by>. — Дата доступа: 31.01.2017.
4. Келлер, О.Б. Разновидности немецкого средневекового права на белорусских землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой [Электронный ресурс] / О.Б. Келлер // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. вып. 9 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2014. — С. 176–186. — Режим доступа: www.elib.bsu.by. — Дата доступа: 19.01.2017.

5. Мисаревич, Н.В. Магдебургское право как один из этапов становления института местного управления и самоуправления на белорусских землях [Электронный ресурс] / Н.В. Мисаревич // Теория и практика современной юридической науки: тезисы научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей, 26 апреля 2013 г. – Ростов н/Д : ДЮИ, 2013. – С. 51–53. – Режим доступа: <http://www.elib.grsu.by>. – Дата доступа: 11.01.2017.
6. Мисаревич, Н.В. Магдебургское право как разновидность городского права [Электронный ресурс] / Н.В. Мисаревич // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.]. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – 552 с. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 11.01.2017.
7. Орловская, Е.И. Магдебургское право в городах Беларуси и Украины [Электронный ресурс] / Е.И. Орловская // Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 90-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 19 – 20 окт. 2015 г. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск ; Юридический факультет БГУ, 2015. – С. 249–251. – Деп. в Белорусском государственном университете 07.12.2015 г., № 005707122015. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 12.01.2017.
8. Сидорчук, В.К. Организация местного самоуправления / В.К. Сидорчук. – Минск : ООО «Амалфея», 2002. – 271 с.

УДК 34.09(476) «14118»

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В XIV–XVIII вв.

Е.М. СМОЛЯНИН

(Представлено: д-р юрид. наук, проф. Д.М. ДЕМИЧЕВ)

Рассматривается роль немецкого городского права в экономической, социальной, политической и правовой жизни общества. Исследуется система городского самоуправления. Раскрываются права городов, имевших магдебургское право. Проводится анализ городского законодательства.

История белорусских городов свидетельствует о существовании в XIV – XVII вв. высокоорганизованной системы самоуправления.

Авторы констатировали важную роль магдебургского права в экономической и социально-политической жизни городов. В соответствии с ним сложилась система городского самоуправления. А. П. Грицкевич, З. Ю. Копыцкий убедительно показали, что магдебургский строй не создавал препятствий развитию городов и что его введение обусловлено объективными причинами.

С. Ф. Сокол, характеризуя правовой статус городского населения на территории ВКЛ (XVI – XVII вв.), обращает внимание на то, что правовое положение мещан зависело, среди прочих причин, и от наличия в городе магдебургского права.

В работах И. М. Кузнецова, В. А. Шелкопляса, А. Ф. Вишневого, И. А. Сороковика, И. А. Юхо освещаются вопросы истории возникновения и развития государства и права на территории Беларуси, в том числе дается краткая характеристика периода, когда в городах Беларуси вводилась особая форма управления на основе магдебургского права (XV – XVI вв.) [11].

С введением в городе магдебургского права власть переходила в руки административного и судебного органа городского самоуправления – магистрата [8, с. 7], который состоял из рады и лавы (суда) и находился в специальном здании – ратуши [3, с. 95-97]. Должностные лица магистрата (бурмистр, радцы (советники), лавники) избирались населением города и один раз в год отчитывались перед ним о «проделанной работе» [9].

В Ратуше проходили заседания лавы и рады, здесь работали должностные лица самоуправления, хранился привелей на магдебургское право, печать. Здесь решались все главные вопросы жизнедеятельности города или местечка [6, с. 9-10].

К сфере ведения магистрата относились только вопросы местного значения: благоустройство города, поддержание правопорядка в городе, контроль за соблюдением правил торговли (установление единых цен на хлеб, единых мер продажи зерна на рынках), принятие решений о сборе с населения средств на городские нужды [9], контроль за правильностью мер и весом на рынках, защита интересов городских торговцев и ремесленников, которые были объединены в цехи – своеобразные средневековые профессиональные союзы [7, с. 70]. Коллегиям магистрата были присущи и судебные функции. Бурмистр с радцами рассматривал «справы поточные», т.е. текущие дела (административные и гражданские) [9].

Ежегодные выборы магистрата и новых членов в состав «магистратских особ» в городах на территории Беларуси проходили по-разному.

В частновладельческих городах магистрат действовал под непосредственным контролем, а то и по прямым указаниям владельца города или его администрации. Владелец города утверждал избрание в члены магистрата. Он же назначал и войта, который возглавлял магистрат [2].

Во главе магистрата стоял войт, которого назначал Великий князь литовский из числа крупных феодалов или богатых мещан. Помошник войта назывался ленвойтом [3, с. 95-97]. Кроме них при магистрате действовали другие должностные лица – писарь, полицаи, шафары [6, с. 9-10].

Кроме того, отдельные города восточной Беларуси были наделены институтом войта без представления грамоты на магдебургское право. Это означало, что в таких городах практически полностью сохранялась существующая система власти и правила городского управления, при этом войт становился лишь одним из ее элементов, что свидетельствует о терпимости в Великом княжестве Литовском к местным правовым обычаям.

Беларусь стала одной из первых территорий, на которой ленвойты (заместители войта) приносили присягу и были подконтрольны не войту, а мещанам [12].

Городской войт ведал вопросами общего управления, делами города, следил за поддержанием порядка в городе, сбором средств в государственную казну и на общегородские нужды, совершал правосудие [5, с. 51-54].

Горожане ежегодно на общем собрании выбирали членов рады – радцев. Радцы вместе с войтом выбирали на год двух бурмистров, что совместно с войтом управляли горожанами.

Рада выступала в качестве городского правительства, которое определяло общее направление развития городского хозяйства, наблюдало за торговлей, организовывало выборы и отчет органов самоуправления, заведывало городским имуществом, устанавливало нормы и правила внутригородской жизни. В ведении рады находились арсеналы и укрепления на случай военной опасности [3, с. 95-97].

Бурмистры занимались решением текущих дел городского управления, заботились о городских оборонительных сооружениях, несении караульной службы населением и выполнением других повинностей, осуществляли правосудие по менее важным делам [5, с. 51-54].

Магдебургское право предусматривало существование в городе двух судов – бургомистерско-радцевского и войтовско-лавнитского.

Наивысшей апелляционной инстанцией по вопросам бургомистерско-радцевского и войтовско-лавнитского суда являлся великокняжеский суд. Существовал также каптуровый суд, который действовал во время междуцарствия [3, с. 95-97].

Особым авторитетом пользовался Магдебургский суд, который выступал высшей судебной инстанцией и толкователем права городов, живших по магдебургскому праву, за советами к нему обращались также жители городов, управляющихся по праву других групп (например, Любекскому), и даже различные феодалы, как светские, так и духовные [10].

Среди местных судебных органов власти, распространявшейся на города на территории Беларуси, наиболее древним был замковый («гродский») суд, заседания которого проходили в замке. Гродский суд был общесословным. На нем рассматривались дела по обвинению как шляхты, так и простых людей (мещан и крестьян). В его компетенцию на белорусских землях входили некоторые административные функции и нотариальные действия. Все они фиксировались в актовых книгах, которые велись в гродском суде [2].

Наряду с указанными органами продолжали сохранять значение в решении городских дел общие собрания горожан – древние сеймы, вече, копы, однако их статус и значение значительно изменились. На этих собраниях подготавливались жалобы и челобитные правительству, рассматривались вопросы расходования городских денег, могли подавать отчеты бурмистры, выносились постановления о сборе средств на городские нужды, высказывались требования о лишении должностей тех или иных чиновников городского управления.

Особым социальным и политическим явлением в Великом княжестве Литовском стали юридики – административно отделенные части территории городов, находившихся под властью и юрисдикцией какого-либо землевладельца или церковного учреждения. Юридики были исключением из магдебургской системы городского управления. Они создавались на части той городской территории, которая была в собственности конкретного феодала-землевладельца или церкви. На жителей юридики не распространялась административная и судебная власть городских органов управления. Юридики не платили налогов, которые шли в бюджет города, и полностью зависели от своего владельца, поэтому горожане и городская администрация были часто недовольны юридиками и подавали жалобы великому князю [5, с. 51–54].

Изучение нормативных правовых актов Речи Посполитой свидетельствует о том, что права и функции органов самоуправления в городах на территории Беларуси не во всем совпадали с нормами «классического» магдебургского права. Так, в частности, население белорусских городов не приняло предписаний магдебургского права, связанных с передачей должности лавника по наследству. В городах на территории белорусских земель действовал принцип избрания лавников радой с одобрения их затем городским собранием [2].

Приобретение белорусскими городами магдебургского права явилось вершиной оформления мещан в отдельное сословие, поскольку создавалось для этого необходимая юридическая основа. Недаром подобное право временами фигурирует в письменных источниках как «городское». Вместе с тем для многих городов оно выступает не как существующая реальность, а как идеал, реализация которого была делом более или менее отдаленной перспективы и зависела от воли владельца. Тем не менее процесс формирования мещанского сословия затронул и эти городские поселения, которые руководствовались непосредственно администрацией господина или феодала [4, с. 359].

Введение магдебургского права в белорусских городах способствовало созданию новых органов управления. Был установлен как административный, так и судебный порядок защиты прав горожан. Применение наряду с магдебургским правом норм местного обычного права привело к тому, что порядок избрания органов управления в городах был разным.

С получением привелея на магдебургское право города становились самостоятельными автономными юридическими единицами, а мещане получали определенные льготы и права на создание органов самоуправления.

После того как города стали получать магдебургское право система самоуправления существенно изменилась. Сложилась новая форма местного самоуправления, значительно отличающаяся от предыду-

щей. Власть в городах в основном концентрировалась в «руках» местных жителей, что способствовало развитию ремесла, торговли, переселению населения из деревень в города и т.д. Привелеи на магдебургское право выдавались Великим князем, который также был заинтересован в развитии городов.

В первые месяцы 1791 г. сеймом были приняты важные документы, имевшие буржуазный характер.

Прежде чем новый закон о городах был принят, города, лишённые магдебургского права в 1776 г., опять получили его по постановлению Четырёхлетнего сейма в 1791 г. Право на самоуправление также было дано некоторым городским поселениям, которые не имели его раньше.

Но для жителей белорусских городов и местечек первоочередное значение имел закон, принятый сеймом 17 апреля 1791 г. под заглавием «Города наши Королевские свободные в государствах Речи Посполитой», в соответствии с которым в королевских городах, имевших ранее выданные им привелеи на магдебургское право, самоуправление восстанавливалось.

Закон о городах распространялся только на королевские города, которые были признаны «свободными». Закон 1791 г. о городах предполагал создать единое устройство королевских городов Речи Посполитой. Ранее каждый город управлялся в соответствии с собственным статусом. Частновладельческие города могли также попадать под действие закона 1791 г., но только по желанию их владельцев. Городское право стало обязательным для всех жителей, как для горожан, так и для шляхты, жившей в городах.

Анализ городского законодательства 1791 г. позволяет утверждать, что в случае его реализации на практике, мещане Речи Посполитой получили бы право личной неприкосновенности, которым пользовалась белорусско-литовская шляхта по Статуту 1588 г.

По городскому закону 1791 г. мещане белорусских городов получили бы право приобретать земельные владения, занимать духовные и светские должности, замещать нижние административные и судебные должности во всех органах власти и суда, а также получали доступ в адвокатуру. Мещанам позволялось приобретать поместья, населённые зависимыми крестьянами. Мещанам открывался доступ к офицерским званиям во все рода войск, кроме шляхетской кавалерии. Те мещане, которые дослужились в армии до звания штабс-капитана, капитана или ротмистра, становились со своими наследниками шляхтичами. Мещанам разрешалось занимать должности в государственных учреждениях и судах, а дослужившиеся до звания начальника канцелярии также получали шляхетское звание.

Горожане больших городов на территории Беларуси, в которых по закону 1791 г. создавались апелляционные суды, могли избирать своих представителей в сейм, где они имели бы совещательный голос, в комиссии финансов, в комиссии полиции и в ассессорском суде, если бы не произошли разделы Речи Посполитой.

Однако постановления закона 1791 г. практически не были реализованы на практике, так как в 1792 г. была организована Тарговицкая конфедерация, а в 1793 г. Гродненский сейм ликвидировал действие Конституции 1791 г., в том числе и закон «О городах» [1].

Следует сказать, что положение городского населения улучшилось в связи с принятием закона «О городах». В соответствии с которым, горожане приобретали права в различных сферах жизни общества, в том числе и магдебургское право. Однако постановления закона 1791 года практически не были реализованы на практике.

Городское законодательство усилило власть старост в городах, что явилось следствием ухудшения правового положения населения и частичной ликвидацией самоуправления на основе магдебургского права.

Следовательно, в процессе развития законодательства Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, произошло ослабление роли и влияния магдебургского права на территории белорусских земель, что и повлекло за собой ограничение правового положения горожан.

Таким образом, институт местного самоуправления прошёл долгий путь развития, зародившись ещё в древности и на территории белорусских земель в XIV – XVIII вв. он претерпел существенные изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атрушкевич, М.М. Реализация городского законодательства Речи Посполитой на территории Беларуси в 90-е годы XVIII в. [Электронный ресурс] / М.М. Атрушкевич // Проблемные вопросы теории и истории белорусской государственности : материалы круглого стола. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 19.01.2017.
2. Атрушкевич, М.М. Реализация законодательства о городах Речи Посполитой на территории белорусских земель во второй половине XVIII века [Электронный ресурс] / М.М. Атрушкевич // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей / Научные труды Республиканского института высшей школы; Вып. 15, ч. 1. – Минск, 2015. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 31.01.2017.

3. Гісторыя Беларусі. Ад старажытных часоў па 2010 г. : вучеб. дапам. / Я.К. Новік, І.А. Коласоў, Н.Я. Новік; пад рэд. Я.К. Новіка. – 3-е выд., папр. – Мінск : Выш. шк., 2011. – 512 с.
4. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.] ; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. ред) [і інш.]. – Мінск : Эко-перспектива, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. – 688 с.
5. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – 2-е выд. – Мінск : Амалфея, 2008. – 400 с.
6. Гісторыя мясцовага самакіравання на Беларусі : тэксты лекцый. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 55 с.
7. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862 – 1918): Падзеі: Даты. Ілюстрацыі. – 3-е выд. – Вільня : Наша Будучыня, 2002. – 223 с.
8. Місарэвіч, Н.В. Магдэбургскае права на Беларусі / Н.В. Місарэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 107 с.
9. Мисаревич, Н.В. Магдебургское право как один из этапов становления института местного управления и самоуправления на белорусских землях [Электронный ресурс] / Н.В. Мисаревич // Теория и практика современной юридической науки : тезисы науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей, 26 апреля 2013 г. – Ростов н/Д : ДЮИ, 2013. – С. 51–53. – Режим доступа: <http://www.elib.grsu.by>. – Дата доступа: 11.01.2017.
10. Мисаревич, Н.В. Магдебургское право как разновидность городского права [Электронный ресурс] / Н.В. Мисаревич // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.]. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – 552 с. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 11.01.2017.
11. Мисаревич, Н.В. Социальные и экономические аспекты распространения магдебургского права на белорусских землях [Электронный ресурс] / Н.В. Мисаревич // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5 (92). – С. 93–98. – Режим доступа: <http://repo.gsu.by>. – Дата доступа: 31.01.2017.
12. Орловская, Е.И. Магдебургское право в городах Беларуси и Украины [Электронный ресурс] / Е.И. Орловская // Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 90-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 19–20 окт. 2015 г. / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск ; Юридический факультет БГУ, 2015. – С. 249–251. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 12.01.2017.

УДК 341

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ**А.В. ЛОГВИНОВА***(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)*

Эвтаназия – процесс прекращения жизни неизлечимого, тяжелобольного человека, который испытывает непереносимые страдания, связанные с болезнью и её последствиями, исходя из просьбы данного лица, либо его родственников, в случае если лицо недееспособно. Данный процесс предполагает собой медикаментозный уход из жизни. Пациент сам принимает смертельный препарат, либо же получает специальную инъекцию. Однако, несмотря на внешнюю простоту и логичность данного определения, эвтаназия имеет множество спорных вопросов, начиная от возможности существования данного явления и заканчивая способом её проведения, на которые до сих пор нет единообразных, общепринятых ответов.

Актуальность данной статьи заключается в том, что проблему эвтаназии с уверенностью можно назвать одной из самых спорных и нерешённых вопросов, как древности, так и современности. Проблематика такого явления как эвтаназия охватывает как медицинский аспект, ведь процедура напрямую связана с медицинскими манипуляциями, так и религиозно-этический, философский и юридический. Научно-технический процесс нашего времени, да и просто неумолимый бег времени довольно быстро придают эвтаназии совершенно другое звучание, и, если можно сказать, важность. Поэтому представляется целесообразно уделять ранее упомянутой тематике должное, необходимое внимание.

В мире накоплен значительный опыт нормативного регулирования ответственности за эвтаназию. Бесспорное значение в этой связи имеет всестороннее изучение, научная проработка и объективная оценка опыта функционирования зарубежных правовых систем. Неоднозначная юридическая оценка этого явления в законодательстве ряда зарубежных стран в основе своей обусловлена полярностью восприятия эвтаназии общественностью с медицинской и нравственно-этической точки зрения, а также особенностями национальных, религиозных, духовных традиций и исторического опыта. Проблема осмысления применения эвтаназии имеет двойное значение: «за» и «против».

Аргументы в пользу эвтаназии весьма разнообразны, но при ближайшем изучении оказываются не столь многочисленными. Скорее всего, каждый новый выдвигаемый аргумент является лишь вариацией на тему уже имеющихся в арсенале защитников эвтаназии рассуждений. Эти рассуждения можно обозначить следующим образом: сострадание по отношению к тем, кто неизлечимо болен и испытывает при этом страдания; забота о человеческом достоинстве, которое ассоциируется со свободой выбора; экономические соображения. Это наиболее краткий и одновременно содержательный перечень аргументов в пользу эвтаназии, но именно к этим трем пунктам можно свести полемику сторонников легализации эвтаназии.

Противники эвтаназии считают, что закон об эвтаназии не нужен, так как необходимо улучшить квалифицированную медицинскую помощь, повысить профессиональную подготовку медицинского персонала, оснастить медицинским оборудованием клиники и больницы. И именно это позволит снизить случаи применения эвтаназии. Желание человека уйти из жизни не всегда бывает добровольным и обдуманным. Пациенты, которые находятся в постоянном болевом шоке и испытывают страх, не могут адекватно и правильно отдавать отчет своим действиям. А это значит, что законодатель должен свести до минимума случаи непродуманных и поспешных решений. Законодательное закрепление права на смерть дает врачу право вершить суд над жизнью больного, то есть исполнять своеобразный приговор легкой смерти. Противоречивые взгляды на эвтаназию с медицинской и морально-этической точек зрения породили и противоречивую юридическую оценку этого явления [3].

К тому же медицина, как и весь научно-технический прогресс не стоит на месте и уже давно известен альтернативный метод под названием паллиативная медицина, который развивается. Под паллиативной медициной понимаются особый вид медицинской помощи для пациентов, страдающими неизлечимыми прогрессирующими заболеваниями, целью которой является поддержание максимально высокого уровня жизни по возможности. Официальным источником, сообщением, в котором содержатся данные о необходимой документации для оказания помощи, самих способах оказания помощи, является Белая книга Европейской ассоциации паллиативной помощи — основной документ, на положениях которого основана паллиативная медицина многих стран. Лечение с помощью паллиативной медицины характеризуется огромным уважением с точки зрения человеческого достоинства и самосознания. Тяжелобольные и умирающие люди не остаются одни, а получают чуткую (эмфатическую) поддержку, и их лечат компетентные специалисты. Таким образом, паллиативная медицина представляет собой хорошую

альтернативу для активной помощи умирающим. Если говорить конкретно о Республике Беларусь, то данный вид медицинской помощи имеет базу правового регулирования - Приказ Минздрава от 10.11.2011 №1092 «Об организации оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению Республики Беларусь», «О состоянии паллиативной медицинской помощи взрослому населению Республики Беларусь и перспективах ее развития» - Решение лечебно-контрольного совета № 10.2 от 21.11.2012 г. [4]. Также Постановление Министерства Здравоохранения от 24 декабря 2014 г. № 107 «О некоторых вопросах организации оказания медико-социальной и паллиативной медицинской помощи» [5].

Представляется, что ни один человек не вправе решать, когда ему нужно самовольно уходить из жизни, даже по показаниям врачей, которые могут утверждать, что данное лицо неизлечимо, ведь не стоит не учитывать такой фактор, как врачебная ошибка. Если на законодательном уровне разрешить людям вершить как свои, так и чужие судьбы, то появится злоупотребление этим правом, ситуации, когда родственники под предлогом невыносимых мучений своего близкого человека, просто удовлетворят свои меркантильные интересы, например, вступят в наследство, или же просто избавятся от надоевшей всем обузы.

Смоделируем такую ситуацию, что эвтаназия всё же узаконена. Для решения и рассмотрения отдельных ситуаций с каждым человеком в индивидуальном порядке, который бы хотел прибегнуть к такой серьезной мере, была создана комиссия из высококвалифицированных врачей, сотрудников внутренних дел, нотариусов. Также по мере надобности могут привлекаться и другие специалисты из различных отраслей человеческой деятельности, и жизни, которые, какжется, смогли бы с точки зрения каждого специалиста гуманно, а главное законно решить данную ситуацию. У эвтаназии есть ряд недостатков, которые ставят под сомнение её целесообразность, так как даже при наличии такой серьезной комиссии, невозможно предугадать всех сложностей, с которыми она столкнется в ходе работы по таким специфическими делами. Ведь в реалиях современного общества уже вошли в обыденность такие негативные явления как мошенничество, взятки и многое другое.

Так как жизнь человека является наивысшей ценностью, не следует её разделять на жизнь обычного здорового человека и на жизнь тяжелобольных. Считаю, что необходимо развивать именно паллиативную медицину, повышать уровень грамотности медработников, которые осуществляют, либо помогают осуществлять медицинский уход за тяжелобольными людьми, создавать больше фондов, которые бы осуществляли хотя бы частичное финансирование семей с тяжелобольными, закупку медикаментов.

На наш взгляд, крайне сложно придерживаться какой-то единой позиции относительно такого своеобразного прекращения жизни. Необходимо учитывать все факторы, начиная с истории болезни и заканчивая тесным знакомством с жизненным укладом больного, возможно его материальным положением. Соответственно, считаем целесообразным рассмотреть тему эвтаназии с различных точек зрения, максимально охватывая все человеческие сферы жизни, а также обратиться к опыту зарубежных стран по данному вопросу и проанализировать возникновение, становление и развитие эвтаназии как социально-правового явления в истории учений о праве и государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эвтаназия как форма реализации права на смерть: общетеоретический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/evtanaziya-kak-forma-realizatsii-prava-na-smert-obshcheteoreticheskiy-aspekt>. – Дата доступа: 04.09.2018.
2. Эвтаназия право на жизнь и право на смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/91kxXnKHdIs.html>. – Дата доступа: 04.09.2018.
3. Проблема эвтаназии с позиции «за» и «против» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studopedia.info/4-51852.html>. – Дата доступа: 04.09.2018.
4. Паллиативная помощь онкологическим больным: типы, методы и особенности оказания услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/guide/palliativnaja-pomoshch.html>. – Дата доступа: 04.09.2018.
5. О некоторых вопросах организации оказания медико-социальной и паллиативной медицинской помощи [Электронный ресурс] : постановление Мин-ва Здравоохранения, 24 дек. 2014., № 107 // Эталон – Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 341

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭВТАНАЗИИ
В МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ****А.В. ЛОГВИНОВА***(Представлено: ст. преп. А.В. ВАЛЕВКО)*

Понятие эвтаназии известно с глубокой древности. Однако оно имеет мало общего с тем, что мы понимаем под данным понятием сегодня. Некоторые первобытные племена имели обычай, согласно которому старики, ставшие обузой для семейства, выбирали смерть, уходя из племени. Самостоятельный уход из жизни поощрялся в Спарте, Древней Греции, допускался в Древнем Риме. В настоящее время под эвтаназией понимается помощь в прекращении жизни безнадежно, тяжелобольного человека из сострадания.

Эволюция данного права по своей направленности практически противоположна эволюции права на жизнь, которому удалось проделать долгий путь к абсолютному признанию и безусловному закреплению во всем мире. В то время, когда право на жизнь провозглашалось в международных актах и конституциях различных государств, право на смерть было оттеснено «в тень», утратив признание и закрепление.

Возникновение, становление и развитие эвтаназии как социально-правового явления в истории учений о праве и государстве включают три этапа. Первый вобрал в себя политико-правовые учения Древнего мира, когда эвтаназия рассматривалась как благо и неизбежность в определенных случаях. В научной мысли доминировало воззрение о том, что жизнь человека принадлежит обществу. А поскольку человек – не самоценность, то он не может свободно распоряжаться собой. Личной свободы в её экзистенциальном смысле античность не знала. Обезличивание индивида, отношение к человеку как бесправной части целого обуславливало и отношение к эвтаназии как к акту, не приносящему вреда обществу. Господствовала эра «предписываемого» самоубийства.

Второй этап связан с развитием политико-правовой мысли в средневековье, в котором господство христианского религиозного мировоззрения привело к отрицательному отношению к идеям эвтаназии большинства мыслителей. С укоренением христианства отношение к добровольной смерти начало претерпевать кардинальные изменения – от нетерпимого и осуждаемого церковью до отражения ее противоположности в общегражданских установлениях. Христианство, воспринявшее от иудаизма представление о жизни человека как божьем даре, с самого начала выступило против самоубийства, не исключая и вызванного страданиями. Страдания были переосмыслены как то, что человек должен принимать достойно, с мужеством. Перед лицом боли и смерти ранние христиане следовали завету Христа: «Не Моя воля, но Твоя да будет». Блаженный Августин дегероизировал и осудил самоубийство, даже перед лицом нестерпимой боли, как проявление трусости, отвратительной и презренной слабости [3]. Фома Аквинский в свою очередь очень резко высказывался по данному вопросу. Он считал его противоречащим естественному закону, благополучию общества, христианской традиции, нарушающим суверенное право Бога распоряжаться человеческой жизнью. Эта позиция бескомпромиссного отвержения самоубийства и эвтаназии никем не оспаривалась вплоть до времён Возрождения и даже Просвещения [3].

Третий начинается в период Нового времени, продолжается в Новейшее время и связан с нарастанием плюрализма мнений в отношении эвтаназии, появлением новой аргументации в пользу ее легализации. В Новое время начинает набирать силу и утверждаться идея о том, что жизнь человека – это личный выбор каждого. Происходит не только освобождение мышления от давления религиозных догм, но и формируется новое представление о самой природе человека. Великие мыслители этого времени, такие как М. Монтень, Д. Юм, Д. Бэкон, Т. Гоббс, А. Шопенгауэр, отстаивали идею о том, что право на добровольную смерть является таким же естественным, как и право на жизнь, на собственность и т.д. В Новейшее время большое влияние на развитие западной философской мысли стали оказывать такие философы, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю и др. Положено начало правовому осмыслению проблем эвтаназии, направленному на совершенствование правового регулирования. Основные составляющие идей этого этапа сводятся к тому, что эвтаназия, с одной стороны, не приносит вреда обществу, более того, ее криминализация, порождаемая латентным характером, нарушает конституционное право граждан на распоряжение собственной жизнью. С другой стороны – убийство, какими бы побуждениями оно ни было продиктовано остается убийством, и лицо, его совершившее, должно нести уголовную ответственность за содеянное. Любые действия, направленные на прекращение другой жизни, должны расцениваться как противоправные и уголовно-наказуемые. Таким образом, можно сделать вывод исходя из вышесказанного: для Древнего Мира эвтаназия – допустимое явление; Средневековье характеризуется

непринятием эвтаназии вследствие господства религиозных взглядов; в Новое время эвтаназия - это, скорее, личный выбор каждого [2].

Говоря о нормативных правовых актах, содержащих нормы об эвтаназии, не следует забывать о существовании ряда международных и отечественных этических норм об эвтаназии, содержащихся в источниках медицинского права.

Так, некоторые аспекты эвтаназии были вынесены на рассмотрение Всемирной медицинской ассоциации в Нью-Йорке в 1969 году, вследствие чего она была осуждена "при любых обстоятельствах". Позднее же, в Лиссабоне 2 октября 1981 г., в Декларации о правах больного Всемирная медицинская ассоциация признала право на достойную смерть и право больного на отказ от лечения – Право на человеческое достоинство: в) пациент имеет право на гуманный уход в случае неизлечимой болезни и предоставления возможностей для достойного и наименее безболезненного ухода из жизни [7].

Важность проблемы эвтаназии привела к принятию Всемирной медицинской ассоциацией на ассамблее в Италии в октябре 1983 года Венецианской декларации о терминальном состоянии, которая прямо обязывает врача осуществлять пассивную, в том числе принудительную (на основе волеизъявления родственников), эвтаназию: "Врач не продлевает мучения умирающего больного, в том числе связанные с неизлечимой болезнью и уродством, прекращая по его просьбе, а если больной без сознания - по просьбе его родственников, лечение, способное лишь отсрочить наступление неизбежного конца" [8]. В 1987 году в Мадриде на 39-й Всемирной медицинской ассамблее была принята "Декларация относительно эвтаназии". Вот ее полный текст: "Эвтаназия, то есть акт преднамеренного прерывания жизни пациента, даже сделанная по просьбе самого пациента или по просьбе его близких родственников, является неэтичной. Это не освобождает врача от принятия во внимание желания пациента, чтобы естественные процессы умирания шли своим ходом в заключительной стадии заболевания" [9].

Такая же позиция отражена в проекте Кодекса медицинской деонтологии российского врача, основой которого послужил Кодекс медицинской деонтологии врачей Франции [5]. В ст. 38 Кодекса медицинской деонтологии российского врача говорится, что: "Врач должен сопровождать умирающего больного до последнего момента, выполнять необходимое лечение и обеспечить лечением и необходимыми мерами качество жизни пациента, которые должны быть на высоте уважения достоинства больного и комфорта его окружения. Нельзя провоцировать наступление смерти. Запрещена эвтаназия в любой форме" [6]. Однако названные Кодексы являются не более чем этическими нормами, поскольку предусмотрены этическими документами ВМА, не относящимися к разряду нормативных правовых актов. Как показало проведенное исследование, нормы действующего национального законодательства, а также международно-правовые нормы, как правило, содержат запрет на осуществление эвтаназии, в первую очередь ее активных форм. Подобные запреты содержатся и в международных медицинских документах, которые имеют этический характер. Однако в некоторых государствах существует тенденция к легализации эвтаназии, закреплению ее в праве. В связи с этим, возникает вопрос, насколько существование таких правовых норм согласуется с правом человека на жизнь [3].

В Беларуси эвтаназия запрещена на законодательном уровне. Согласно статье 31 Закона «О здравоохранении», эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещено. Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь [4].

Таким образом в заключение можно сказать, что в древности в разных обществах и государствах юридические обычаи допускали и регулировали те или иные формы эвтаназии, которая достаточно широко практиковалась в условиях как восточных, так и западных цивилизаций, однако с развитием системы писаного права эвтаназия не получила в нем своего закрепления. Это было связано с рядом факторов, прежде всего с распространением основных мировых религий: христианства, ислама, буддизма, которые, как правило, отрицательно относятся к эвтаназии, рассматривая ее как разновидность убийства либо самоубийства. Решающее влияние на историческое развитие норм права, связанных с эвтаназией, оказывал религиозный фактор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эвтаназия как форма реализации права на смерть: общетеоретический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/evtanaziya-kak-forma-realizatsii-prava-na-smert-obshcheteoreticheskii-aspekt>. – Дата доступа: 05.09.2018.
2. Историческое развитие идей об эвтаназии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studbooks.net/1059666/pravo/istoricheskoe_razvitie_idey_evtanazii. – Дата доступа: 05.09.2018.

3. Воззрение на эвтаназию: от древности до наших дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2251260/page:6/>. – Дата доступа: 23.09.2018.
4. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня. 1993г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // Эталон – Беларусь /Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь – Минск, 2018.
5. Legifrance – le service public de la diffusion du droit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000555170&categorieLien=id>. – Дата доступа: 24.09.2018.
6. Кодекс медицинской деонтологии российского врача [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kodeks-meditsinskoy-deontologii-rossiyskogo-vracha-proekt-predlozhenie-k-diskussii>. – Дата доступа: 24.09.2018.
7. Лиссабонская декларация о правах пациента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-stomatology.ru/star/info/2010/lissabon_declaration.htm. – Дата доступа: 24.09.2018.
8. Венецианская Декларация о терминальном состоянии. Медицинское право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.med-pravo.ru/International/Terminal.htm>. – Дата доступа: 24.09.2018.
9. Мадридская декларация "относительно профессиональной автономии и самоуправления" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80aagahqwyibe8an.com/medichna-asotsiatsiya-vsesvitnya/madridskaya-deklaratsiya-otnositelno193370.html>. – Дата доступа: 24.09.2018.

УДК 340

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.Г. МАЧАНСКИЙ

(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)

Затронуты вопросы, касающиеся внедрения современных технологий в юриспруденцию. Раскрыто понятие «искусственный интеллект», рассмотрены основные его свойства, задачи и цели, а также приведены примеры использования искусственного интеллекта в различных сферах юриспруденции и затронута проблема его нормативно-правового регулирования в Республике Беларусь.

Новые технологии меняют нашу жизнь и ставят новые этические вопросы, которых раньше не существовало. Изменения в жизни человечества, которые может принести или уже принесла информационная революция, сложно сравнить с тем, что появилось ранее. Особенно когда искусственный интеллект станет активно использоваться в правопроцессе в качестве судьи, консультанта или составителя юридических документов.

Искусственный интеллект – это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, которые могут выполнять все функции человеческого разума. Основной задачей учёных является – это научить искусственный интеллект решать некоторые задачи так, как это делал бы размышляющий над их решением человек. Основными свойствами искусственного интеллекта являются: понимание языка, обучение, способность мыслить и действовать. Но применение искусственного интеллекта требует решения не только технических вопросов, но и этических: кто будет нести ответственность за действия искусственного интеллекта? [1].

Рассмотрим, как искусственный интеллект может применяться в юриспруденции.

Во-первых, возможно внедрение искусственного интеллекта в сферу юридического онлайн-консультирования, что может облегчить работу юристам. Так в Российской Федерации для обучения искусственного интеллекта юристам пришлось обработать 30 000 обращений по теме нарушения прав потребителей и распределить их на 28 категорий. Впоследствии искусственный интеллект, использующий нейросети, методом семантического анализа исследовал это деление и научился распределять обращения самостоятельно. В настоящее время искусственный интеллект три месяца участвует в онлайн-консультировании на ресурсе Правовед.ру, и за это время он уже успел дать более 2000 консультаций. Точность распределения дел по категориям у него достигает 70%, а при получении от пользователей ответов на его уточняющие вопросы – 95%. На основе этого анализа юристы пришли к мнению, что искусственный интеллект следует воспринимать не как угрозу их профессиональному будущему, а как помощь в рутинной работе. Ведь в особо сложных случаях без помощи грамотного и опытного человека-юриста не обойтись [2].

Во-вторых, в США была создана программа, которая верно предсказывала решения Верховного Суда. 7 из 10 предсказаний искусственного интеллекта были правильными, в отличие от человека-эксперта, который смог предсказать исход дела лишь в 6 из 10 случаев. Таким образом, можно сказать, что эксперт не смог учесть все факты и совершил ошибку из-за человеческого фактора. Но создатель программы Джош Блэкман подчеркнул, что программа призвана помочь юристам принимать более обоснованные и эффективные решения. Он отметил, что его целью является создание взаимодействия между человеком и машиной, чтобы они могли компенсировать недостатки друг друга. Большинство ученых утверждают, что большая часть задач слишком сложна и неоднозначна для машин. Найти ответ на неожиданный вопрос или распознать контекст, в котором используются слова, и изучить воздействие на человека тех или иных утверждений машины не способны [3].

В-третьих, искусственный интеллект может быть составителем и анализатором документов. В зарубежных странах был проведен эксперимент. Во время эксперимента специалисты из компаний должны были оценить риски в пяти разных соглашениях, обнаружив в них слабые места. По данным издания эксперимента, люди смогли справиться с задачей с точностью в 94%, а искусственный интеллект — в 100%. Разработчики заявляют, что искусственный интеллект никогда ранее не сталкивался с анализируемыми в процессе тестирования документами. Эксперты полагают, что искусственный интеллект пока не может заменить человека в юриспруденции, но он в состоянии ускорить его работу и снять часть рутинных задач [4].

Что касается ответственности средств с искусственным интеллектом, то на данный момент ведутся значительные споры по этому поводу. Сейчас многие ученые приходят к тому, чтобы присвоить средствам с искусственным интеллектом статуса «электронных лиц» поэтому было предложено ввести так

называемую объективную ответственность в сфере робототехники, т.е. ответственность без наличия вины или когда ответственность возлагается на то лицо, которое было обязано минимизировать риски, причем ответственность должна быть пропорциональна уровню данных роботу инструкций и степени его автономии. Положения об ответственности могут также предусматривать обязательное страхование для пользователей роботов [6].

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь и других странах СНГ робототехника и иные средства с искусственным интеллектом не так сильно развиты, например, как в Европе или США. Поэтому наше законодательство никак, на данный момент, не регулирует отношения, связанные со средствами с искусственным интеллектом. Но в ближайшие пять лет я думаю, что робототехника будет развита и у нас и вскоре появятся нормативные документы, по примеру европейских стран, которые смогут урегулировать этот вопрос. В настоящее время осуществлять правосудие и выполнять работу юристов могут только настоящие люди т.к. в машинах заложен алгоритм, по которой будут рассматриваться все вопросы, но не будет учтен человеческий фактор. Только человек может принять во внимание все особенности своей работы и может рассчитывать только на свой разум. Что касается того, кто будет нести ответственность за искусственный интеллект, то можно сказать что данный вопрос остаётся открытым и ученые никак, на данный момент, не могут ответить однозначно. Средства с искусственным интеллектом являются хорошими помощниками в работе, но за ними нужен постоянный контроль и нельзя этим средствам окончательно доверять, т.к. все технологии только приходят в сферу юриспруденции и для того чтобы полностью урегулировать этот вопрос понадобится время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ развития робототехники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://radio.bobrodobro.ru/1542>. – Дата доступа: 25.05.2018.
2. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fparf.ru/news/all_news/news/46298/. – Дата доступа: 10.04.2018.
3. Интернет-портал Право.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/124329/>. – Дата доступа: 10.04.2018.
4. Всероссийский государственный общественно-патриотический канал “Звезда” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201802280235-g8yx.htm. – Дата доступа: 10.04.2018.
5. Морхат, П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» [Электронный ресурс] / П.М. Морхат // Юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 1–8. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_25647.html. – Дата доступа: 18.09.2018.

УДК 340

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ****С.Г. МАЧАНСКИЙ***(Представлено: ст. преп. П.В. СОЛОВЬЕВ)*

Рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в сфере юридического консультирования граждан и юридических лиц. Рассмотрено понятие «чат-бот» и его применение в юридическом консультировании, определены основные этапы, преимущества и недостатки онлайн консультирования по правовым вопросам. Затронуты наиболее проблемные аспекты использования данной системы. Выдвинуты предположения о дальнейшем правовом регулировании сервисов юридического онлайн консультирования.

Развитие информационных технологий значительно меняют и облегчают нашу жизнь. Новые технологии стали использоваться во всех сферах жизнедеятельности человека, так и юриспруденция подверглась изменениям. На данный момент помимо компьютерной техники в юриспруденции стал использоваться искусственный интеллект. В данной статье мы рассмотрим особенности применения искусственного интеллекта в консультационной деятельности.

Сейчас все мировые организации используют искусственный интеллект в виде чат-ботов в сфере онлайн консультирования. Чат-бот – это программа-собеседник, имитирующая человеческое общение при помощи текста или голоса. Чат-боты помогают автоматизировать задачи, работая по заданному алгоритму. Чат-бот или бот-юрист ведет диалог с пользователем и после этого анализирует действующее законодательство и, апеллируя цитатами из нормативно-правовых актов, предоставляет искомый ответ. Первые программы, имитирующие общение людей, появились в далёком 1966 году. Но с развитием интернет технологий искусственный интеллект стал использоваться в мессенджерах. Боты неплохо справляются с консультированием по юридическим вопросам. Чат-боты можно поделить на простые и самообучающиеся. Первые могут взаимодействовать с пользователем через кнопки и картинки или принимать текстовые команды. Бот распознаёт текст или речь, выделяя ключевые слова и переводит их в команды. Затем он отвечает в соответствии с заданной программой. Чаще всего в таких чат-ботах есть инструкция со списком команд и ключевыми словами. Вторая разновидность чат-ботов работает по принципу искусственного интеллекта, обучаясь в процессе общения с пользователями, анализируя диалоги и подстраиваясь под индивидуальные особенности пользователей [1].

Анализ работы юридических консультационных служб показывает, что технологический процесс консультации состоит из следующих этапов:

- 1) сбор, регистрация и передача данных для дальнейшей обработки;
- 2) подготовка заявки;
- 3) накопление, сортировка, корректировка, обработка данных и выдача результатов.

При этом можно выделить основные требования, которым должны соответствовать юридические онлайн консультации:

- обеспечение достоверности обрабатываемой информации;
- решение задач в установленные сроки;
- обеспечение минимальных трудовых затрат на обработку данных [2].

Самым наглядным примером применения искусственного интеллекта в сфере онлайн консультирования является российский сайт правовой помощи Правовед.ги. Так создатели данного сервиса поняли, что применение искусственного интеллекта сможет значительно повысить эффективность работы и освободит работников от рутинной работы. Для обучения искусственного интеллекта юристам пришлось обработать более 30 000 обращений по теме нарушения прав потребителей и распределить их на 28 категорий. Впоследствии искусственный интеллект, использующий нейросети, методом семантического анализа исследовал это деление и научился распределять обращения самостоятельно. В настоящее время искусственный интеллект три месяца участвует в онлайн-консультировании на ресурсе Правовед.ру, и за это время он уже успел дать более 2000 консультаций. Точность распределения дел по категориям у него достигает 70%, а при получении от пользователей ответов на его уточняющие вопросы – 95%. На основе этого анализа юристы пришли к мнению, что искусственный интеллект следует воспринимать не как угрозу их профессиональному будущему, а как помощь в рутинной работе. Ведь в особо сложных случаях без помощи грамотного и опытного человека-юриста не обойтись [3].

Применение чат-ботов затрагивает ещё целый ряд вопросов. Прежде всего, включает ли поиск в себя тематические форумы? Так или иначе, доступ к форумам существенно упрощает процесс поиска

ответов. Речь идет об аналогичных вопросах, которые кто-то когда-то задавал и уже получил на них ответ. Именно его вы можете получить, ставя задачу перед юристом-ботом. Однако будет ли эта информация достоверной? Разумеется, на форумах ответы на правовые вопросы не всегда верные.

Отдельно стоит отметить фактор устаревания информации. С одной стороны, в некоторых сферах изменения идут слишком стремительно и активно, другие же отрасли остаются неизменными. Соответственно, извлекая информацию, юрист-бот должен проверить наличие изменений в сфере, которой касается вопрос. И если для простых вопросов вроде регистрации транспортных средств, недвижимости и т.д. это будет сделать довольно просто, то более сложные вопросы, имеющие несколько составляющих, могут провоцировать сбои в программе. Также важным является вопрос, заложено ли в коде бота отсеивание законодательства других стран, сможет ли бот-юрист понять какое законодательство использовать?

Еще одна проблема использования юрист-ботов – это то, что любой запрашиваемый вопрос может стать источником информации для злоумышленников, посягающих на информационную безопасность и конфиденциальность. Поэтому более рекомендованным является внедрение пользовательских соглашений для пользователей соответствующих юристов-ботов, которое включало бы отказ от ответственности компании, использующий соответствующий инструмент общения с клиентами за предоставленную информацию, и упоминание о том, что обращение к «живому» юристу является более надежным. С одной стороны, это должно предотвратить судебные тяжбы за предоставление неверной информации клиенту и последствия ее использования. С другой же, напомнит пользователям-клиентам, что ответ не всегда может оказаться достоверным [4].

Основными преимуществами онлайн-консультирования являются:

1. Любой, имеющий доступ в интернет, может получить правовую помощь онлайн;
2. Экономия времени;
3. Консультация для людей со сложностями в установлении контакта;

Основными недостатками онлайн-консультирования являются:

1. При опосредованном общении, часть информации консультанту не передается в силу объективных причин.
2. Не всякий юрист-бот сможет предоставить достоверную информацию [5].

Таким образом, использование искусственного интеллекта в сфере онлайн консультирования постепенно развивается и уже применяется на некоторых Интернет-ресурсах. На данный момент правовое регулирование данной сферы не осуществляется. Однозначно, регулирование на уровне законодательства юристов-ботов со временем станет актуальным вопросом, а именно — определение критериев, которым должен будет отвечать алгоритм поиска, критерии защищённости чат-сессии и т.д. Сейчас консультирование могут осуществлять только реальные люди. Информацию полученной от юрист-ботов следует считать ознакомительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-портал inform БЮРО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://informburo.kz/cards/chto-takoe-chat-boty-i-zachem-oni-nuzhny.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
2. Интернет-портал StudFiles [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4646441/page:4/>. – Дата доступа: 16.09.2018.
3. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fparf.ru/news/all_news/news/46298/. – Дата доступа: 10.04.2018.
4. Интернет-портал Legal IT Club [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal-it.club/bot-drugili-vrag-yurista/>. – Дата доступа: 19.09.2018.
5. Интернет-портал Гештальт клуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gestaltclub.com/articles/obsaa-psihologia/2899-osobennosti-onlajn-konsultirovania>. – Дата доступа: 16.09.2018.

УДК 34.096

**КОПНЫЙ СУД В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
(XVI-XVIII ВВ.)****В.И. МОСКВИНА***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

В публикации рассматривается институт копного суда в ВКЛ. Анализируется история его возникновения, становления и особенности функционирования на территории Беларуси в XVI–XVIII вв. Особое внимание уделяется проблематике определения состава копного суда и его компетенции.

Судебно-правовая система ВКЛ эволюционировала и формировалась вместе с развитием государства. Она имела типичные черты правовой системы феодальной эпохи, главной из которых являлась неравенство населения в рамках системы правосудия и сословный характер суда. Законодательство закрепляло приоритет прав и привилегий представителей господствующего класса, а зависимые крестьяне обладали меньшей правоспособностью [4].

Копный суд существовал в ВКЛ в качестве судебного института с достаточной широкой сферой действия и полномочиями. Он мог решать как любые дела внутри конкретной крестьянской общины, так и регулировать межобщинные отношения во взаимодействии между отдельными людьми.

Регулирование деятельности копного суда нашло отражение в письменном законе Великого княжества Литовского – Литовском Статуте. Он закрепил право признавать силу решений народного суда. Статьи и параграфы об этом народном суде находятся во всех трех изданиях Статута ВКЛ 1529, 1566, 1588 годов, а именно: в первом Статуте: о нарушении границ шляхт [1, с.56]; о вызывании на копу того, чей скот будет обнаружен на чужих угодьях [1, с.78]; во втором Статуте: об убийстве проезжего без племенного человека (этого нет в первом Статуте) [6, с.161]; о созыве копы для ведения суда при кражах [6, с. 173].

Копные суды проходили очень часто и отнимали у судьи много времени, требовали от них интеллектуального и физического напряжения, высокой моральной ответственности. По установленному обычаю, копа всякое дело старалась закончить в три собрания. Если на трех собраниях дело не могло быть закончено, тогда оно переносилось на четвертое [5,].

Все члены суда несли коллективную ответственность за свои действия и решения. На суд могли прийти все желающие, судебный процесс зачастую нес и воспитательный характер. Почетное имя народного представителя в суде занимал муж (человек умственно зрелый, сознательный, серьезный, достойный уважения). Статут ВКЛ 1529 г. закреплял ряд требований к судьям-копникам. Чтобы стать судьей было необходимо отвечать следующим критериям:

- 1) Быть взрослым мужчиной
- 2) Хозяином-домовладельцем
- 3) Крестьянином-старцем

Судьей также не мог стать лживый человек и человек, не занимавший каких-либо должностей и подвергшийся обвинению в совершении преступления [2].

Нормы обычного права охраняли авторитет судей. За оскорбление судьи полагалось тюремное заключение: «сидеть 6 недель в замке» [6, с.93]. За ранение судьи виновного казнили. Некоторым образом, неприкосновенность копных судей и их обязанности были отражены и в Статутах 1566 и 1588 г [1].

Собрания копы происходили под открытым небом, на установленных и определенных местах, которые назывались коповищами. Действие каждого копища простиралась во все четыре стороны на одну милю и 14 верст. Собрание копы на неустановленном месте являлось незаконным и вызывало протест со стороны ответчиков. Так королевский маршалак Дмитрий Скум протестовал против князя Федора Друцкого-Грусского, крестьяне которого самовольно собрали копу в селе Мацевичах, Минского повета, где, по их словам, «перед тем от стародавних веков никогда копа не бывала» [3]. Отступление от общего правила разрешалась только в тех случаях, когда обстоятельства дела требовали присутствия копы на самом месте преступления, для точного и скорого обнаружения преступника. Например, при обнаружении тела убитого человека, порче дупла, где находятся пчелы, порче скота или птиц, чужих угодий и т.д [2].

К обширной категории дел, с которой обращались в копны суд, относились дела о присвоении чужой собственности скрытым, воровским путем («способом злодейским»), а также убийство [2, с.40].

Копный суд старался сохранить связь с общими государственными судебными установлениями. Копы считалась низшей судебной инстанцией, для которой высшим судом являлся гродской суд той местности, где созывалась копа. Гродскому суду копа предоставляла отчет о своих действиях, а также отсылала дела, решения которых были затруднительны. Гродской суд мог отменить или изменить решение приговора копного суда [1].

Сообщал обо всех действиях и решениях копы возный. Возный – должностное лицо земских судов ВКЛ в XVI–XVIII вв., которая предназначалась воеводам в соответствии с представлением земского суда и уездной шляхты [2, с.36]. В каждом уезде было несколько возных, а главного из них называли генералом.

Разбор копных дел в большинстве случаев, ввиду безграмотности судей и по другим причинам, кончался словесным вынесением приговора, а роль возного заключалась записать все изложенные подробности и суть дела, а также решение в виде донесения. Судьи, истец и ответчик следили, чтобы в постановлении все было передано верно. Для подтверждения справедливости донесения возного копники, в лице выборных своих представителей свидетелей, каждый раз должны были являться в градской суд с возным и подтверждать, что все изложенное в его донесении правдиво. Несоблюдение возным точности в своих донесениях, а в особенности сознательное искажение истины в копных действиях должно было сопровождаться для него печальными последствиями. В зависимости от важности разбираемого дела, на копе могло присутствовать 2-3 возных. Если на рассматриваемом деле нет возного, то вместо него приглашались другие должностные лица: сельский лавник, гайдуки и вижи, хоружие [1].

Для копы источником права являлось: копное право и обычай. Существовал древний обычай «ставить шапку». Этот обряд служил видимым признаком для созыва свидетелей. Данный обычай был зафиксирован в деле №13 13 июня 1560 года. Переволоцкий Евхут обвинил Цавловой Куриловы в том, что она украла с огорода истца чеснок, и для доказательства ее вины Евтух поставил шапку, тем самым вызвав 3 свидетелей: Пархвена Шепетовича, Василия Коновича, Мелиту Кондратович [2, с.68]. Истец или ответчик бросали шапку в середину копного круга, который был отведен для специальных целей. В этот круг становился либо ответчик, либо истец для того, чтобы все копные судьи могли отчетливо слышать и видеть. В этом круге также подвергались допросу со стороны судей. Помимо истца и ответчика шапку могли кидать и копа, но для них этот обряд имел значение голосования. Существовал еще один обычай для созыва свидетеля: истец сопоставлял свою ногу с ногою ответчика. Например, 20 июня 1582 г. копа собралась по поводу дела о воровстве дупла с пчелами. На копе находились два старца Пилип и Микита. Во время разбирательства дела Микита сообщил Пилипу о том, что они с еще одним лицом продавали свежий мед. Пилип сообщил это копе и сопоставил свою ногу с ногой Микиты. Вызванные перед копой брат Микиты Плещич и два его товарища – Хома и Левон, добровольно признались во всех заявленных в копе преступлениях, обвинив Микиту, как соучастника в преступлении [2, с.101].

Подводя итог, стоит отметить, что сфера деятельности копного суда была настолько широка, что к этому суду обращалось абсолютно любое сословие, так как дела решались быстро и виновного находили сразу. Так как при помощи этого суда судились в основном крестьяне, рассмотрением дел занимались также крестьяне. Судьями могли быть лишь копные старцы и копные мужи. Копными старцами назначались пожилые и наиболее мудрые члены общины. Их мнение, в свою очередь, пользовалось большим уважением со стороны других участников. Копные суды были достаточно эффективны. Зачастую к сельскому правосудию прибегала и шляхта, не желавшая судиться годами в других судах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Академия наук БССР, 1960. – 254 с.
2. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией // Акты о копных судах. – Вильна, 1891. – Т. XVIII.
3. Славянские древности / Л. Нидерле [и др.]. – М. : Издательство Иностранной литературы, 1956. – 88 с.
4. Судебная система и законодательство ВКЛ в XIV–XVI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/7-46966.html/>. – Дата доступа: 20.04.2018.
5. Ярмац, Е.Н. Эволюция форм участия населения в деятельности суда на белорусских землях (XVI–XX вв.) / Е.Н. Ярмац // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 166–169.
6. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. – Минск : Тесей, 2003. – 263 с.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года. – Минск : БелСЭ, 1989. – 573 с.

УДК 34.096

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В КОПНОМ СУДЕ (XVI– XVIII ВВ.)**В.И. МОСКВИНА***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Рассматривается институт копного суда в Великом княжестве Литовском. Проанализированы характерные особенности судебного процесса в копном суде. Особое внимание уделяется возможности применения пыток, а также процедуре выявления виновного в преступлении.

Система судебных органов в Беларуси складывалась постепенно, но в завершённом виде сформировалась в XVI в., когда создаются и получают законодательное закрепление такие суды как копные, земские, подкоморские суды.

Компетенция копного суда распространялась не только на крестьянство – в некоторых случаях копные суды рассматривали дела, в которых ответчиком выступали жители городов и поселков, а то и знать [3].

Согласно Статуту ВКЛ в копный суд мог обратиться любой, кому причинен ущерб. В большинстве случаев обращались к копному суду крестьяне, но бывало немало случаев, когда к копе обращались и помещики [5, с.80]. Помещик был представителем не только своих интересов, но и интересов, зависящих от него крестьян. Помещикам также весьма часто приходилось сталкиваться друг с другом. Они обращались к копе, так как разбирательство проходило быстро и судебный процесс занимал меньший промежуток времени [4].

В состав копников входили люди различных сословий, но главенствующее место занимали представители крестьянского сословия. Поэтому копный суд считается судом народным. Постановлениями копы являлись: декреты, отказы, наказания, листы и т.п. Постановления и декреты в большинстве случаев объявлялись в устной форме, но если присутствовали люди достаточно грамотные, то постановления излагались в декретах. Под этими декретами судьи подписывались и ставили свою печать. Но в большинстве случаев копники были безграмотными и за них ставили подпись. Также у копников не было личной именной печати, но вместо этого были печати с особыми знаками (клеймо) [5, с.78].

Копя применяла разные средства и способы для получения признания лица в преступление. Копя обращалась к лицу с предложением добровольно и чистосердечно сознаться в совершении преступления. По большей части виновные сознавались в своей вине, но бывали случаи, когда лицо упорно отрицало свое преступление, несмотря на веские доказательства, копа подвергала его пыткам. Первый вид пыток является пытка хлыстом и розгами. Если виновный не сознавался в совершении преступления, тогда его подвергали второму виду пыток «действие огнем». Для исполнения пыток нанимали палача, которого оплачивал истец. Не было установлено, как долго можно пытаться ответчика, иногда эти пытки доходили до нечеловеческого истязания, забывая нормы права, которые запрещали пытки, выходящие за рамки права (нанесение тяжких и особо тяжких повреждений, при которых может наступить смерть). К примеру, в акте №175 был зафиксирован случай жестоких пыток, изложенный в жалобе пана Паца на Тишкевича-Логойского. Тишкевич собрал 22 июня 1599 г. копу. Он велел схватить на ней Ивана Сипачина, подозреваемого в краже. Несмотря на то, что Сипачин признался в краже, его подвергли пыткам. Его пытали с полудня до вечера всеми способами, а затем кинули в темницу [2, с. 228].

На копе действовала присяга, как один из видов доказательства своей невиновности, которому очень часто обращались все стороны. Игнорировать и относиться к нему беспечно было нельзя. К нему обращались во всех тех случаях, когда все приведенные доказательства казались недостаточными сильными, чтобы окончательно убедить копу в истине. К присяге, как к акту священному, все стороны, относились как весомому аргументу для доказательства невиновности. Существовало особое слово «отприсягнуться». Оно означало – очиститься присягой от подозрения. Данное действие было зафиксировано 2 Марта 1648 г. по жалобе Юрия Нелюбовича Тукальского об убийстве бобров в его имении Островичах. Подозревал он братьев Вылазких. Но так как для копы не было достаточно доказательства для обвинения братьев в преступление, то копа постановила, чтобы ответчики очистились присягой. Текст присяги: “Я Михайло Якович и Иван Антонович, присягаем Пану Богу Всемогущему, в Троицы святой Единой. На копе обвинили нас в совершении убийства бобров в имении Островичах. В этом имении мы никогда не были. Преступника, совершившего это, мы не знаем. Поне Боже, помоги восстановить справедливость и не дай нас казнь” [2, с. 421].

Из самых важных заключительных решений по копным делам являлось осуждение лица к смертной казни. Копя становилась беспощадной, когда преступление представляли кражи в особо крупном

размере, поджоги, убийства и т.д. В этом случае приговоры были одинаковы для всех сословий. 13 марта 1660 г. в копу поступила жалоба от Оедора Вабищевича Плотницкого и Полонеи Борической Калавуровой на Ивана Вабищевича Плотницкого, который обвиняется в краже ржи и имущества сокрытого в земле. Копа убедилась на месте, что след ведет к ответчику. Его приговорили к смертной казни через повешение [2, с. 462]. Приговор приводился в исполнение чаще всего путем повешения. Местом для проведения являлось само копище, либо специально отведенное место. На месте казни присутствовали не только судья и возный, но толпа любопытных жителей. Когда преступник был поставлен под виселицу, и казнь его должна была совершиться, он повторял свое чистосердечное признание в совершении преступления. Иногда осужденный обращался к истцу и всем окружающим с мольбой о помиловании, обещая честно жить в будущем [2].

Вторым видом смертной казни являлось сожжение на костре. Этой казне обычно подвергались святотатцы и колдуньи. Так в 1684 г. копа осудила крестьянку Урсулу Кондратову Тышковку – колдунью на пытку в течение одного часа, с тем, что если она признается в колдовстве, то сжечь, а если нет, то вознаградить за раны [2, с. 561].

Последним видом является четвертование. 2 сентября 1685 г. Михаил Кердей собрал большую копу по поводу кражи в особо крупном размере, сожжения двора и амбара, в котором хранилось имущество и драгоценности на сумму до 10 тысяч польских злотых. На копе виновные в этом преступлении вскоре были обнаружены. Это оказались 5 крестьян: трое из собственных крестьян истца, четвертый оказался крестьянином Андрея Кердея и пятый крестьянин Петра Гричины. Копа вынесла приговор: живых их четвертовать [2, с. 563].

Таким образом, копный суд существовал в ВКЛ в качестве судебного института с достаточной широкой сферой действия и полномочиями. Копный суд был единственным местом, где крестьяне могли свободно и справедливо защитить свои права. Сфера деятельности копного суда была настолько широка, что к этому суду обращалось абсолютно любое сословие, так как дела решались быстро и преступника находили сразу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Академия наук БССР, 1960. – 254 с.
2. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией // Акты о копных судах. – Вильна, 1891. – Т. XVIII.
3. Славянские древности / Л. Нидерле [и др.]. – М. : Издательство Иностранной литературы, 1956. – 88 с.
4. Судебная система и законодательство ВКЛ в XIV–XVI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/7-46966.html/>. – Дата доступа: 20.04.2018.
5. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. – Минск : Тесей, 2003. – 263 с.

УДК 34.096

**ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ В БССР
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 Г.)****Д.А. САЗАНОВИЧ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Рассматривается институт судебной власти в БССР. Раскрываются этапы формирования судебной системы БССР в период Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено военному трибуналу и его место в структуре судебной власти во время Великой Отечественной войны.

Изучение исторического опыта становления и формирования тех или иных институтов судебной системы является необходимым условием понимания их сегодняшнего состояния и дает возможность совершенствования его структуры. Как справедливо отметил Д. А. Керимов: «вне исторического контекста, связывающего явление и процесс современности с теми явлениями и процессами, которые были их предшественниками, равно как и с теми, которые на их основе возникнут в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму эту современность. Любое современное явление или процесс имеет свои корни в прошлом, которое через отражение в настоящем устремлено в будущее» [1].

Исследование проблематики функционирования военно-судебной системы во времена Великой Отечественной войны не утратило своей актуальности и сегодня. Детального изучения требуют такие вопросы как: сопоставление судебной системы военного периода с современным состоянием военно-судебной системы в Республике Беларусь, вынесения приговоров в условиях военного положения, рассмотрения вопроса о смертной казни для военных преступников и интеграция данной темы на проблематику смертной казни в Республике Беларусь.

Нападение немецко-фашистских захватчиков на территорию СССР потребовало от советских властей реорганизации судебной системы. В том числе, была расширена сфера деятельности таких военно-судебных органов, как военные трибуналы. Организация и деятельность военных трибуналов были определены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [2], «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий» [3].

Согласно данным Положениям военные трибуналы создавались при военных округах, фронтах и морских флотах, при армиях, корпусах и иных воинских соединениях (гарнизонах, дивизиях, отдельных бригадах) и военизированных учреждениях, а также на железных дорогах, морских и речных бассейнах. Рассмотрение дел в военных трибуналах производится по правилам, установленным Положением о военных трибуналах в районах военных действий.

Военные трибуналы рассматривают дела, отнесенные к их подсудности ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик (ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре и ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июня с. г. «О военном положении») [2].

Военным трибуналам предоставляется право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Они рассматривают дела в составе трех постоянных членов. Председатели военных трибуналов периодически информируют военные советы округов, фронтов и армий, командование корпусов и дивизий о работе военных трибуналов по борьбе с преступностью в соответствующих воинских соединениях.

К главным органам судебной власти на территории Беларуси можно отнести Минский окружной суд, который в годы Великой Отечественной войны являлся и центральным органом военно-судебной системы, и единственной апелляционной инстанцией. На практике он в основном являлся судом первой инстанции по городу Минску. Например, за период сентября 1942 года окружной суд в качестве суда первой инстанции рассматривал дела по следующим вопросам: «о разделе имущества» - поступило 13 дел, 10 осталось не рассмотрено; «об взыскании денег» - поступило 183 дела, 175 дел осталось не рассмотрено; «об попечительстве и усыновлении» - поступило 62 дела, осталось не рассмотрено 41 дело. Таким образом, в условиях военного положения процесс судопроизводства происходил с большими сложностями. Кроме того, Минский окружной суд рассматривал в основном гражданские дела [4].

На рассмотрение военных трибуналов передавались дела о всех преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности (дела о государственных преступлениях, о крупных хищениях социалистической собственности, умышленных убийствах, насильственном освобождении из мест заключения и из-под стражи, об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности, о незаконной покупке, продаже, хранении и хищении оружия). Исходя из обста-

новки военного времени, командование имело право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злом хулиганстве и других преступлениях [5, с. 145-146].

Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию и опротестованию не подлежали. Они могли быть изменены или отменены в порядке надзора. Порядок разбирательства дел в военных трибуналах определялся Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденным 22 июня 1941 г. [5, с. 146].

Можно сказать, что первые значительные расширения деятельности военных трибуналов заключались в принятии положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий, которое послужило толчком для создания отдельного органа, как военный трибунал и наделило его судебными полномочиями в сфере военного законодательства.

Следующий этап формирования военных трибуналов связан с принятием «указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.» для фашистских преступников и их пособников – предателей Родины – была введена смертная казнь через повешение [6]. В 1943 г. были проведены первые процессы с применением данного Указа.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что военный трибунал являлся частью судебной системы, которой отводилась значительная роль в государственной структуре СССР. Его компетенция и сфера деятельности в условиях военного положения были значительно расширены. Также военный трибунал являлся частью системы информирования мирного населения, которая заключалась в проведении масштабной агитации. Некоторые аспекты функционирования военно-судебных органов явились прообразом современной системы военных судов, что нашло свое отражение в нормативно-правовых актах. Выделяются схожие элементы в практике военного законодательства, ведения процесса и функций военного трибунала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов, Д.А. *Методология права: предмет, функции, проблемы философии права* / Д.А. Керимов. – 4-е изд. – М. : Аванта+, 2008. – С. 111.
2. О военном положении : Указ Президиума Верховного Совета СССР. № 29 от 22 июня 1941 г. // Сбор. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1975. – С. 408–410.
3. Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР. № 29 от 22 июня 1941 г. // Сбор. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1975.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 369. Оп. 1. Д. 19/4. Л. 29. Подлинник.
5. Мартинович, И.И. «Избранные труды» / И.И. Мартинович. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2016. – 560 с. – (Наследие права).
6. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников : Указ Президиума Верховного Совета СССР. № 39 от 19.04.1943 г. // Сбор. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1975.

УДК 34.096

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 г.)****Д.А. САЗАНОВИЧ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)*

Рассматривается деятельность партизан на территории БССР. Раскрывается формирование органов судебной власти в партизанских отрядах на территории БССР в период великой Отечественной войны.

Вторая Мировая Война, оставила за собой огромный след в мировой истории. В том числе она оказала колоссальное влияние и на историю Республики Беларусь.

22 июня 1941 года немецко-фашистские захватчики начали полномасштабное наступление на Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Первой приняла на себя удар Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР). За несколько месяцев её территория была полностью оккупирована немецкими войсками. С этого момента было положено активное начало развития партизанского и подпольного движения, которое внесло существенный вклад в освободительное движение и стали одним из решающих факторов, предопределивших победу над врагом.

Партизанское движение имело общенародный и добровольный характер. Бригады и отряды формировались в основном из числа местного населения [1]. Партизаны защищали интересы народа и опирались на его поддержку. При взаимодействии с мирным населением они в большинстве случаев оказывали различного вида помощь. Мирное население, в свою очередь, также всячески поддерживало партизанские отряды продовольствием, укрывало от немецких захватчиков [2].

Первым этапом развития партизанского движения стало его формирование (июнь 1941- ноябрь 1942). В этот период единая система и самостоятельность деятельности советских органов и ведомств по организации вооруженной борьбы на оккупированной территории отсутствовала. Заранее партизанское движение на оккупированной территории Советского Союза никто не готовил, а на подготовку такого движения сопротивления враг времени не давал. Поэтому становление партизанского движения заняло немало времени.

В целях поддержания правопорядка на оккупированной территории в партизанских отрядах и поддержания справедливости среди местного населения создавались суды.

Судебные органы в партизанских отрядах сложились не сразу. В период зарождения партизанского движения правосудие осуществлялось коллегиально подпольными или партийными организациями, а во время расширения партизанского движения функция осуществления правосудия в некоторых партизанских зонах передана партизанским судам, председатели и заседатели которых избирались на общем собрании личного состава партизанских отрядов [3].

Особо строгие санкции применялись к лицам, которые совершали преступления против мирного населения, занимались разбоем, грабежом, укрывали преступников. В качестве суда первой инстанции выступали товарищеские суды партизан, второй инстанцией выступал – военно-полевой трибунал. К компетенции товарищеских судов относились: пререкание с командиром, унижение чести и достоинства других партизан, споры из-за трофейного имущества, самоуправство, преступления против мирного населения и др. Расследования проводили оперуполномоченные особых отделов партизанских отрядов, следователи, дознаватели, сотрудники районных отделов НКВД [4].

Активное развитие партизанского движения наблюдалось в 1942-1943 гг., что и стало вторым этапом формирования партизанского движения. Организовывались зональные партизанские соединения, решавшие крупные боевые задачи. 30 мая 1942 года официально наступила легализация партизанского движения. Этот этап характеризуется становлением системы при доминирующей роли Центрального штаба партизанского и подпольного движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Ему подчинялись местные штабы в регионах, возглавляемые, по большей части, главами ЦК компартии. Немаловажным фактором для активного развития партизанского и подпольного движения стало формирование четвертого управления НКВД, в рядах которых были созданы специальные группы для разведки и проведения подрывных работ [6].

С 1942 г. в партизанских соединениях, бригадах, отрядах и партизанских зонах вместо товарищеских партизанских судов и судов командирской чести стали создаваться на правах народных судов партизанские суды. Эти суды носили различные наименования (суды, тройки, трибуналы) и рассматривали дела об измене Родине, невыполнении приказа командира, мародерстве, убийствах и т.д. Председатели таких судов назначались партизанским командованием и подпольными райкомами партии. Их решения

по данному вопросу подлежали утверждению подпольных областных комитетов КП Белоруссии. Заседатели этих судов избирались на общих собраниях партизан и утверждались приказом командования, партизанских бригад. Приговоры партизанских судов, как правило, могли быть обжалованы в течение 48 часов в подпольный обком партии. Приговоры с высшей мерой наказания подлежали обязательному утверждению командира соединения или бригады [5, с. 147–148].

На третьем и заключительном этапе партизанское движение достигло наиболее высшего уровня (декабрь 1943 – июль 1944). Этот период характеризовался свертыванием партизанских и подпольных организаций на оккупированной территории Советского Союза и попытками развертывания их на освобождаемых государствах [5].

Таким образом, партизанское движение стало одним из определяющих факторов в борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков и освобождении Беларуси. В целях поддержания правопорядка на оккупированной территории в партизанских отрядах и поддержания справедливости среди местного населения создавались суды. Они способствовали наведению порядка в партизанских отрядах и повышали степень их боеспособности и организованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война: БССР во время Второй Мировой войны [Электронный ресурс] // История Государства и Права Беларуси. – Режим доступа: <http://www.istoriya.org/bssr-vojna/>.
2. Тисецкий, А. «Дикие» партизаны. Окончание. Исследование / А. Тисецкий. – М., 2014. – С. 139.
3. Коваленя, А.А. Великая Отечественная война советского народа. Суды в партизанских отрядах / А.А. Коваленя. – Минск, 2005. – С. 75.
4. Право и суд в Беларуси в годы Великой отечественной войны: БССР во время Второй Мировой войны [Электронный ресурс] // История Государства и Права Беларуси. – Режим доступа: <http://scibook.com/gosudarstva-prava-istoriya-belarus/pravo-sud-belarusi-godyi-velikoy-54186.html>.
5. Мартинович, И.И. Избранные труды / И.И. Мартинович. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2016. – 560 с. – (Наследие права).
6. Воронов, М. "Живая память – молодежи": хроники II Мировой и Великой Отечественной, 1939–1945 гг. / М. Воронов. – М., 2014. – С. 15.

УДК 345.2

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

К.А. СТАДОЛЬНИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.Н. КИРЯКОВА)

После ужасающих последствий Второй Мировой Войны был инициирован процесс переосмысления мировым сообществом значения проблемы прав человека. Практически в каждом государстве в конституциях стало декларироваться большое разнообразие институтов по защите и охране прав и свобод своих граждан. В настоящее время в мировой практике известны 4 модели института уполномоченного по правам человека, особенности которых автором предлагается проанализировать в настоящей статье.

На сегодняшний день в мире функционирует около 150 структур, выполняющих функции омбудсмана. Но в мировой практике известны 4 основные модели института уполномоченного по правам человека. Их отличие состоит в том, что они занимают различные места в системе государственной власти, имеют особый порядок формирования, подотчётности и различный объём полномочий. Данные модели носят такие названия как «исполнительный», «независимый» и «парламентский» омбудсмен. В редких случаях встречается четвёртая модель омбудсмана – «гибридная». Предлагается более подробно рассмотреть существующие модели уполномоченного по правам человека [1].

Исполнительный омбудсмен

Исполнительный омбудсмен входит в структуру исполнительной ветви власти государства. Он назначается либо Президентом, либо Правительством страны, в которой данный институт функционирует. Исходя из этого, следует вывод о том, что омбудсмен перед назначающими его органами и подотчётён.

Рассматриваемая модель правозащитника является довольно редким явлением. В чистом виде она может встретиться в некоторых штатах США – уже с 1967 года Американской ассоциацией адвокатов был создан комитет омбудсмана. Должность такой модели омбудсмана не требует конституционного утверждения, её учреждают на основании решения муниципального органа. Важным является тот факт, что назначающий орган принадлежит именно к исполнительной ветви власти. Если уполномоченный назначается иным органом, то его модель теряет название «исполнительной».

Исполнительный омбудсмен обладает наименьшей степенью независимости от административного аппарата. В его полномочия входит наблюдение за деятельностью администрации на уровне штата, округа или города либо же за отдельными сторонами её деятельности: исправительными учреждениями, здравоохранением, образованием, бизнесом и т.п. [2].

Широкое распространение в США получили бизнес-омбудсмены. Это обусловлено тем, что в стране активно развивается предпринимательство. Данный тип уполномоченного предназначен для защиты прав предпринимателей. Анализ места бизнес-омбудсменов в системе органов государственной власти показывает, что они, как правило, входят в систему исполнительных органов и относятся к числу «исполнительных» омбудсменов. Во-первых, они назначаются на должность и освобождаются от должности исполнительными органами. Во-вторых, их деятельность обеспечивается преимущественно сотрудниками ведомств, при которых они созданы. В-третьих, они подотчетны исполнительным органам и тесно взаимодействуют с ними. Помимо того, что бизнес-омбудсмены встроены в исполнительную систему США, зачастую они осуществляют контроль за теми органами, при которых созданы. [3, с.181]

Нечто схожее с исполнительной моделью бизнес-омбудсмана существует и в Австралии. В государстве функционирует институт комиссаров по вопросам малого бизнеса как на федеральном уровне, так и на уровне четырёх штатов (Виктория, Западная Австралия, Новый Южный Уэльс, Южная Австралия). Целью их деятельности является создание благоприятной среды для развития малого бизнеса. Для достижения данных целей институт выполняет две главные функции: содействие учета нужд малого бизнеса в деятельности публичной власти и обеспечение альтернативного разрешения коммерческих споров между малым бизнесом и коммерческими организациями, органами публичной власти. Для реализации данных функций он наделён соответствующими полномочиями: консультирование малого бизнеса по вопросу о возможных способах решения спора, предварительное содействие разрешению спора, представление доклада о «тревожной» рыночной практике соответствующему министру; мониторинг влияния на малый бизнес законодательства используемых органами публичной власти административных процедур и представление результатов министру; участие в разработке законодательства и административных процедур, затрагивающих малый бизнес, и др. Исходя из предоставленных полномочий институту комиссаров наблюдается его тесное взаимодействие с исполнительной ветвью власти, однако он не входит в неё [3, ст. 181].

В большинстве стран СНГ «исполнительные» омбудсмены находятся только на стадии развития. В каждом государстве предложение о создании бизнес-омбудсмана выдвигается политиками разного уровня в целях улучшения инвестиционного климата.

Независимый омбудсмен

В системе разделения властей многих государств «независимый» омбудсмен занимает свою позицию на том же уровне, что и три ветви власти. При этом институт уполномоченного независим от них. Он назначается либо Главой государства, либо органом законодательной власти, но дальнейших отношений «подчинения» между ними не возникает. Уполномоченный никому не подотчётен, однако обладает служебной ответственностью.

Ярким примером «независимой» модели омбудсмана является уполномоченный Португальской Республики. В государстве он носит такое необычное название как «ProvedordeJustiça», что в переводе с португальского означает «проведор юстиции». В Португалии идею о создании института омбудсмана продвигал с 1971 года гражданский активист Жозе Магеллан Годинью (JoséMagalhãesGodinho, он же и стал первым омбудсменом страны). 21 апреля 1975 года Президент Португалии Франсишку да Кошта Гомиш подписал закон о создании поста Поручителя юстиции, который устанавливал его функции. В 1976 году этот пост был закреплён в новой Конституции (ст.23). В наше время поручитель юстиции Португалии избирается Ассамблеей республики сроком на четыре года большинством в две трети присутствующих членов, первое время он назначался президентом. Он входит в Государственный совет (орган, с которым совещается Президент Республики при осуществлении большей части своих исключительных полномочий). По сути, ProvedordeJustiça выступает медиатором-посредником между органами государственной власти и гражданами с целью помочь осуществлять их права более эффективно. При осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам [4].

За проведором юстиции закреплены такие полномочия, как контроль и проверка некоторых служб и органов:

- министерства, таможенные службы, полицейские участки, налоговые инспекции, места лишения свободы и т.д.;

- органы местного самоуправления;

- больницы и клиники, страховые фонды, ВУЗы и пр.;

- коммунальные службы.

В некоторых случаях он рассматривает жалобы на действия частных лиц:

- в случае нарушения трудовых прав женщин;

- в случае нарушения прав на основе национальных и половых признаков;

- при нарушении прав ребёнка.

ProvedordeJustiça имеет право делать рекомендации и вносить предложения в органы государственной власти, однако лишён права налагать какие-либо санкции [5].

В список «независимых» омбудсменов можно отнести и уполномоченного Нидерландов. В государстве его называют «национальным омбудсменом». Его правовое положение закреплено в Конституции Нидерландов (глава 4, статья 78а). Уполномоченный действует на основании Конституции и Закона «О Национальном омбудсмене». Главными принципами его деятельности являются независимость и беспристрастность. Основная задача омбудсмана – помощь гражданам, которые испытывают проблемы с государственным управлением, а также вынесение рекомендаций органам государственного управления для более гуманного обращения с гражданами. Уполномоченный осуществляет контроль за всем механизмом государственного управления: не только министерствами и их различными ведомствами, но и другими административными органами (такие как Банк социального страхования и Группа управления информацией), полицией, органами власти провинции и многими муниципалитетами. С 10 октября 2012 года Национальный омбудсмен Нидерландов получил дополнительные полномочия для рассмотрения жалоб на местные власти на островах Бонайре, Сент-Эстатиус и Саба [6].

Кроме того, правозащитник имеет свой вспомогательный аппарат. В него входит более 170 сотрудников, имеющих юридическое образование.

Парламентский омбудсмен

Модель «парламентского» омбудсмана является наиболее распространённой. В классической системе разделения властей он занимает место в законодательной ветви власти. Назначается парламентом, а соответственно и подотчётен ему. Уполномоченный такого типа попадает в определённую зависимость от законодательного органа государства. Это обусловлено тем, что он выступает в роли органа парламента, при этом не обладая широкими полномочиями. Парламентский омбудсмен рассматривает жалобы населения на недобросовестную работу органов местного управления и самоуправления и иных государственных органов. Жалобы, как правило, ему передают члены палат Парламента [7].

В качестве примера предлагается рассмотреть уполномоченных по правам человека в скандинавских странах. Но нам не стоит упускать тот факт, что деятельность института омбудсмана регулируется двумя концепциями: восточноскандинавской и западноскандинавской.

В восточных странах, то есть в Швеции и Финляндии, надзор осуществляется в основном за государственными ведомствами и должностными лицами. В западных странах основой контроля над деятельностью администрации выступает приоритетное соблюдение прав граждан. Общей чертой обеих концепций стала их тесная связь с государственной правовой системой: как правовое явление, работа омбудсмана тесно связана с деятельностью судов, правоприменительной практикой и адвокатурой. Помимо этого, у восточноскандинавских и западноскандинавских омбудсменов наблюдается существенное различие полномочий. У уполномоченных Дании, Норвегии и Исландии (Запад) они значительно шире. Это обусловлено тем, что в этих странах не распространены административные суды, которые выносили бы решения по частным делам, в то время как в Швеции и Финляндии (Восток) они существуют. Парламентский омбудсмен в Швеции и Финляндии наблюдает за рассмотрением дел и исполнением государственными служащими своих обязанностей, но не пересматривает вопросы, относящиеся к существу решений, которые вынесены представителями публичной администрации. Это работа государственных административных судов. В западноскандинавских странах, где существует только система судов общей юрисдикции, в которой административные суды не обособляются, омбудсмана можно рассматривать как дополнение или альтернативу судам общей юрисдикции. Нерывная связь между институтом омбудсмана и судебной системой означает, что хотя мнение омбудсмана носит только рекомендательный характер, оно обязательно будет учтено на практике [8].

В список «парламентской» модели омбудсмана включается и уполномоченный Российской Федерации. Он назначается Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (парламентом). Уполномоченный призван рассматривать жалобы граждан на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих. При осуществлении своих полномочий независим и неподотчётен каким-либо государственным органам и должностным лицам [9], также он наделён правом обращения в Конституционный, Верховный суд и суды общей юрисдикции.

Жалобы российский омбудсмен начинает рассматривать только тогда, когда все варианты решения проблемы уже исчерпаны. А порядок их рассмотрения проходит в два этапа. Жалоба рассматривается изначально работником аппарата уполномоченного, после чего передаётся на рассмотрение омбудсмену.

У федерального Уполномоченного есть свой рабочий аппарат, в котором насчитывается около 200 работников. Самым интересным фактом является то, что с высшим юридическим образованием там работает только 65% человек и что ни один из них не наделён такими полномочиями, которые предоставлены омбудсмену. Структурно аппарат Уполномоченного состоит из восьми управлений. Именно аппарат рассматривает по существу большинство поступающих жалоб.

Гибридный омбудсмен

В современном мире «гибридная» модель уполномоченного по правам человека является довольно редким явлением. Данный институт уже установлен во многих штатах США, в Канаде, Грузии и Пакистане.

В основном в роли гибридных уполномоченных выступают налоговые омбудсмены. Это обусловлено тем, что они зачастую назначаются главой правительства по согласованию с главой ветви законодательной власти. Налоговые омбудсмены учреждаются в государствах с диаметрально противоположным политическим устройством, разными правовыми системами и на разных уровнях осуществления публичной власти, что приводит к существенным различиям в их правовом статусе [10, ст. 179]. Вопрос о независимости налогового омбудсмана спорен – известно лишь, на примере Грузии, что решение о прекращении деятельности уполномоченного принимается Премьер-Министром. Специфика гибридного омбудсмана состоит в том, что его институт может быть закреплён не только в конституции государства или же в отдельном нормативном правовом акте, он может закрепляться в каком-либо ином кодексе в отдельной главе. Так, в Грузии должность Налогового омбудсмана введена Налоговым кодексом, им же устанавливаются основы правового статуса, но непосредственная регламентация статуса омбудсмана осуществляется актом исполнительного органа. О «гибридной» природе омбудсмана также свидетельствуют следующие формы взаимодействия с государственными органами: представление ежегодного отчета парламенту Грузии; передача жалоб в специальный совет по разрешению налоговых споров при Министерстве финансов, в заседаниях которого омбудсмен вправе принимать непосредственное участие. В основном в компетенцию налогового уполномоченного входит защита прав налогоплательщиков: раскрытие нарушений прав налогоплательщиков налоговыми органами или при определенных обстоятельствах другими исполнительными органами; содействие разрешению споров между налогоплательщиками и указанными органами; осуществление мониторинга защиты прав налогоплательщиков и их закон-

ных интересов; содействие совершенствованию налогового законодательства [10, ст. 179]. Но он не вправе предпринимать императивные меры в случае выявления нарушения прав налогоплательщиков.

Таким образом, проанализировав существующие модели института уполномоченного по правам человека, мы приходим к выводу о том, что каждая из моделей имеет свои особенности, к которым относятся организационно-правовая форма, порядок формирования, функции, место в системе высших государственных органов. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в Республике Беларусь более приемлемым является учреждение «независимой» модели уполномоченного по правам человека. Считаем обоснованным то, что в своей деятельности уполномоченный должен действовать независимо от иных государственных органов. Благодаря этому институту конфронтационный тип отношений "государство (государственный аппарат) – гражданин" может быть заменен отношениями взаимодействия и сотрудничества государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. История становления института Уполномоченного по правам человека [Электронный ресурс]: // Архив студенческих работ. – Режим доступа: vuzlit.ru. – Дата доступа: 26.08.18.
2. Особенности института омбудсмена в США [Электронный ресурс] // Научная цифровая библиотека – крупнейшая база авторских публикаций в России со свободным участием. – Режим доступа: portalus.ru. – Дата доступа: 26.08.18.
3. Эмих, В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – №3(14). – С. 179–181.
4. 40 лет проведору юстиции Португалии [Электронный ресурс] // Электронный проект «Информационный каталог евро». – Режим доступа: europa-coins.info. – Дата доступа: 26.08.18.
5. Кто в Португалии является Уполномоченным по правам человека? [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал газеты «Слово». – Режим доступа: gazeslovo.com. – Дата доступа: 26.08.18
6. Национальный омбудсмен Нидерландов [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал уполномоченного по правам человека Нидерландов. – Режим доступа: www.nationaleombudsman.nl. – Дата доступа: 26.08.18.
7. Парламент высший государственный орган [Электронный ресурс] // Интернет-портал – «Делопроизводство. Правила составления документов». – Режим доступа: bfmac.com. – Дата доступа: 26.08.18.
8. Скандинавский омбудсмен [Электронный ресурс] // «Общая тетрадь» – официальный интернет-портал вестника московской школы гражданского просвещения. – Режим доступа: otetrad.ru. – Дата доступа: 26.08.18.
9. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный Закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 26.08.2018.
10. Эмих, В.В. Уполномоченные по защите прав предпринимателей: зарубежный опыт и российская модель / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – №3 (14). – С. 179–181.

УДК 345.2

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****К.А. СТАДОЛЬНИК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.Н. КИРЯКОВА)*

В Республике Беларусь давно активно обсуждается вопрос, связанный с учреждением института уполномоченного по правам человека. Для нашего государства данный институт является новым. Несмотря на множество обсуждаемых концепций уполномоченного по правам человека, а также законопроектов об уполномоченном, до настоящего времени не определено, какая же модель института уполномоченного является наиболее подходящей для Республики Беларусь.

Для определения наиболее подходящей модели института уполномоченного по правам человека для Республики Беларусь автором предлагается проанализировать некоторые концепции. Требуется учесть, что на формирование многих концепций оказал влияние Закон Российской Федерации «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [1]. В работах А.В. Шавцовой, Г.А. Василевичем и М. Пастухова содержится анализ и предложения по аналогичному законопроекту в Республике Беларусь.

А.В. Шавцова в предложенной ею концепции о формировании института уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь изначально указала в качестве основной цели учреждения уполномоченного по правам человека «защиту прав и свобод граждан, содействие их соблюдению и уважению государственными органами и должностными лицами». Статья 5 проекта данного закона свидетельствует о независимости уполномоченного: «он не является частью законодательной, исполнительной, а также судебной ветви власти. В своей деятельности он не подотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. Учреждение данного института не влечет пересмотр компетенция государственных органов, осуществляющих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод граждан» [2, ст. 89].

Согласно статье 8 уполномоченный назначается Президентом Республики Беларусь, но он должен обязательно входить в число кандидатов, предложенных палатой Представителей, а затем одобрен Советом Республики. А.В. Шавцова, ссылаясь на мировой опыт, предлагает назначать уполномоченного большинством голосов палат Парламента Республики Беларусь без согласования с Президентом Республики Беларусь, ссылаясь на то, что в конституционно-правовом смысле омбудсмен является независимым лицом, которое Парламент упреждает на охрану прав граждан. То есть, автор склоняется к «парламентской» модели белорусского омбудсмана [2, ст. 89].

Уже в 10 статье проекта указаны ограничения относительно деятельности уполномоченного: «ему запрещено быть членом политических партий и иных общественных объединений, преследующих политические цели». А в статье 13 изложен перечень оснований досрочного освобождения уполномоченного. Такими основаниями являются: начиная от добровольной отставки лица или же физического истощения и заканчивая совершением преступлений. Особенностью досрочного освобождения уполномоченного является то, что функционирует временная специальная комиссия палаты Представителей, которая обязана выдавать заключения с указанием основания прекращения деятельности уполномоченного.

В проекте закона предусматривается личная неприкосновенность уполномоченного на протяжении всего его срока полномочий. Привлечение к ответственности осуществляется только по истечении срока полномочий омбудсмана или же после его досрочного освобождения.

Проектом закона омбудсмену предоставлен следующий круг полномочий: беспрепятственное посещение всех государственных органов; беспрепятственный вход на территорию и в помещения всех государственных органов и организаций, в том числе и мест связанных с лишением свободы; получение от государственных органов и должностных лиц необходимой информации, документов и иных материалов, необходимых уполномоченному; обращение за содействием к компетентным органам за помощью в проведении проверки; поручать компетентным органам проведение экспертиз; право знакомиться с уголовными и гражданскими делами, а также делами об административных правонарушениях, делами решения по которым вступили в законную силу, а также материалами по которым отказано в возбуждении уголовного дела. По проекту закона ему предоставлено безотлагательное право приема высшими должностными лицами. В том числе находится командиры и лица начальствующего состава [3].

Самой важной компетенцией омбудсмана является рассмотрение жалоб граждан на решение или действие государственных органов и должностных лиц. Наличие жалобы является не единственным основанием реагирования уполномоченного. В проекте указано, что омбудсмен имеет право по собственной инициативе принять меры для восстановления нарушенных прав и свобод при наличии информации

о массовых и грубых нарушениях прав человека либо в случаях, имеющих особое общественное значение, которые связаны с необходимостью защиты интересов лиц.

Круг обязанностей правозащитника не широк: он обязан исполнять такие обязанности как соблюдение Конституции, соблюдение законодательства, осуществление своей деятельности в соответствии с компетенцией, хранение информации граждан и её неразглашение, представление ежегодных докладов Национальному собранию Республики Беларусь, предоставление удостоверения при проверке государственного органа.

Проектом закона уполномоченному предоставлено право иметь трех заместителей.

Анализ концепции законопроекта позволяет сделать вывод о том, что предложенный уполномоченный относится к «парламентской» модели омбудсмена. Это обусловлено тем, что назначает правозащитника Президент и Парламент Республики Беларусь. Досрочное освобождение осуществляется исключительно после предварительного вынесения заключения специальной комиссией Национального собрания Республики Беларусь.

Профессор Г.А. Василевич предложил свою концепцию Национального учреждения по правам человека в Республике Беларусь. Она определила организационные и правовые вопросы создания Национального учреждения, гарантии его независимости. В соответствии с указанной концепцией целью функционирования учреждения является защита прав и свобод гражданина, обеспечение соблюдения и уважения прав и свобод человека, предупреждение нарушений прав и свобод гражданина, содействие приведения законодательства в соответствие с Конституцией, международными договорами, улучшение международного сотрудничества в области защиты прав человека, предотвращение дискриминации, содействие информированности населения.

Выделяются две основные функции омбудсмена: создание культурной среды в области прав и свобод человека и их защита. Помимо этого, на Национальное учреждение уполномоченного возложена дополнительная функция: активное сотрудничество с преподавателями учебных заведений и специалистами в правозащитной сфере – они обязаны вырабатывать современные подходы в области своей деятельности.

Далее профессором Г.А. Василевичем было уделено внимание процессу учреждения института уполномоченного, который должен определяться законом. Г.А. Василевич предлагает изначально обсудить его публично, что позволило бы уже изначально подключить широкий круг общественности – то есть изначально согласовывается появление такого учреждения с народом, а позже – с органами государственного управления. [4]

В концепции описывается штат института омбудсмена, который состоит из работников с высшим юридическим образованием численностью до 40 человек. Уполномоченный сам избирает одного заместителя по согласованию с Национальным собранием Республики Беларусь, а второго – по согласованию с Президентом Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что, в случае временной отставки омбудсмена, заместитель должен занять его пост. Назначение самого уполномоченного осуществляется Президентом Республики Беларусь по согласию с палатой Представителей Национального собрания Республики Беларусь.

За омбудсменом закрепляются следующие права: безотлагательный прием у высших должностных лиц; присутствие на заседаниях палат Парламента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Конституционного суда Республики Беларусь, Верховного суда Республики Беларусь, коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и других органов; обращение в Конституционный суд Республики Беларусь с предложениями о проверке законов в соответствии с иными нормативно-правовыми актами; обращение в палату представителей о толковании законов; беспрепятственное посещение органов государственной власти, предприятий, учреждений; ознакомление с документами, в том числе с секретными; доступ к информации, в том числе связанной со служебной и государственной тайнами; требование от органов соответствующей компетенции проведения экспертиз и предоставления заключений; обращение в суд с заявлением о защите прав; проверка соблюдения прав и свобод человека; и иные. За уполномоченным закреплено право излагать свои позиции относительно нормотворческого процесса, вносить предложения Президенту, участвовать в заседаниях палат Парламента Республики Беларусь.

Самым главным полномочием омбудсмена является рассмотрение жалоб граждан. Важным условием для подающего заявление гражданина является то, что он уже исчерпал все средства восстановления своих нарушенных прав.

Омбудсмен также наделён правом обращения в Конституционный суд Республики Беларусь наряду с субъектами, которые также уполномочены направлять обращения в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Г.А. Василевич считает обоснованным закрепить за правозащитником обязанность принесения присяги, которую должен принимать Глава государства Республики Беларусь. В ней уполномоченный

обязуется действовать независимо и непредвзято, и только в интересах гражданина. Уполномоченному запрещено заниматься иной политической, оплачиваемой или неоплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной либо творческой.

Г.А. Василевич также делает акцент на независимость уполномоченного. Вмешательство в его деятельность должно быть сопоставимо с вмешательством в деятельность суда. Он осуществляет свою деятельность независимо от других органов государственного управления и должностных лиц. При введении на территории государства военного или чрезвычайного положения его полномочия не прекращаются и ничем не ограничиваются. Омбудсмен обладает неприкосновенностью в течение всего своего срока полномочий. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности без согласия на то палаты Представителей.

Его жизнь и здоровье подлежат обязательному государственному страхованию. Он наделён правом отказа от дачи свидетельских показаний по гражданскому, административному или уголовному делу.

Несмотря на то, что уполномоченный в своей деятельности независим и никому не подотчетен, его назначение и освобождение от должности осуществляется на основе президентского акта [4].

Анализ положений концепции, предложенной Г.А. Василевичем позволяет утверждать о «гибридной» модели уполномоченного. Это обусловлено тем, что Президент Республики Беларусь назначает правозащитника по согласованию с Парламентом Республики Беларусь, однако право на освобождение от занимаемой должности принадлежит исключительно Президенту Республики Беларусь после предварительного составления специальной комиссией Национального собрания заключения.

Несколько иной проект закона «Об уполномоченном по правам человека» был представлен Михаилом Ивановичем Пастуховым. В основу проекта закона также лег опыт зарубежных стран. Уже изначально автор указал, что принятию нового законопроекта предшествует соответствующее изменение в Конституции Республики Беларусь. А именно, предполагается внесение в Конституцию Республики Беларусь новой главы под названием «Уполномоченный по правам человека».

В своей деятельности омбудсмен независим и не подотчетен. Он руководствуется исключительно Конституцией Республики Беларусь и законами, нормами международного права. В соответствии с проектом закона должность кандидатуры уполномоченного рассматривает Национальное собрание Республики Беларусь. Кандидатуру омбудсмена выдвигают политические партии, общественные объединения, инициативные группы. Выборы омбудсмена назначаются исключительно Парламентом Республики Беларусь. Статья 8 закрепила обязанность уполномоченного приносить присягу, в которой он торжественно клянётся всемерно защищать права и свободы человека и гражданина. Омбудсмену предоставлено право выбора двух заместителей. Он выдвигает их кандидатуры для назначения Национальным собранием Республики Беларусь, после чего Парламент эти кандидатуры одобряет.

В статье 9 перечислены основания освобождения от должности уполномоченного: нарушение требований законодательства, вступление в законную силу обвинительного приговора суда, неспособность исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, добровольное сложение полномочий, а также совершение проступка, несовместимого с высоким статусом уполномоченного. Правом досрочного освобождения от должности уполномоченного обладает Парламент Республики Беларусь. Для снятия омбудсмена с должности предварительно создается временная комиссия депутатов, которая исследует факты и занимается подготовкой заключения. В таком же порядке от должности освобождаются и заместители уполномоченного.

К сфере компетенции омбудсмена относятся: право принимать к рассмотрению жалобы на действия государственных органов и должностных лиц; право запрашивать и получать от государственных органов необходимые документы и материалы; право получать письменное объяснение должностных лиц в ходе проверки жалобы; обращаться в суд и иные органы с заявлением о защите нарушенных прав; право участвовать в судебных процессах; право обращаться в Парламент Республики Беларусь с предложением о проведении парламентских слушаний, в случае массовых нарушений прав граждан. Не упущено право обращения к субъектам, имеющим право законодательной инициативы, с предложениями вносить изменения или дополнения в законодательство [5].

За омбудсменом закреплена обязанность предоставления ежегодного доклада Парламенту о ситуации в сфере прав человека. Допустимо и опубликование докладов омбудсмена в средствах массовой информации. Законом ему могут быть предоставлены и иные права.

Кроме того, установлены существенные пределы полномочий по рассмотрению жалоб: уполномоченному запрещено рассматривать жалобы на решения судов до их вступления в законную силу; не рассматриваются жалобы на споры между служащими и органами государственного управления; не рассматриваются споры между частными лицами; запрещено вмешиваться в органы дознания, предварительное следствие, судебное разбирательство, ставить под сомнение принятые решения судом. Однако предоставлено право обращаться к соответствующим инстанциям для проведения контроля в случаях нарушения прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы, и фактов злоупотребления властью.

При проведении проверок за омбудсменом закреплены следующие права: беспрепятственное посещение всех органов государственного управления; запрос и получение от органов государственной власти необходимых сведений; получение объяснений от должностных лиц; поручение компетентным органом проведение экспертиз и подготовки заключений; ознакомление с уголовными, гражданскими делами и делами об административных правонарушениях. Как у любого уполномоченного в зарубежных странах за белорусским омбудсменом закреплено право безотлагательного приема у руководителей всех органов государственной власти.

Для обеспечения деятельности омбудсмана предусмотрено функционирование Секретариата. Его структура и положение о нём утверждается самим уполномоченным. Также он сам устанавливает численность и штатное расписание рабочего аппарата. В список прав правозащитника входит издание распоряжений по вопросам, связанным с руководством аппаратом [5].

Анализ проекта закона об уполномоченном, который предлагается М. Пастуховым, позволяет утверждать о зависимости омбудсмана от Национального собрания Республики Беларусь. Таким образом, профессором М. Пастуховым предлагается установить «**парламентскую**» модель уполномоченного в Республике Беларусь.

Проанализировав предложенные выше концепции института уполномоченного в Республике Беларусь, можно сделать вывод о том, что большинство белорусских ученых считают наиболее приемлемой для применения в Республике Беларусь «парламентскую» модель уполномоченного по правам человека. Обосновывают свой выбор указанные выше авторы тем, что Национальное собрание Республики Беларусь должно участвовать в выборе кандидатуры белорусского омбудсмана. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в Республике Беларусь более приемлемым является учреждение «независимой» модели уполномоченного по правам человека. Считаем обоснованным то, что в своей деятельности уполномоченный должен действовать независимо от иных государственных органов.

По формированию Института Уполномоченного в зарубежных странах предусмотрены различные подходы. В Республике Беларусь видится рациональным установить порядок назначения Уполномоченного Президентом Республики Беларусь из числа кандидатов, предложенных Парламентом Республики Беларусь. К каждому кандидату будут выдвигаться следующие требования: 1) обладание знаниями и опытом в области защиты прав человека; 2) проживание постоянно в последнее время на территории Республики Беларусь не менее 7 лет; 3) гражданство Республики Беларусь по рождению; 4) возраст не менее 35 лет.

Видится обоснованным, что Уполномоченному по правам человека будет запрещаться занимать иные государственные должности и заниматься какой-либо предпринимательской деятельностью, за исключением преподавательской, научной и творческой. Важным критерием для Уполномоченного является политическая нейтральность, что говорит о его недопустимости вмешательства в политику государства.

Все требования Уполномоченного государственные органы и должностные лица должны беспрекословно соблюдать. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, объединения граждан, предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности, должностные и служебные лица, к которым обратился Уполномоченный, обязаны сотрудничать с ним и оказывать ему необходимую помощь, в частности: обеспечивать доступ к материалам и документам, в том числе на принципах, указанных нормативными актами об охране государственной и служебной тайн; предоставлять информацию и давать объяснения относительно фактического и правового основания своих действий и решений.

Если говорить о порядке привлечения к ответственности Уполномоченного по правам человека, то видится закономерным в силу его особого статуса для привлечения к уголовной либо административной ответственности закрепить необходимость согласия Президента Республики Беларусь, так как право назначения правозащитника принадлежит ему. Исключением будет являться задержание его на месте преступления. Сторону обвинения должен представлять Генеральный прокурор страны.

Таким образом, необходимость учреждения «независимой» модели института уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь является закономерностью и итогом процесса социализации государства и демократизации гражданского общества. Благодаря этому институту конфронтационный тип отношений "государство (государственный аппарат) – гражданин" может быть заменен отношениями взаимодействия и сотрудничества государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // Официальный интернет-

портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 25.08.2018.

2. Шавцова, А.В. Формирование института уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь / А.В. Шавцова // Право и демократия. – 2003. – № 14. – С. 89–101.

3. Об Уполномоченном Верховной Рады Украины по правам человека [Электронный ресурс] : Закон Украины от 1998 года // Правовой портал Украины. – Режим доступа: <http://lawua.info>. – Дата доступа: 25.08.18.

4. Василевич, Г.А. Зачем Беларуси нужен уполномоченный по правам человека? [Электронный ресурс] / А.Г. Василевич // Официальный белорусский портал новостей. – Режим доступа: www.tut.by. – Дата доступа: 26.08.18.

5. Концепция об уполномоченном по правам человека [Электронный ресурс] // Белорусская интернет-газета. – Режим доступа: naviny.by. – Дата доступа: 26.08.18.

УДК 342.55

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ОРГАНАМИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Э.О. ТРОФИМОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассмотрены основные формы общественного контроля над органами местного управления и самоуправления в Российской Федерации. Выявлены случаи, в которых данные формы были использованы на практике, а также обобщен опыт применения данных форм.

Главная задача любого демократического государства состоит в обеспечении прав и свобод человека. Органы местной власти не всегда способны добросовестно выполнять свои должностные обязанности при отсутствии обратной связи и контроля со стороны общества, контролировать органы местной власти призван институт общественного контроля. Изучая нормативные материалы, связанные с общественным контролем в Республике Беларусь, можно заметить, что институт общественного контроля в нашей стране находится в стадии развития и даже зарождения, поэтому важное значение для развития законодательства и различных форм общественного контроля в нашей стране имеет опыт зарубежных стран. В качестве примера, рассмотрим формы общественного контроля граждан в Российской Федерации, поскольку в этой стране институт развит в большей степени, чем в Республике Беларусь.

В 2014 году в Российской Федерации вышел закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1], в котором были установлены различные формы контроля граждан. В числе прочих законодатель выделяет формы за контролем над органами местного управления и самоуправления, так называемые формы «взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного управления и самоуправления». К числу этих форм относятся следующие:

- Общественный мониторинг – постоянное или временное наблюдение за деятельностью органов местного управления и самоуправления. Общественный мониторинг проводится открыто с использованием информационных систем, в том числе Интернета. Его организатором может стать как обычный гражданин Российской Федерации, так общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, общественные объединения. В зависимости от результатов общественного мониторинга его организатор вправе инициировать проведение общественного обсуждения, общественных (публичных) слушаний, общественной проверки, общественной экспертизы.

За 2017 год в Российской Федерации проведено по меньшей мере 20260 общественных экспертиз.

- Следующей формой является общественная проверка – действия по сбору и анализу информации, проверке фактов и обстоятельств, касающихся деятельности органов местного управления и самоуправления. Инициатором общественных проверок по отношению к органам местного управления и самоуправления могут быть граждане или общественные палаты муниципальных образований. Организатор общественной проверки доводит до сведения руководителя проверяемого органа или организации информацию об общественной проверке. По окончании проверки организатор подготавливает итоговый документ, который доводит до сведения интересующегося населения той или иной административно-территориальной единицы, в том числе и посредством сети Интернет.

Так, например, в 2012 году в Смоленском районе города Брянска была проведена общественная проверка соответствия нормативно-правового акта законодательству, организованная инициативной группой из населения Смоленской области. В ходе общественной проверки были подключены органы прокуратуры, так как было выявлено нарушение закона. Орган местного управления при принятии решения «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма, а также минимизации или ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории муниципального образования «Смоленское сельское поселение» на период 2013-2015 годы» вышел за пределы предоставленных ему законом полномочий. Было постановлено безотлагательно рассмотреть протест граждан на ближайшем заседании Смоленского сельского Совета народных депутатов и как итог отменить указанное решение.

В соответствии со статистикой, за 2017 год проведено несколько тысяч общественных проверок по всем регионам Российской Федерации.

- Следующая форма – Общественная экспертиза – оценка актов, решений, документов и других материалов, деятельности органов и организаций на соответствие требованиям законодательства посредством специалистов, привлеченных на общественных началах – общественных экспертов. Инициатором общественных экспертиз по отношению к органам местного управления и самоуправления могут быть граждане или общественные палаты муниципальных образований.

Так, за 2017 год в Российской Федерации было проведено более 860 общественных экспертиз актов органов местного управления и самоуправления.

Следующие две формы – это публичные слушания и общественные обсуждения. Публичные слушания и общественные обсуждения детально описываются в статье 28 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [2]. Согласно этому закону на публичные слушания и общественные обсуждения могут выноситься 1. проект устава муниципального образования, а также проект муниципального нормативного правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав; 2. проект местного бюджета и отчет о его исполнении; 3. проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования; 4. вопросы о преобразовании муниципального образования; 5. Проекты по благоустройству административно-территориальной единицы.

• Общественное обсуждение – публичное обсуждение общественно значимых вопросов, а также проектов решений органов местного управления и самоуправления. В таких обсуждениях, помимо самих граждан, в обязательном порядке участвуют уполномоченные лица органов управления и самоуправления с целью личного обсуждения проблем той или иной административно-территориальной единицы с гражданами. Общественное обсуждение проводится публично и открыто. Участники общественного обсуждения вправе свободно выражать свое мнение и вносить предложения по вопросам, вынесенным на общественное обсуждение.

Так, например, в 2018 году было проведено общественное обсуждение проекта местного органа самоуправления, на котором заслушивались мнения граждан по Проекту благоустройства и озеленения территории парка «Купеческие угодья» в городе Москва. Кроме этого вопрос был открыт на российском сайте Активный гражданин. По итогам обсуждения было принято решения о принятии Проекта благоустройства и озеленения территории парка «Купеческие угодья».

• Общественные (публичные) слушания – собрания граждан, организуемые любыми органами и организациями, для обсуждения вопросов, касающихся деятельности органов местного управления и самоуправления. Общественные слушания отличаются от общественных обсуждений тем, что слушания проводятся только путем реального собрания граждан, в то время, как общественные обсуждения могут проводиться и в сети Интернет.

Например, в 2017 году в городе Ярославле прошло публичное слушание по Проекту решения местных органов управления и самоуправления «О внесении изменений в Правила благоустройства территории города Ярославля» [3]. Кроме того, проект решения местных органов управления и самоуправления был опубликован в газете «Городские новости» и был размещен на официальном портале города Ярославля в сети Интернет. В ходе слушания были выслушаны все замечания и предложения по Проекту и выведен итог: направить в муниципалитет города Ярославля доработанный с учетом предложений, одобренных оргкомитетом, проект решения муниципалитета города Ярославля «О внесении изменений в Правила благоустройства территории города Ярославля» [3].

Что касается общественных обсуждений и публичных слушаний, то за 2017 год их проведено, по меньшей мере, несколько сотен тысяч, этот факт, безусловно, говорит о продуктивности работы общества и общественных объединений в области контроля органов местного управления и самоуправления.

Помимо названных форм, в Российской Федерации, как и во всех странах, существуют и другая, косвенная форма, такая как выборы депутатов, которые являются высшим и непосредственным выражением власти народа. С помощью них население выбирает самого достойного претендента на пост, в данном случае, депутата в органы местного управления и самоуправления, который сможет решить самые важные проблемы населения конкретной административно-территориальной единицы. В связи с этим в статье 24 Закона Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], определен институт отзыва депутата, члена выборного органа самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Процедура отзыва депутата проводится по инициативе населения в порядке, установленном федеральным законом.

Таким образом, исследование опыта Российской Федерации в области правового регулирования общественного контроля над органами местного управления и самоуправления и сделанные на его основе выводы могут быть продуктивно применены в отношении аналогичной сферы контроля, возникающей на территории Республики Беларусь. С полной уверенностью можно сказать, что применение накопленного опыта и прогрессивных правовых идей, заимствованных из Российской Федерации, благотворным образом может сказываться на функционировании белорусских правовых институтов, в частности, в сфере контроля над органами местного управления и самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон 21 июля 2014 г. №212-ФЗ : с изм. и доп. от 29 дек. 2017 г. // Консультант Плюс. – М., 2017.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный Закон 16 сентября 2003 г. №131-ФЗ : с изм. и доп. от 5 фев. 2018 г. // Консультант Плюс. – М., 2017.
3. О внесении изменений в Правила благоустройства города Ярославля [Электронный ресурс] : решение муниципалитета города Ярославля от 12 мая 2016 г. №695 // Консультант Плюс. – М., 2016.

УДК 342.55

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
НАД ОРГАНАМИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Э.О. ТРОФИМОВА****(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)**

Рассматриваются конституционные основы деятельности органов местного управления и самоуправления, а также общественного контроля над данными органами. Кроме этого, изучаются основные статьи Конституции, в которых закреплён институт общественного контроля над органами местного управления и самоуправления.

Одной из важнейших задач любого развитого государства является укрепление доверия граждан своей страны, причем это касается как власти на государственном уровне, так и на местном. Можно сказать, что для местной власти вопрос реализации этой задачи стоит более остро, чем для общегосударственной, поскольку именно на местном уровне решаются наиболее важные, бытовые вопросы, касающиеся жизни граждан.

В Республике Беларусь, как и в любом другом государстве, местное управление и самоуправление является важным элементом демократии и плюрализма в стране. В основе местного самоуправления лежат конституционные принципы, которые исходят из главных задач государства. Помимо отдельных положений, касающихся прав человека, в Конституции Республики Беларусь [1] существует целый раздел, посвященный местному управлению и самоуправлению. В нем закреплены основные принципы избрания, деятельности, компетенции местных органов управления и самоуправления. Эти положения лежат в основе определения содержания и форм взаимодействия между центральной и местной властью.

Права человека, косвенно касающиеся возможности общественного контроля и защиты, закреплены уже в преамбуле Конституции [1]: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси)... стремимся утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства...» [1]

В преамбуле Конституции Республики Беларусь [1] закреплено понятие народовластия, в последующих статьях Конституции [1] закреплено понятие суверенитета народа. Как же связан суверенитет народа с общественным контролем? Суверенитет народа означает верховенство народа, право решать вопросы, касающиеся жизни народа, вопросы общественного и государственного развития, а также возможность формирования направления политики своего государства, состав его органов, контроля над деятельностью государственных органов и органов местного управления и самоуправления. Соответственно, те нормы, которые закрепляют суверенитет народа, являются основой для существования общественного контроля.

Помимо общих норм, закрепляющих суверенитет народа, существуют также и специальные нормы, регулирующие отдельные аспекты общественного контроля. К таковым относятся, например, статья 118 и 34 Конституции Республики Беларусь [1].

Первая норма, которую можно выделить, это статья 2 Конституции [1]. В ней говорится, что Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности [1]. В соответствии с научно-практическим комментарием к Конституции Республики Беларусь [1] Василевича Г.А., признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и их гарантированность со стороны государства означает придание им приоритета по отношению к иным каким-либо ценностям. Ориентиром в деятельности государства, его органов и должностных лиц должны быть права и свободы человека [2].

Следующей нормой, на которую следует обратить внимание, это статья 3 Конституции Республики Беларусь [1]: Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией [1]. Государство (его органы) приобретают власть от народа. Именно он источник власти. В этом смысле мы можем говорить о верховенстве народного суверенитета по отношению к суверенитету государственному. Государственную власть может осуществлять как народ, так и специально создаваемые для этих целей органы. Они могут формироваться народом (например, парламент) либо органами, которые сформировал народ. Поэтому можно действительно утверждать, что государственная власть проистекает от воли народа [2].

В соответствии со статьей 21 Конституции Республики Беларусь [1], обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства [1].

В статье 23 Конституции [1] говорится о том, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1]. Данная норма означает, что никто и ничто, в частности, органы местного управления и самоуправления не вправе действовать вопреки интересам населения административно-территориальной единицы. В случае нарушения интересов граждан, принимаются меры по ликвидации нарушений и восстановлению прав человека или группы людей.

Статья 40 Конституции [1]: Каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы. Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивированным [1]. Право граждан на обращение в государственные органы является важнейшим конституционным правом, которое можно рассматривать как одно из проявлений непосредственной демократии. Этому праву корреспондирует (соответствует) обязанность государственных органов, должностных лиц рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Таким образом обеспечивается взаимодействие (связь) гражданина и власти [2].

Статья 59 Конституции Республики Беларусь [1]: Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Эти органы и лица несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности [1]. Конституция возлагает на субъекты власти обязанность, действуя в пределах своей компетенции, принимать все меры для осуществления прав и свобод личности. Компетенция – это не только права, но и обязанности. Каждый орган государственной власти независимо от того, к какой ветви он относится (представительной, исполнительной, судебной), обязан надлежащим образом реализовать как права, так и возложенные обязанности. Государственный орган (должностное лицо) не может отказаться от выполнения предусмотренных законодательством обязанностей [2].

Благодаря местным органам самоуправления народ становится приближеннее к государственной власти, поскольку органы местного самоуправления, в частности Совет депутатов, являются выборным органом и избираются непосредственно народом. Этот факт прописан в Конституции [1] в статье 117 «Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах» [1] и статье 118 «Местные Советы депутатов избираются гражданами соответствующих административно-территориальных единиц сроком на четыре года» [1].

Местное самоуправление осуществляется в административно-территориальных единицах: сельсоветах, поселках, городах, районах, областях. Основная задача органов местного самоуправления заключается в том, чтобы решать вопросы, в которых заинтересованы граждане конкретного населенного пункта. В статье 121 [1] прописаны действия, относящиеся в исключительной компетенции местных Советов депутатов, в первую очередь к ним относят утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении. Так же местные Советы вправе устанавливать в соответствии с законом местные налоги и сборы, определять в пределах, установленных законом, порядок управления и распоряжения коммунальной собственностью, назначать местные референдумы.

Статья 120 Конституции Республики Беларусь [1] «Местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы в пределах компетенции решают вопросы местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории, исполняют решения вышестоящих государственных органов» [1]. В данной статье [1] идет речь о самостоятельности местных органов управления и самоуправления в пределах своей компетенции. Наряду с самостоятельно принимаемыми решениями, проведением их в жизнь, местные органы управления и самоуправления исполняют также решения вышестоящих государственных органов. В каком-то смысле, указание на "вышестоящие" государственные органы свидетельствует об отнесении местных Советов, исполнительных и распорядительных органов к государственным органам.

В Конституции [1] также прописаны права граждан относительно местного управления и самоуправления. Согласно требованиям статьи 34 «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельно-

сти государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы» [1], деятельность государственных органов, общественных объединений должна протекать публично. Они обязаны в соответствии с их компетенцией давать полную, достоверную и своевременную информацию о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды. Содержание этой статьи относится как к местным органам управления, так и государственным.

О деятельности, решениях, собраниях местных органов управления и самоуправления граждан информируют через местные средства массовой информации, чаще всего через публикации в газетах или журналах. Также актуальным для наших граждан является требование о предоставлении информации о состоянии окружающей среды. К материалам, которые могут затрагивать права и законные интересы гражданина, можно отнести решения, касающиеся предоставления или лишения его льгот, каких-либо преимуществ. Также гражданин вправе ознакомиться с тем, как разрешалось его обращение в органы местного управления и самоуправления.

Часть 3 статьи 37 Конституции Республики Беларусь [1] «В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях». В этой статье конкретно описывается формы осуществления государственной власти народом, прописанные в статье 3 Конституции Республики Беларусь. Посредством местных собраний происходит участие народа в своеобразной правотворческой деятельности на местном уровне. Обсуждая некоторые вопросы, граждане выражают свое отношение к данной проблеме, дают свою оценку. Местные органы власти обязаны прислушиваться к мнению своего народа, дабы предупредить нарушение их интересов. Если в местных собраниях имеют право принимать участие только лица, достигшие совершеннолетнего возраста, то в народных обсуждениях вправе приниматься участие все граждане, независимо от их возраста.

Таким образом, мы провели анализ конституционных основ общественного контроля над органами местного управления и самоуправления. Из вышесказанного следует, что в Конституции [1] нашей страны в полной мере закреплён институт общественного контроля над органами местного управления и самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
2. Василевич, Г.А., Научно-практический комментарий в Конституции Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – Минск : БГУ, 2000. – 360 с.

УДК 342

**ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
В КОНСТИТУЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 3 МАЯ 1791 ГОДА****Н.В. КОЗЛОВ****(Представлено: А.В. ВАЛЕВКО)**

Рассматривается содержание Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года на предмет понятия «правовое государство», его признаков и структуры, особенностей того времени данного понятия в документе.

Правовое государство – тип государства, последовательно воплощающего принципы конституционализма, ограниченного в своих действиях нормами права и развитым социальным контролем. Принципами правового государства являются взаимная ответственность государства и гражданина, разделение властей, верховенство гуманных законов, приоритет прав личности и наличие гражданского общества [1, с. 82–83].

Принятию Конституции 3 мая предшествовала острая политическая борьба. Конституция являлась результатом компромисса между шляхтой и городской буржуазией [2, с. 97].

Конституция 3 мая 1791 года состояла из преамбулы и 11 разделов.

Содержание преамбулы представляло «народ польский», его интересы и свободы. Также в ней было закреплено право народа, при необходимости, в установленном законом порядке, вносить изменения в какую-либо статью Конституции, что свидетельствует о развитии демократизма и зарождении полноценного гражданского общества.

Раздел 4 добавлял обязательства по договорам между крестьянами и землевладельцами, мигрантами и государством. Появлялся и развивался институт договора, что закрепляло взаимную ответственность в государстве.

В разделе 5 содержалось, что "всякая власть в человеческом обществе берет свое начало в воле народа" [3, с. 258]. Поэтому, закреплялась трёхзвенная система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Данный раздел содержит предпосылки для создания единого государства и нерушимой свободы населения.

В разделе 6 указывалась структура и полномочия сейма, который состоял из двух палат: палаты послов и палаты сенаторов под руководством короля [4, с. 87]. Палата послов объявлялась «отражением всевластия народа» и обсуждала все проекты. Закон, принятый в палате депутатов, передавался в сенат, который мог его одобрить или отложить до повторного заседания сейма. В этом случае собирались обе палаты, и решение принималось большинством голосов, отменялось свободное вето. Устанавливалось, что конституция подлежит пересмотру через 25 лет. В разделе отражается незначительная демократизация сейма и гарантия устойчивой Конституции.

В разделе 7 указывалось, что высшим исполнительным органом – правительством – объявлялся «страж законов», состоящий из короля, главы комиссии народного образования и 5 министров [5, с. 142]. Назначались 2 секретаря, один из которых вел делопроизводство "Защита законов", второй – иностранные дела. Закреплялась отмена избрания королей и установление наследования трона. Король признавался высшим руководителем всех вооружённых сил в стране, назначал и снимал генералов, офицеров, чиновников, сенаторов, епископов. Все акты короля должны быть подписаны соответствующим министром, который отвечал перед сеймом за данный акт. В случае если ни один из министров не подписывал решение, король отступал от него, а если он настаивал, то вопрос переносился на рассмотрение сейма. Данный раздел возвращает старые привилегии короля и закрепляет ограничение его власти исполнительной властью, что подчёркивает положение Раздела 5.

В разделе 8 объявлялся принцип осуществления правосудия только судом. Все суды подразделялись на суды первой и второй инстанции. Суды первой инстанции были постоянными и работали на протяжении всего года. Создавались суды для свободных крестьян, а также высший суд – суд сейма, занимающийся криминальными делами по государственным преступлениям против народа и короля [6, с. 648]. В разделе присутствует постановление о создании нового гражданского и уголовного кодекса. Раздел отражает серьёзную систематизацию законодательства и всей судебной системы, создание её как отдельной ветви власти, что также только закрепляет положение Раздела 5.

Таким образом, Конституция, сохранив феодальное содержание, закрепляла основную часть признаков правового государства. Документ создал предпосылки для правовой защиты населения в неравном социальном обществе, внёс незначительные изменения в правовое положение крестьян, что является началом создания полноценного гражданского общества – социальной основы правового государства.

Медленное проникновение демократизма в государственный аппарат в корне изменило структуру высших органов власти, установив её трёхзвенную систему. Отмена свободного вето создавала возможность создания более гуманных законов в государстве, что могло стать началом для появления свободной инициативы населения. Становление правового государства предполагает радикальные перемены в условиях и качестве жизни населения. Конституция является гарантом и отражением правового государства. Всякое государство, обладающее Конституцией, является таковым. Конституция 3 мая 1791 года положила начало для создания такого государства, однако, из-за событий 1792 года, не все возможности и цели документа не были реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь, П.И. Политология : учеб.-метод. комплекс / П.И Бондарь, Ю.П Бондарь. – Минск : Аверсэв, 2003. – 463 с.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: «Са старажытных часоў да нашых» : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; Акад. МУС. – Мінск, 1998. – 174 с.
3. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: Са старажытных часоў да нашых : вучэб. дапам. : у 2 ч. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
4. История государства и права Беларуси : учеб. - метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 01 «Организация и деятельность государственных органов» / сост. и общ. ред. И.Ф. Буракова. – 3-е изд. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – 128 с.
5. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси / И.Н Кузнецов, Шелкопляс В.А. – Минск : Дикта, 1999. – 272 с.
6. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. – 798 с.

УДК 342

**ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 3 МАЯ 1791 ГОДА****Н.В. КОЗЛОВ***(Представлено: А.В. ВАЛЕВКО)*

Детально рассматриваются причины появления первого конституционного акта, на территории Беларуси, начиная от политического положения государства и заканчивая теоретико-идеологическими трудами публицистов.

На фоне различных политических факторов, которые относились к Речи Посполитой в конце 18 века, зарождаются истоки первой концепции Конституции территории Беларуси.

Первой значимой предпосылкой стоит назвать масштабное реформирование всего государственного строя Речи Посполитой, вызвавший, на короткий временной отрывок, экономический подъём государства. Станислав Август Понятовский, при котором и принимались данные реформы, активно поддерживал изменения. Результатом данных политических преобразований и является принятие Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года, которая является источником первых признаков понятия «правовое государство». Искоренилось право «либерум вето», появился принцип разделения властей, а также ограничение монарха в своей власти, осуществляется обязательность выбора главы государства. Качественно изменилась судебная система, сейм приобрёл черты законодательного органа [1, с. 42]. Но изменения коснулись не всего того, что необходимо было поменять, и феодальный строй так и остался доминирующим в социуме.

Вторая предпосылка – реформы Чарторыйских.

В середине XVIII в. семья Чарторыйских являлась основой партии, которая выдвинула программу реформ, предусматривавших определённую модернизацию государственного устройства Речи Посполитой, которая находилась в состоянии политического кризиса [2, с. 210]. Как и остальные партии государства, Чарторыйские искали политическую поддержку и помощь от стран-соседей. Отличием, от программ других партий, являлось то, что данную помощь Чарторыйские нашли в лице Российской империи. Благодаря поддержке данного государства, уже с 1764 г. Чарторыйские начали активно проводить постепенные реформы, направленные на укрепление центральной власти.

Благодаря деятельности реформирования Чарторыйских, была предпринята очередная попытка для создания единого государства. Данные реформы сыграли важную роль, и определённая часть данных идей вошла в содержание Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года.

Третья предпосылка – деятельность С. Конарского и Г. Коллонтая.

Конарский являлся публицистом, который, открыто, выступил против права «либерум вето» в 1761 году и предлагал заменить его решением дел по большинству голосов. Этот первый смелый план коренной реформы заседания сейма, ибо его предшественники, в области политического и государственного строя, а также публицисты того времени, даже не представляли изменения данного права.

Коллонтай, будучи литовским референдарием, не принимал активного участия в заседаниях сеймов. Однако, из-за своих научных трактатов и работ, из которых первый появился «Письма анонима» (1787 г.), он собирал вокруг себя других публицистов и сопоставлял их научно-общественную деятельность определённому плану. В «Письмах анонима» Коллонтай изобразил широкую программу реформ, которая ярко отражала либеральные идеи того времени: наследственность престола, полная отмена права «либерум вето», равноправие городского населения со шляхтой и освобождение крестьян от крепостного права.

В своих трудах, Коллонтай детально прорабатывал теоретические взгляды отдельных частей своего плана. Активно продвигал свои идеи и взгляды, мотивируя тем, что данная информация играет важную роль в политической защите Речи Посполитой от стран-соседей.

Также, стоит отметить тот факт, что Коллонтай является создателем «Поланецкого универсала» – законодательного акта восстания 1794 года Т. Костюшко, и Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года. «Поланецкий универсал» не отменял крепостного права полностью и не ликвидировал феодальной эксплуатации, но разрешал крестьянам уходить от помещиков, что было в интересах зарождавшейся буржуазии. Этот акт был, безусловно, прогрессивным, хотя и половинчатым. Он ослаблял экономическое положение помещичьих имений, ограничивал барщину и подрывал значение дворянских привилегий [3, с. 214].

Деятельность данных публицистов дало начало для создания идеологической и теоритической базы для создания данной Конституции, активировала зарождение идей о демократизации сейма, а также начало развития гражданского общества.

Таким образом, первая Конституция Европы имеет достаточно богатую историю, предшествующую её принятию. Документ был создан на фоне масштабных причин, имеющих многолетнюю основу создания. Сами предпосылки являлись частью мысли об изменении либо модернизации политического и государственного строя, что, в конечном итоге, отразилось в Конституции. Документ являлся прогрессом, для своего времени, в правовом регулировании сфер общественной жизни государства, собравший в себе коренные изменения для населения Речи Посполитой, хоть и носил феодальный характер. Однако, из-за событий 1792 года, не все возможности и цели данной Конституции были реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История государства и права Беларуси : учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 01 «Организация и деятельность государственных органов» / сост. и общ. ред. И.Ф. Буракова. – 3-е изд. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – 128 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : Эка-перспектыва, 2007. – Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 344 с.
3. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я.А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270с.

УДК 342

**ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ДЕТСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.А. ГЕРАСИМЕНОК****(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)**

Рассматриваются вопросы международного и национального уровня правового регулирования защиты и охраны прав детей. Акцентируется внимание на направлениях государственной политики Республики Беларусь в области гарантирования прав ребенка

Период детства является – фундаментальным этапом в жизни человека. Дети, являются неотъемлемой частью нашего общества, и все права детей производны от общепризнанных принципов прав человека. Актуальность исследования заключается в том, что, дети являются одним из социально уязвимых слоев населения и нуждаются в проявлении особой охраны и заботы со стороны государства.

Нормативное регулирование прав детей на международном уровне берёт своё начало ещё до 2-ой половины XX ст. Первым международным документом, направленным на защиту прав детей, является Женевская декларация прав ребенка, принятая в 1924 году Ассамблеей Лиги Наций. Декларация содержала 5 принципов, ориентированных на защиту детей от голода, болезней, обездоленности, сиротства и детского рабства. После Второй мировой войны первой международной организацией, которая начала специализироваться на правах детей стал Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ) учреждённый в 1946 году. Первоначально, это был временный фонд в структуре ООН, главная цель которого была оказания помощи детям после Второй мировой войны, а с 1953 года ЮНИСЕФ является постоянным учреждением в составе ООН. Отметим, что 1959 год является годом принятия Женевской Декларации прав ребёнка, в которой были перечислены основополагающие принципы, касающихся прав детей. Кроме того, в Декларации закреплены такие права детей, как право на обеспечение социальной защиты, право на умственное, физическое и нравственное развитие, право на имя и гражданство, право на надлежащие питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание, право на получение образования, право на первоочередную помощь и защиту, право на защиту от жестокости и любой формы торговли ими [2]. Именно этот этап исторического развития характеризуется активной международной деятельностью в сфере защиты прав детей, поскольку данный этап характеризуется тем, что всё больше государств становились на путь социальной и правовой направленности.

Одним из важных международных документов в области защиты прав детей является Конвенция о правах ребёнка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. Данная конвенция отражает весь предыдущий опыт в сфере международного нормативного регулирования прав детей и вводит новые положения. Данная Конвенция основывается на следующих основных принципах: а) полное исключение дискриминации (статья 2); б) принцип наилучшего обеспечения интересов в отношении детей (статья 3). Данные принципы являются базовым «фундаментом» для построения правовых норм в данном документе.

Национальное регулирование прав ребенка в Республике Беларусь представлено достаточно большим пластом нормативных правовых актов. Основным нормативный правовой акт государства – Конституция Республики Беларусь. Так, в разделе «Личность, общество, государство» в ч. 1 ст. 32 определено следующее: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [6]. Анализ данной нормы Конституции свидетельствует о закреплении фактической обязанности государства защищать детство, права и обязанности каждого ребенка, их родителей. В этой же статье, в части 3, устанавливается, что именно на родителей либо других законных представителей ложится обязанность по воспитанию, развитию, обучению детей и заботе об их здоровье, также в этой части, приводятся действия по отношению к ребёнку, на которые, в силу своей очевидной пагубности, возложен запрет, сущность которого состоит в следующем: «Ребёнок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию» [6]. В части 4 говорится о том, что если, родители и другие лица, их заменяющие будут выполнять своих обязанностей, то по приговору суда детей могут отделить от семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, то есть, это такая форма защиты прав детей, в случаи их нарушения со стороны родителей и других лиц, их заменяющих.

Следующим нормативным правовым актом, который необходимо рассмотреть, является Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [4]. К примеру, в разделе 4 «Охрана детства» приведены общие положения в отношении прав детей – глава 15, социальные права детей – глава 16, а также материальные права детей – глава 17 [4]. Важным аспектом, является определение того, до какого возраста, лицо не считается взрослым. В статье 179 данного Кодекса указаны следующие градации: лицо до 18 лет – несо-

вершеннолетнее, лицо до 14 лет – малолетнее, лицо от 14 до 18 лет – подросток [4]. В статье 182 закрепляется равноправие детей независимо от происхождения, расовой, национальной и гражданской принадлежности, социального и имущественного положения, пола, языка, образования, отношения к религии, места жительства, состояния здоровья и иных обстоятельств, касающихся ребёнка и его родителей, равной и всесторонней защитой пользуются дети, рождённые в браке и вне брака [4], то есть данная статья исключает возможность диспаритета прав одних детей над другими, закрепляет запрет на дискриминацию в отношении детей. Таким образом, в данной норме реализуется конституционный принцип запрета дискриминации в отношении личности по какому-либо признаку. Главы 16 и 17 закрепляют конкретные социальные и материальные права: право детей на жизнь, достойные условия жизни и охрану здоровья – статья 184, право на жизнь в семье – статья 185, право на образование и труд – статья 186, право на отдых и досуг – статья 187, право на защиту – статья 189, право на материальное обеспечение – статья 191, право на жилище – статья 192, а так же статья 188 наделяет ребёнка гарантиями, такими как: свобода слова, мысли, совести, творчества, право на независимый выбор взглядов, убеждений, на создание и участие в деятельности детских общественных организаций, в мирных собраниях, демонстрациях, шествиях, а также право на самостоятельный выбор жизненного пути [4]. Вместе с правами в главе 16 за ребёнком закрепляются и обязанности, к числу которых относятся следующие:

- а) обязанность уважать права и достоинства других людей, проявлять к ним гуманное отношение;
- б) уважать историко-культурное наследие, самобытность, язык и иные ценности, являющиеся достоянием Республики Беларусь и других народов;
- в) бережно относиться к природе;
- г) соблюдать законы Республики Беларусь [4].

Исходя из вышесказанного, отметим, что на детей накладывается тот же общий перечень обязанностей, что и на взрослых, что свидетельствует на недопущение различий по возрастному критерию.

Отметим, что Кодексом Республики Беларусь о браке и семье устанавливается возможность для детей в случае нарушения их прав и законных интересов обращаться за их защитой в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижению 14 лет – и в суд [4].

В 1993 году был принят Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» (далее – Закон о правах ребёнка), целью которого являлось утверждение прав и обязанностей ребёнка, определение его правового статуса, обязанностей организаций и физических лиц по защите детства. В законе приведены все основные естественные права ребёнка, к примеру: право на жизнь – статья 4, право на охрану и укрепление здоровья – статья 5, право на гражданство – статья 7, право на достойный уровень жизни – статья 8, право на неприкосновенность личности, защиту от эксплуатации и насилия – статья 9, право на определения отношения к религии – статья 10, право на получение, хранение и распространение информации, свободное выражение мысли – статья 11, право на льготы по проезду – статья 12, право на проживание в семье – статья 15, право на жилище – статья 18, право на имущество – статья 19, право на имя – статья 20, право на защиту от информации, пропаганды, агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию ребёнка – статья 22, право на образование – статья 23, право на труд – статья 24, право на отдых – статья 25, право на свободу объединений – статья 26, право на защиту чести и достоинства – статья 27, право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, от посягательств на тайну корреспонденции [7]. Также существует целый ряд статей, которые касаются защиты прав детей-сирот, детей-беженцев и детей-инвалидов. Нормы из данного закона представляют собой отражение норм, которые записаны в таких международных актах ООН, как Декларация прав ребёнка и Конвенция о правах ребёнка. Таким образом, Закон о правах ребёнка регламентирует основные положения правового статуса ребёнка, принципы защиты и охраны прав детей.

Совет Министров Республики Беларусь является главным исполнительным органом в государстве, в полномочия которого входит проведение единой государственной политики, в том числе и в социальной сфере, в сфере охраны детства. Одним из основных нормативных правовых актов является Постановление Совета Министров №710 «Об утверждении Национального Плана действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017-2021 годы». Данное Постановление содержит в себе обобщённый опыт прошлых лет, уже достигнутые результаты, а также задачи, которые отражены в Национальном плане и конкретные мероприятия для достижения всех поставленных задач в области улучшения положения детей и совершенствование механизмов реализации и охраны их прав. Проанализировав все задачи, приведённые в Национальном плане, выделим четыре больших блока:

- Усиление информационной деятельности в области просвещения правовой культуры. Для достижения этой цели предлагаются следующие мероприятия: выпуск статистического сборника «Дети и молодёжь в Республике Беларусь», разработка универсального веб-портала, содержащего информацию о детях, в соответствии с международными стандартами, ведение и предоставление учреждениям образования тематических банков данных правовой информации «Образование» и «Права несовершеннолетних» в рамках информационно-поисковой систем «ЭТАЛОН», повышение правовой грамотности и правовой

культуры детей путем проведения в учреждениях образования тематических мероприятий, проведение работы по повышению информированности общества по вопросам раннего развития детей, и другие.

- Расширение социальной политики, в особенности, по отношению к детям-инвалидам, детям-сиротам. Для реализации данной цели будут проводиться следующие мероприятия: обеспечение обучающихся с инвалидностью ассистивными устройствами, приложениями и программным обеспечением, осуществление мер по защите детей, проживающих в районах, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, и анализ их реализации, Организация и проведение благотворительных акций для оказания детям помощи и поддержки, реализация комплекса мер, направленных на повышение качества предоставляемых детям раннего возраста услуг раннего вмешательства в учреждениях интернатного типа и другие.

- Повышение качества профессиональных знаний и умений работников, непосредственно работающих в детской сфере. Для выполнения данной задачи заявлены следующие мероприятия: обеспечение повышения квалификации специалистов, работающих в центрах раннего вмешательства системы здравоохранения, Обеспечение повышения квалификации врачей-педиатров и врачей общей практики, медсестер в целях использования новых знаний при домашнем визитировании детей раннего возраста, Разработка методических рекомендаций для наркологов, педагогов и психологов по раннему выявлению и реабилитации несовершеннолетних, склонных к формированию зависимости от ПАВ и употребляющих ПАВ, и другие.

- Развитие международных связей и получение международной помощи в области улучшения положения детей. Для реализации этого направления предложены следующие мероприятия: подготовка объединенного (пятого и шестого) периодического доклада Республики Беларусь о выполнении положений, содержащихся в Конвенции ООН о правах ребенка и Факультативных протоколах к ней, содействие развитию сотрудничества республиканских органов государственного управления с международными организациями в сфере улучшения положения детей и защиты их прав, разработка и реализация проектов международной технической помощи в сфере улучшения положения детей и защиты их прав, Проведение Международного форума «Дружба без границ».

В число правовых актов, которыми регулируются гарантии защиты прав детей, входят источники иных отраслей законодательства. К примеру, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и др. В частности, особенности судебного судопроизводства несовершеннолетних предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. В Республике Беларусь, согласно Кодексу о браке и семье, несовершеннолетним признаётся лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста с момента рождения, при этом, согласно Уголовному Кодексу Республики Беларусь лицо подлежит уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста, а за исключением некоторых видов преступлений – с четырнадцати лет. Данные разграничения по возрасту обусловлены особенностями психического развития детей. По отношению лиц, не достигших на день совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, действует глава 45 Уголовно-Процессуального Кодекса Республики Беларусь.

Регламентация возраста ребенка разнится по законодательству различных государств. В традиционном понимании, дети – это люди, возрастные рамки которых колеблются в пределах от рождения и до момента совершеннолетия. К примеру, на Фарерских островах - это 14 лет, а в Сингапуре – с 21 года. Согласно Конвенции о правах ребёнка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, ребёнком считается лицо, достигшее 18-летнего возраста, только, если по закону он не достигает совершеннолетия ранее [5]. Аналогичная формулировка применяется и для определения понятия «ребёнок» в Республике Беларусь. Так, согласно части 2 статьи 1 Закона о правах ребенка под ребёнком понимается физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объёме [7]. Гражданскую дееспособность в полном объёме может приобрести лицо путём эмансипации. Так, статья 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь описывает условия объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным, к числу которых относятся следующие:

- Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

- Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органов опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя, а при отсутствии такого согласия – по решению суда.

Таким образом, само определения понятия «ребёнок» по международному праву и по национальному законодательству Республики Беларусь не расходятся, и имеют практически идентичное определение с конкретной цифрой – 18 лет, однако в международном праве нет разделений на малолетних, подростков. Если выделять положительные и отрицательные моменты в правовом определении «ребёнок», то к так называемым «плюсам» можно отнести следующее: наличие конкретно-определённого возраста достижения совершеннолетия, то есть присутствие конкретной цифры, благодаря которой можно чётко

отнести лицо к «ребёнку» или «взрослому», а к отрицательному – то что, в определении не приводятся психофизиологические особенности, присущие детям.

Профессор В.М. Полонский давал следующее определение понятия ребёнок: «ребёнок – человек не достигший 18 лет» [8, с. 123]. На наш взгляд, данное понятие слишком укороченное и упрощённое, так как само определение строится лишь вокруг одной цифры 18, не учитывает градации возраста ребёнка, ведь очевидно, что психическом развитии, ребёнок в 1 год и ребёнок в 17 лет сильно различаются, к тому же объём дееспособности у лиц до 18 лет различен. Однако наличие точного возрастного предела, позволяет на формальном уровне точно относить лицо к ребёнку. Относительно данного определения Анисимов В.П. отмечает следующее: «такое устаревшее(средневековое) представление о ребёнке как лишь маленькой копии взрослого и существе асоциальном, требующем постоянной заботы и пристального контроля и руководства взрослых по его непрерывной социализации, уже давно не соответствует современным философским, социально-психологическим, теологическим и собственно педагогическим представлениям» [1].

Для примера приведем законодательный подход к определению ребенка в Российской Федерации. Так, российское законодательство пошло по пути слияния понятия «ребёнок» на национальном уровне и международном. Так, согласно Семейному Кодексу Российской Федерации, «ребёнок – лицо, не достигшее возраста 18 лет» [9], это же определение встречается и в Конвенции о правах ребёнка. В России также принято деление детей на подростков, несовершеннолетних и малолетних. Причём дискуссия между российскими правоведами по данной теме ведётся, в основном, в полном определении представления о ребёнке. Так, Солдатов А.П. разделял понятие «несовершеннолетний» на «малолетний» и «подросток», «малолетний» употребляется в отношении детей с момента рождения до 10 лет, а подросток – ребёнок от 10 до 14 лет [10, с. 113]. Правовед Капитонова Е.А. считает, что понятия «ребёнок» и «несовершеннолетний» тождественны по содержанию [3, с. 13]. Мы с таким предположением не согласны, поскольку понятие «ребёнок» слишком обширно и универсально, ведь ребёнок – любое лицо до 18 лет, а понятие «несовершеннолетний» довольно конкретизировано.

Таким образом, правовое регулирование прав ребенка представлено на международном и республиканском уровне. Принципы международного права имеют большое значение для развития национального законодательства Республики Беларусь, обеспечивая соответствие нормам международного права национального законодательства. Различие в понимании термина «ребенок» состоит в разделении возрастных рамок, в зависимости от которых выделяются разновидности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, В.П. К определению ключевого понятия арт-педагогики – ребенок / В.П. Анисимов // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 12–11. – С. 2440–2449.
2. Женевская декларация прав ребенка [Электронный ресурс] : принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml. – Дата доступа: 25.09.2018.
3. Капитонова, Е.А. Конституционные обязанности ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.А. Капитонова. – Пенза, 2010. – 25 с.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. №278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 25.09.2018.
6. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Амалфея, 2008. – 48 с.
7. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 №2570 XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Полонский, В.М. словарь по образованию и педагогике / В.М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.
9. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : с изм. от 15 ноября 1997 г., 27 июня 1998 г., 2 января 2000 г., 22 августа, 28 декабря 2004 г., 3 июня, 18, 29 декабря 2006 г., 21 июля 2007 г., 24 апреля, 30 июня 2008 г., 23 декабря 2010 г., 4 мая, 30 ноября 2011 г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
10. Солдатов, А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления / А.П. Солдатов. – Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2008. – 387 с.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. ГЕРАСИМЕНОК

(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Рассматриваются вопросы национального правового регулирования статуса детей. Акцентируется внимание на конкретных и основных нормативных правовых актах Республики Беларусь в сфере регулирования правового статуса ребёнка

Дети, являясь особым субъектом общественной и государственной жизни, подлежат особому правовому положению. Дети, до наступления совершеннолетия пребывают в таком временном промежутке, который принято называть «детством». Непосредственно в педагогике, среди ученых, существует множество различных подходов к пониманию определения «детство». Наиболее точно и полно насчёт понятия «детство», как мы считаем, выразились Г.М и А.Ю Коджаспировы: «Возрастной этап развития человека, начальные периоды онтогенеза, характеризующиеся интенсивным ростом организма и формированием высших психических функций» [1, с.54].

Наиболее важным нормативным правовым документом в области правового статуса детства является Конституция Республики Беларусь. Статья 32 Конституции Республики Беларусь устанавливает права детей, гарантии их реализации и обязанности детей, а также обязанности со стороны законных представителей и государства [2]. Анализ норм, содержащихся в статье, позволяет нам выделить определённые права детей, гарантии реализации и некоторые обязательства, которые возлагаются на законных представителей, государство и самих детей. Так дети имеют право на жизнь и здоровье, развитие и образование. Вместе с тем на детей накладывается обязанность заботиться о своих законных представителях и оказывать им помощь. Как мы считаем, данная обязанность носит слишком обобщённый характер, ведь согласно части 2 статьи 1 Закона о правах ребенка под ребёнком понимается физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объёме [3], но, очевидно, что ребёнок в период, например, раннего детства никак не сможет исполнить данную обязанность. Представляется, что если законодатель закрепляет за ребёнком какие-либо обязанности, то ему следует конкретизировать возраст, для того чтобы ребёнок, в силу своих психофизиологических особенностей, мог исполнить возложенную на него обязанность. За родителями закрепляется одновременно право и обязанность на воспитание детей во всех проявлениях, начиная от защиты их здоровья и заканчивая нравственным и образовательным развитием. За нарушения прав детей и уклонение от своих обязанностей дети могут быть отделены от родителей. Относительно детей данное положение является гарантией реализации их нормативно закреплённых прав. Ведь, если законные представители не могут обеспечить права ребёнка, то вместо них это сделает государство. Интересным является положение о том, что государство создаёт необходимые условия для свободного и эффективного участия молодёжи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии. То есть, исходя из лексического толкования, предполагается, что государство берёт на себя обязанность в создании перечисленных условий. Данное положение частично реализуется в национальном плане действий по улучшению положения детей и охране их прав, а также путём проведения различного рода мероприятий, например, проведение молодёжных парламентов. Давая обобщённую характеристику положений настоящей статьи, можно сказать о том, что в ней закрепляются основы правового статуса ребёнка и обязанности по обеспечению данного статуса со стороны законных представителей и государства, также необходимо отметить, что поскольку данная статья закреплена в Конституции, то все остальные правовые акты, в отношении детства, будут черпать основы своего содержания из неё. Однако, как мы думаем, данная статья является несовершенной, так как в неё можно было бы включить и некоторые положения, а именно такие как:

- Определение конкретного возраста, с которого наступают обязанности у ребёнка. Например, если посмотреть на опыт Российской Федерации, то можно увидеть, что в Конституции Российской Федерации обязанность детей по заботе о своих родителях более конкретизирована. В части 3 статьи 38 Конституции Российской Федерации сказано, что трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях [4].

- Заменить формулировку «родители или лица, их заменяющие» на определение «законные представители» поскольку именно оно является более юридически корректно, ведь ни в одном правовом акте Республики Беларусь не даётся определения «родители или лица, их заменяющие», чего нельзя сказать об формулировке «законные представители». Законные представители - это родители, усыновители, опекуны, попечители истца, или ответчика, или третьего лица и иные лица, которым это право предо-

ставлено законом, а также организации, на попечении которых находятся истец, или ответчик, или третье лицо [5].

Следующим нормативным правовым актом, который касается правового статуса детства, является Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [6]. В нормах раздела «Охрана детства» содержатся все элементы правового статуса ребёнка: права, обязанности, гарантии. Причём необходимо отметить, что весь раздел состоит из трёх глав: права детей. Общие положения (глава 15), социальные права (глава 16), материальные права (глава 17) [6]. Несмотря на то, что по названиям двух последних глав можно судить о том, что законодатель закрепляет за ребёнком только два вида прав – социальные и экономические, это не так, дело в том, что законодатель включил в социальные права также и личные, и культурные. За ребёнком закрепляются следующие права:

- Право на жизнь, достойные условия жизни и охрану здоровья;
- Право на жизнь в семье;
- Право на образование и труд;
- Право на отдых и досуг;
- Право на материальное обеспечение;
- Право на жилище [6].

Если проанализировать все права, которые предоставляются ему данным кодексом, то становится понятно, что они ничем не отличаются от тех, что есть у взрослых. Разница заключается лишь в том, что часто встречаемое в Конституции слово «каждый» заменено на термин «дети». Гарантиями соблюдения вышеперечисленных прав, является то, что ребенок вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссию по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а с четырнадцати лет – и в суд, а также осуществлять защиту прав и законных интересов через своих законных представителей [6].

С обязанностями та же ситуация, согласно статье 190 за ребёнком закрепляются следующие обязанности:

- Обязанность уважать права и достоинство других людей;
- Обязанность проявлять к ним гуманное отношение;
- Обязанность уважать историко-культурное наследие, самобытность, язык и иные ценности, являющиеся достоянием Республики Беларусь и других народов;
- Обязанность бережно относиться к природе;
- Обязанность соблюдать законы Республики Беларусь [6].

Исходя из вышесказанного, отметим, что на детей накладывается тот же общий перечень обязанностей, что и на взрослых, что и свидетельствует на недопущение различий по возрастному критерию.

В 1993 году был принят Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» (далее – Закон о правах ребенка), целью которого являлось утверждение прав и обязанностей ребёнка, определение его правового статуса, обязанностей организаций и физических лиц по защите детства. Данный закон более детально, по сравнению с предыдущими нормативными правовыми актами, регламентирует правовой статус ребёнка в период детства. Так помимо предыдущих прав, обязанностей и гарантий, добавляются и новые, например: право на гражданство, право на определение отношения к религии, право на свободное выражение мысли, право на получение, хранение и распространение информации, право на свободу объединений, право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, от посягательства на тайну корреспонденции [7] и другие права. То есть, снова права детей практически идентичны личным конституционным правам. Нормы из данного закона представляют собой отражение норм, которые записаны в таких международных актах ООН, как Декларация прав ребёнка и Конвенция о правах ребёнка. Таким образом, Закон о правах ребенка регламентирует основные положения правового статуса ребенка, принципы защиты и охраны прав детей.

Стоит сказать о том, какое колоссальное влияние на все положения нормативных правовых актов Республики Беларусь в сфере правового статуса прав детей оказало международное право. Если проанализировать нормы из таких международных документов как Женевская декларация прав ребёнка, Декларация прав ребёнка, Конвенция о правах ребёнка, то становится ясно, что белорусский законодатель при определении прав, обязанностей и гарантий, руководствовался прежде всего принципами и нормами перечисленных международных документов, что полностью согласуется со статьёй 8 Конституции Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коджаспирова, Г.М. Словарь по педагогике / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.

2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Амалфея, 2008. – 48 с.
3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 №2570 XII : в ред. Закона Респ.Беларусь от 12.12.2013 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ.Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. №278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ.Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 №2570 XII : в ред. Закона Респ.Беларусь от 12.12.2013 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342

**ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО БАЛАНСА
ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА****С.С. ОЛЕСЬКО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Исследуется понятие «конституционно-правовой баланс интересов». Доскональному анализу подвергаются нормы Основного Закона Республики Беларусь по этому вопросу. Предлагается авторское видение вышеописанного вопроса.

Будучи одной из насущнейших проблем общественного устройства на любом историческом этапе развития, проблема взаимоотношений личности, общества, государства представляла собой предмет для активных дискуссий и пристального внимания со стороны не только обывателей науки тех времён, много чем она заинтересовывала простых людей, ощутивших на себе всю тягость увесистого государственного аппарата. Наука и практика невольно «созерцали» происходящие в государстве глобальные изменения во всех, казалось бы, сферах его деятельности, что обусловило необходимость, так сказать актуализировало вопросы установления конституционно-правового баланса интересов личности, общества и государства.

Парадоксально интересно, что, обратив свой взор к положениям действующего Основного Закона Беларуси, мы не сумеем в нём найти прямое разъяснение того, что же всё-таки понимается под термином «конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства». Следует сказать, что это понятие выработывалось наукой конституционного права и имеет сугубо теоретическое происхождение. Тем не менее, от этого им не утрачивается и капли своего практического значения, т.к. понятие основано на правоприменительной практике. К тому же, при решении вопроса об ограничении интересов личности принципиально важно исходить из содержания изучаемого понятия, поскольку оно и является тем самым определяющим фактором для установления реальной возможности сохранить т.н. «золотую середину», а, следовательно, если это всё же будет возможным, не будет допущено незаконное ограничение интересов.

Формирование интересов – это весьма длительный и непростой процесс, простирающийся столько, сколько существуют личность, общество, государство. Этот процесс зиждется на сложном историческом переплетении социально-экономических, политико-правовых, духовно-культурных и иных факторов. Но, несмотря на это, интересы всегда определяются только «той исторической эпохой, в которой необходимо их определение» [1, с. 98].

Постоянное соревнование, направленное на поиск наиболее оптимального соотношения частных и публичных интересов, указывает на реально существующую необходимость в проведении досконального исследования механизма взаимодействия личности, общества и государства. Понимание особенностей их взаимодействия будет способствовать повышению эффективности процесса формирования гражданского общества и правового государства. В свою очередь, недопонимание его устройства, недооценка значения способны повлечь за собой весьма разнообразные негативные последствия. В частности, например, такие как неконституционное ограничение прав и свобод человека, ухудшение уровня жизни общества страны в целом, его криминализация, нигилистическое, безответственное отношение властных представителей к населению своего государства, их коррумпированность и пр. Не никаких сомнений, что в конечном итоге от подобных очевидно негативных процессов следует ожидать только растущее негодование в обществе, чувство его недовольства действиями представителей государственной власти, а, следовательно, утрату к ним доверия и уважения. Безусловно, что указанные выше условия будут способствовать формированию у народа глубокой и непоколебимой убеждённости в том, что государством защищаются исключительно свои интересы, а его забота о благосостоянии народа – всего лишь «карнавальная маска», увы, фиктивно иллюстрирующая подобие той самой заботы о своих людях.

О необходимости проведения комплексных исследований в данной области пишут и учёные. И.И. Пляхимович справедливо высказался по поводу того, что, несмотря на довольно плодотворную научно-практическую работу учёных-юристов, «белорусская наука и практика современного периода по-прежнему испытывают нехватку исследований в области ограничения прав человека» [2, с. 425]. В таком случае, довольно уместно проведение настоящего исследования с целью пополнения имеющихся знаний, а также восполнения существующих пробелов. Как писал Л.В. Черепин, «ценность любого исследования, определяется не только тем новым, что оно вносит в изучение темы» [3, с. 5], колоссальную роль играют также перспективы дальнейшей разработки, открытые благодаря и чуть не менее ценным исследованиям.

Основная задача, поставленная перед любым обществом, включая его структуры и отдельных лиц, – установление особой системы взаимоотношений между личностью и государством, при которой любая личность, свободно осуществляя все свои конституционные права, сможет развивать имеющиеся задатки

и способности. В свою очередь, сохраняя силу и независимость, государство займёт заслуженное место в мировом сообществе. Ведь, неукреплённое на мировой арене вечно соперничающих стран государство – пишет Д.В. Уткин – «плохой защитник своих сограждан» [4, с. 340]. Слабое государство просто не может создать условия экономической стабильности, благополучия жизни людей, развивать и охранять права и свободы личности, обеспечивая при этом безопасность страны и решать иные общенациональные задачи.

Нельзя не согласиться с учёным О.С. Черепановой, что «личность с активной жизненной позицией и высоким уровнем правосознания так же необходима государству, как и любому гражданину – сильное, дееспособное государство» [5, с. 17]. И действительно, для человека всегда было характерно стремление к постоянному улучшению условий своей жизни, к власти, деньгам... – это исторически было заложено у него в крови. Наравне с человеком, для государства всегда свойственно рвение к мировому первенству.

Тем не менее, иногда случается ситуация, когда интересы отдельной личности и всего государства расходятся, подобно разводному мосту. Отсюда и возникает несоответствие или даже противоречие в их интересах, т.н. *коллизия частно-публичных интересов*. Многие учёные обуславливают разрозненность интересов содержательным несовпадением таких категорий как «личность», «общество», «государство». К тому же, немалое число учёных отмечает, что существование данных категорий в раздельности просто невозможно, с чем следует согласиться. Неспроста же разд. II Конституции Республики Беларусь назвали именно так: «личность, общество, государство». Парадоксальный интерес представляет то, что субъекты личность, общество, государство, подобно диффузии разнородных субстанций, образовали единое целое. А поскольку эти субъекты идут в неразрывной стези, то их интересы нельзя представлять в отдельности, независимо даже от того, какими бы противными друг другу они не были. В.А. Затонский говорит о том, что «государство не может быть оторгнуто от общества, как и общество, личность – от государства» [6, с. 44]. Общество в данном случае является социальным организмом, который составляет огромное число субъектов: индивидуальных, т.е. каждая отдельная личность, и коллективных, т.н. социальные институты и группы. Государственная роль как важнейшего субъекта определяется регулирующим воздействием на общественные отношения.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что люди, желая создать общество, нуждаются в чём-то их связующем. «Эта связь создается общим интересом» [7, с. 12], рассматриваемым в качестве осознания того, что такие потребности можно удовлетворить общеизвестными средствами. Только тогда, когда все люди осознают, что их потребности можно удовлетворить общими силами, у них возникает общественный интерес. Само общество – совокупность людей, которые объединены сознанием о том, что общие для всех потребности можно удовлетворить наиболее лучшим образом лишь с помощью совместных сил. Проанализировав всё вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что интересы личности в отношении интересов общества являются производными, т.е. без них просто не смогут существовать общественные интересы.

Касательно частных и публичных интересов, необходимо заметить, что вопрос об их соотношении сегодня характеризуется биполярностью мнений. Так, одни из учёных полагают, что их интересы просто неделимы. В.Д. Зорькин считает, что «государство существует для личности, для общества, а не для того, чтобы само себя обслуживать» [8, с. 12]. Однако, бывает, что «государственные (они же – общественные) интересы могут полностью совпадать с интересами частными, а иногда могут и не полностью» [8, с. 12]. С тем, что интересы личности и государства должно рассматривать в едином целом, следует согласиться. Но то, что автор ставит знак равенства между сущностью интересов общества и государства, вызывает у нас некоторое недоумение. Оспаривая данную точку зрения, приведём некоторые аргументы. Во-первых, и общество, и государство – абсолютно различные субъекты. Детальный анализ белорусского Основного Закона позволяет уверенно говорить о том, что народ выступает в качестве субъекта правовых отношений. Так, к примеру, в преамбуле отображена воля народа, его право- и дееспособность: народ, «сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества» [9], принимает настоящую Конституцию. Во-вторых, ч. 1 ст. 3 Основного Закона закрепила: «народ осуществляет свою власть непосредственно» [9], а, значит, и выступает отдельным субъектом права. Другое дело, общественные интересы должны ложиться в основу государственных. Поэтому однородное смешение общественных и государственных интересов попросту недопустимо. Что касается иных мнений, учёные сходятся во взгляде о том, что противоречие интересов личности и государства объективно невозможно. Подобную коллизию В.А. Бачинин [10, с. 15] объясняет тем, что субъекты имеют кардинально отличные цели. Для каждой отдельной личности важнейшим в жизни является обладание возможностями, позволяющими осуществить свою потребность в свободе. Но для государства куда более значим правопорядок, без которого попросту теряется власть над обществом, состоящим из множества личностей.

Следует сказать, что две вышеописанные точки зрения весьма обоснованы, но и имеют некоторые недостатки. Возможно, для некоторых государств такое положение дел действительно более характерно. Однако же, то, как должны соотноситься интересы личности и государства в действительности, наиболее свойственно, по нашему мнению, для точки зрения, согласно которой для интересов личности, общества, государства взаимопроникновение и максимальная взаимообусловленность являются характеризующими

факторами. Это точка зрения принадлежит российскому учёному В.В. Субочеву [11, с. 6]. Им поясняется немаловажный аспект: интересом государства объединены два взаимоисключающих начала. Он, причём, может, а в некоторых случаях и должен противоречить интересам личности, защищая при этом интересы общества, противоречить этому же обществу, гарантируя тем самым права каждой личности. Интересом государства может и иногда должен исключать одновременно интересы личности и общества, но не ради только единичного или общего блага, а также для своего блага. Таким образом, автор говорит о «золотой середине», неком балансе интересов личности, общества и государства: Е.А. Соловьева отмечает, что «С давних пор до нынешних времен // Есть один закон на всей планете: // Равновесие господствует на свете. // Весь наш мир к нему приговорен» [12]. В таком случае, задача государства заключается в направлении интересов в нужном направлении с помощью регулятивной функции, защищая при этом более уязвимые из них и устанавливая тем самым баланс интересов личности, общества и государства.

Так что же такое тот самый баланс интересов и с чем его «едят»? Этимология термина «баланс» во многом связана с Францией, где «balance» означает определённое равновесие. Сам термин переключается с такими смежными категориями как «соотношение», «разность», «сопоставление». Их свойства, однако, никак не связаны с юридической наукой. В.В. Кудашкин [13] поясняет то, что определяющим признаком содержания баланса интересов является такой феномен как их *равновесие*. В свою очередь, лишь данной категорией содержание понятия «баланс интересов» не ограничивается. Следует согласиться с тем, о чём говорит А.В. Масько: «в правовой жизни есть и гармония между её элементами, но есть и определённый разлад, рассогласованность, нарушение известного равновесия» [14, с. 125]. Поэтому справедливо будет вести речь о том, что, с точки зрения интересов личности, общества, государства, баланс интересов вовсе как равновесие в абсолютном смысле рассматривать нельзя. Равновесием здесь – цель, идеализированное состояние, на пути достижения которой приоритеты могут быть расставлены абсолютно по-разному, как в сторону личности или же общества, так и в сторону государства. Несмотря на это, ныне бытует мнение: каждое цивилизованное гражданское общество всегда «должно основываться на оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод» [15, с. 8]. Приоритет возможно, однако, избрать по-разному. Постановка во главу угла частных интересов не нарушает тот самый баланс, а, напротив, благоприятно воздействует, способствуя его достижению, т.к. взаимоотношения личности и государства не носят характер равенства. Последнее всегда возвышается, демонстрируя тем самым свою силу и независимость.

Таким образом, проведённое исследование показало, что под конституционно-правовым балансом интересов личности, общества и государства понимается такое состояние общественного устройства, при котором их интересы оптимально сочетаются при определяющем значении последних и безусловном признании в качестве высшей ценности человека, а также его прав и свобод. Детально проанализировав понятие «конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства», становится понятным, что его содержание предполагает выявление области его реализации. Тем не менее, конституционно-правовой баланс интересов охватывает все сферы жизнедеятельности не только отдельной личности, общества, но и самого государства. Установление примата государственных интересов, не приводит к дисбалансу во взаимоотношениях с личностью до тех пор, пока не приобретает характер правила.

ЛИТЕРАТУРА

1. Третьяк, Т.Ф. Определение национальных интересов Республики Беларусь / Т.Ф. Третьяк // Всеросс. журнал науч. публ. Юридические науки. – 2011. – С. 98–99.
2. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 1. – 1224 с.
3. Черепин, Л.В. Отечественные историки XVIII – XX вв. / Л.В. Черепин. – М., 1984. – 325 с.
4. Уткин, Д.В. Административное судопроизводство в системе правового государства / Д.В. Уткин // сб. науч. тр. – Вып. 15 : Правовая наука и реформа юридического образования. – С. 328–340.
5. Черепанова, О.С. К вопросу о соотношении интересов личности и государства / О.С. Черепанова // Юридическая наука и правоохранительная практика. Барнаульский юридический институт МВД России. Разд. 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования. – 2010. – № 2. – С. 17–24.
6. Затонский, В.А. Гражданское общество и государство: противостояние или партнерство / В.А. Затонский // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 17. – С. 43–45.
7. Шершеневич, Г.Ф. Общее учение о праве и государстве / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 513 с.
8. Интервью с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. – 2008. – № 12. – С. 11–14.

9. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
10. Бачинин, В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья / В.А. Бачинин // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 15–17.
11. Субочев, В.В. Законные интересы / под ред. А.В. Малько. – М. : Норма, 2008. – 359 с.
12. Соловьева, Е.А. Равновесие / Е.А. Соловьева [Электронный ресурс] // Литературное общество Fabulae. – Режим доступа: https://fabulae.ru/poems_b.php?id=53205. – Дата доступа: 04.04.2018.
13. Кудашкин, В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военнотехническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 18 марта 2002 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Малько, А.В. Правовая жизнь как общетеоретическая категория / А.В. Малько // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. тр.– Вып. 10. Государственность и право современной России: Проблемы и развитие. – Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1999. – 322 с.
15. Становление гражданского общества: Личность, самоуправление, власть: монография / под ред. Т.Д. Зражевской. – Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА
В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ: НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM****С.С. ОЛЕСЬКО****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

Интересы личности и государства рассматриваются сквозь призму такого базового понятия как «конституционно-правовой баланс интересов». На фоне показательного примера с мессенджером Telegram автор пытается проиллюстрировать то, насколько зачастую парадоксально нетипичные ситуации возникают в плоскости столкновения интересов личности и государства, как они разрешаются на практике.

На современном этапе развития юридической науки и практики весьма незначительное внимание, уделяемое учёными-юристами, было посвящено вопросам ограничения интересов личности. Поскольку в научной сфере на просторах Беларуси имеет место заметный дефицит комплексных знаний по этой теме, весьма уместным будет проведение настоящего исследования.

Основу ограничения интересов (прав-свобод) личности заложила именно Конституция, что вполне справедливо, ведь, отличаясь «от других нормативных актов, Конституция является Основным Законом» [1, с. 62]. Его структурная составляющая далеко неслучайна. Весьма интересно, что раздел II поименован как «личность, общество, государство». Но ведь последовательность указанных слов совсем не хаотична. Сначала личность, и только потом уже государство – так провозгласила Конституция, чем и поставила во главу угла приоритет интересов личности над интересами государства. Так почему же тогда современная практика показывает совершенно иную, абсолютно противоположную по смыслу картину, а соблюдение рассматриваемого приоритета – скорее идеализированное исключение, нежели реалистичное правило? В этой связи, правдиво сущность такого утверждения раскрыта в строчках следующего произведения: и так должно быть, // но нет на самом деле – // предписано веками перемен: // всё то, чего мы так давно хотели, // уж не настигло стольких поколений смен. Думается, что и последующие поколения, к величайшему их сожалению, в аналогичной эпопее могут встретить свой век.

Довольно символично, что Преамбула расположена именно в начале Конституции. Тем самым она предредила в себе всё то, что так стремился донести до нас народ при её принятии. Ведь неспроста народ прошлого поколения указал в ней о своём стремлении утвердить права и свободы каждого гражданина и возложил обязанность по исполнению этой задачи на государство. Неслучайно государство ответственно перед гражданином за создание условий, способствующих свободному, достойному развитию личности, а тот, в свою очередь – перед государством за беспрекословное исполнение Конституции, её законов. Но как государство, так и каждый его отдельный гражданин должны всегда следовать указанному *условию* и соблюдать ту двустороннюю договорённость. Да, государство обязано создать соответствующие условия для гражданина, но лишь только в том случае, если он ответственно следовал закону. В свою же очередь, оно должно рассчитывать на исполнение гражданином своих конституционных обязанностей только при условии, что им было всё для того сделано. Указанное выше условие необходимо расценивать в качестве правила ограничения интересов личности и государства.

Особо интересно, что встречаемые по тексту Основного Закона термины «гражданин» и «каждый» употребляются как в единственном, так и во множественном числе, но вот термин «личность» почему-то всегда используется только в единственном числе. Нет и доли сомнения, что так был продемонстрирован особый характер взаимоотношений между личностью и государством, т.е. *индивидуализированный*. Как раз-таки из этого и исходит двусторонность их ответственности по отношению друг к другу. Получается, что во всех случаях без исключения подход к каждому всегда должен быть свой – индивидуальный, ведь каждая личность по-своему уникальна и представляет собой необычайную ценность для государства. Всё это необходимо сформулировать как ещё одно правило ограничения интересов личности и государства.

Колоссальный интерес вызывает структура исследуемой нормы ч. 1 ст. 23 Конституции. Так, дело обстоит в следующем: её структуризация основана на принципе распределения конституционных благ по их ценности. Ввиду этого, очерёдность вышеперечисленных благ случайной считать не стоит. Отчётливо видно, как презренно рассматриваемый перечень возглавляется именно государственными интересами, и только в конце содержится формулировка, лоббирующая интересы личности. Как видим, здесь налицо не то пёстрое заглавие, которое ознаменовало разд. II Конституции – «личность, общество, государство», но словно перевёрнутая с ног на голову дробь, диаметрально противоположная по смыслу фраза уже в виде «государство, общество, личность». Это может говорить нам о том, что постановка интересов личности в «центр Мира» всего – продекларированное Конституцией правило. В свою очередь, государство решает,

как его применять. И.И. Пляхимович заметил, что «конституционное право ведущих государств вступает на такую стадию, когда привычные принципы не могут приниматься без оговорок» [2, с. 6]. Согласимся, сформированные при «царе Горохе» устои должны попросту изживать себя из современных реалий.

Следует отметить, что норма ст. 23 белорусской Конституции – одна из немногих норм, имеющих прямое действие и подлежащих непосредственному применению. Следовательно, практическое значение того, как будет растолковано её содержание, очень велико, ведь от этого может зависеть судьба человека.

В ст. 23 Конституции Беларуси закреплены основы ограничения интересов личности. Пределы его осуществления установлены ст.ст. 24-27, 34, 63 и др. Говоря об ограничительных нормах, С.А. Горшкова особо отмечала, что нормы вводятся с исключительной «целью установления равновесия между правами отдельных граждан и интересами общества и государства в целом» [3, с. 83-84]. Следует отметить, что, в силу правила, прописанного в ч. 1. ст. 23 Основного Закона, ограничение интересов личности допустимо только в *исключительных случаях*, составляющих *исчерпывающий перечень*. Допускается ограничение интересов личности лишь в случае, предусмотренном «законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [4]. Это означает, что никакое иное *основание*, нежели здесь записанное, не может расцениваться как законное. В таком ключе справедливо пишет А.Н. Пугачёв: ограничение интересов личности следует расценивать как «исключительные меры, предусмотренные законом, и только в тех пределах, в каких это необходимо» [5, с. 221]. Согласимся с тем, что ограничение личности в интересах во всех случаях без исключения должно носить *исключительный характер*. Это означает, что отсутствуют другие варианты решения насущных проблем общества и (или) государства, т.е. способы не ограничить конституционные интересы личности должны попросту отсутствовать. Кроме того, не ограничив личность в её интересах, наступили бы и того куда более негативные последствия не только для государства и общества, но и личности, составляющей его. Исключительность достигается благодаря т.н. *презумпция большего вреда*. Думается, поэтому суды, приговаривая человека к смертной казни, озвучивают эту броскую фразу: «именем Республики Беларусь приговаривается к исключительной мере наказания». Тем самым государство иллюстрирует то, что иных способов сохранить устои белорусской государственности непоколебимыми просто нет.

Так что же совсем недавно было в Союзе, и от чего до сих пор не отказались мы? В.Д. Селеменов, В.И. Шимолин, изучая историю послевоенной жизни немцев на территории бывшего Союза, отмечали, что сведения о репрессированных немцах-агентах утаивались до той степени, что не имели «значения любые законы о рассекречивании в связи с истечением срока давности» [6, с. 21]. К глубочайшему сожалению, в современных реалиях приходится констатировать факт того, что пережитки советского прошлого о такой скрытой политике государства в отношении прав и свобод личности, миновав крах советского общества, весьма прочно укрепились в «головах» многих политиков стран бывшего Советского Союза. Печальным является осознание того, что такие государства существуют до сих пор. Не проявляя даже мизерной доли стремления к сохранению прав и свобод личности, они попросту пренебрегают такой великой ценностью всей истории существования человечества, ограничивая его в заслуженных временах правах и свободах. И так званный характер исключительности для них не знаком, его просто нет, а ограничение личности в её интересах – нормальное явление. Как отмечает Л.Ю. Грудцына, ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власть подобных государств попросту не ощущают себя связанными правами человека [7, с. 36], ввиду чего интересы личности уходят на периферию, создавая «вакантные» места для государства. В одной с нами колее высказался и П.П. Баранов, утверждающий, что государствам «ещё предстоит изжить традиции отношения к человеку как к подданному – зависимому и послушному исполнителю» [8, с. 115], несомненно, навязанные диктаторством прежних «царей».

Возвращаясь к вопросу об исключительности, следует пояснить немаловажный момент – характер применяемых *мер ограничения*. Напомним о том, что А.Н. Пугачёв отмечал высокое значение характера исключительности при избрании мер, направляемых на ограничение интересов отдельной личности. Ещё совсем недавно мы говорили о таком фундаментальном принципе взаимоотношений между личностью и государством как индивидуализированность. Увязывая её в едином узле с исключительностью, довольно просто объясняется то, какие конкретно меры ограничения должны применяться к конкретной личности. Досконально проанализировав сущность таких явлений, можно с достоверностью утверждать, что меры, направленные на ограничение интересов личности, должны соответствовать:

- во-первых, её правовому статусу, в чём реализуется принцип индивидуализированности;
- во-вторых, максимальной защите интересов государства при минимальном ущемлении личности.

В указанном втором пункте берёт истоки такая категория как *пределы ограничения* интересов. Не требующим доказывания является тезис о том, что всё имеет свои пределы. В юридической практике уже давно набушевавшим остаётся вопрос об определении пределов ограничения интересов личности. Дело в том, что пределы ставят «жирную точку» в процессе вторжения в сферу конституционных прав и свобод личности. Следовательно, они представляют особую значимость. Играя отграничительную роль, пределы ограничения интересов личности проводят параллель между законным и незаконным ущемлением прав и

свобод. Поэтому преимущественное место при определении пределов ограничения должны занимать вот такие факторы:

- продолжительность (чаще всего длящийся характер);
- меры (средства воздействия);
- цели (защита национальной безопасности и т.п.).

В том случае, если ограничение интересов личности осуществлялось никак не в соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного Закона, применению подлежат т.н. правосстановительные положения. Согласно его ч. 3 ст. 59, непосредственно государственные органы, должностные и иные лица, которым было доверено исполнение государственных функций, должны нести ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности. Личность должна «строить свое поведение в соответствии с требованиями Основного закона, блюсти общий интерес, исполнять свой долг, уважать права» [9, с. 44] других, а иначе – отвечать, о чём нам и говорит Н.И. Матузов. Однако же, это касается не только личности, но и самого государства. Учёный Б.С. Эбзеев утверждает [10, с. 60] то, что использованный в преамбуле Основного закона термин «ответственность» в данном случае составляет основу основ конституционного строя. Дело в том, что им определяется фундамент взаимоотношений между народом и государством, последнее из которых всегда должно обеспечивать охрану личности, её жизни и здоровья, имущества и прав.

Вышеперечисленные аспекты всегда должны быть учтены при ограничении интересов абсолютно любой личности. Тем не менее, реальная юридическая практика разворачивает картину в пол оборота. По этому поводу рассмотрим один парадоксально интересный и показательный пример.

На арене конфликта интересов выступают, с одной стороны, Telegram, который предоставляет для всеобщего пользования мессенджер, с другой – Российская Федерация, которая стремится склонить к своим «ногам» Telegram, понудив его предоставить доступ к сведениям о личностях-пользователях. На требование российского государства Telegram, мягко говоря, не обращает особого внимания. В попытке, направленной на сохранение своего самообладания, он, по факту, категорически отказывается исполнять российское законодательство. Конечно же, России это не нравится, в связи с чем, она пытается запретить на своей территории предоставление мессенджером своих услуг. В качестве альтернативы были и другие варианты – предоставить властям доступ к защитной системе Telegram. Естественно, последний никак не удовлетворён таким предложением, поэтому государство начало применять различного рода санкции. И было бы всё хорошо, если бы не одно «но»: довольно обширный слой граждан, оценили все достоинства онлайн-платформы и не желали терять возможность пользоваться ею. Вполне ясно, что для России такой приятнейший сюрприз был очень уж нежелан. Ведь, с одной стороны уже выступал не просто какой-то мессенджер, а недовольное политикой государства общество в лице чуть ли не каждого гражданина. Тут всем им нужно одно – сохранить ту самую возможность пользоваться Telegram. Российская Федерация, в таком случае, оказалась зажатой среди своего желания (интереса) получить доступ к Telegram, обеспечив при этом национальную безопасность, и довольно-таки негативным мнением общества о нём, всё больше желающим сохранить возможность пользования мессенджером (интерес).

Таким образом, мы видим, как противостоят интересы двух субъектов: личности и государства. В рамках законодательства России, Telegram должен представить для ФСБ информацию, необходимую для декодирования электронных сообщений. В свою очередь, данное обязательство должно реализовываться при защите положений, закреплённых в Конституции Российской Федерации, представляющей право на тайну переписки, частной жизни. Причём, необходимо решить вопрос таким образом, чтобы интересы не только государства, но и личности были удовлетворены. Практика показала, что в апреле 2018 года такой консенсус так и не был достигнут – государство всё-таки смогло понудить мессенджер предоставить ему необходимую информацию, а, следовательно, защитило сугубо свои интересы. Так ли должно было быть на самом деле? Очевидно – нет. Достигнув договорённости, можно разработать механизмы, при помощи которых будет раскрываться только та информация, которая содержит или может содержать сведения об угрозе национальной безопасности. Причём, это было бы выборочное предоставление сведений. В ту же очередь, при этом получилось бы сохранить тайну переписки большего числа личностей-пользователей с интересами их личной жизни. Один из вариантов – раскрывать сообщения, только в том случае, если они насыщаются такими терминами как «теракт», «бомба», «взрыв» и т.п. Думается, кроме этого, возможно и установление особого порядка истребования информации – исключительно по решению суда. В случае с данным вариантом, правоохранительные органы должны будут предоставлять организатору мессенджера сведения о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности государства, указав в т.ч. и то, в чём конкретно они выражаются, каким образом декодирование сможет предотвратить имеющуюся угрозу.

Следует отметить, что ранее историй, подобных этой просто не было. Единственное, что приходит на ум, так это дело ФБР против компании Apple по вопросу о разблокировке iPhone после теракта в Сан-Бернардино. Так или иначе, принятия решения суда, которое бы оценило т.н. баланс интересов личности и государства, так и не произошло. И поэтому дело «Россия против Telegram» становится сегодня первой

глобальной историей подобного рода: оно является прецедентным, а его последствия – очень важными и для Российской Федерации, и для других стран, составлявших былой Союз, в т.ч. и Республики Беларусь. Ведь, белорусское государство всегда следует примеру своего «старшего брата». Расставив приоритеты в сторону интересов государства, всё больше будет порождаться неправильная практика правоприменения, коей и будут дальше следовать государства. Поэтому «ни завтра», а сегодня мы должны от неё отходить. Неспроста же Европейский Суд по правам человека в последнее время испытывает всё больший интерес к вопросам, связанным с интернетом и правовым регулированием сети.

Давайте попытаемся проанализировать эту ситуацию с точки зрения вышеописанных нами правил ограничения интересов личности. Начнём с того, что зададим себе весьма резонный вопрос: являлся этот случай исключительным? Небесспорный вопрос. Тем не менее – нам поясняет Н.С. Бондарь [11, с. 134] – государство при ограничении интересов личности может избирать принцип особой значимости интереса своего, однако, в отличие от первого, он призван обеспечивать устои обоих как условие их естественного существования, гарантировав удовлетворение интересов личности в её единичном и концентрированном выражении. Изучаемый пример, однако, несколько иную картину, где уже интересов личности, общества удовлетворено не было. Таким образом, защищались только интересы одного субъекта – государства, это означает, что принцип сбалансированности также не соблюдался. Любое правоотношение – говорит И.Н. Малынич – является устойчивым тогда, «когда сбалансировано его юридическое содержание – взаимные права и обязанности субъектов» [12, с. 98], что, к глубочайшему сожалению, на приведённом примере, не наблюдается. Был ли у личности и государства т.н. индивидуализированный характер взаимоотношений? С достоверностью можно говорить о том, что такого характера не было, как и не было «общения» между ними, которое бы позволило подыскать варианты, препятствующие необоснованному ущемлению прав и свобод личности. Ведь государственное управление должно выступать никак «не в качестве инструмента диктатора» [13, с. 125] – утверждает В.Н. Влазнев. Как неравноправный с личностью партнёр, оно ставит её в зависимое от себя положение, как бы реализуя презумпцию большего вреда на всеобщее благо. Нету здесь и пределов устанавливаемых ограничений. Опираясь на понятие национальная безопасность, «куют оковы» государственные структуры, абсолютно не сковывая себя пределами ограничения интересов этой личности. Государство избирает только меры, отнюдь, далеко не всегда соответствующие потребности и никак не отвечает за это ни перед своим обществом, ни каждой отдельной личностью, в него входящей.

Так, проведённое исследование показало, что конституционно-правовой баланс между интересами личности и государства на примере мессенджера Telegram объективно установлен не был. Всё это весьма ярко проиллюстрировало то, какие тенденции в практике правоприменения намечены многими странами постсоветского пространства. Видится, однако, для того, чтобы от неё отойти, потребуется ни один год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю.И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
2. Пляхимович, И.И. Основы конституционного строя: теория института / И.И. Пляхимович; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2008. – 160 с. – (Серия «Гуманитарные науки»)
3. Горшкова, С.А. Дерогация по Европейской конвенции и Россия // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4. – С. 83-84.
4. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
5. Пугачёв, А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». В 3 ч. Ч. 2. Основы конституционного строя и правового статуса личности. В 2 кн. Кн. 2. Рекомендации к практическим занятиям / А.Н. Пугачёв, И.В. Вегера. – Новополоцк: ПГУ, 2010. – 344 с.
6. Селеменов, В.Д. Тайна уголовного дела № 1603: Из истории совет. воен. разведки / В.Д. Селеменов, В.И. Шимолин. – Минск: Беларусь, 2004. – 110 с.: ил.
7. Грудцына, Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России: монография / под ред Н.А. Михалевой. – М.: Деловой двор, 2008. – 352 с.
8. Баранов, П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. – 145 с.
9. Матузов, Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 41-48.
10. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. – М.: Норма, 2007. – 384 с.

11. Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
12. Маланыч, И.Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России: Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. – 476 с.
13. Влазнев, В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 200 с.

УДК 347

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАЦИИ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**М.С. ПРИСТАВКО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)*

Рассматриваются перспективы применения медиации в области здравоохранения в Республике Беларусь. Выделяются преимущества процедуры медиации и рассматриваются основные причины конфликтов в сфере здравоохранения.

Примирительные процедуры, в том числе медиация и заключение медиативного соглашения – явление относительно новое в белорусском праве, лишь не так давно, Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», закрепленное законодательно.

Медиация может применяться как альтернатива судебному урегулированию спора, так и в рамках уже начатого производства по делу [1].

Охрана здоровья – приоритетное направление государственной политики в Республики Беларусь. В статье 3 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 года представлены основные принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере здравоохранения. Из них можно выделить: создание условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения; обеспечение доступности медицинского обслуживания, в том числе лекарственного обеспечения; ответственность государственных органов, организаций за состояние здоровья населения [2].

Однако в случаях неудовлетворенности медицинской помощью имеют место трудности взаимоотношения между врачом и пациентом. Это необходимо учитывать на всех этапах анализа качества медицинской помощи. Трудности взаимоотношения находят свое выражение: в искажении восприятия, в отсутствии понимания и оценки информации; в конкурирующем взаимодействии врача и больного вплоть до конфронтации.

Факторы, влияющие на изменение информации в медицинском конфликте: состояние стресса; недостаток информации об оппоненте, который дополняется домыслами, носящими обычно негативный характер; уровень мотивов конфликта – чем он выше (сохранение здоровья), тем выше степень искажения информации при общении.

Симптомы медицинского конфликта выражаются в попытках ограничения действий оппонента - нарастающий негативизм больного сталкивается с игнорированием его мнения врачом; нанесение морального ущерба врачом (грубое обращение) взаимно усиливается поисками нанесенного ущерба со стороны пациента, что обычно подробно отражено в исковых заявлениях и материалах допросов медицинского персонала, когда ситуация освещается с противоположных позиций; в общении преобладают отрицательные эмоции с формированием «образа врага»; все ресурсы привлекаются для победы над оппонентом, а не над недугом [3].

Именно в таких случаях медиация будет является наиболее благоприятным выходом из ситуации. Ведь задача медиации состоит в удовлетворении интересов сторон, найдя оптимальный выход из ситуации, с минимальными негативными последствиями и издержками. По сравнению с судебным разбирательством медиация экономит денежные средства и время, сохраняет репутацию врача и учреждения здравоохранения.

Медиация обеспечивает сохранение благоприятного контакта с пациентом или с контрагентом (со страховой компанией); повышает доверие со стороны пациентов и контрагентов и помогает сохранить долгосрочные партнерские отношения; приводит к быстрому разрешению конфликтов без вмешательства вышестоящих инстанций или судебных органов; дает фактический материал для мониторинга и конструктивной работы с персоналом. Медиация также способствует сохранению имиджа и репутации медицинского учреждения, повышению его конкурентоспособности на рынке медицинских услуг; помогает формированию корпоративной культуры, ориентированной на удовлетворение нужд и потребностей как пациента, так и персонала – на основе принципов взаимоуважения; дает возможность получения обратной связи, способствующей принятию мер для совершенствования качества медицинских услуг и предотвращения повторения аналогичных ситуаций или ошибок.

Примером может служить Центр эффективного разрешения споров (Centre for Effective Dispute Resolution, или CEDR) в Великобритании. CEDR осуществляет свою деятельность уже более 30 лет, за это время в него обратились более 70 000 тысяч человек. Причиной такого высокого положения является широкий выбор квалифицированных медиаторов (как по географическому признаку, так и профессиональным сферам) и процедур. CEDR осуществляет разрешение споров в различных сферах: банковской,

финансовой, строительной, образования, здравоохранения, фармацевтике, информации, коммуникаций, природных ресурсов, страховании, СМИ, транспорта, спорта и др. [4].

Есть ли такая необходимость в медиации в нашей стране? Может, у нас все так благополучно, что достаточно и тех механизмов правовой защиты, которые применяются в белорусской медицине в настоящее время?

Нет сомнения, что конфликты имеются и в белорусской медицине. Согласимся с мнением Сергея Игумнова, доктора медицинских наук, профессора, председателя правления Белорусской ассоциации психотерапевтов: «Врачи сегодня вынуждены отвлекаться на жалобы и конфликтные ситуации, тратить на них время и нервы. Между тем значительную часть таких случаев можно предотвратить – будь выше профессионально-психологическая культура медицинских работников» [5].

С каждым годом по Беларуси растет количество жалоб в области здравоохранения. В первую очередь это связано с недостаточной информированностью населения о порядке оказания медицинской помощи, а также с нежеланием врачей в должной степени заниматься пациентом. Помимо этого, жалобы граждан рассматриваются ненадлежащим образом, что приводит к повторным обращениям.

В таких условиях медицинской организации необходимо искать способы защиты своих имущественных интересов. В разрешении конфликтов между пациентом и медицинской организацией руководитель медицинской организации пытается обходиться штатным юрисконсульством, но работа штатного юрисконсульта не всегда дает желаемого, а главное удовлетворяющего обе стороны результаты [6].

Закон «О медиации» направлен на создание наиболее благоприятных правовых условий для развития в Республике Беларусь альтернативных способов не для разрешения споров, а для урегулирования конфликтов и споров с участием независимых третьих лиц – медиаторов, осуществляющих свою деятельность, в том числе профессионально. По отношению к медицинской сфере можно сказать, что Закон «О медиации» нацелен на обучение специалистов в области медицины медиативным способам урегулирования конфликтов, на применение медиации, а не публичных судебных разбирательств в отношениях с пациентами, между коллегами и иными партнерами в различных областях.

В заключение хотелось бы отметить, что за медиацией в медицине можно увидеть более значительные перспективы государственного масштаба, в которых должны быть заинтересованы все. Ведь цель медицины – сохранение человеческой жизни, а достигнуть данную цель можно не конфликтуя, а придя к взаимному соглашению. Разработка и совершенствование законодательства, а также практическая направленность на перенаправление разрешения споров с применением альтернативных способов защиты прав и интересов позволят снизить напряженность в правоотношениях врачей и пациентов, улучшить деятельность по защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов здравоохранительных правоотношений, повысить эффективность и качество медицинской помощи в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О медиации : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. 2435-ХП : в ред. от 21 октября 2016 г. № 433-3. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Давыденко, Д. Медиация / Д. Давыденко // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2011. – № 5.
4. Шамликашвили, Ц.А. Спор идет о жизни и здоровье. Система здравоохранения нуждается в медиации / Ц.А. Шамликашвили // Медиация и право. – 2016. – № 2. – С. 2–7.
5. Воропаев, А.В. К вопросу о примирительных процедурах при урегулировании конфликтов в сфере оказания медицинских услуг / А.В. Воропаев, Е.И. Караваева // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4 (35). – С. 30–32.
6. Игумнов, С. Как врачу «разрулить» конфликт? / С. Игумнов // Медицинский вестник. – 2015.

УДК 342

**МЕДИАЦИЯ В КОНФЛИКТАХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОЦЕДУРНЫЙ АСПЕКТ****М.С. ПРИСТАВКО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)*

Рассматривается процедурный аспект медиации как способа урегулирования конфликтов в сфере здравоохранения. Определяется что является конфликтом в медицинской сфере и как он разрешается.

Термин «посредничество» используется в мировой практике и обозначает многовариантную процедуру, которая направлена на самостоятельное урегулирование правового конфликта с помощью привлечения третьего лица.

Что можно назвать медицинским конфликтом? Какие наиболее распространены? Всегда ли с ними может справиться глава медучреждения, персонал, и когда нужна непредвзятая помощь? Что и в каком случае лучше: обратиться в здравотдел, в суд, к прокурору или к медиатору?

Споры по делам в сфере здравоохранения отличаются специфичностью самого предмета разбирательства, неоднозначностью доказательственной базы, сложностью получения достоверных доказательств и вследствие этого - необходимостью проведения различных экспертиз. Зачастую пациенты не имеют возможности доказать свою правоту из-за отсутствия специальных знаний и финансовых возможностей для обращения в юридические службы за помощью [1].

Ситуация в спорах в сфере здравоохранения не столь однозначная, как кажется на первый взгляд. Не всегда пациент является слабой и обиженной стороной. Нередко лечебные учреждения из-за отсутствия грамотного документооборота, несвоевременного и неточного заполнения медицинских документов пациента, невозможности доказать свою невиновность становятся жертвами судебных тяжб и объектами для критики в средствах массовой информации, несут финансовые потери, а в ряде случаев - лишаются возможности продолжать врачебную практику. Поэтому досудебный порядок урегулирования споров, в идеале, является наиболее быстрым и наименее затратным способом урегулирования возникших конфликтов.

Медиация хоть и является весьма эффективным и успешным способом разрешения конфликта, но в нашем обществе довольно скептически относятся к процедуре посредничества: люди не верят, что получится прийти к взаимовыгодному решению и договоренность будет исполнена. Одной из причин этого является недостаточное понимание о том, как посредничество работает и что происходит в медиации, в каких случаях они применяется и как можно начать процедуру медиации [2].

Ценность медиации здесь в том, что пациент и врач (или медицинское учреждение) начинают слышать друг друга. Это очень важно, потому что только в конструктивном диалоге каждая сторона находит правильные тон и вектор поведения для того, чтобы конфликтов было меньше, выявляются системные ошибки, недостатки в работе некоторых врачей и учреждений, растет уважение к медицине и к тем, в чьих руках жизнь и здоровье граждан.

В результате эффективных переговоров, с одной стороны, решаются проблемы пациента и удовлетворяется его главный интерес — здоровье, с другой стороны, сохраняется доброе имя и деловая репутация врача или медицинской организации, если по разным причинам дело не приобрело огласку.

Споры в области здравоохранения актуальны в настоящее время. Возьмем, к примеру, ситуацию, когда в ходе оказания стоматологической помощи пациенту был нанесен ущерб. Огласке подлежит информация, являющаяся личной для обеих сторон. Разглашаются сведения как о здоровье, так и жизнедеятельности пациента и о допущенных дефектах стоматологической помощи, ошибках медицинского корпуса, что в условиях нынешней конкуренции наносит непоправимый ущерб компании ещё до завершения процесса и вне зависимости от его исхода [3].

В данном случае наиболее подходящим способом разрешения конфликта будет медиация. Медиатор должен владеть в совершенстве искусством организации и проведения переговоров, знать технику постановки вопросов, владеть риторикой и аргументацией, чтобы быстро и эффективно убеждать конфликтующих, сглаживать конфликты. В своей деятельности медиаторы применяют различные техники, которые являются результативным инструментом медиатора для работы со сторонами. Из них наиболее распространенные: брейнсторминг, удвоение, смена ролей, метод ПМИ.

Для разрешения такого конфликта может применяться техника брейнсторминг. Брейнсторминг – метод, который на сегодняшний день является наиболее популярным при разрешении конфликтной ситуации и помогает найти альтернативные пути разрешения споров. Данный метод подразумевает, что все участники процесса будут принимать активное участие в поиске выхода из ситуации. Суть метода за-

ключается в выработке максимального количества версий для разрешения конфликтной ситуации за небольшой промежуток времени.

Для разрешения данной ситуации необходимо пройти 3 этапа:

1. Этап формирования идеи заключается в формулировании проблемы. Происходит формирование рабочей группы и распределяются роли среди участников в соответствии с поставленной проблемой. В нашей ситуации – это ненадлежащее оказание стоматологической помощи пациенту вследствие чего у пациента ухудшилось здоровье. А участниками будут являться пациент и врач-стоматолог.

2. Генерация идей. Участникам предлагается не сосредотачиваться на наилучшем варианте, ведь для каждого свой вариант является лучшим, а разрабатывать как можно больше вариантов и остановить свой выбор на тех, которые больше заинтересовали. Варианты могут быть разными. От сеанса массажа бесплатно до выплаты компенсации и устранения проблемы со здоровьем. Вопросы для брейнсторминга могут быть как общими: «Какие варианты решения я вижу?», так и более узкие: «Что я готов сделать, чтобы прийти к разрешению конфликта». Первоначально варианты не оцениваются и не критикуются. Здесь важно сформулировать как можно больше идей. Можно провести данный этап на листке бумаги. Когда и пациент, и врач совместно либо индивидуально сформулируют варианты, а затем объединятся и обсудят их. В судебном порядке не было бы возможности для поиска идей, которые устроили бы обе стороны [4].

3. Отбор идей. Участники высказывают и оценивают свои варианты и ищут тот, который устроит всех. По завершении конфликта целесообразно: проанализировать ошибки собственного поведения; обобщить полученные знания и опыт решения проблемы; попытаться нормализовать отношения с недавним оппонентом; снять дискомфорт (если он возник) в отношениях с окружающими; минимизировать отрицательные последствия конфликта в собственных состояниях, деятельности и поведении.

Во время сбора и последующей их проработки медиаторы могут вносить предложения, если у них возникает впечатление, что участники не увидели до сих пор значимых подходов к разрешению. Тем не менее это должно проходить в ненавязчивой форме, так, чтобы у сторон была возможность отказаться от них. Их можно выразить, например, спросив: «А что, если вы урегулируете спор с помощью бесплатного оказания медицинской услуги». Такая формулировка оказывает меньшее влияние на процесс решения, чем формулировка: «Я вам предлагаю» [5].

Применяя технику брейнсторминга участники конфликтов в медицинской сфере могут быстро сформировать лист идей для разрешения конфликтной ситуации, быстро их объяснить и дать им оценку. Медицинская деятельность сложна по структуре, количеству субъектов, специфике отношений. Здесь объективно высок потенциал конфликтности. И медиация способна в данном случае реально и эффективно помочь. Но не вместо других способов, а вместе. Нужно помнить об основных принципах медиации: добровольности, доверии, сотрудничестве, конфиденциальности. С их помощью легче достигать более высоких результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, О.Ю. Возможности применения медиации как альтернативного способа урегулирования конфликтов в стоматологии / О.Ю. Афанасьева, М.В. Кирпичников, Е.Н. Ярыгина // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 7.
2. Давыденко, Д. Медиация / Д. Давыденко // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2011. – № 5.
3. Ефимова, Ю.В. К вопросу о понятии медицинских споров / Ю.В. Ефимова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 2. – С. 55–58.
4. Легер, Й. Групповое мышление. Миф о мозговом штурме / Й. Легер // Национальный исследовательский Томский государственный университет. – 2013. – № 8. – С. 105–115.
5. Шамликашвили, Ц.А. Спор идет о жизни и здоровье. Система здравоохранения нуждается в медиации / Ц.А. Шамликашвили // Медиация и право. – 2016. – № 2. – С. 2–7.

УДК 342

ИНТЕРНЕТ-ПЕТИЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Я.В. САПЕГО

(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

Рассматривается зарубежный опыт в реализации института электронных петиций. Исследуются механизмы подачи, рассмотрения и принятия решения по электронным петициям в Европейском союзе, России, Германии, Великобритании и других странах.

В настоящее время в силу процессов глобализации и модернизации многие страны мира используют новые технологические способы взаимодействия с населением. Речь идет об институте электронных петиций. В зарубежных странах электронные площадки подачи петиций появились около 10 лет назад.

Данное нововведение можно разделить на три вида: государственные, общественные национальные и общественные международные. К последним можно отнести площадку Change.org, которая была создана в 2007 году как блог о правах человека и социальной несправедливости [1].

Италия, Великобритания и другие страны Европейского союза, Россия, ФРГ, США, Япония в своих законодательствах закрепили общее понятие «петиция», а также урегулировали его специальными законами.

В ст. 50 Конституции Итальянской Республики прописано, что граждане могут направлять в Палату депутатов и Сенат республики петиции с требованиями законодательных мероприятий с изложением собственных нужд.

Великобритания уже в 2006 году стала одной из стран, использующей онлайн-петиции на государственном уровне. Но почти сразу же деятельность данного механизма была на несколько лет приостановлена из-за его несовершенства. В 2011 году он возобновил свою работу уже с усовершенствованными правилами подачи петиций, поддержания её гражданами и реагирования власти на них [2]. Для того чтобы петиция была рассмотрена Палатой общин (нижняя палата Парламента), петиция должна собрать 100 тысяч голосов граждан в течение года с момента подачи. На данный момент электронной площадкой для подачи петиций является сайт <https://petition.parliament.uk/>, который довольно активно используется гражданами. Также есть ещё одна площадка - epetitions.direct.gov.uk. Данный сайт является площадкой Парламента и Правительства.

Нередко можно услышать и о европейских гражданских инициативах. Европейская гражданская инициатива – это одна из программ Лиссабонского договора («Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»), целью которой является развитие прямой демократии в странах Европейского союза [3]. Для реализации подачи предложения в Европейскую комиссию нужно пройти несколько этапов:

1. Необходимо создать специальный гражданский комитет, в который будут входить 7 человек – представителей 7 стран ЕС. Данные представители должны обладать правом голоса избираться на выборах в Европейский парламент.

2. Нужно зарегистрировать предложение на специальном сайте на любом из 23 официальных языков Союза. Европейская комиссия проверяет получившее предложение на правильность, нахождение в нём европейских ценностей. Если претензий у комиссии нет, то предложение публикуется на сайте.

3. После публикации необходимо собрать 1 млн подписей не менее с 7 стран-членов ЕС (можно в письменном виде или электронном). Подписи можно собирать не дольше, чем за 1 год.

4. Собранные подписи проверяются национальными правительствами стран в течение 3 месяцев.

5. Подписи направляются в Европейскую комиссию. Обязательно должны быть указаны данные о поддержке и финансировании продвижения инициативы.

6. Предложение инициативы слушается на комитете Европейской комиссии и на слушаниях Европейского парламента.

7. Европейская комиссия принимает решение о дальнейшем действии или бездействии в связи с инициативой в течение 3 месяцев. Независимо от сделанного решения, свой ответ она должна опубликовать на сайте и дать пояснения на всех официальных языках стран ЕС.

Введение данного института изменило положение граждан ЕС и даже изменило их мысли на европейскую политику. Граждане впервые получили возможность принимать участие в данной деятельности.

В Российской Федерации существует такой правовой институт, как общественная инициатива. Российская общественная инициатива – это Интернет-ресурс, на котором граждане России могут оставлять различные петиции (предложения, замечания) либо голосовать за таковые. Инициативы, набравшие

100 тысяч голосов, рассматриваются экспертными группами, которые в дальнейшем могут рекомендовать их для рассмотрения Государственной думой [4]. Также в России существует понятие «правотворческих инициатив граждан». Данный правовой институт представляет собой форму участия граждан в осуществлении местного самоуправления [5].

В Германии электронная площадка подачи петиций была создана в 2011 году на официальном сайте Бундестага (<https://www.bundestag.de/bundestag>). У них есть своя специальная процедура (система) подачи обращения:

1. Подача петиции;
2. Анализ специальной петиционной комиссии, в которую входят депутаты федерального парламента;
3. При соответствии всех условий в данной петиции она публикуется на сайте;
4. Петиция должна собрать 50 тысяч голосов, чтоб быть рассмотренной на открытом заседании петиционной комиссии в присутствии её инициаторов (в некоторых случаях могут также присутствовать и министры);
5. Затем петиция направляется на слушание в Бундестаг с рекомендациями комиссии [2]

Помимо данной государственной электронной площадки, граждане могут оставлять свои обращения и на не официальных Интернет-порталах, однако большой эффективности от этого нет. Власти Германии относятся с вниманием и уважением к своему населению, поэтому стараются больше взаимодействовать с ним. По данным статистики, онлайн-петиции не сильно влияют на решения властей государства, однако существование данного взаимодействия свидетельствует о «сотрудничестве» граждан с правительством, что является важной составляющей для демократического общества.

В США была создана электронная площадка для подачи петиций в 2011 году. Она размещена на официальном сайте Белого дома. Здесь может любой гражданин оставить своё обращение для администрации Президента. При наличии 25 тысяч голосов – ответ на обращение будет дан. Также в США есть и общественные сайты, где граждане подают петиции и собирают подписи, но лучше это делать на официальных сайтах органов государственного управления, чтоб проблема (предмет) петиции могла быть рассмотрена высшими уполномоченными должностными лицами.

Благодаря развитию сети Интернет, государственные органы облегчают и совершенствуют «общение» со своими гражданами. Необходимо идти в ногу со временем и использовать те механизмы (способы), которые помогают гражданам сотрудничать со своими властями, что требует развития института интернет-петиций и в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-петиции как проявление общественной активности [Электронный ресурс] // ScienceForum. – М., 2016. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/1350/15871>. – Дата доступа: 07.09.2018.
2. Внедрение онлайн-петиций, как инструмента общественного влияния [Электронный ресурс] // ЛПГА.Блоги. – М., 2015. – Режим доступа: <http://blog.liga.net/user/spoddubnyak/article/19585>. – Дата доступа: 07.09.2018.
3. Европейская гражданская инициатива [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/basic-facts>. – Дата доступа: 13.09.2018.
4. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: <https://www.roi.ru>. – Дата доступа: 13.09.2018.
5. Реализация правотворческой инициативы граждан Российской Федерации посредством электронных форм [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. – М., 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-pravotvorcheskoy-initsiativy-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-posredstvom-elektronnyh-form>. – Дата доступа: 13.09.2018.

УДК 342

**ИНТЕРНЕТ-ПЕТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ПРИМЕРНАЯ ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ****Я.В. САПЕГО***(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)*

Предлагается идея развития института Интернет-петиций в Республике Беларусь. Обосновывается необходимость заимствования некоторых механизмов в иностранных государствах в данном вопросе. Предлагается новый механизм подачи и рассмотрения петиций на законодательном уровне.

Институт петиций развивается очень динамично в зарубежных странах. Данная тенденция обуславливается процессами глобализации и модернизации, развития сети Интернет и её распространения. Рассмотрев опыт зарубежных стран, можно составить проект создания электронных площадок для подачи петиций в Республике Беларусь.

В настоящее время всё чаще используется такое понятие как открытое правительство. Оно возникло под воздействием развития информационных технологий и внедрения их в осуществлении политики. Под этим понятием подразумевается система управления государством, для которой характерны свободный обмен информацией между государством и гражданами, активное участие общества в подготовке и реализации решений органов власти, повышение качества и доступности государственных услуг для удовлетворения потребностей населения, развитие гражданского контроля над органами власти. Для достижения такого вида деятельности государству необходимо издать нормативные акты, которые признают на правовом уровне данное понятие и его урегулируют. В открытое правительство входят такие понятия, как электронное правительство, электронный бюджет, электронная подача и рассмотрение обращений граждан, система электронной идентификации граждан, электронные государственные услуги. Всё это необходимо для того, чтоб улучшить условия и активизировать демократию в стране [1].

В зарубежных странах опыт работы с электронными петициями присутствует уже более 10 лет. За данный промежуток времени были созданы законодательные регуляторы, усовершенствованы и изменены средства действия и процессы осуществления. Зарубежные механизмы, которые сейчас развиты на достаточно высоком уровне, могут служить образцом для создания нашей электронной площадки подачи петиций.

В целом, процедуру подачи и рассмотрения петиции можно представить так:

1. Подача петиции на специально созданном сайте;
2. Сбор подписей (25 тысяч голосов граждан) для рассмотрения специальной комиссией (администрацией данного сайта).

Администрация данного сайта уполномочена на:

- Первоначальное рассмотрение
 - Передачу петиции для дальнейшего рассмотрения органам власти (с учётом нужной сферы вопроса)
 - Размещение объявлений, ответов на сайте
3. Рассмотрение комиссией петиции при наличии нужного количества голосов в течение года с момента подачи. Петиция должна быть рассмотрена комиссией в течение 30 дней со дня получения необходимого числа подписей. Срок предварительного рассмотрения петиции может быть продлён ещё на один месяц по решению комиссии, если будут у её членов какие-то проблемы при рассмотрении.

Для того чтобы петиция была рассмотрена, необходимо также выполнение следующих условий:

- ✓ Необходимое количество подписей граждан (в течение года после подачи);
- ✓ Актуальность вопроса (комментарии, отзывы граждан, повторность петиций одного содержания);
- ✓ Если петиция будет по поводу какого-либо серьёзного происшествия, то необходимо предъявить доказательства (тем самым показывая важность данного вопроса);
- ✓ Вопрос (содержание) должны быть в рамках разрешённых тем.

В случае не набора нужной цифры или несоответствия петиции по «параметрам», петиция будет отклонена (уведомление об этом будет на сайте).

4. Передача петиции в уполномоченный орган или должностному лицу при наличии всех необходимых условий;
5. Рассмотрение петиции.

Срок рассмотрения петиции компетентным государственным органом – 90 дней со дня передачи. Но если необходимо больше времени для обработки петиции, то необходимо об этом уведомить граждан (максимальный срок – 2 месяца).

б. Объявление результата рассмотрения. Ответ (положительный либо отрицательный) будет дан по итогу рассмотрения на сайте, где все заинтересованные лица смогут с ним ознакомиться.

Подобная процедура не столь сложна, но может быть довольно эффективна. Также на данной электронной площадке можно создать систему «дизлайков» – было бы точно видно: необходимо принимать какие-то новшества или делать изменения уже существующих объектов или система сайта граждан устраивает и понятна для осуществления «общения» с правительством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курочкин, А.В. «Открытое правительство» как новая модель управления в условиях сетевого общества [Электронный ресурс] / А.В. Курочкин // CYBERLENINKA : Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/otkrytoe-pravitelstvo-kak-novaya-model-upravleniya-v-usloviyah-setevogo-obschestva>. – Дата доступа: 20.09.2018 г.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь, 2018. – 64 с.

УДК 342.5

**ПАРЛАМЕНТ И ЕГО РОЛЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****В.С. ГРИНЕВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.Н. КИРЯКОВА)*

Наличие парламентаризма в той или иной стране всегда означает наличие особого механизма взаимодействия парламента с другими органами государственной власти и с гражданским обществом. Как показывает практика, белорусский Парламент далек от совершенства и имеет свои недостатки. В данной статье содержатся некоторые направления совершенствования деятельности Парламента Республики Беларусь, которые позволяют ему работать более эффективно.

Парламентаризм – это политико-правовой институт, обеспечивающий взаимодействие избранного на основе общепризнанных процедур народного представительства (парламента) с другими органами государственной власти, отражающий его особое положение в государственной системе и реализующий сотрудничество государства с гражданским обществом [1, с.18].

Современный парламентаризм базируется на следующих принципах:

- разделение властей;
- верховенство парламента в законодательной сфере;
- закреплённое в законодательстве взаимодействие законодательной ветви власти с другими, главным образом с исполнительной;

О реальном парламентаризме можно рассуждать лишь в том случае, когда парламент наделён полномочиями в сфере законодательной деятельности, на избрание или контроль за деятельностью органов исполнительной власти [2].

- высокий уровень правосознания населения;
- наличие четко организованной избирательной системы.

Национальное собрание Республики Беларусь состоялось в своем конституционном предназначении как представительный и законодательный орган страны. Однако, как показывает практика, в работе белорусского Парламента есть достаточно много проблем, не позволяющих ему работать более эффективно.

В данной работе мы рассмотрим некоторые аспекты функционирования Национального Собрания Республики Беларусь, противоречащие принципам, на которых базируется современный парламентаризм и предложим некоторые варианты решения этих проблем.

1. О реальном парламентаризме можно рассуждать лишь в том случае, когда парламент наделён полномочиями в сфере законодательной деятельности, *на избрание или контроль за деятельностью органов исполнительной власти* [2].

Мы считаем, что контрольные полномочия белорусского Парламента являются неполными, а в некоторых случаях даже формальными. Располагая значительным конституционным арсеналом средств парламентского контроля, действенность контрольной деятельности Парламента минимальна, что снижает равновесие ветвей власти [3, с.224]. Так Палата представителей одобряет программу деятельности Правительства Республики Беларусь, однако открытым остается вопрос, может ли нижняя палата Парламента контролировать осуществление одобренной программы и достаточно ли у нее полномочий на это. Поэтому, видим обоснованным на конституционном уровне закрепить указанное полномочие, а именно, внести поправку в пункт 5 статьи 97 Конституции Республики Беларусь. Предлагаем следующую формулировку данной статьи: «Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь заслушивает доклад Премьер-министра о программе деятельности Правительства Республики Беларусь, одобряет или отклоняет программу, и осуществляет контроль за исполнением одобренной программы. Повторное отклонение Палатой представителей программы означает выражение вотума недоверия Правительству Республики Беларусь».

Не менее спорным является то обстоятельство, что в соответствии с пунктом 7 статьи 97 Конституции Республики Беларусь предусматривается исключительно коллективная ответственность Правительства Республики Беларусь перед Палатой представителей. Палата представителей может вынести вотум недоверия только Правительству Республики Беларусь в целом, а не его отдельным членам. В связи с этим считаем приемлемым закрепление в Конституции Республики Беларусь нормы, которая позволила бы Палате представителей добиваться отставки отдельных членов Правительства. Однако предлагаемая нами процедура выражения недоверия не должна предоставлять Президенту возможность распу-

стить Палату представителей, как это может быть в случае выражения вотума недоверия Правительству в целом.

Одним из основных требований современного парламентаризма является контроль над исполнительной властью. Считаем, что данному положению напрямую противоречит пункт 4 статьи 97 Конституции Республики Беларусь, который гласит о том, что Палата представителей дает согласие Президенту на назначение Премьер-министра. Во-первых, исключительным правом инициирования кандидатуры Премьер-министра обладает Президент Республики Беларусь. Во-вторых, в случае двукратного отказа в даче согласия на назначение Премьер-министра Президент Республики Беларусь вправе распустить Палату представителей. Для решения данной проблемы мы предлагаем следующие пути:

- увеличить количество возможных отказов в даче согласия на назначение Премьер-министра с двух до четырех раз, но уменьшить время для принятия решения о назначении предложенного кандидата с двух до одной недели;

- законодательно запретить Президенту Республики Беларусь предлагать в качестве кандидата на должность Премьер-министра лицо, относительно которого Палата представителей уже отказала в даче согласия на назначение на пост Премьер-министра.

2. Не менее важным принципом, на котором базируется современный парламентаризм является верховенство парламента в законодательной сфере. Здесь интересным для рассмотрения является институт делегированного законодательства и возможные способы его совершенствования в Республике Беларусь.

Согласно ч. 1 ст.101 Конституции Республики Беларусь «Палата представителей и Совет Республики законом, принятым большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента могут делегировать ему законодательные полномочия на издание декретов, имеющих силу закона» [4, с. 29]. Из данной статьи следует, что исключительным инициатором делегирования является Президент Республики Беларусь. Парламент Республики Беларусь хоть и обладает правом делегирования законодательных полномочий, инициатором этого права не является. Заметим, что в большинстве зарубежных стран инициатива о делегировании законодательных полномочий исходит от парламента [5, с. 69]. Поэтому, возможным способом совершенствования видится предоставление Парламенту права принятия решений о делегировании законодательных полномочий, поскольку именно он является высшим органом законодательной власти в государстве.

Также мы согласны с точкой зрения И.Н. Киряковой, что возможными способами совершенствования механизма делегированного законодательства могут быть дальнейшее закрепление в Конституции Республики Беларусь последующего парламентского контроля, а также необходимость конкретизации ее норм, касающихся способа делегирования законодательных полномочий [6, с. 121].

Проведенный анализ позволяет утверждать о том, что белорусский парламентаризм далек от совершенства и имеет свои недостатки. Так существует тенденция к концентрации властных полномочий у Президента Республики Беларусь и исполнительной власти, но это характерно и для многих современных государств в силу ряда причин, связанных с ситуациями, требующими быстрого реагирования.

Для того чтобы усовершенствовать белорусский парламентаризм, необходимо на постоянной основе и на всех уровнях добиваться того, чтобы работа Национального собрания Республики Беларусь была действительно эффективной и направленной на становления сильной и независимой Республики Беларусь. Совершенствование же работы Парламента Республики Беларусь видится по следующим направлениям:

- 1) закрепление за Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь права осуществления контроля за исполнением одобренной программы Правительства Республики Беларусь;

- 2) закрепление в Конституции Республики Беларусь нормы, которая позволила бы Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь добиваться отставки отдельных членов Правительства Республики Беларусь;

- 3) внесение изменений в нормы Конституции Республики Беларусь с целью увеличения количества возможных отказов Палаты представителей в даче согласия на назначение Премьер-министра с двух до четырех раз, но уменьшения время для принятия решения о назначении предложенного кандидата с двух до одной недели;

- 4) законодательное закрепление запрета Президенту Республики Беларусь предлагать в качестве кандидата на должность Премьер-министра лицо, относительно которого Палата представителей Республики Беларусь уже отказала в даче согласия на назначение на пост Премьер-министра Республики Беларусь;

- 5) закрепление за Палатой представителей и Советом Республики права внесения предложений о необходимости делегирования Президенту Республики Беларусь законодательных полномочий на издание декретов, имеющих силу закона;

б) закрепление в Конституции Республики Беларусь последующего парламентского контроля, а также необходимость конкретизации ее норм, касающихся способа делегирования законодательных полномочий [6, с. 121].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко, Е.Г. Парламентаризм и парламент в современной Беларуси / Е.Г. Абраменко // Место и роль Национального собрания в конституционной системе разделения властей : материалы науч.-теорет. конф., Минск, 16 дек. 2008 г. / Институт парламентаризма и предпринимательства. – Минск : Иппокрена, 2008. – С. 18–21.
2. Баранова, Н.П. Парламентаризм в России: история и современность / Н.П. Баранова, Р.М. Романов. – М. : Современная экономика и право, 2009. – 392 с.
3. Кондратович, Н.М. К вопросу о совершенствовании публичной власти в Республике Беларусь / Н.М. Кондратович // Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г.: в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 1. – С. 223–226.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
5. Кирякова, И.Н. Делегирование законодательных полномочий в конституционном праве: Республика Беларусь и зарубежный опыт : дис. ... канд. юр. Наук : 12.00.02 / И.Н. Кирякова ; Бел. гос. ун-т. - Минск, 2011. – 126 с.
6. Кирякова, И.Н. Проблемные вопросы делегирования законодательных полномочий в Республике Беларусь и возможные варианты их решения / И. Н. Кирякова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 13. – С. 119–123.

УДК 342.5

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В.С. ГРИНЕВИЧ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.Н. КИРЯКОВА)

Современный парламентаризм в процессе развития общественных отношений, не изменяя своим основополагающим принципам, приобретает новые особенности. Статья посвящена анализу современных тенденций развития парламентаризма и их всестороннему изучению, а также формированию концепций развития парламентаризма в Республике Беларусь.

На современном этапе институт парламентаризма – это важнейший механизм, способствующий функционированию истинно демократического государства, формированию гражданского общества. В настоящее время, государственные органы, представляющие данный институт существуют в более чем 190 странах мира. Важнейшей их функцией является представление интересов общества, связь общества с иными государственными институтами.

Парламентаризм может рассматриваться как система власти, предусматривающая наличие парламента как представительного органа, наделенного законодательными и контрольными полномочиями, и основанная на принципе разделения государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную, каждая из которых является независимой и самостоятельной в осуществлении своих конституционных полномочий. При парламентаризме правительство образуется парламентом и ответственно перед ним. То есть формально парламентаризм означает ведущее положение выборного органа в механизме государственной власти и управления. Мировой опыт показывает, что парламент тогда выступает подлинным представителем народа (нации), когда в его составе имеются крупные политические объединения депутатов, выражающие интересы крупных (значительных) слоев общества.

Современный парламентаризм базируется на следующих принципах:

- разделение властей;
- верховенство парламента в законодательной сфере;
- закрепленное в законодательстве взаимодействие законодательной ветви власти с другими, главным образом с исполнительной;

О реальном парламентаризме можно рассуждать лишь в том случае, когда парламент наделен полномочиями в сфере законодательной деятельности, на избрание или контроль за деятельностью органов исполнительной власти [1].

- высокий уровень правосознания населения;
- наличие четко организованной избирательной системы.

Данные принципы находят отражение в статьях Конституции Республики Беларусь.

Республика Беларусь является правовым государством. В правовом государстве утверждается принцип разделения властей [2, с. 10–14]. Данный принцип закреплен в статье 6 Конституции Республики Беларусь, которая гласит: «Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную» [3, с. 5].

Не подвергается сомнению, что ветви власти не являются взаимозаменяемыми, но и действовать обособленно они также не в состоянии. Поэтому они должны существовать равноправно, взаимно дополняя друг друга, что обеспечивается механизмом сдержек и противовесов. Ш. Монтескье писал: «Чтобы не было возможности злоупотребить властью необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [4, с. 290].

Согласно ст. 97 и 98 и ч. 2 ст. 106 Конституции Республики Беларусь обе палаты Национального собрания наделены контрольными полномочиями, Правительство Республики Беларусь ответственно перед Парламентом Республики Беларусь. Закрепление ответственности перед Парламентом Республики Беларусь предоставляет нижней палате Национального собрания возможность выносить вотум недоверия Правительству Республики Беларусь, итогом которого может стать его отставка, а также заключается в необходимости одобрения Палатой Представителей программы деятельности Совета Министров Республики Беларусь.

Немаловажную роль в становлении и утверждении парламентаризма в стране играет уровень правосознания и отношение общества к политике и власти. На современном этапе происходит переоценка приоритетов, и меняется структура ценностей личности. Граждане ориентированы на достижение личного успеха и мало интересуются политикой.

На снижение легитимности парламентаризма также влияют традиции этатизма, которые в немалой степени формируют психологию народа и чаще ориентируют массы на покорность и признание власти

персонифицированной сильной личности, способной навести жесткий порядок и проявить заботу о народе. Представительный орган власти же в рамках такой парадигмы представляется лишенным реальных возможностей органом, где ведутся абстрактные дискуссии [5, с.32].

Одним из ключевых критериев парламентаризма являются выборы, которые, с одной стороны, дают возможность оценить деятельность парламента, а с другой – показывают уровень легитимации государственной власти. В соответствии с общими принципами проведения избирательных компаний выборы в Республике Беларусь являются свободными, равными, прямыми и осуществляются при тайном голосовании [6, с. 19].

Парламентаризм как специфический институт создает предпосылки развитию самоуправления, являющегося сферой не государства, а гражданского общества. Тем самым ставится преграда вмешательства государства в компетенцию местных властей [6, с. 19].

На современном этапе можно выделить следующие тенденции в развитии парламентаризма в Республике Беларусь и иных странах.

1. *Повышение взаимодействия между различными ветвями власти*, в особенности законодательной.

Для качественного функционирования концепции разделения властей устанавливается система сдержек и противовесов, которая предупреждает возможность одной из ветвей власти стать выше других.

2. *Непосредственное участие граждан в управлении государством и всестороннее расширение связей между депутатами и избирателями.*

Первое обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, и наличием у граждан законодательной инициативы. Второе обеспечивается работой, проводимой депутатами Палаты представителей Республики Беларусь в избирательных округах и взаимодействием членов Совета Республики с местными советами депутатов, что позволяет своевременно выявить проблемы действующего законодательства, контролировать деятельность органов местного самоуправления и повысить популярность законодательной власти в обществе.

Таким образом, мы видим, что на современном этапе представительный и законодательный орган стал неотчуждаемой частью политической системы белорусского общества и, функционируя, сформировал систему взаимодействия с исполнительными и судебными органами. Но, заметим, отечественный парламентаризм не остановился в своем развитии и совершенствуется в соответствии с современными тенденциями, которые направлены на то, чтобы работа парламента становилась более эффективной, направленной на становление истинно демократического государства.

Для того чтобы парламентаризм в Республике Беларусь соответствовал современным тенденциям в настоящее время необходимо развивать различные формы общественного контроля и создать для этого соответствующую правовую базу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, Н.П. Парламентаризм в России: история и современность / Н.П. Баранова, Р.М. Романов. – М. : Современная экономика и право, 2009. - 392 с.
2. Ярош, В. Признаки правового государства / В. Ярош // Правовая система РБ: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы 2-й межвуз. студ. научн. конф. 25 апреля 2002, Гродно. – Гродно, 2002. – С. 10–14.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
4. Монтескье, Ш.Л. Избранные произведения / Шарль Луи Монтескье ; общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. – М. : Госполитиздт, 1955. – 799 с.
5. Керимов, А.А. Современный парламентаризм особенности и проблемы развития / А.А. Керимов // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – Т. 11. – С. 30–36.
6. Абраменко, Е.Г. Парламентаризм и парламент в современной Беларуси / Е.Г. Абраменко // Место и роль Национального собрания в конституционной системе разделения властей : материалы науч.-теорет. конф., Минск, 16 дек. 2008 г. / Институт парламентаризма и предпринимательства. – Минск : Иппокрена, 2008. – С. 18–21.

УДК 342.537

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ КАК ФОРМА
ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Е.А. МЕТЛА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Проведено исследование актуальной для Республики Беларусь проблемы, связанной с эффективностью реализации такой формы парламентского контроля, как парламентские слушания. Рассмотрены цели слушаний, их функции, а также системные элементы. Анализируется опыт других стран в использовании данной формы контроля. Сделаны предложения по повышению эффективности парламентских слушаний в Республике Беларусь.

Тема контрольных полномочий парламента была, есть и будет актуальной для государства и общества в целом, так как без парламентского контроля невозможно существование демократического, социального и правового государства.

Парламентский контроль означает парламентский процесс проверки и определения (или оказания влияния) формы поведения других, в частности правительства и органов управления, при непосредственной (парламентское большинство) и/или косвенной (оппозиция) возможности применения санкций или обязательного в правовом отношении принятия решения, а также выражения политической позиции в результате получения информации, ее переработки и оценки, включающей одобрение и критику [1, с. 5].

В соответствии со ст.80 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» парламентские слушания – это «форма деятельности палат Национального собрания, состоящая в заслушивании сообщений и мнений депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или вопросу, относящимся к компетенции палат Национального собрания» [2]. Данная норма дублируется в регламентах палат.

По мнению Т.Я. Хабриевой, «парламентские слушания - это форма обсуждения в палатах актуальных и значимых вопросов с привлечением общественности [3, с.154].

Система данной формы деятельности законодательного органа состоит из таких элементов, как субъекты, объекты и предметы слушаний. Все они взаимосвязаны между собой, тем самым образуя структуру.

Субъектами являются непосредственно сам представительный орган, его комитеты или комиссии (постоянные или временные), а также депутаты.

Объектами парламентских слушаний являются вопросы, имеющие отношение к компетенции представительного органа и его ведению. Эти вопросы, естественно, имеют проблемный характер и являются значимыми для общества.

Что касается предметов парламентских слушаний, то можно сказать, что они идентичны с тематикой слушаний. Важно отметить, что предметы не должны выходить за рамки объектов слушаний.

Изучение парламентских слушаний как организационно-правовой формы деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти необходимо производить с учетом качественных характеристик парламента. В их числе назовем конституционно-правовое закрепление следующих элементов статуса органа как выражение сущности парламентаризма: его представительный характер, т.е. его формирование населением государства в соответствии с нормами избирательного права; функционирование на постоянной основе; осуществление своей деятельности в режиме принципов разделения властей, бикамерализма (при двухпалатной структуре), механизма «сдержек и противовесов»; коллегиальности и профессионализма деятельности депутатов, самостоятельности, разграничения предметов ведения и полномочий. Перечисленные сущностные признаки парламентаризма определяют юридическую природу парламентских слушаний, технологии их проведения, позволяют показать их значение и результативность, обеспечивают выбор модели правового регулирования анализируемой организационно-правовой формы [4, с. 18].

Цель парламентских слушаний не состоит исключительно в контроле. Парламентарии, исполнительные органы и другие заинтересованные лица обмениваются информацией, чтобы выработать эффективное и рациональное законодательство, а также, чтобы добиться его надлежащего осуществления. Слушания могут служить инструментом для прояснения и согласования позиций различных государственных органов.

Законодательный (представительный) орган осуществляет возложенные на него функции в соответствии с компетенцией, которой он наделен. Эти функции законодательного (представительного) орга-

на реализуются посредством существования конкретных форм деятельности, с использованием предусмотренных законом правовых средств. Каждая организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа реализует собственные функции, обусловленные ее назначением. Через функции парламентских слушаний раскрывается их роль в качестве организационно-правовой формы деятельности законодательного (представительного) органа власти и реализуется компетенция данного органа [5, с. 157].

К внешним функциям, по мнению Л.Ю. Свистуновой, всегда относятся представительская, инновационная, ориентационная, контрольная, к внутренним – законотворческая, аналитическая, общественно-политическая. Остальные функции парламентских слушаний выступают внешними или внутренними в зависимости от предмета слушаний, состава приглашенных лиц и принятых по итогам парламентских слушаний рекомендаций [5, с. 158].

Нормативное закрепление принципов, методов деятельности парламента, обеспечивающих реализацию задач и функций органа, является, в свою очередь, основой для юридического закрепления системы организационно-правовых форм, подтверждающих реальное существование парламентаризма, и определяет в ней место парламентских слушаний [4, с. 18].

Деятельность Национального Собрания Республики Беларусь основывается на следующих принципах: демократичность; гласность; разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; верховенство права и законности; приоритет общепризнанных принципов международного права; равенство граждан перед законом, уважение их прав и законных интересов; свободное обсуждение и принятие решений; участие граждан в решении и обсуждении вопросов государственной жизни [6, ст. 2; 7, ст. 2].

В Республике Беларусь парламентские слушания в Палате представителей проводятся по предложению субъектов права законодательной инициативы, Совета Палаты представителей, постоянных комиссий, депутатских групп. Парламентские слушания в Совете Республики проводятся по решению Совета Республики, принятому по инициативе Председателя Совета Республики или его заместителя, Президиума Совета Республики, постоянных комиссий, членов Совета Республики. Парламентские слушания могут проводиться палатами совместно. Их организация и проведение возлагается на постоянную комиссию или иные органы палат. Парламентские слушания протоколируются и стенографируются соответствующим Секретариатом палаты, могут заканчиваться выработкой рекомендаций по обсуждаемому вопросу. Рекомендации открытых парламентских слушаний могут публиковаться и передаваться в средства массовой информации [8, с.352].

По окончанию слушаний проходит голосование. Голосование открытое и осуществляется путем подачи голоса «за» или «против». Решение палат считается принятым, если за него проголосовало большинство от полного состава палат. Решение Палаты представителей принимается в форме законов и постановлений, а решения Совета Республики принимается в форме постановлений. Законы подлежат немедленному опубликованию после их подписания и вступают в силу через десять дней после опубликования.

Данная форма контроля в Республике Беларусь особого распространения не получила. Институт парламентских слушаний в нашей стране регулируется главой 9 Регламента Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и главой 10 Регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Сайт Палаты представителей предоставляет информацию о проведенных парламентских слушаниях, однако их количество недостаточно для эффективной реализации парламентом своей контрольной деятельности. Например, за 2001–2014 гг., т.е. за 13 лет, было проведено всего лишь 16 слушаний [9]. В то время как в Украине только за 2016 г. проведено 16 парламентских слушаний, не включая комитетских [10]. Что касается Российской Федерации, информационно-аналитические бюллетени предоставляют информацию только за 2011 г., когда на весенней сессии было проведено 21 слушание [11].

Усиление контроля в деятельности органов представительной власти через парламентские слушания будет способствовать дальнейшему развитию парламентаризма в Республике Беларусь. Необходимо, по нашему мнению, провести ряд действий, которые должны повысить эффективность слушаний в Республике Беларусь: обеспечить информирование общественности о прошедших и только планируемых слушаниях, обеспечить вынесение большего количества вопросов на обсуждение. Также для эффективного проведения парламентских слушаний решающее значение имеет надлежащим образом организованная информационная кампания. Хорошо информированные заинтересованные стороны могут внести свой действительно ценный вклад в ходе слушаний. С другой стороны, неправильное толкование и отсутствие информации приводят к тому, что слушания перестают служить ключевым инструментом законодательной политики и становятся формальностью, вызывающей у заинтересованных сторон чувство недоверия и негативного отношения. Важной составляющей проведения успешных парламентских слу-

шаний является обеспечение прозрачности: заблаговременное оповещение, легкость доступа, трансляция, размещение всех материалов и стенограмм на сайте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракитская, И.А. Формы парламентского контроля в скандинавских странах и Финляндии / И.А. Ракитская. – М., 2001. – 197 с.
2. О Национальном собрании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 8 июля 2008 г., № 370-З ; с изм. и доп. от 17 июля 2018 г. № 132-З // Палата Представителей Национального Собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/glava-7-organizatsija-dejatelnosti-palat-natsionalnogosobranija-ru/>. – Дата доступа: 20.09.2018.
3. Хабриева, Т.Я. Парламентское право России : учеб. пособие / Т.Я. Хабриева. – М. : ЮРИСТЪ, 2003. – 655 с.
4. Свистунова, Л.Ю. Парламентские слушания в системе организационных форм работы представительных органов : учеб. пособие / Л.Ю. Свистунова. – Краснодар, 2011. – 76 с.
5. Свистунова, Л.Ю. Функции парламентских слушаний как организационно-правовой формы деятельности законодательных (представительных) органов в Российской Федерации / Л.Ю. Свистунова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 156–161.
6. О регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 18 декабря 2015 г. № 707-П5/VIII ; с изм. и доп. от 19 апреля 2018 г. № 241-П6/IV // Национальный правовой Интернет-портал. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H21500707>. – Дата доступа: 20.09.2018.
7. О Регламенте Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь от 19 декабря 2008 г. № 57-СР4/I ; с изм. и доп. от 24 апреля 2018 г. № 200-СР6/IV // Национальный правовой Интернет-портал. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=l20800057>. – Дата доступа: 20.09.2018.
8. Кодавбювич, В.А. Конституционное право Республики Беларусь : пособие для студентов / В.А. Кодавбювич, В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2007. – 527 с.
9. Парламентские слушания [Электронный ресурс] // Палата Представителей Национального Собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/news-ru/findTags/97/>. – Дата доступа: 9.04.2018.
10. Матеріали парламентських слухань (VIII скл.) [Электронный ресурс] // Верх. рада України. офіційний портал. – Режим доступа: http://static.rada.gov.ua/zakon/new/par_sl/index.htm. – Дата доступа: 9.04.2018.
11. Парламентские слушания [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ИАБ). – 2011. – № 1 (весенняя сессия) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/1/4896/19651>. – Дата доступа: 9.04.2018.

УДК 342.537

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А. МЕТЛА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)

Рассмотрены такие понятия, как «парламент», «парламентский контроль». Проводится анализ их определений, предложенных различными авторами. Проанализирована сущность контрольных функций парламента.

Парламент является обязательным атрибутом демократического государства. Он представляет собой общенациональный представительный орган государственной власти, который избирается населением или корпусом избирателей. В разных странах он имеет разные названия: Сейм, Бундестаг, Генеральные кортесы, Национальное собрание, Парламент, Федеральное собрание и так далее.

Парламент - важнейшая форма представительного народовластия. В его компетенцию входит законодательное регулирование общественных отношений, утверждение прав и свобод граждан, принятие законов, выражающих волю народа, обеспечение принципов правового государства.

Тема контрольных полномочий парламента была, есть и будет актуальной для государства и общества в целом, так как без парламентского контроля невозможно существование демократического, социального и правового государства. Контроль над деятельностью исполнительной власти способствует устойчивости конституционного строя.

Парламент наделяется Конституцией необходимыми полномочиями в целях успешной реализации своих функций и своей деятельности. Компетенция, в свою очередь, определяет правовое положение парламента, его роль в политической жизни общества, а также взаимоотношение с другими высшими органами государственной власти.

В компетенцию парламента могут входить полномочия законодательного характера; финансовые полномочия; полномочия в области внешней политики и обороны; контроль над деятельностью правительства; формирование других органов власти и назначение или избрание должностных лиц; судебные полномочия; назначение референдума (нераспространенное конституционное полномочие).

Парламент не является органом, который был создан специально для контроля, однако некоторыми контрольными полномочиями он все же обладает.

Контроль – это одна из основных функций системы управления. Парламентский контроль – это контроль законодательного органа за деятельностью исполнительной власти, в первую очередь, правительства.

М.М. Утяшев и А.А. Корнилаева полагают, что «парламентский контроль – это осуществляемый высшим законодательным (представительным) органом государственной власти комплекс различных мер по постоянному наблюдению и проверке деятельности системы, а также по устранению выявленных в результате такой проверки нарушений и предупреждению возможных несоответствий» [1, с. 30].

Е.В. Коврякова определяет парламентский контроль как «систему норм, регулиующую установленный порядок проведения наблюдения и проверки в основном деятельности органов исполнительной власти, который осуществляется как парламентским большинством и оппозицией, так и вспомогательными органами высшего законодательного органа и направлен на оценку этой деятельности с возможным применением санкций (вотума недоверия, резолюции порицания, импичмента и т.п.)» [2, с. 12].

В. Орландо полагал, что «функция контроля имеет целью осуществление постоянного и активного надзора со стороны парламента над всеми отраслями администрации, а также право представителя (парламентария) выражать членам правительства любое желание, сомнение или недовольство» [3, с. 134].

На наш взгляд, наиболее полным является определение, предложенное Ракитской И.А., так как оно конкретнее и точнее остальных описывает всю сущность данной деятельности: «Парламентский контроль означает парламентский процесс проверки и определения (или оказания влияния) формы поведения других, в частности правительства и органов управления, при непосредственной (парламентское большинство) и/или косвенной (оппозиция) возможности применения санкций или обязательного в правовом отношении принятия решения, а также выражения политической позиции в результате получения информации, ее переработки и оценки, включающей одобрение и критику» [4, с.5].

Идея создания парламента заключалась в потребности и необходимости ограничения верховной власти законодательными рамками и регулярного контроля над ней. Объектом парламентского контроля является деятельность органов исполнительной власти и ее должностных лиц. Стоит отметить, что этот контроль может распространяться на главу государства, судебную власть, вооруженные силы и тому подобное.

В.А. Малиновский отмечает, что контрольная деятельность парламента осуществляется по разным направлениям: «в различных организационно-правовых формах представляет собой значительный ресурс эффективного функционирования государственной власти, нормальной жизнедеятельности государства» [5, с. 113].

Основными целями парламентского контроля являются: укрепление законности и правопорядка; повышение эффективности системы государственного управления; выявление противозаконности или неэффективности деятельности Правительства; обеспечение соблюдения и исполнения Конституции и конституционных законов; защита гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина; выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов; привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к недостаткам, которые были выявлены в ходе осуществления парламентского контроля с целью их устранения; предотвращение коррупционных действий.

Если говорить о роли и месте парламентского контроля в системе социального контроля, то следует обратить внимание, что для надлежащего осуществления государством регулирующей функции требуется оптимальная система контроля за исполнением нормативных актов, а также система контроля за решением государственных задач и своевременным устранением выявляемых нарушений.

Таким образом, здесь уместно отметить слова Тагаева А.У., который писал, что «парламентский контроль над Правительством рассматривается как обязательный атрибут представительного правления. Важной составляющей парламентского контроля является конституционный статус парламента, который рассматривается не только как высший представительный и законодательный орган государственной власти, но и как высший контрольный орган» [6].

Существует ряд факторов, которые напрямую связаны с действенностью парламентского контроля: неэффективность существующей партийной системы, особенности формы правления, дисбаланс политических сил, международная и внутривнутриполитическая ситуация.

Развитый парламентаризм имеет место быть только при таких условиях, когда демократические основы конституционного строя начинают активно и согласованно внедряться в жизнь, приобретая силу и смысл. Большую роль играет наличие следующих элементов: верховенство закона, разделение властей, парламента с его контрольной и правотворческой деятельностью. Этапы совершенствования парламента тесно связаны с развитием общества и государства, так как данный законодательный орган отражает тенденции их развития в исторических ситуациях, а также отражает соотношение социальных сил в различных сферах жизни.

Контрольные функции являются ключевым звеном в системе сдержек и противовесов. Данная система существует благодаря принципу разделения властей, прозрачности деятельности государственных органов, в их подотчетности народу, в их взаимодействии со средствами массовой информации.

Именно парламентский контроль представляет собой инструмент правовой ответственности должностных лиц в сфере исполнительной власти перед обществом и государством в целом. С помощью контрольных полномочий парламента выявляют неэффективные и противозаконные действия лиц органов исполнительной власти с последующим привлечением их к разным формам юридической ответственности. Благодаря парламентскому контролю повышается качество принятых исполнительной властью решений, что способствует повышению эффективности государственной политики, оптимальности и взвешенности в работе правительства, а также отражению основных интересов общества и государства [6].

Нормативно закреплённое определение термина «парламентский контроль» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Положения о парламентском контроле Республики Беларусь находят свое отражение в определенных нормах Конституции, в Законе «О Национальном собрании Республики Беларусь» и Регламентах палат, но до сих пор не имеют единого системного закрепления, однако необходимость в этом, безусловно, имеется. Мировой опыт показывает, что эффективность проведения парламентского контроля снижается в случае, если они не включены в основной закон государства [7, с. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Утяшев, М.М., Контрольные функции региональных парламентов: сравнительный анализ / М.М. Утяшев, А.А. Корнилова // Право и политика. – 2001. – № 1. – С. 29–32.
2. Коврякова, Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика / Е.В. Коврякова. – М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 2005. – 192 с.
3. Орландо, В. Принципы конституционного права / В. Орландо, В.М. Саблина. – М., 1997. – 315 с.
4. Ракитская, И.А. Формы парламентского контроля в скандинавских странах и Финляндии / И.А. Ракитская. – М., 2001. – 197 с.

5. Малиновский, В.А. Парламентский контроль в Республике Казахстан: история, современность и перспективы / В.А. Малиновский // Парламентаризм в Казахстане: состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., 22 ноября 2007 г. – Астана, 2007. – С. 112–118.
6. Тагаев, А.У. Понятие, сущность и назначение парламентского контроля / А.У. Тагаев // Наука, новые технологии и инновации : сб. ст. – Бишкек, 2012. – № 7. – С. 186–194.
7. Волчкова, Н.Н. Парламентский контроль в зарубежных странах / Н.Н. Волчкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки : сб. ст. – М., 2013. – С. 43–48.

УДК 342.537.31

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ КАК СПОСОБА РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ

В.М. БЕРДОВИЧ

(Представлено: канд. юр. наук Д.В. ЩЕРБИК)

Активное политическое участие является важнейшим элементом демократии в настоящее время. Представлен один из основных инструментов электронной демократии в Финляндии. Выявлена и обоснована необходимость совершенствования национальной системы института законодательной инициативы на примере Финляндии.

Внедрение системы электронных петиций повышает потенциал участия в политической жизни государства, обеспечивает активное представление законодательных проектов в государственные органы и их обсуждение с помощью публичного доступа к законодательным петициям.

Право на подачу законодательных инициатив и право на подачу обращений являются основными элементами западной демократии. В настоящее время Финляндия регулярно занимает лидирующие позиции в мировом индексе, который учитывает свободу выражения мнений, участие в политической сфере государства, эффективную систему подачи обращений и законодательных инициатив.

Так, в 2013 году в Конституцию Финляндии была внесена поправка № 1112/2011: «Не менее пятидесяти тысяч финских граждан, имеющих право голоса, имеют право подать в Парламент инициативу о принятии закона» [1]. Это также было закреплено и в Законе об инициативе граждан, который создавался как необходимый элемент для активного участия граждан в политическом процессе, поддерживаемый Министерством юстиции Финляндии и политическими партиями [2].

В то время как конституционные поправки были приняты, еще не существовало как такового общественного обсуждения этих изменений, и подобные законодательные инициативы не были освещены в средствах массовой информации. Однако все изменилось после того, как были запущены первые инициативы и данный проект (administration.fi) начал привлекать внимание политиков и общественности.

Сейчас институт электронных законодательных петиций в Финляндии представлен на сайте «Demokratia.fi». На данном сайте существует несколько специальных платформ для подачи электронных законодательных петиций:

1. Kansalaisaloite.fi (инициативы граждан, влияющие на законодательство);
2. Kuntalaisaloite.fi (инициативы граждан в области муниципалитета);
3. Nuortenideat.fi (внесение предложений молодежью).

Наиболее эффективным способом изменения законодательства с помощью подачи законодательных электронных петиций является платформа «Kansalaisaloite.fi».

Законодательная петиция может быть инициирована одним или несколькими гражданами Финляндии, имеющими право голоса.

Содержание петиции должно соответствовать требованиям, указанным в Законе «Об инициативе граждан»:

1. петиция должна включать законодательное предложение (проект законодательного текста) или предложение о начале законодательной процедуры;
2. петиция должна иметь название, описывающее ее содержание;
3. петиция должна быть датирована, и та же дата должна быть указана во всех заявлениях по поддержке инициативы;
4. петиция должна касаться вопроса, относящегося к компетенции Парламента, а не на принятие и прекращение международных обязательств;
5. петиция может быть подготовлена на финском, шведском или на обоих языках.

Для того чтобы создать такую петицию, гражданин должен идентифицировать себя с помощью онлайн-банковских кодов, мобильных или чиповых зарегистрированных ID-карт. После названия петиции, инициатор должен выбрать дату, с которой предположительно будет начат сбор подписей в поддержку петиции.

Петиция должна содержать в себе законодательное предложение или законопроект, она может также касаться изменения или отмены действующих законов. Помимо текста петиции, инициатор также должен представить мотивацию для рассмотрения этой законодательной инициативы, она является обязательной частью петиции.

Для инициирования законодательной петиции необходимо два ответственных лица, которых дол-

жен пригласить автор петиции.

Приглашения, направленные ответственным лицам, действуют в течение семи дней, однако приглашение может быть направлено повторно, если инициатива еще не рассмотрена.

Далее ответственное лицо может направить петицию на рассмотрение в Министерство юстиции. Министерство юстиции проверяет правильность заполнения необходимых информационных полей, соответствие петиции правилам, а также утверждает, что текст петиции не содержит материалов, которые не могут быть опубликованы в Интернете. При необходимости петиция направляется обратно автору петиции на доработку.

После опубликования осуществляется сбор подписей. Согласно статье 8 Закона об инициативе граждан: «Сбор подписей в поддержку законодательной инициативы может осуществляться через онлайн-платформу. Инициатива должна получить не менее 50 подписей в течение одного месяца со дня ее опубликования». Если инициатива получает, по крайней мере, 50 подписей в течение месяца, она продолжает быть представленной на сайте для дальнейшего сбора подписей.

Для рассмотрения законодательной петиции в Парламенте, она должна собрать 50 000 подписей в течение 6 месяцев. Если петиция соберет не менее 50 000 подписей в течение 6 месяцев, она будет направлена в Центр регистрации населения. Центр проверяет действительность подписей и подтверждает, что петиция собрала 50 000 утвержденных подписей. После этого автор петиции может представить законодательную петицию на рассмотрение в Парламент.

На первом этапе законодательные инициативы рассматриваются Подкомитетом, который заслушивает экспертов Центра регистрации населения, организует общественные слушания с автором петиции и ответственными лицами, а также может предложить внести поправки в текст петиции.

Далее рассмотрение инициативы граждан начинается с предварительного обсуждения на пленарном заседании Парламента. В конце дебатов Парламент передает дело в Комитет по петициям. На этапе работы Комитета инициаторам должна быть предоставлена возможность изложить свою позицию. Затем Парламент голосует по законодательной инициативе и возможным предложенным поправкам.

Парламент обязан рассматривать законодательную инициативу, однако решение одобрения или отклонения инициативы, а также внесения изменений в законодательные акты, остается за Парламентом. Если какая-либо инициатива отклоняется Парламентом, она может быть создана в дальнейшем как новая инициатива по тому же вопросу [3].

Такая возможность подачи законодательных инициатив стала важным дополнением к финской демократии. Почти 80 процентов граждан Финляндии считают, что данный институт позволяет участвовать в политической жизни государства и ведет к улучшению финской демократии [4].

На примере Финляндии можно увидеть, что основной целью законодательных инициатив является содействие и поддержка свободной гражданской активности, укрепление гражданского общества, в котором различные слои населения имеют возможность участвовать и иметь право голоса в развитии законодательства и общества. Финляндия является ярким примером современного государства, активно использующего информационно-коммуникационные технологии для обеспечения участия граждан в политической жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Constitution of Finland [Electronic resource] // Ministry of Justice. – Mode of access: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf>. – Date of access: 25.09.2018.
2. Act on citizens' initiative [Electronic resource] // The Finnish Government. – Mode of access: https://valtioneuvosto.fi/en/article/-/asset_publisher/1410853/one-year-since-the-act-on-citizens-initiative-entered-into-force-a-few-dozen-citizens-initiatives-already-launched. – Date of access: 25.09.2018.
3. Kansalaisaloite.fi [Electronic resource] // Demokratia.fi. – Mode of access: <https://www.kansalaisaloite.fi/fi>. – Date of access: 25.09.2018.
4. Selvitys: Kansalaisaloitteet olleet [Electronic resource] // Valtioneuvosto. – Mode of access: https://valtioneuvosto.fi/artikkeli/-/asset_publisher/selvitys-kansalaisaloitteet-olleet-menestys-mutta-kasittelyssa-viela-parantamista?_101_INSTANCE_3wyslLo1Z0ni_groupId=10616. – Date of access: 25.09.2018.

УДК 342.537.31

**ПОРЯДОК ПОДАЧИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ
В ПАРЛАМЕНТ: ОПЫТ КАНАДЫ****В.М. БЕРДОВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук Д.В. ЩЕРБИК)*

Статья представляет собой исследование взаимодействия граждан и Парламента с помощью института электронных петиций. Рассматривается порядок подачи и рассмотрения электронных законодательных петиций в Канаде. Выявлена и обоснована необходимость совершенствования национальной системы электронных петиций на примере реформы в Канаде.

Снижение уровня участия в политической жизни требует проведения практических реформ для развития участия граждан в демократических институтах. Многие государства приступают к осуществлению программы e-government с помощью создания взаимодействия Парламента и общественности.

В настоящее время можно утверждать, что участие граждан в принятии политических решений не является сферой деятельности Парламента. Тем не менее, на практике мы видим, что некоторые зарубежные Парламенты внедряют механизмы участия граждан в Интернете, проводят открытые слушания с участием заинтересованных групп, организаций и так далее. Это дает возможность выйти за рамки традиционных каналов коммуникации, а также влияет на степень осуществления реальной демократии в государстве.

Канада является ярким примером государства активно использующего Интернет-технологии для обеспечения участия граждан в законотворчестве. Как и в большинстве демократических государств, в Канаде существует право на подачу обращений в государственные органы, установленное Хартией прав и свобод, являющейся одним из конституционных актов Канады [1]. Однако процесс подачи петиций в Канаде имеет свои особенности.

Так, после подачи на рассмотрение петиции в Парламент, она всегда проверялась должностным лицом Палаты общин. В поправках к правилам, принятым в 1910 году, впервые упоминается секретарь по петициям как лицо, на которое возложена эта ответственность [2]. В настоящее время Регламент Парламента предусматривает, что петиции должны быть удостоверены в правильности формы и содержания секретарем петиций до их представления в Палату общин [3].

13 февраля 2013 года в Канаде прошли процессы совершенствования устаревшего бумажного института подачи петиций, путем создания платформы для подачи электронных петиций на сайте Парламента. Так, было предложено разрешить петициям инициировать короткие дебаты в Парламенте, если они достигают определенного порога подписей от общественности [4].

Реформа в Канаде предоставляет гражданам возможность инициировать и подписывать петиции онлайн, что делает демократию более доступной и представительной. Парламентское присутствие в Интернете рассматривается как инструмент, предназначенный для поддержки ряда ключевых парламентских функций, действующий во всеобъемлющих демократических рамках.

Однако для рассмотрения петиции в Парламенте и размещения петиции на веб-сайте Палаты общин также требуется поддержка депутата Палаты общин (sponsoring). Петиционеры не могут непосредственно представлять петицию в Палату общин, это может сделать только член Парламента.

Поданные петиции должны соответствовать определенным требованиям, установленными правилами и практикой Палаты общин. Секретарь по петициям уполномочен удостоверять выполнение этих требований. Представители общественности и жители, желающие создать или подписать петицию, должны ознакомиться с правилами по созданию и подаче петиции, размещенными на сайте Палаты общин в разделе о петициях.

Члены парламента несут ответственность за обеспечение конфиденциальности петиционеров, рассматривая в качестве строго конфиденциальной всю личную информацию, которая может быть им представлена или которая может быть иным образом доведена до их сведения в процессе подачи электронных петиций.

Лицо, подающее петицию на веб-сайте Палаты общин, должно выбрать члена парламента, которого оно желает пригласить для представления петиции в Парламенте.

После того как петиция соберет по меньшей мере пять подписей других лиц (сторонников), депутат, или его делегат, будет проинформирован о контактной информации и сможет связаться с петиционером по электронной почте или по телефону. Как только петиция будет направлена на рассмотрение, у депутата будет 30 дней для принятия решения.

Если депутат не ответит в течение 30 дней или если он отказывается от запроса, то петиционеру будет предложено пригласить другого депутата для выполнения этой роли. В общей сложности у петиционера будет пять таких возможностей, при необходимости.

В случае, когда депутат перестает быть членом Палаты общин до публикации петиции на веб-сайте, секретарь свяжется с петиционером и предложит ему выбрать другого члена для представления петиции в Парламенте.

Принимая запрос на представление петиции в Парламенте, депутат необязательно разделяет мнения, изложенные в петиции. После того, как депутат соглашается представлять петицию, это согласие не может быть отозвано. Имя и статус члена Палаты общин будут упомянуты в петиции.

После того, как депутат соглашается представлять петицию, она рассматривается секретарем петиций на соответствие всех правил, установленных порядком подачи петиций, как правило, это проверка длится от трёх до пяти рабочих дней. Если петиция соответствует установленным требованиям, она публикуется на сайте для подписания широкой общественностью и резидентами сроком на 120 дней.

Депутат, петиционер и сторонники уведомляются по электронной почте, когда петиция будет опубликована. Если текст не будет одобрен, то все участники также будут уведомлены секретарем о петициях. В этот момент петиционер может принять решение об изменении текста своей электронной петиции, однако процесс ее создания и подачи должен начаться заново.

Число запросов о представлении петиций, на который может согласиться депутат Палаты общин, не ограничено, однако каждый петиционер может инициировать только одну открытую для подписи электронную петицию.

Депутат не может подписывать электронную петицию, которую согласился представлять в Парламенте. Кроме того, другие петиции он не может подписывать, используя адрес электронной почты или устройство с IP-адресом, связанным с парламентом Канады или правительством Канады, только используя личный аккаунт.

Члены парламента могут делегировать свои полномочия на утверждение или отклонение запросов о представлении петиций. Любой сотрудник, которому делегированы эти полномочия, должен обеспечить, чтобы личная информация петиционеров не была утеряна или использована в целях, отличных от тех, которые связаны с процессом подачи петиций.

Депутат Парламента по-прежнему несет полную ответственность за защиту персональных данных, если он решит делегировать полномочия. Делегирование этих полномочий действует в течение всего срока полномочий парламента (до роспуска) и может быть изменено в любое время депутатом.

После истечения 120-дневного срока после опубликования петиции, если она собрала не менее 500 действительных подписей, секретарь по петициям выдает сертификат, который включает текст петиции и общее количество подписей.

Сертификат отправляется депутату, представляющему электронную петицию, он должен подтвердить ее подписью. Подпись необходима для идентификации члена Парламента, т.к. депутат несет ответственность за любые нарушения, которые может содержать петиция, а также для демонстрации того, что он соглашается представить петицию.

Депутат представляет электронную петицию в Палате представителей.

Существует два варианта представления петиций, доступных для членов Парламента:

1. презентация в доме («front door») – депутаты могут представлять заверенные электронные петиции в Палате представителей в любой день заседания путем обычной процедуры, когда докладчик называет рубрику «представление петиций». Для представления петиций отводится максимум 15 минут в день заседания. Регламентные заседания проводятся в 15:00 по понедельникам и средам, в 10:00 по вторникам и четвергам и в 12:00 по пятницам.

Членам с более чем одной петицией для представления в определенный день рекомендуется представить все петиции последовательно. Никакие дебаты не допускаются, когда депутат представляет петицию. Член может сделать краткое фактическое заявление (например, ссылаясь на заверенную петицию, на ее источник, на предмет петиции, и ее цели, а также на количество подписей, которые она имеет), но членам не разрешается полностью зачитывать текст петиции, а также они не могут указывать свое согласие или несогласие с петицией.

2) с подачи секретаря палаты («back door») – заверенная петиция также может быть представлена членом Палаты в любое время в ходе заседания Палаты представителей путем подачи петиции секретарю.

В двух случаях записи о петициях появляются в журналах за этот день вместе с гиперссылкой на оригинальную электронную петицию.

Во время пророгации, члены могут продолжать поддерживать и представлять петиции, а петиционеры могут продолжать подавать петиции. Однако петиции не могут быть представлены в Палате общин до открытия новой сессии. Любые неурегулированные ответы на петиции, представленные на предыдущей сессии, должны быть представлены на новой сессии.

Роспуск парламента прекращает процесс подачи электронных петиций. Любая электронная петиция, которая не была представлена в палату до роспуска, в том числе заверенная, должна быть подана заново. Поскольку подписи не могут быть использованы повторно, подписавшие стороны, желающие поддержать петицию, должны будут подписать новую петицию.

Если петиция поддается исключительно для рассмотрения Палатой общин, то она должна касаться вопроса, входящего в компетенцию Парламента Канады, Палаты общин. Петиция не должна касаться сугубо провинциального или муниципального вопроса [5].

Сейчас электронные петиции дают канадцам дополнительные возможности для того, чтобы их голоса были услышаны и способствовали демократическому процессу в стране. Исторически сложилось, что право подавать петиции было весьма важным для граждан, с их помощью они могли быть осведомлены по конкретным вопросам, а также могли привлечь внимание власти к существующей несправедливости и выдвинуть конкретные политические, законодательные предложения. Расширение этой многолетней практики в Канаде с использованием онлайн-платформ дает пример института для привлечения граждан к участию в политической жизни страны. Снижая барьеры на пути участия в политической жизни, электронные петиции являются частью формирующейся тенденции к использованию новых информационно-коммуникационных технологий для повышения доступности государственных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Canadian Charter of Rights and Freedoms 1982 [Electronic resource] // Justice Laws Website. – Mode of access: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-15.html>. – Date of access: 25.09.2018.
2. Parliamentary web presence: a comparative review [Electronic resource] // University of Westminster. Westminster Research. – Mode of access: https://westminsterresearch.westminster.ac.uk/download/b0464b48ba2017f041fd2a42557aef7b3b940e8dab2703b0da4e4fe4293e4b23/142145/Berntzen_Healy_Hamamis_Dunville_Esteves_2006.pdf. – Date of access: 25.09.2018.
3. An Act respecting the Parliament of Canada [Electronic resource] // Justice Laws Website. – Mode of access: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/p-1/page-1.html>. – Date of access: 25.09.2018.
4. Silongan, M. Electronic Petitions: A Proposal to Enhance Democratic Participation / M. Silongan // Canadian Parliamentary review. – 2013. – Vol. 13. – P. 1–13.
5. E-petitions [Electronic resource] // House of Commons chamber des communes Canada. – Mode of access: <https://petitions.ourcommons.ca/en/Home/About>. – Date of access: 25.09.2018.

УДК 342

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СТАТУСА ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**А.А. ГРИНЬКО****(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)**

Рассматриваются вопросы правового регулирования статуса инвалидов на международном и национальном уровне. Автором уделяется внимание на определение понятия «инвалид», выделяются его характерные признаки

Признание прав инвалидов имеют большую и древнюю историю. Обозначим рамки исследования, рассмотрим признание прав инвалидов после Второй мировой войны.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современный период обществу всегда было интересно наблюдать и узнавать о признании прав инвалидов в Республики Беларусь и за её пределами.

Согласно анализу нормы Конституции части 1 статьи 8: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [1]». После изучения данной нормы можно сделать вывод, что международные акты занимают лидирующее место в признании прав инвалидов на территории Республики Беларусь. В данной норме конституционного законодательства используется принцип международного права - Принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Данный принцип распространяется только на действительные соглашения. Это значит, что рассматриваемый принцип применяется только к международным договорам, заключенным добровольно и на основе равноправия. Любой неравноправный международный договор прежде всего нарушает суверенитет государства и как таковой нарушает Устав ООН, поскольку Организация Объединённых Наций «основана на принципе суверенного равенства всех её Членов», которые, в свою очередь, приняли на себя обязательство «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов».

Международное законодательство в области защиты прав инвалидов составляют: Конвенция о правах инвалидов, Всемирный доклад об инвалидности.

31 августа 2008 года Генеральной Ассамблеей было принято решение о создании Комитета по правам инвалидов. Основными задачами Комитета является предоставление международной защиты инвалидам, борьба против дискриминации инвалидов в современном обществе, а также соблюдения странами Конвенции о правах инвалидов [2].

Конвенция о правах инвалидов [2] была разработана Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года. Основными принципами данной Конвенции являются:

- уважение присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости;
- недискриминация (равное отношение ко всем);
- полное и эффективное вовлечение и включение в общество;
- уважение особенностей инвалидов и их принятие в качестве компонента людского многообразия и части человечества;
- равенство возможностей;
- доступность (свободный доступ к транспортным средствам, местам и информации и невозможность отказа в доступе по причине инвалидности);
- равенство мужчин и женщин (мальчики и девочки также имеют равные возможности);
- уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность (право на уважение ваших способностей и право гордиться собой) [2].

Данные принципы характеризуют основные положения, которые прописаны в Конвенции о правах инвалидов. Все эти признаки имеют важнейшее значение при функционировании и использовании Конвенции о правах инвалидов. Акцентировать внимание стоит на всех признаках. Отдельно выделим недискриминацию и равенство мужчин и женщин (гендерное равенство). Недискриминация и гендерное равенство являются одними из важнейших признаков, на современном этапе развития общества, эти проблемы характерны не только для инвалидов, но и для других социально уязвимых слоёв населения.

Согласно части 1 статьи 1 Конвенции о правах инвалидов: «Цель настоящей Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства [2]». Равноправие первая и основная цель, которая преследуется Конвенцией о правах инвалидов. Инвалиды должны на постоянной основе и несмотря не на какие обстоятельства владеть теми же правами и свободами, что и обычные здоровые граждане. Второй целью Конвенции о правах инвалидов является предоставления им

уважения со стороны общества. Следовательно, это защита инвалидов от дискриминации, которой они подвергаются в современном обществе.

Согласно анализу части 2 статьи 1 Конвенции о правах инвалидов: “К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими [2]”. Из данного определения можно выделить следующие признаки:

- Инвалид - лицо, которое имеет устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем;

- Инвалид – лицо, которое имеет ограниченные возможности, в связи со здоровьем;

- Инвалид – лицо, которое не может эффективно участвовать в жизни общества наравне с другими.

Данное определение было разработано в 2006 году. Однако общество не стоит на месте и на наш взгляд его стоит немного разработать. В данном определении нет не одного слова о дискриминации инвалидов. Это является слабой стороной в данном определении, так как этот вопрос не прописан в определении. На наш взгляд, Инвалид – это лицо, которое подвергается дискриминации со стороны общества. Данная проблема существует в современном обществе долгое время. Международные организации издают и принимают нормативные акты для урегулирования данной проблемы. Конвенция о правах инвалидов одной из своих целей прописывает защиту от дискриминации инвалидов.

На наш взгляд, Инвалид – это человек, который получает от государства социальную помощь, вот положительный момент, и он любое государство характеризует только с хорошей стороны. Данная формулировка не прописана в определении. В нашем случае это необходимо, потому что именно государство оказывает данную социальную помощь.

Вторым международным документом является Всемирный доклад об инвалидности. Актуальность данного документа заключается в том, что он описывает международный опыт в регулировании прав инвалидов в различных странах мира.

В 2011 году общественности был представлен Всемирный доклад о инвалидности [1]. Основной задачей является представление аудитории аспектов определения инвалидности, результаты проделанной работы различными странами по защите и поддержке инвалидов. В Всемирном докладе об инвалидности предоставляется Резюме. Резюме содержит основные идеи и рекомендации, которые характеризуют международный документ.

Всемирный доклад об инвалидности является первым за всю историю современного общества. Доклад рассматривает основные положения инвалидов в современном обществе. Основными темами в Докладе об инвалидности являются:

- Здоровье;
- Реабилитация;
- Помощь и поддержка;
- Окружающая среда;
- Образование;
- Трудоустройство.

Темы, изложенные в Докладе об инвалидности, полностью характеризуют проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды в современном обществе. В каждой главе обсуждаются препятствия, с которыми сталкиваются инвалиды, а также результаты целевых исследований в области того, как странам удается решать эти проблемы путем продвижения надлежащей практики. Всемирный доклад об инвалидности вносит значительный вклад в осуществление Конвенции о правах инвалидов. в качестве необходимого ресурса для работы в таких областях как общественное здравоохранение, права человека и развитие доклад предназначен для лиц, формирующих политику, провайдеров услуг, специалистов и защитников интересов инвалидов и их семей.

Международное регулирование является основным в признании прав инвалидов на территории Республики Беларусь. Конвенция о правах инвалидов и Всемирный доклад об инвалидности два международных документа, которые поддерживают и сохраняют права и свободы инвалидов полноценными.

Признание прав инвалидов актуально на территории Республики Беларусь. Доказательством тому может служить, что согласно Национальному плану действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь: “По итогам 2016 года численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, составила 554,9 тыс. человек (около 6 процентов от численности населения страны), в том числе: инвалидов I группы – 86,5 тыс. человек; II группы – 266,4 тыс. человек; III группы – 172,4 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 29,6 тыс. человек. В 2016 году общая численность инвалидов увеличилась по сравнению с предшествующим годом на 5,4 тыс. человек [6]”. Из этих данных можно сделать следующий вывод: на территории Республики Беларусь 6% населения инвалиды, которые нуждаются в социальной помощи, защите их прав и свобод и в защите от дискриминации.

Согласно конституционному законодательству Республики Беларусь, тема о признании прав инвалидов актуальна и в Республике Беларусь. Согласно части 1 статьи 1 Конституции Республики Беларусь: "Республика Беларусь – социальное государство [3]". Из этого следует, что политика государства направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Государство обязано предоставить помощь инвалидам, а также создать для них все условия для достойного уровня жизни. Статья 22 Конституции Республики Беларусь звучит следующим образом: "Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [3]". Согласно данной статье Конституции "все равны перед законом", данная формулировка говорит о том, что в стране должно сохраняться равноправие, несмотря на то какой статус или положение занимает человек в обществе. Вторым элементом данной нормы является "дискриминация". Это важный аспект, если говорить об инвалидах. Инвалиды в современном обществе подвергаются дискриминации и согласно конституционному законодательству Республики Беларусь цель государства эту дискриминацию устранить. Таким образом, проблема признания прав инвалидов актуальна на территории Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [4]" был принят в 1991 году. С 1991 года Закон Республики Беларусь "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [4]" был изменен и дополнен 9 раз, это говорит о том что вопрос о признании прав инвалидов не стоит на месте, а является актуальным в современном обществе. Закон направлен на уравнение прав инвалидов с обычными гражданами в различных сферах жизнедеятельности. Вопрос дискриминации является основополагающим в Законе Республики Беларусь "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [4]". Вот как комментирует данный вопрос Е.Ф. Гречнева - доцент кафедры политологии Белорусского Государственного Университета: "Одним из первых важных правовых актов о защите инвалидов от дискриминации был Закон «О социальной защите инвалидов», в котором содержалась норма, согласно которой дискриминация инвалидов запрещается по закону. В новой редакции, Закона подчеркивается, что белорусское законодательство строится на принципах недискриминации. И хотя такая формулировка, на наш взгляд, является недостаточно определенной, наличие такой нормы является очень важным фактором дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере [7]".

Согласно Закону Республики Беларусь "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь": "Инвалид – лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами [4]". Выделим следующие признаки понятия инвалид:

- Инвалид – лицо, которое имеет устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем;
- Инвалид – лицо, которое имеет ограниченные возможности, в связи со здоровьем;
- Инвалид – лицо, которое не может эффективно участвовать в жизни общества наравне с другими.

Определение термина инвалид в Законе Республики Беларусь "О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [4]" и Конвенции о правах инвалидов не отличается. Из этого следует, что определение инвалид в белорусском законодательстве было заимствовано из международного опыта права.

В 2008 году был принят Закон Республики Беларусь "О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов. Согласно данному нормативно-правовому факту Республика Беларусь возвращается к определению понятия инвалид, которое прописано в Конвенции о правах инвалидов. Закон Республики Беларусь "О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов" предоставляет возможность гражданам ознакомиться с обязанностями государства в области реабилитации инвалидов. Закон имеет перечень государственных программ, которые направлены на регулирование прав и свобод инвалидов, предоставления им социальной помощи и реабилитацию их прав в различных общественных отношениях. Согласно статье 41 настоящего Закона, Совет Министров контролирует исполнение и реализацию данного Закона на территории Республики Беларусь. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 "Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [5]" было принято в 2002 году. В Постановлении изложены основные термины и понятия, которые тесно связаны с инвалидностью. Основной функцией Постановления является определение группы инвалидности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 "Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [5]" дает следующее определение понятию инвалид: "Инвалид – лицо, которое в связи с ограничением жизнедеятельности вследствие наличия физических или умственных недостатков нуждается в социальной помощи и защите [5]". Выделим следующие признаки понятия инвалид:

- Инвалид – лицо, которое ограничено в возможностях вследствие наличия физических или умственных недостатков;

- Инвалид – лицо, которое нуждается в социальной помощи;

- Инвалид – лицо, которое нуждается в социальной защите.

Определение термина инвалид в Постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 "Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [5]" является первым в истории суверенной Республики Беларусь. Определение было разработано белорусскими учеными. Однако данное определение широкого распространения на территории Республики Беларусь не получило.

Важнейшим событием по признанию прав инвалидов на территории Республики Беларусь стало ратифицирование Конвенции о правах инвалидов. Конвенция о правах инвалидов была ратифицирована в 2015 году. В 2016 году был разработан Национальный план действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь. Национальный план действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь имеет временные рамки и должен быть выполнен в течении 8 лет, начиная с 2017 года по 2025 год. Национальный план действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь содержит: общие положения, термины и определения, положения инвалидов в Республике Беларусь, цели и задачи Национального плана действий по реализации положений конвенции, механизм реализации настоящего плана, ряд мероприятий, которые необходимо провести на территории Республики Беларусь. Основными направлениями Национального плана являются:

- Реализация Конвенции о правах инвалидов;

- Недискриминация инвалидов;

- Предоставление всех возможных прав и свобод;

- Социальная защита;

- Равноправие в обществе;

- И др.

- Защита и поддержка инвалидов на территории Республики Беларусь.

Таким образом, белорусское законодательство имеет свои нормативно-правовые акты, которые регулируют признание прав инвалидов на территории Республики Беларусь. В то же время Республика Беларусь не отказывается и от международного регулирования этих же самых прав. Конвенция о правах инвалидов и Законы Республики Беларусь имеют схожие черты, нормы, положения. На мой взгляд, проводить сравнительный анализ данных актов бессмысленно. Конвенция о правах инвалидов и белорусское законодательство это слаженный механизм, который направлен на признание прав инвалидов, защиту и поддержку их в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

7. Всемирный доклад об инвалидности. Всемирная организация здравоохранения, 2011 г. – Режим доступа: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/. – Дата доступа: 25.09.2018.
8. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [прин. резолюцией 61/106 Ген. Ассамблеи, 13 декабря 2006 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability. – Дата доступа: 04.01.2018.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
10. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Об утверждении Инструкции по определению группы инвалидности и Инструкции по определению причины инвалидности [Электронный ресурс] : постановление Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 12 августа 2002 г. №61 // Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20717387>. – Дата доступа: 25.09.2018.
12. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21700451_1497646800.pdf. – Дата доступа: 25.09.2018.
13. Проблемы обеспечения прав инвалидов и иных лиц, нуждающихся в дополнительной социальной защите : сб. материалов круглого стола, 26 декабря 2017 г., Минск / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 122 с.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**А.А. ГРИНЬКО****(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)**

Рассматриваются вопросы правового регулирования статуса инвалидов на примере Закона Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. Автором уделяется внимание правам, обязанностям и гарантиям реализации прав инвалидов в Республике Беларусь.

Согласно Национальному плану действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь: По итогам 2016 года численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, составила 554,9 тыс. человек (около 6 процентов от численности населения страны), в том числе: инвалидов I группы – 86,5 тыс. человек; II группы – 266,4 тыс. человек; III группы – 172,4 тыс. человек; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 29,6 тыс. человек. В 2016 году общая численность инвалидов увеличилась по сравнению с предшествующим годом на 5,4 тыс. человек [4]. Из этих данных можно сделать следующий вывод: на территории Республики Беларусь 6% населения инвалиды, которые нуждаются в социальной помощи, защите их прав и свобод и в защите от дискриминации.

Основным нормативно-правовым актом по определению правового статуса инвалидов на территории Республики Беларусь является Закон Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. Закон Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь” имеет следующие направления. Закон направлен на уравнивание прав инвалидов с обычными гражданами в различных сферах жизнедеятельности. Вопрос дискриминации является основополагающим в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. В данном Законе Республики Беларусь государство описывает основные права инвалидов на территории Республики Беларусь. Согласно Закону Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь” инвалиды приобретают следующие права [3]:

- Право на медицинскую помощь, а также реабилитацию инвалидов;

Инвалид – это лицо, которое имеет устойчивые физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения со здоровьем. Из этого можно сделать следующий вывод: право инвалидов на медицинскую помощь и реабилитацию является важнейшим элементом в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. Данному вопросу в Законе выделяется 2 статьи – это статьи под номером 9 и 10.

- Право на получение образования;

“Инвалидам в соответствии с законодательными актами гарантируется право на получение основного, дополнительного и специального образования с учетом их состояния здоровья и познавательных возможностей. При зачислении в учреждения, обеспечивающие получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, инвалидам предоставляются льготы, предусмотренные законодательными актами [3]”. Эта выдержка из статьи 14 Закона Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. При анализе данной статьи был сделан следующий вывод: инвалиды не дискриминируются на территории Республики Беларусь в области получения образования, даже наоборот государство продельывает огромную работу по данному вопросу. Ровно 5 статей в данном Законе гарантируют получение и защиту прав инвалидов в области образования, это статьи с 14 по 18-ю.

- Право на труд;

Согласно статье 19 данного Закона инвалиды в Республике Беларусь имеют равные права, как и обычные граждане для получения рабочего места. Наниматель не имеет права не брать инвалида на работу только потому что он инвалид. Данная норма прописана и в Трудовом Кодексе Республики Беларусь, а именно в статье номер 16. В Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь” вопросу о праве на труд инвалидов выделяется 5 статей, с 19 по 23-ю.

- Право на социальную поддержку в Республике Беларусь;

В Республике Беларусь инвалидам оказывается социальная помощь на уровне законодательства. Основным направлением в признании правового статуса инвалидов как раз и является предоставление права на социальную помощь и поддержку инвалидов со стороны государства. В Республики Беларусь социальная поддержка предоставляется в различных формах, это и льготы, социальные пособия, материальная помощь, обеспечения техническими средствами социальной реабилитации и др.

Согласно законодательству Республики Беларусь мы можем сделать вывод, что инвалиды имеют следующие права в Республики Беларусь – право на труд, право на социальную поддержку инвалидов,

право на получение образования, право на медицинское обслуживание и реабилитацию. Гарантиями реализации данных обязанностей со стороны государства являются нормативно-правовые акты. Право на труд инвалидов в законодательстве Республики Беларусь прописано как в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”, так и в Трудовом Кодексе Республики Беларусь [5]. Право на социальную помощь предоставляется в соответствии с ратифицированной Конвенцией о правах инвалидов [1], а также Законом Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. Согласно Закону Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь” инвалидам предоставляется право на образование. Если мы говорим о праве инвалидов на медицинское обслуживание и реабилитацию, то тут необходимо обратиться к Закону Республики Беларусь “О социальной помощи инвалидам в Республике Беларусь” и к Закону Республики Беларусь “О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [6]”.

Для признания правового статуса инвалидов в Республике Беларусь государство берет на себя некоторые обязательства. На законодательном уровне выделяют следующие обязанности государства в области признания прав инвалидов, а также защиты и поддержки инвалидов:

- Государство обязано защитить инвалидов от дискриминации. Защита от дискриминации инвалидов в Республике Беларусь прописано не только в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”, а также и в ратифицированной на территории Республики Беларусь Конвенции о правах инвалидов. В общем, вопрос защиты от дискриминации инвалидов является распространенным не только в Республике Беларусь, но и по всему миру. Но если мы говорим именно о Республике Беларусь, то данный вопрос закреплён на конституционном уровне. Согласно статье 22 Конституции Республики Беларусь: “Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [2]”. Инвалиды в современном обществе подвергаются дискриминации и согласно конституционному законодательству Республики Беларусь цель государства эту дискриминацию устранить.

- Государство обязано предоставить инвалидам те же права, что имеют и простые граждане в Республике Беларусь. К этому вопросу в Республике Беларусь подходят серьезно. Доказательством этому можно считать принятие и издание Национального плана действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь. Именно благодаря данному документу инвалиды должны быть полностью равны в правах с обычными гражданами. Меры, которые будут для этого приняты, следующие: это и поправки в законодательство Республики Беларусь, а также проведение мероприятий для устранения данной проблемы.

- Государство обязано предоставить инвалидам социальную поддержку в независимости от группы инвалидности. Этот факт прописан практически во всех нормативных актах Республики Беларусь, которые связаны с инвалидами на прямую. Инвалиды имеют огромное количество социальных проблем, которые без помощи государства просто не могут решить. Поэтому политика государства в этом плане играет немаловажную роль. Социальную помощь и поддержку инвалидам в Республике Беларусь оказывают, не только органы местного управления и самоуправления, но также Правительство и Президент Республики Беларусь.

Согласно законодательству Республики Беларусь мы можем сделать вывод, что государство имеет следующие обязанности перед инвалидами - предоставление социальной поддержки, предоставления равноправия, защита от дискриминации инвалидов. Гарантиями реализации данных обязанностей со стороны государства являются нормативно-правовые акты. Так, например, вопрос о защите от дискриминации инвалидов является важнейшим в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”. Если мы говорим о вопросе предоставления равноправия, то тут стоит руководствоваться Национальным планом действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь. Вопрос о предоставлении социальной поддержки прописан и в Законе Республики Беларусь “О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь”, и в Национальном плане действий по реализации положений Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь.

Благодаря анализу законодательных актов Республики Беларусь были выделены права, обязанности и гарантии в признании правового статуса инвалидов на территории Республики Беларусь. Если мы говорим о гарантиях, то в основном это были нормативно-правовые акты, которые рассматриваются и при определении термина инвалид или инвалидность. Права и обязанности оказались схожими, но на наш взгляд это наоборот говорит о том, что видны прямые пути для признания правового статуса инвалидов на территории Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [прин. резолюцией 61/106 Ген. Ассамблеи, 13 декабря 2006 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability. – Дата доступа: 04.01.2018.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 11.11.1991 г. № 1224 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21700451_1497646800.pdf. – Дата доступа: 25.09.2018.
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 5 янв. 2013 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 г. № 422 – III // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**П.С. КОВАЛЬЧУК***(Представлено: ст. преп. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

Рассматривается вопрос, посвящённый подходам к определению понятия «инклюзивное образование» и его принципов. Предлагается и обосновывается необходимость дополнения Кодекса Республики Беларусь об образовании в части включения в него определения понятия «инклюзивное образование» и главы, регулирующей инклюзивное образование на законодательном уровне в целом.

В Республике Беларусь инклюзивное образование начало развиваться относительно недавно, хотя вопрос о получении образования детьми с ограниченными возможностями стоял довольно остро на протяжении нескольких лет. На данный момент многие страны стали уделять огромное внимание инклюзивному образованию, его развитию и функционированию. Республика Беларусь не стала исключением и движется в том же направлении.

В законодательстве Республики Беларусь определения понятия «Инклюзивное образование» или «Инклюзия» не существует. Основным международным актом в сфере инклюзивного образования является Конвенция о правах инвалидов [1], где выделена отдельная статья, посвящённая образованию, однако и там данное понятие не нашло своего закрепления. Следовательно, данное понятие было разработано только лишь на теоретическом уровне и не имеет своего закрепления на законодательном уровне, что значительно усложняет процесс правового регулирования инклюзивного образования в целом.

На теоретическом уровне было разработано множество подходов к определению понятия «Инклюзивное образование», однако, на наш взгляд, наиболее корректным и полным определением данного понятия, которое раскрывает всю суть инклюзивного образования, является подход, который был предложен А. С. Пугачёвым.

А. С. Пугачёв дал следующее определение: «Инклюзивное образование – процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех учащихся, что обеспечивает доступ к образованию для учащихся с особыми образовательными потребностями» [2]. Данное определение чётко определяет все основные черты инклюзивного образования, т.к. в первую очередь, инклюзивное образование предоставляет возможность (доступ) получить образование на любом образовательном уровне. Данное положение нашло своё закрепление в ч. 5 ст. 24 Конвенции о правах инвалидов: «Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими. С этой целью государства-участники обеспечивают, чтобы для инвалидов обеспечивалось разумное приспособление» [1]. Данная норма предполагает не только возможность быть зачисленным в учебное заведение, но и обязанность государства обеспечить всем необходимым оборудованием (например, пандусами) возможность его посещения.

Помимо этого, стоит также отметить, что в практике внедрения инклюзивного образования в образовательный процесс сложилось 3 подхода в обучении детей с ограниченными возможностями [3]:

- Первый подход заключается в создании отдельных специальных классов для детей с ограниченными возможностями;
- Второй подход предполагает включение людей с ограниченными возможностями в процесс обучения с обычными детьми в одном интегрированном классе;
- Третий подход подразумевает дифференцированное обучение детей с нарушениями речи, слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, с задержкой психического развития в специальных (коррекционных) учреждениях.

По нашему мнению, все три подхода, безусловно, являются необходимыми, однако упор надо делать на второй подход для того, чтобы с детства населению прививался взгляд о том, что люди с ограниченными возможностями имеют те же права, что и люди без особенностей, и что они имеют право быть такими же полноценными членами общества, что и все остальные.

В заключение отметим, что с 2014/2015 учебного года в Беларуси реализуется проект по апробации модели инклюзивного образования в учреждениях образования. В нем было задействовано 8 школ. В 2016/2017 году по экспериментальному проекту работали уже 20 инклюзивных классов. Ежегодно возрастает количество учреждений общего среднего образования, в которых создана адаптивная образовательная среда, т. к. в 2014 году таких учреждений было 280, а в 2015-м – 951 [4]. Поэтому проблема отсутствия национального правового регулирования в сфере инклюзивного образования является актуальной.

Любая система в мире строится на основе принципов, которые являются основополагающими идеями, началами. То же можно и сказать про систему инклюзивного образования.

Законодательство Республики Беларусь в сфере инклюзивного образования, как уже ранее было отмечено, не содержит единого нормативного правового акта, который полностью урегулировал данную сферу. В белорусском законодательстве существуют такие нормативные правовые акты как Конституция, Кодекс об образовании, Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», которые в определённой степени затрагивают сферу инклюзивного образования. Они содержат основные положения об образовании в целом, которые могут быть отнесены и к инклюзивному образованию, а также служат основой для дальнейшего развития инклюзивного образования в Республике Беларусь.

Однако, мы полагаем, что при изучении принципов инклюзивного образования, следует, в первую очередь, опираться на международные источники, которые были ратифицированы Республикой Беларусь, в связи с неразвитостью национального законодательства по данному вопросу.

Первый международный акт, который будет нами рассмотрен, – Конвенция о правах ребёнка, которая была ратифицирована Республикой Беларусь 1 октября 1990 года. Ч. 1 ст. 2 данной Конвенции содержит принцип недискриминации: «Государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией, за каждым ребёнком, находящимся в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств [5]». Стоит отметить, что в данной норме, при перечислении признаков дискриминации, сделан также акцент на состоянии здоровья ребёнка, что позволяет нам доказать, что дети с ограниченными возможностями имеют право пользоваться своими правами наравне со здоровыми детьми, в том числе и правом на образование.

Помимо вышеуказанной нормы, Конвенция о правах ребёнка содержит специальную норму, которая касается права на образование в целом. Так, согласно ч. 1 ст. 28 государства-участники признают право ребенка на образование, и с целью постепенного достижения осуществления этого права на основе равных возможностей они, в частности:

- а) вводят бесплатное и обязательное начальное образование;
- б) поощряют развитие различных форм среднего образования как общего, так и профессионального, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи;
- в) обеспечивают доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств;
- г) обеспечивают доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей;
- д) принимают меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу [5].

Проанализировав данную норму, мы можем выделить следующие принципы, которые, так или иначе, затрагивают сферу инклюзивного образования:

1. Принцип бесплатности образования;
2. Принцип обязательности начального образования;
3. Принцип доступности образования на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств.

По нашему мнению, самым важным принципом является принцип доступности образования, т. к. именно с этой проблемой сталкиваются чаще всего, да и не только в сфере образования. Корнем проблемы выступает отсутствие материально-технического обеспечения в учреждениях образования, а именно:

- ✓ Отсутствие пандусов, лифтов или лестничных подъёмников;
- ✓ Отсутствие ковров, которые должны присутствовать по пути следования инвалидов-колясочников;
- ✓ Отсутствие табличек и объявлений со шрифтом Брайля;
- ✓ Узкие лестницы или двери;
- ✓ Многочисленные пороги (не создана безбарьерная среда) и т. д.

Так, согласно Отчёту о работе в 2016 году отдела специального образования Министерства образования Республики Беларусь [6], доля учреждений образования с безбарьерной средой составляет 3,3 % из 100 от общего количества учреждений дошкольного, общего среднего и специального образования. Среди учреждений высшего образования, на объектах которых сегодня создана безбарьерная среда, следует отметить Полесский государственный университет, Полоцкий государственный университет и Барановичский государственный университет. В остальных учреждениях высшего образования можно го-

ворить об элементах безбарьерной среды (наличие пандусов, оборудованных санузлов и т.д.), так как это, в основном, старые архитектурные постройки [6].

Возвращаясь к ч. 1 ст. 28 Конвенции о правах ребёнка [5], обратим ваше внимание на фразу «на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств». Именно данная фраза является основополагающей идеей принципа доступности образования, т. к. если толковать слово «способности», то под ними понимаются как физические, так и умственные способности. Помимо этого, под словом «каждый» понимается как здоровый ребёнок, так и с ограниченными возможностями. Также следует отметить, что принцип доступности закреплён во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в ч. 1 ст. 26 [7].

Следующий документ, который будет нами рассмотрен это Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 [8]. Отметим, что, несмотря на то, что данная Конвенция была принята в 2006 году, в Республике Беларусь она была ратифицирована только в 2016 и вступила в силу 29 декабря 2016 г.

Образованию в данной Конвенции посвящена 24 статья, которая состоит из нескольких частей. Первая часть данной статьи содержит следующую норму [8]: «Государства-участники признают право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни». Проанализировав данную норму, можно сделать вывод о том, что государство должно предпринимать всевозможные меры по обеспечению возможности для людей с инвалидностью получать образование, начиная с детского сада, заканчивая университетом. Помимо этого, в данной норме также продублирован принцип недискриминации, который был выделен нами в других международных документах.

Ч. 2 ст. 24 данной Конвенции содержит правила, соблюдение которых государство должно обеспечить [8]: «При реализации этого права государства-участники обеспечивают, чтобы:

- а) инвалиды не исключались по причине инвалидности из системы общего образования, а дети-инвалиды – из системы бесплатного и обязательного начального образования или среднего образования;
- б) инвалиды имели наравне с другими доступ к инклюзивному, качественному и бесплатному начальному образованию, и среднему образованию в местах своего проживания;
- в) обеспечивалось разумное приспособление, учитывающее индивидуальные потребности;
- г) инвалиды получали внутри системы общего образования требуемую поддержку для облегчения их эффективного обучения;
- д) в обстановке, максимально способствующей освоению знаний и социальному развитию, сообразно с целью полной охваченности принимались эффективные меры по организации индивидуализированной поддержки».

В Конвенции о правах инвалидов, помимо ранее упомянутого нами принципа недискриминации, закреплён принцип доступности инклюзивного образования. Ч. 5 ст. 24 данной Конвенции содержит норму о том, что государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими [8].

Многие люди совершенно не понимают важности инклюзии для людей с ограниченными возможностями, что является для Республики Беларусь корнем самой проблемы. Для того чтобы решить её полностью, потребуется немало времени, т. к. решением является перевоспитание молодого поколения. По нашему мнению, чтобы внедрить в какой-либо процесс что-то кардинально новое и перестроить сознание населения твоей страны, требуется начинать с воспитания детей в школах. Например, если с первого класса с полностью здоровыми детьми изначально будут учиться дети с ограниченными возможностями, то в сознаниях обеих групп не будет развиваться мысль, что это явление ненормальное, недопустимое, что так не должно быть, что их нужно разделить. Если дети с ограниченными возможностями будут изначально помещены в то общество, где они будут считать себя равными с точки зрения реализации своих прав и законных интересов, то можно предположить, что обе группы в будущем станут полноценными членами общества, которые не видят разницы в правах обычных людей и людей с ограниченными возможностями. Здесь и исчезнет дискриминация.

Основываясь на субъективном мнении, считаем, что самым важным из всех изученных нами принципов, является принцип доступности образования. Что касается проблемы реализации данного принципа, то на основании всего вышеизложенного, предлагаем разработать и утвердить приказом Министерства образования Республики Беларусь План на 2018-2023 гг. «О мерах по реализации принципа доступности образования» путём выделения средств из республиканского бюджета для оборудования и создания безбарьерной среды:

- как минимум одной школы в каждом городе Республики Беларусь для того, чтобы каждый ребёнок имел право получить общее базовое и общее среднее образование;

▪ каждого среднего специального и профессионально-технического учреждения образования (в том числе всех корпусов) для того, чтобы каждый имел возможность получить среднее профессионально-техническое образование;

▪ всех учреждений высшего образования (в том числе всех корпусов) в Республике Беларусь.

В связи с вышеизложенным, предлагаем дополнить Кодекс Республики Беларусь об образовании путём включения определения понятия «Инклюзивное образование» в национальное законодательство, а также путём включения новой главы в данный кодекс, которая будет содержать основные положения, основные принципы, права и обязанности субъектов инклюзивного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Пугачев, А.С. Инклюзивное образование / А.С. Пугачёв // Молодой ученый. – 2012. – №10. – С. 374–377.
3. Инклюзивное образование в России [Электронный ресурс] / Портал психологических изданий. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36287_full.shtml. – Дата доступа: 20.09.2018.
4. Международная конференция по инклюзии [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/page-26831>. – Дата доступа: 20.09.2018.
5. Конвенция о правах ребёнка [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Отчет о работе в 2016 году отдела специального образования Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:d7mEhpPyY0EJ:asabliva.by/sm.aspx%3Fguid%3D112123+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=by>. – Дата доступа: 20.09.2018.
7. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations.. – Дата доступа: 11.09.2018.
8. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ В ПРАВЕ

П.С. КОВАЛЬЧУК

(Представлено: ст. преп. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Рассматривается вопрос, посвящённый подходам к определению понятий «социальная уязвимость» и «социальная незащищённость». Изучается их соотношение, а также предлагается и обосновывается необходимость включения законодательных определений данных понятий в нормативные правовые акты Республики Беларусь, касающиеся социальной защиты уязвимых категорий граждан.

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство [1]. Когда речь заходит о государстве, первое, что приходит нам на ум, это население, следовательно, при характеристике каждого государства немаловажную роль играет критерий его социальности.

Что же для нас такое «социальное государство»? Если спросить обычного гражданина об его ассоциации с данным термином, первое, что он ответит, это то, что социальное государство предполагает защиту социальн уязвимых, незащищённых или неблагополучных слоёв населения, ведь каждый гражданин должен чувствовать себя защищённым в любой период своей жизни, при любых обстоятельствах и проблемах.

Республика Беларусь всегда оказывала, оказывает и будет оказывать поддержку тем категориям граждан, которые в ней нуждаются, путём обеспечения достойного уровня зарплаты трудящимся, защиты нетрудоспособного населения, обеспечения качественного образования, здравоохранения и других социальных услуг, установления социального равенства и справедливости. Все эти направления можно объединить в единую категорию – «достойный уровень жизни».

Так, согласно ч. 2 ст. 21 Конституции, каждый имеет право на достойный уровень жизни [1]. Однако возникает вопрос, что же следует понимать под «достойным» уровнем жизни? В первую очередь, на наш взгляд, это возможность полноценно питаться, наличие постоянного доступа к воде, отсутствие необходимости в одежде и наличие места жительства. Во-вторых, достойный уровень жизни также определяется наличием возможности бесплатно получать образование на любом образовательном уровне, саморазвиваться и пользоваться бесплатными услугами здравоохранения. И в-третьих, достойный уровень жизни также определяется возможностью завести семью, детей и обеспечивать их на основе получаемых гражданином доходов.

В тех случаях, когда какие-либо из данных категорий отсутствуют, мы не можем говорить о достойности уровня жизни в определённый период жизни гражданина. В таких случаях мы можем говорить о социальной уязвимости этих граждан.

В науке конституционного права чаще всего применяется термин «социальная уязвимость», однако существует и такой термин, как «социальная незащищённость». Изучим поподробнее данные понятия.

В первую очередь, хотелось бы отметить, что законодательство Республики Беларусь в сфере социальной защиты граждан достаточно развито, т. к. в нём содержится ряд нормативных правовых актов, которые регулируют вопрос социальной защиты определённых категорий граждан. Например, Закон Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХП [2], Закон Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий» от 6 января 2009 г. № 9-3 [3], Закон Республики Беларусь «О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 2005 г. № 73-3 [4] и др. Однако данные нормативные правовые акты содержат в себе лишь права, гарантии, льготы соответствующих категорий граждан, определения основных понятий, среди которых так и не нашли своего закрепления такие термины как «социальная уязвимость» и «социальная незащищённость».

Таким образом, можно прийти к выводу, что оба понятия не нашли своего закрепления на законодательном уровне, следовательно, они разработаны только лишь на теоретическом уровне, на чём и будет основываться дальнейшее исследование данных понятий.

Н. Ф. Басов дал следующее определение понятию «социальная уязвимость»: «Социальная уязвимость – это недоступность для ряда категорий населения социальных услуг, необходимых для нормального социального становления личности, достижения и сохранения соответствующего социального статуса, жизненного самоопределения и продуктивного развития [5]». Проанализировав данное определение, мы можем выявить несколько недостатков. Во-первых, автор утверждает, что социальная уязвимость предполагает недоступность социальных услуг для ряда категорий населения. Под населением

обычно понимаются все люди, живущие в данной стране, а именно граждане, иностранные граждане и лица без гражданства. На наш взгляд, такое состояние как социальная уязвимость стоит рассматривать только лишь в рамках граждан Республики Беларусь с одним лишь исключением для иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, поэтому указывать, что социальная уязвимость – это недоступность социальных услуг для ряда категорий населения, по нашему мнению, не совсем корректно.

Во-вторых, возникает вопрос: определённые категории граждан признаются социально-уязвимыми при отсутствии двух или более социальных услуг или достаточно недоступность хотя бы одной из них? Автор использует словосочетание во множественном числе, следовательно, он подразумевает недоступность нескольких социальных услуг одновременно, а не одной. На наш взгляд, отсутствие возможности воспользоваться хотя бы одной из социальных услуг является основанием для признания определённых категорий граждан или индивидов в социально-уязвимом состоянии, которое в дальнейшем требует определённого обращения внимания и защиты со стороны государства.

В-третьих, разумно было бы также указать, что те категории граждан, которые попадают в категорию социально-уязвимых слоёв населения, находятся под защитой государства. Республика Беларусь оказывает активную поддержку таким категориям граждан и индивидам путём предоставления им каких-либо льгот или денежных выплат.

Следующее определение, которое будет нами изучено, было предложено К. Н. Новиковой, которая полагает, что социальная уязвимость характеризует категории граждан или конкретного индивида, не имеющих потенциала самодостаточности для решения своих социальных проблем и нуждающихся в связи с этим в государственной поддержке [6, с. 34]. Далее автор определяет по каким же критериям определённые категории граждан и индивиды будут считаться социально-уязвимыми. К ним относятся:

- Возраст;
- Состояние здоровья;
- Малообеспеченность;
- Социальная дезадаптация;
- Сложная жизненная ситуация и т.д. [6, с. 34]

Проблема в определении данного понятия, предложенного К. Н. Новиковой, на наш взгляд, заключается в том, что автор настаивает на том, что социальная уязвимость характеризует именно категории граждан и отдельных индивидов, хотя, на наш взгляд, социальная уязвимость может характеризовать только лишь их социальное положение в обществе, а не их самих. Исходя из этого, данное определение не совсем корректно трактует данное понятие с точки зрения характеристики, хотя несомненно важным моментом, который был отмечен К. Н. Новиковой, является тот факт, что данные категории граждан нуждаются в особой государственной поддержке и внимании.

Е. А. Сергеева в своей диссертации дала следующее определение: «Социальная уязвимость – это характеристика состояния, которое может относиться к отдельным индивидам или к социальным группам, причем распространенность социальной уязвимости неодинакова на разных этапах развития общества [7]». На наш взгляд, данное определение практически не раскрывает суть данного термина. Автор определяет лишь то, что социальная уязвимость – это характеристика состояния человека, однако не указывает, что именно представляет из себя эта характеристика. Е. А. Сергеева также определяет к кому данное состояние может относиться, но не обозначает то, из-за чего данные социальные группы или отдельные индивиды признаются уязвимыми, что является недоступным для таких категорий, каково отношение государства к данным группам и т.д.

Таким образом, на наш взгляд, под социальной уязвимостью следует понимать характеристику состояния (положения) гражданина Республики Беларусь в обществе, которая заключается в недоступности хотя бы одной из социальных услуг, необходимых для обеспечения достойного уровня жизни, в связи с чем данный гражданин нуждается в особой государственной защите и поддержке со стороны государства.

Что касается термина «социальная незащищённость», то, следует отметить, что в такой интерпретации данное понятие практически не используется. Несмотря на данный факт, своё широкое распространение и применение нашёл термин «социальная защищённость».

М. А. Ласточкина рассматривала данное понятие с объективной точки зрения и пришла к выводу, что социальная защищённость – это экономическая состоятельность государства, уровень охраны прав граждан, качество жизни, социальные гарантии [8]. На основе определения данного понятия, можно вывести определение «социальной незащищённости». Таким образом, социальная незащищённость – это экономическая несостоятельность государства, низкий уровень охраны прав граждан, качества жизни, а также отсутствие или нарушение социальных гарантий.

В энциклопедическом словаре по социальной политике под общей редакцией Н. А. Вологина содержится следующее определение: «Социальная защищённость – объективная социально-

психологическая категория, поскольку, во-первых, представляет массово распространенную оценку общественных условий жизни и, во-вторых, формируется на базе конкретно-исторической социокультуры (т.е. отражает тот уровень цивилизованности, развитости, который достигнут обществом и устойчиво им воспроизводится на собственной основе). Она же позволяет определить и меру нарушения этих пределов, а тем самым и меру разрушения социальной защищенности как ценности [9, с. 210].

Проанализировав данное мнение, можно отметить, что автор косвенно сам дал определение понятию «социальной незащищенности», определив её как меру нарушения пределов защищенности, а также как меру разрушения социальной защищенности как ценности. На наш взгляд, данное определение не полно трактует его суть, т.к. не хватает конкретики в его характеристике: кто нарушает и разрушает пределы социальной защищенности, какими действиями это было вызвано и что это за нарушения,

В финансовом словаре дано следующее определение понятия «социальная защищенность»: «Социальная защищенность – обобщенная характеристика эффективности системы мер социальной защиты, деятельности органов государственного управления по реализации социальной политики, действительности и реальной осуществимости законодательно закрепленных социальных гарантий [10]». Исходя от обратного, под социальной незащищенностью следует понимать неэффективность системы мер социальной защиты, деятельности органов государственного управления по реализации социальной политики, отсутствие действительности и реальной осуществимости законодательно закрепленных социальных гарантий. Основываясь на субъективном мнении, данное определение достаточно полно трактует изучаемое нами понятие, а также, в сравнении с вышеизложенными позициями, практически полностью раскрывает его суть.

Обобщая все вышеизложенные мнения, касающиеся термина «социальная незащищенность», мы можем сделать вывод о том, что социальная незащищенность – это характеристика государства, под которой понимается неэффективность системы мер социальной защиты, обеспеченной государством, неэффективность деятельности органов государственного управления, в первую очередь Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, по реализации социальной политики, а также отсутствие действительности и реальной осуществимости закрепленных в Конституции и других нормативных правовых актах Республики Беларусь социальных гарантий.

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное нами в данной статье, мы можем сделать вывод о том, что понятие «социальная незащищенность» больше относится к понятийно-категориальному аппарату социальной политики и направлений её развития нежели чем понятие «социальная уязвимость», которое больше относится непосредственно к самим гражданам, чем к государству в целом.

Несмотря на это, связь данных понятий несомненно существует: обе характеристики оказывают негативное воздействие как на социальную политику государства, так и на социальное благосостояние его граждан. Именно поэтому законодательное закрепление определений данных понятий является необходимым шагом для дальнейшего устранения пробелов в сфере социальной защиты граждан Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
2. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1991 г., № 1224-ХП : с изм. и доп. от 17 июля 2009 г., № 48-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2009 г., № 9-3 : с изм. и доп. от 9 янв. 2017 г., № 14-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 дек. 2005 г., № 73-3 : с изм. и доп. от 17 июля 2018 г., № 135-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Основы социальной работы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Басов [и др.] ; под ред. Н.Ф. Басова. – 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2007. – 288 с.
6. Новикова, К.Н. Социология социальной защиты населения / К.Н. Новикова. – М. : ООО «Квант Медиа», 2013. – 440 с.
7. Сергеева, Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Е.А. Сергеева. – М., 2006. – 151 л.

8. Ласточкина, М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследований последних лет / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 171–179.
9. Социальная политика: энциклопедический словарь / Н.А. Вологин [и др.] ; под ред. Н.А. Волгина. – М. : Академический Проект, 2005. – 688 с.
10. Финансовый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/29546. – Дата доступа: 25.09.2018.

УДК 342.534

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ**К.А. МАТВЕЕВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассмотрена история возникновения и закрепления гарантий деятельности парламентариев. Прослеживаются их эволюция на различных этапах исторического развития института парламентаризма.

Правовой статус депутатов парламента обеспечивается соответствующими гарантиями, под которыми следует понимать условия и средства, непосредственно и реально обеспечивающие беспрепятственное и эффективное осуществление депутатом своей деятельности в интересах избирателей и государства.

История гарантий берет свое начало в далеком Средневековье. Изначально деятельность парламентариев не подразумевала под собой каких бы то ни было гарантий. Никто не гарантировал депутатам защищенность и неприкосновенность, их труд никак не оплачивался, о каких-либо привилегиях не упоминается. Первые гарантии появляются в Англии, в период ленной монархии. Чуть позже, в ходе революции и жесткого противостояния короны и парламента, победа парламента установила первые гарантии, которые устанавливались в Трёхгодичном акте от 15 февраля 1641 г., где было постановлено, что король не может править без парламента дольше трех лет и что если корона не приняла бы мер к созыву парламента в законоустановленные сроки, лорд-канцлер и лорд-хранитель печати обязаны самостоятельно предпринять меры к созыву депутатов под угрозой импичмента. Тогда же было записано, что парламента нельзя распустить ранее 50 дней от созыва. Тем самым парламента из королевского превращался в национальный. Летом 1641 г. были приняты важные постановления об исключительных правах парламента в налогообложении [1].

Акт также постановил первые гарантии неприкосновенности и независимости парламента и парламентариев от короны, запрет на преследование за речь на дебатах (свобода слова), запрет на роспуск парламента и обязанность монарха на его созыв.

Дальнейшее закрепление гарантий неприкосновенности и свободы слова закрепляется в Билле о правах 1689 года, где говорится о том, что против члена парламента не может быть возбуждено судебное преследование за любое слово, произнесенное в парламенте, в том числе за клевету [2]. Выступления же вне стен парламента рассматриваются, как внепарламентские действия и поэтому не защищены парламентскими привилегиями.

Согласно нормам раздела 6 ст. 1 Конституции США, члены Конгресса «ни за какие речи или участие в дебатах не могут быть подвергнуты допросу в каком-либо другом месте» [3]. Статья 26 Конституции Франции гласит, что член парламента не может быть подвергнут преследованию, розыску, аресту, задержанию или суду не только за высказанные им соображения, но и за голосование при исполнении своих обязанностей [4].

В Великобритании установлена ответственность депутата Парламента за мятежные речи, оскорбление монарха, лиц, выполняющих властные функции. Однако в таких случаях, как и в других странах, как правило, предполагается не уголовная ответственность, а лишение слова, отклонение от заседаний, лишение мандата и т.п.

Основной закон ФРГ 1949 г. закрепляет правила о недействительности индемнитета депутата Бундестага в случае допущения им клеветнических оскорблений. В этой связи ч. 1 ст. 46 Основного закона ФРГ установлено, что «депутат ни в какое время не может быть подвергнут преследованию в судебном или административном порядке, или иначе привлечены к ответственности вне Бундестага за свое голосование или высказывание в Бундестаге или в одном из его комитетов. Это не относится к клеветническим оскорблениям» [5].

Еще более жестко депутатский индемнитет выражен в ч. 1 ст. 26 Конституции Французской Республики 1958 года, которая гласит, что «ни один член Парламента не может терпеть преследование, розыск и арест, заключение или суд за высказывание мнения или за голосование при исполнении им своих функций» [4].

Первые материальные гарантии появились в Афинах в середине V века до н.э., когда афинский государственный деятель Перикл ввёл денежное вознаграждение за судебную и военную службу, оплату деятельности должностных лиц. Первыми плату за исполнение своих обязанностей стали получать судьи-присяжные, члены гелиэи. Постепенно оплату распространили на членов Совета Пятисот, а затем и на многие другие должности. Эта мера обеспечивала реальное участие беднейших слоёв демоса в по-

литической жизни города. Иначе деятельное участие в государственном управлении могли бы принимать только зажиточнейшие граждане. Ведь беднейшие граждане в целях содержания семьи были заняты тяжелым физическим трудом, поглощены заботами о хлебе насущном, что исключало их участие в управлении.

Введение гарантий повлияло на продуктивность и заинтересованность людей в труде, что обусловило их дальнейшее распространение на Европейские страны. Впервые в Европе в 1848 г. депутатская награда была установлена во Франции, в 1911 г. – в Великобритании [7]. Согласно статье 69 Конституции Италии 1948 года: «Члены Парламента получают закрепленное законом вознаграждение» [8].

Также ст. 66 Конституции Бельгии 1994 г. гласит, что «каждому члену Палаты представителей выплачивается ежегодное вознаграждение в двенадцать тысяч франков. В государственных границах члены Палаты представителей имеют право свободно пользоваться всеми транспортными средствами, эксплуатируемыми государством или отданы им в концессию. Одно годовое вознаграждение включается в средства, предназначенные на покрытие расходов Палаты представителей, может быть выделено председателю этой Палаты. Палата представителей определяет размер удержаний, которые могут делаться из вознаграждения в пенсионные кассы и кассы по страхованию увольнения, которые она сочтет нужным учредить» [9].

Современные гарантии депутатской неприкосновенности, призванные обеспечить нормальное функционирование высшего представительного и законодательного органа государства также имеют свое историческое отображение. Смысл депутатской неприкосновенности заключается в том, что депутат не может быть привлечен к уголовной ответственности или арестован без согласия соответствующей палаты парламента, за исключением случаев задержания на месте преступления. Так, п. 2 статьи 71 Конституции Испании 1978 года гласит, что «в течение срока действия мандата депутаты и сенаторы в равной мере пользуются иммунитетом и могут быть задержаны только на месте совершения преступления. Им не может быть предъявлено обвинение, и они не могут быть привлечены к суду без предварительного разрешения соответствующей палаты» [6].

Часть вторая статьи 26 Конституции Французской Республики 1958 года также закрепляет, что «ни один член Парламента за преступления или проступки не может подвергаться аресту и к нему не могут применяться любые другие меры, связанные с лишением или ограничением свободы, без разрешения бюро палаты, в состав которой он входит. Такое задержание не требуется в случае задержания на месте совершения преступления или деликта, или окончательного осуждения. Задержание, меры, связанные с лишением или ограничением свободы, или преследование члена Парламента приостанавливается на период сессии, если того потребует палата, в состав которой этот член входит» [4].

Статья 71 Конституции Испании 1978 устанавливала, что депутаты и сенаторы пользуются неприкосновенностью при выражении мнений во время осуществления своих функций, а также получают содержание, которое определяется соответствующей палатой Генеральных кортесов [6]. Согласно предписаниям ст. 162 Конституции Швейцарии 1999 года: «Члены Федерального собрания и члены Федерального совета, а также Канцлер Конфедерации не несут какой-либо правовой ответственности за свои высказывания в Советах и в их органах» [10].

Таким образом, проанализировав историю возникновения и становления гарантий депутатской деятельности, стоит отметить, что во времена абсолютизма правами парламентариев в основном пренебрегали, что послужило предпосылкой к возникновению первых гарантий. Депутаты стали наделяться особыми правами и привилегиями, которые обеспечивали их независимость и неприкосновенность. Гарантии парламентариев оказали положительное влияние на эффективность выполнения парламентариями своих профессиональных обязанностей, в связи с чем быстро распространились по Европе и получили своё законодательное закрепление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. / О.А. Омельченко. – М. : Остожье, 2000. – 528 с.
2. Cornell University Law School [Electronic resource] // Bill of Rights, Cornell University Law School. – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/constitution/billofrights>. – Date of access: 28.04.2018.
3. Constitution of the United States [Electronic resource] // Constitution of the United States, The Constitutional convention, Cornell University Law School. – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/constitution>. – Date of access: 28.04.2018.
4. Constitution [Electronic resource] // Constitution de la République française. – Mode of access: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>. – Date of access: 10.05.2018.
5. Grundgesetz [Electronic resource] // Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>. – Date of access: 26.05.2018.

6. TÍTULO I DOS PRINCÍPIOS FUNDAMENTAIS [Electronic resource] // CONSTITUIÇÃO DA REPÚBLICA FEDERATIVA DO BRASIL DE. – Mode of access: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Constituicao.htm. – Date of access: 12.04.2018.
7. Ковачев, Д.А. Конституционное право государств Европы : учеб.-метод. пособие. / Д.А. Ковачев. – М., 2005. – 235 с.
8. IL CAPO PROVVISORIO DELLO STATO [Electronic resource] // La Costituzione della Repubblica Italiana. – Mode of access: <https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione.pdf>. – Date of access: 12.05.2018.
9. La Constitution Belge [Electronic resource] // LA CONSTITUTION BELGE. – Mode of access: http://www.senate.be/doc/const_fr.html. – Date of access: 22.04.2018.
10. Federal Constitution of The Swiss Confederation [Electronic resource] // RULES GOVERNING PARLIAMENTARY PROCEDURES. – Mode of access: <https://www.parlament.ch/en/%C3%BCber-das-parlament/how-does-the-swiss-parliament-work/Rules-governing-parliamentary-procedures>. – Date of access: 13.04.2018.

УДК 342.534

**МАТЕРИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****К.А. МАТВЕЕВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассматриваются вопросы материального гарантирования деятельности парламентариев в зарубежных странах, уделено внимание анализу соотношения заработных плат депутатов и граждан соответствующих стран, выявлены положительные и отрицательные черты современных материальных гарантий парламентариев.

Депутаты парламентов зарубежных стран имеют большое количество привилегий и гарантий различного характера, под которыми понимают условия и средства, непосредственно и реально обеспечивающие беспрепятственное и эффективное осуществление депутатом своей деятельности в интересах избирателей и государства. В теории конституционного права принято выделять 4 основных вида гарантий: материальные, политические, гарантии трудовых прав и гарантии неприкосновенности (иммунитет). Материальные привилегии имеют особое значение в институте гарантирования депутатской деятельности, так как оказывают непосредственное влияние на заинтересованность парламентариев в эффективном и качественном выполнении своих профессиональных обязанностей.

Одним из элементов материальных гарантий является заработная плата. Депутаты в большинстве стран являются профессиональными парламентариями и получают за свою депутатскую деятельность солидное вознаграждение, которое в конституциях и законах часто называется «индемнитетом».

Также существует и ряд других материальных благ: для осуществления депутатской деятельности парламентарии нуждаются в поездках к избирателям, привлечении опытных помощников и т. д. Необходимы также медицинское обслуживание, страхование жизни и другие гарантии. Общество сознательно идёт на соответствующие расходы, понимая важность создания удовлетворительных материальных условий для успешного осуществления народными избранниками их деятельности.

Размеры оплаты труда депутата, определяются специальными законами, включая расходы, связанные с выполнением депутатских обязанностей. Обычно размер депутатского вознаграждения приравнивается к окладам членов правительства (Австрия) или высших государственных служащих (Франция). Чрезмерно высокое вознаграждение в ряде стран превращает место в парламенте в доходную должность.

Вознаграждение депутата Национального собрания Парламента Франции (около 10 тысяч евро в месяц) в три раза выше среднего уровня заработной платы в стране. Плюс к этому он получает фиксированные суммы, равные четверти вознаграждения, на наем жилья и служебные расходы. Государство оплачивает услуги двух помощников и секретариата депутата. Он может 40 раз в год бесплатно совершать перелеты в свою избирательный округ и бесплатно пользоваться телефонной и почтовой связью.

Конституция США устанавливает в разделе 6 ст. 1, что «сенаторы и представители за свои услуги получают компенсацию, определяемую законом и выплачивается казначейством Соединенных Штатов» [1]. В США вознаграждение членов Конгресса также многократно превышает средний уровень заработной платы по стране. Так, депутаты Палаты представителей Конгресса получают жалование в размере 174 тыс. долл. в год, депутаты Сената - 129 тыс. дол.

Довольно большое вознаграждение получают и парламентарии Великобритании - 67 тыс. Фунтов стерлингов (80 тыс. евро) в год. Депутаты парламента Австралии получают вознаграждение в 201 тыс. Долл. в год, в Италии - 182 тыс. дол. в год, в Бразилии - 157 тыс. дол. в год, по данным журнала Economist [5].

Официальные доходы депутата бундестага в месяц составляют: основная часть из 1 января 2013 года - 8252 евро в месяц; освобождена от налогов средняя сумма депутатских расходов - 4029 евро в месяц (расходы на выполнение депутатского мандата); субсидия на соцстрахование - около 250 евро; бесплатная транспортная карта по всей территории ФРГ (только для служебных целей); покрытие до 16019 евро в месяц для зарплат помощников депутате. Зарплаты выплачиваются Администрацией бундестага непосредственно сотрудникам, но если помощники депутата находятся с ним в родстве, депутат должен нести расходы самостоятельно [2].

Интересно, что депутаты некоторых европейских парламентов могут получить компенсационные выплаты без особых доказательств своих расходов. Например, итальянские депутаты имеют право потратить до 44 тысяч евро в год без предъявления финансовых квитанций. В Бельгии, Болгарии, Хорватии, Франции, а также в Литве, Германии, Словении, Испании и Нидерландах парламентарии получают определенную гарантированную сумму на расходы. Французы же, немцы, итальянцы, бельгийцы и ки-

приоты могут получить компенсацию на любую сумму. Тогда как словаки - на сумму, не превышающую 82% их заработка.

Подобные компенсации имеют и депутаты Конгресса США, который помимо жалования получают различные дополнительные выплаты, имеют разнообразные материальные и социальные льготы. Так, в течение одной сессии каждому депутату Конгресса оплачиваются дорожные расходы на 15 поездок в свой избирательный округ. Депутатам оплачиваются расходы на меблировки и техническое оснащение их офисов. Важное значение для эффективной работы депутатов имеют и так называемая «почтовые привилегии» – бесплатная рассылка по почте материалов, через которые они информируют избирателей о своей деятельности в Конгрессе. Депутаты имеют право на бесплатное пользование телеграфной и телефонной связью, им бесплатно предоставляются Свод законов США, разнообразные справочные издания [1].

Члены Конгресса также получают средства на содержание своего вспомогательного аппарата (численность аппарата депутата Палаты представителей может достигать до 18, сенатора – от 20 до 30 помощников в зависимости от размера округа и штата). Более того, победитель может содержать свои канцелярии, как в Вашингтоне, так и в столице того штата, в котором он избран в Сенат Конгресса. Примечательно, что у сенаторов размер выплат на содержание собственного офиса зависит от численности населения представляемого штата. Конгрессмены получают на это сумму, равную 3,7 своего оклада (британские парламентарии – 1,3). Членом Конгресса США принадлежат бесплатный транспорт, в том числе при зарубежных поездках, и связь, а также медицинское обслуживание [1].

В соседней Российской Федерации депутаты также, кроме основного оклада, получают дополнительное вознаграждение на содержание офиса, секретарей, помощников. Например, депутат Государственной Думы Российской Федерации доплачивает помощником, зарплата которых расходует из фонда помощников Государственной Думы, в среднем 20 тысяч рублей. Депутату выплачиваются транспортные расходы, связанные с поездками по избирательным округам. Он имеет право бесплатной телеграфной, телефонной и сотовой связи, бесплатного проживания в отеле, если это связано с исполнением его депутатских функций [4].

Довольно интересно выглядит коэффициент соотношения среднего годового заработка населения зарубежных стран и депутатов соответствующих парламентов. Так, больше всего в мире зарабатывают австралийские парламентарии – \$201,2 тыс. в год. На втором месте депутаты Нигерии – \$189,5 тыс. На третьем – члены законодательного органа Италии – \$182 тыс. На четвертом - американские конгрессмены – \$174 тыс. На пятом – бразильские законодатели – 157,6 тыс. Далее следуют депутаты из Канады и Сингапура – \$154 тыс. в год. Депутаты Госдумы \$93 845 в год (3 млн 36 тыс. руб.), то есть примерно как коллеги во Франции (85,9 тыс.) и Швеции (99,3 тыс.) [3].

Однако, если сравнить зарплаты депутатов Госдумы с уровнем объема ВВП страны на душу населения (в РФ он примерно равен \$14 302 в год), то российские парламентарии получают в 6,56 раза больше данного показателя. В Италии этот показатель составляет 5,3% (средний годовой заработок депутата – 167 257 евро, средний годовой заработок населения – 51 680 евро); в Латвии это 4,3% (30 380 евро против 7138 евро соответственно); в Эстонии – 4,0% (41 331 евро против 10 395 евро); в Болгарии – 3,5% (16 318 евро и 4618 евро); в Беларуси 3,7% (15341 евро и 4091 евро), в Латвии – 3,3% (27 492 евро и 8357 евро); Австрия – 3,1% (120 165 евро и 38 895 евро); Венгрия – 2,9% (28 704 евро и 9916 евро); Германия – 2,8% (108 894 евро и 38 735 евро); Великобритания – 2,7% (95 319 евро и 35 840 евро); Польша – 2,7% (27 951 евро и 10 426 евро); Франция – 2,5% (85 200 евро и 33 897 евро) и т.д. [20]. На первых же местах по разрыву между зарплатами депутатов и средним уровнем ВВП на душу населения – Нигерия (больше чем в 116 раз), Кения (в 76 раз), Гана (почти в 30), Индонезия (более чем в 18), Южная Африка (14) и Бразилия (13тыс) [3].

Таким образом, проанализировав материальные гарантии парламентариев зарубежных стран, следует отметить, что депутаты имеют достаточное и даже местами избыточное количество материальных гарантий, которые, конечно, оказывают положительное влияние на заинтересованность парламентариев в качественном и эффективном выполнении своих обязанностей и исключая заинтересованность депутатов в коррупции. Но также стоит отметить, что данные привилегии имеют и отрицательный эффект: существенное различие в заработных платах депутатов и граждан-избирателей, особенно выражающееся в Австрии, Нигерии, Италии, Америке и Кении, где заработные платы депутатов в 100 раз превышают среднюю заработную плату населения, относят депутатов по своему правовому статусу гораздо ближе к высшим должностным лицам государства, чем к своим избирателям, что не прибавляет доверия граждан к органу представительной власти, а наоборот является одной из главных причин кризиса легитимности власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Constitution of the United States / The Constitutional convention / Cornell University Law School [Electronic resource]. – The New York, 1992. – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/constitution>. – Date of access: 28.04.2018.

2. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>. – Date of access: 26.05.2018.
3. Зарплата депутатов в разных странах мира [Электронный ресурс] // История и современность. – Режим доступа: <https://visualhistory.livejournal.com/377574.html>. – Дата доступа: 23.09.2018.
4. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации 08.05.1994 N 3-ФЗ ; в ред. От 29.07.2017г. // КонсультантПлюс. Законодательство Российской Федерации / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018
5. A comparison of lawmakers' pay [Электронный ресурс] // The Economist. – Режим доступа: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2013/07/daily-chart-12>. – Дата доступа: 23.04.2018.

УДК 342

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВ
ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ****Д.И. МУРАШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Анализируются международно-правовые основы регулирования языковых прав, представлен обзор нормативных правовых актов, регулирующих языковую политику при отправлении правосудия

Проблема реализации языковых прав, в том числе при отправлении правосудия, имеет весьма важное политическое и правовое значение. Особую остроту эта проблема приобретает сегодня, когда значительно упростившееся перемещение людей между различными государствами приводит к росту числа трансграничных преступлений, при этом подозреваемые и обвиняемые могут недостаточно владеть национальным языком той страны, в которой они привлекаются к ответственности, либо не владеть им вовсе.

О значении, традиционно придаваемом международным сообществом указанной проблеме, свидетельствует, среди прочего, значительное количество регулирующих её нормативно-правовых актов. Так во Всеобщей Декларации прав человека указано: «Равенство прав и свобод гарантируется государством независимо как от национальности, так и от языка граждан... Каждый человек имеет право на пользование родным языком» [1]. В ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года говорится: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения ... быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения, ... пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» [2]. Аналогичные нормы содержатся и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой Советом Европы 4 ноября 1950 г. (п. 2 ст. 5, п. «а», «е» п. 3 ст. 6) [3].

Комитет Министров Совета Европы в рекомендации от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию» указал, что «когда одна из сторон процесса не обладает достаточным знанием языка, на котором ведется судопроизводство, государство должно обратить особое внимание на проблему устного и письменного перевода и обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» (п. 6) [4].

В п. 3 статьи 10 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы от 01.02.1995 г. гарантируется "право любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, получить в кратчайший срок на языке, который оно понимает, информацию о причинах его ареста, характере и причине любого выдвинутого против него обвинения, а также вести защиту на этом языке, получая для этого при необходимости бесплатную помощь переводчика" [5].

Согласно Своду принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года, лицо, которое недостаточно хорошо понимает или говорит на языке, используемом властями, ответственными за его арест, задержание или заключение, имеет право на получение как можно скорее на языке, который он понимает, информации о причинах ареста (задержания) и на получение помощи переводчика, если необходимо, бесплатной, в связи с юридическим разбирательством после его ареста (принцип 14) [6].

Значительное внимание реализации языковых прав при отправлении правосудия уделено Советом Европы в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992, в которой судебной власти посвящена отдельная глава. Хартией определено, что на некоторых территориях судебное разбирательство должно проводиться с использованием языков меньшинств, в надлежащей степени учитывая такие факторы как число и концентрация носителей этих языков (п.1 гл.9), составление юридических документов на региональном языке или языке меньшинства не может быть основанием для отказа в их признании (п. 2 гл. 9), а доступность текстов законодательных актов на региональных языках или языках меньшинств, особенно тех, которые имеют непосредственное отношение к лицам, пользующимся этими языками, должна быть обеспечена государством (п. 3 гл. 9) [7].

Важнейшим нормативным документом, устанавливающим единые правила в области прав подозреваемых и обвиняемых (подсудимых) во всех государствах-членах ЕС (кроме Дании) на устный и письменный перевод, является Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза о праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе N 2010/64/ЕС от 20 октября 2010 г., согласно которой право на перевод возникает у подозреваемого или обвиняемого с момента, когда в соответствии с процедурой, предусмотренной национальными уголовно-процессуальными кодексами, право-

охранительные органы извещают их о факте подозрения или обвинения в совершении преступления. Гарантия права подозреваемого и обвиняемого на устный и письменный перевод в уголовном процессе действует в течение всего времени процесса по конкретному уголовному делу вплоть до момента вынесения окончательного решения (вступления приговора в силу). В государствах - членах ЕС, в которых за малозначительные преступления решения выносятся компетентным органом уголовного преследования вне рамок судебного разбирательства, право на перевод, гарантированное Директивой, возникает в момент обжалования вынесенного компетентным органом решения в судебном порядке [8].

Таким образом, международные правовые акты, регулирующие языковые права при отправлении правосудия, гарантируют гражданам право на эффективное, реальное участие в судебном разбирательстве, предполагая возможность не только присутствовать в зале суда, но и понимать, что происходит в ходе разбирательства, право быть выслушанным и полноценно участвовать в прениях, максимально реализуя принцип состязательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 10.09.2018.
- 2 Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 20.09.2018.
- 3 Совет Европы. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, дополненная Протоколами № 11 и № 14, 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс] // UNHCR: RefWorld. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/docid/529f44904.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
- 4 О способах облегчения доступа к правосудию. Рекомендация №R (81) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам. Принята Комитетом Министров 14 мая 1981 г. на 68-ом заседании Представителей Министров [Электронный ресурс] // Информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям Наций. – Режим доступа: http://echr-base.ru/rec81_7.jsp. – Дата доступа: 20.09.2018.
- 5 Совет Европы. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, 1 фев. 1995 г., ETS/STE No. 157 [Электронный ресурс] // UNHCR: RefWorld. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/docid/5358ff274.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
- 6 Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1988 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml. – Дата доступа: 10.09.2018.
- 7 Совет Европы. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, 05 нояб. 1992 г., ETS/STE No. 148 [Электронный ресурс] // UNHCR: RefWorld. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/docid/535907b24.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
- 8 Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза N 2010/64/ЕС от 20 октября 2010 г. о праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70682334/paragraph/1:0>. – Дата доступа: 24.09.2018.

УДК 342

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ****Д.И. МУРАШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Анализируются правовые основы регулирования языковых прав, представлен обзор нормативных правовых актов ряда государств Западной Европы, регулирующих языковую политику при отправлении правосудия.

Согласно праву на справедливое судебное разбирательство, закрепленному в международных нормативных актах, обвиняемым или задержанным лицам, которые не понимают язык, используемый в судебных или правоохранительных органах, должны быть предоставлены услуги устного и письменного перевода на бесплатной основе. Кроме того, согласно принципу пропорциональности, используемому в правовых системах ряда многонациональных государств, на некоторых территориях судебное разбирательство должно проводиться с использованием языков меньшинств, учитывая такие факторы, как число и концентрация носителей этих языков.

Закон от 15 июня 1935 года, определяющий порядок использования языков в системе правосудия Королевства Бельгия, действует (с изменениями и дополнениями) до сих пор. В том случае, если обвиняемый не владеет языком, используемым в суде, закон предоставляет ему следующие права: а) согласиться с проведением процесса на языке, признанном в регионе официальным; б) потребовать переводчика, оплачиваемого за счет государства; в) ходатайствовать о переносе процесса в суд провинции, где официальным языком является тот, которым он владеет. Тот же закон требует, чтобы в Брюсселе две трети судей были двуязычными. В ряду наиболее важных законодательных актов, определяющих языковую политику в Бельгии при отправлении правосудия, следует также назвать Закон от 5 октября 1988 года в отношении языков, используемых в судебном секторе и Закон от 12 января 1989 года в отношении муниципальных учреждений в Брюсселе.

Иной подход содержится в ирландском Законе об официальных языках, которым устанавливается, что при обращении в суд любой инстанции может использоваться любой из официальных языков (п.8.1), на суды возлагается обязанность обеспечить возможность того, чтобы любое лицо, принимающее участие в процессе, могло это делать, используя любой из официальных языков по своему выбору (п.8.2). В случае, если участником судебного процесса является государство либо государственный орган, в процессе должен использоваться официальный язык, выбранный другой стороной (п.8.4.а). Если же другой стороной являются два или более лиц, не пришедших к соглашению об использовании конкретного официального языка, государство или государственный орган вправе пользоваться тем официальным языком, использование которого сочтет целесообразным с учетом обстоятельств дела (п.8.4.б). При этом никто не может быть принужден к участию в любых процессуальных действиях на конкретном официальном языке (п.8.5). Выбор использования конкретного официального языка в процессуальных действиях не может повлечь за собой дополнительных неудобств или расходов сверх тех, которые были бы понесены в случае выбора другого официального языка. (п.8.6) [1]. Важное значение для повышения статуса ирландского языка имеет Закон об ирландском языке для практикующих юристов от 9 июля 2008 года, призванный способствовать более эффективному использованию ирландского языка в юридической практике и возлагающий с этой целью на ассоциации юристов Kinng's Inns и Law Society обязанность принять разумные меры по обеспечению достаточного количества юристов, способных заниматься юридической практикой на ирландском языке [2].

Языку разбирательства в органах власти посвящена глава 3 финляндского Акта о языках. В двуязычном органе власти в качестве языка разбирательства по административным делам используется язык стороны. Если стороны говорят на разных языках или не все стороны известны органу власти на момент начала разбирательства, то орган власти принимает решение о том, какой язык должен использоваться с учетом прав и интересов сторон. Если на этом основании невозможно принять решение об используемом языке, то используется язык большинства, проживающего на территории (в районе) органа власти. Одноязычный орган власти использует в качестве языка разбирательства по административным делам собственный язык, если только с учетом прав и интересов сторон орган власти не выберет иной язык (ст. 12). Подобный подход применяется и к языку разбирательства в административном судебном процессе. В административном судебном процессе в двуязычном суде по делу, где сторонами являются орган власти и частное лицо, в качестве языка разбирательства используется язык частного лица. Если все стороны являются органами власти, то используется язык органа власти, инициировавшего дело (ст. 13). В

уголовных делах в двуязычных местных судах в качестве языка разбирательства используется язык обвиняемого. Если обвиняемые говорят на разных языках, или обвиняемый говорит на языке, отличном от финского или шведского, то суд принимает решение о языке разбирательства с учетом прав и интересов сторон. Если на этом основании невозможно принять решение об используемом языке, то используется язык большинства, проживающего на территории суда. В одноязычных местных судах используется язык судебного округа, если только с учетом прав и интересов сторон суд не выберет иной язык (ст. 14). В гражданских делах в двуязычных местных судах в качестве языка разбирательства используется язык сторон. Если ответчики говорят на разных языках и не могут договориться о том, какой язык использовать, суд принимает решение о языке разбирательства с учетом прав и интересов сторон. Если на этом основании невозможно принять решение об используемом языке, то используется язык большинства, проживающего на территории суда. В одноязычных местных судах используется язык судебного округа, если только с учетом прав и интересов сторон суд не выберет иной язык (ст. 15). В Апелляционном суде и Верховном Суде используется язык разбирательства в низшей инстанции, если только с учетом прав и интересов сторон суд не выберет иной язык (ст. 17). Если лицо, согласно закону, имеет право использовать свой собственный язык, но языком органа власти или языком разбирательства является другой, то орган власти должен предоставить бесплатный перевод (ст. 18). Решение, постановление и другой документ, принятый органом власти в деле, составляется на языке разбирательства. Уведомления, повестки и письма, направляемые сторонам или лицу, которое по закону должно быть уведомлено о деле, ожидающем рассмотрения или принятом к рассмотрению, независимо от языка разбирательства направляются двуязычным органом власти на языке получателя, если таковой известен или может быть разумно установлен, либо и на финском, и на шведском языках (ст. 19) [3].

Граждане Швейцарии имеют право обращаться в Федеральный суд на одном из трех официальных языков: немецком, французском или итальянском. Каждая из сторон может пользоваться любым языком, если даже судебный процесс ведется на другом официальном языке. В этом случае сторона должна позаботиться о переводе необходимой информации со своего языка на язык судебного разбирательства. При этом язык судебных заседаний может избираться в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, согласно статье 97 Федерального закона о судебной процедуре, в суде присяжных заседание проводится на языке присяжных, в федеральном уголовном суде – на языке обвиняемого, если он говорит на французском, немецком или итальянском языке. Если обвиняемых несколько, вопрос о языке слушания дела решает председатель суда. В статье 98 закона говорится: "Если некоторые участники процесса не владеют языком, на котором он ведется, судья, как правило, вызывает переводчика". Федеральным законом о судебной организации определено, что "Криминальная палата состоит из трех судей, которые должны представлять три официальных языка" [4].

Как видно из вышесказанного, в зависимости от исторически сложившихся правовых традиций, подходы к способам реализации языковых прав в процессе отправления правосудия заметно отличаются в разных государствах. При этом однако, очевидно, что вопрос правового регулирования реализации указанных прав обязателен к решению, поскольку без соответствующих норм определенные группы населения рискуют лишиться возможности защиты и реализации своего права на справедливое судебное разбирательство.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Bord Na Gaeilge Act, 1978 // electronic Irish Statute Book (eISB) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1978/act/14/enacted/en/print>. – Date of access: 20.09.2018.
- 2 Legal Practitioners (Irish Language) Act 2008 // electronic Irish Statute Book (eISB) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2008/act/12/enacted/en/html>. – Date of access: 25.09.2018.
- 3 Финляндская Республика. Акт о языках № 423/2003NB / Защита личности от дискриминации: хрестоматия : в 3 т. – М. : Новая юстиция, 2009. – Т. 2. – С. 285–297.
- 4 Крючкова, Т.Б. Законодательное регулирование языковой жизни Швейцарии / Т. Крючкова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – М., 2003. – С. 377–388.

УДК 346.26

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ****Е.А. ПОКУМЕЙКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассмотрены проблемы взаимодействия государства и общества по поводу охраны историко-культурного наследия. Проанализированы нормативные правовые акты, определяющие основные положения мероприятий, связанных с деятельностью общественности по охране памятников истории и культуры. Выявлена и обоснована позиция внесения изменений в национальное законодательство, касающиеся расширения полномочий контрольных функций общественных объединений в сфере охраны историко-культурного наследия.

С каждым годом нашей истории культурные ценности приобретают все больший политический оборот и становятся надежным гарантом для сохранения единства и обособленности народа, весомое приоритетное положение в процессе глобализации. Так как культурные ценности являются одним из важным компонентом обособленности народа, то забота о их сохранности, в первую очередь, возлагается на общество.

В юридической доктрине проблемы, связанные с взаимодействием государства и общества, изучены недостаточно, практика взаимодействия контролирующих органов государства и институтов гражданского общества, к примеру, общественные объединения рознятся. Законодательство, регулирующее данную сферу отношений, постоянно меняется, поэтому будет логичным выделить предложения, которые будут касаться контрольно-надзорной деятельности государственных органов.

Согласно Основным законам всех государств-участников СНГ данные страны определяют себя как социально-правовые и демократические. Одним из признаков социально-правового государства является создание гражданского общества, как отдельного института.

Правовое государство должно существовать в неотделимой связи с данным институтом, обеспечивающим его непрерывное функционирование. И как быстро складывается гражданское общество, так же быстро складывается правовое государство. В этом и заключается суть, социальная предназначенность общества, как будущего правового государства, его существования и развития [1]. Благодаря этому, институты гражданского общества не лишены контролирующего права за исполнением функций государства, возможности оказывать помощь, сотрудничать и влиять на проведение государственной политики [2].

Какие же следует выделить институты из структуры гражданского общества. Во-первых, это общественные организации, обладающие преимущественно политической направленностью. Во-вторых, это коммерческие либо же некоммерческие организации, действующие как юридические лица, обладающие социально-экономической направленностью. В-третьих, это негосударственные правоохранительные институты, к примеру, адвокатура, частный нотариат, частные детективные агентства и т.д.

Важную роль в охране культурного наследия выполняют общественные объединения граждан. Общественное участие в сфере охраны и восстановления культурного наследия - это форма участия граждан в управлении делами государства, средство выявления и согласования интересов населения с иными общественными, государственными и частными интересами. Общественные объединения должны участвовать в обсуждении и разработке всех законодательных инициатив в сфере историко-культурного наследия, выступать с собственными предложениями по совершенствованию законодательства.

Значение участия граждан, их объединений в защите и охране культурных ценностей состоит в том, содержание общественного мнения должно отражаться в принятии управленческих решений для того, чтобы объединить интересы не только государства и общества, но еще регионов и областей.

Поэтому новым вектором, определяющим организацию гражданского контроля в сфере охраны и использования культурного наследия, может стать предоставление общественным объединениям граждан права требовать отмены решений по размещению, строительству объектов, нарушающих историческую аутентичность архитектурной среды, а также по ограничению, приостановлению, прекращению деятельности предприятий, создающих угрозу для существования объектов культурного наследия; осуществлять контроль за правильным использованием средств, выделенных из госбюджета на реставрацию памятников.

Для того, чтобы обеспечить полноценную охрану объектов культурного достояния, необходима специальная база знаний. Исходя из этого роль экспертного сообщества в обеспечении данной деятельности государства. Под общественной экспертизой понимается деятельность уполномоченных органов,

организаций и граждан (общественных экспертов), связанная с анализом решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных лиц, влияющих на реализацию права граждан и осуществление их обязанностей, а также с оценкой последствий принятия указанных решений, затрагивающих интересы граждан, общества и государства. Общественная экспертиза является формой реализации функций общественного контроля гражданского общества в отношении принятия и исполнения социально значимых решений [3].

К целям общественной экспертизы следует отнести:

- реализацию конституционных прав граждан на участие в управленческой деятельности государства;
- осуществление общественного контроля, функциями которого является анализ проектов нормативных правовых актов, решений органов государственной власти, местного самоуправления;
- выявление нарушений должностных лиц, негативно влияющих на сохранение культурного наследия.

Итогом проведения общественной экспертизы является заключение экспертов, которое содержит не только анализ и вывод, но еще предложения, связанные с разрешением вопросов по предмету экспертизы. Что же относится к предмету экспертизы. Это непосредственное влияние институтов гражданского общества на принятие решений государственными органами власти, органами местного управления и самоуправления, а также оценка их деятельности, затрагивающая законные права и интересы граждан.

В случае возникновения противоречий со стороны общества, которое будет в надлежащем законном порядке аргументировано, они должны выступать в качестве оснований для проведения специальных согласительных процедур с целью поиска взаимоприемлемых альтернативных решений. Удачным примером является в этом случае проведение общественных слушаний [3]. Например, если общественность выступает против нового строительства современных объектов на исторической территории, указывая на диссонирующую архитектурную среду, то, по крайней мере, к ее мнению должны прислушаться уполномоченные органы и до полного историографического исследования объекта приостановить строительство. В случае противоречивости результатов общественного участия предпочтение должно отдаваться прямому и непосредственному волеизъявлению населения.

Полезен может быть в этом вопросе опыт государств - участников СНГ. Так, обязательное экспертное сопровождение работ по выявлению, изучению, освоению, спасению, охране, консервации и реставрации памятников предусматривается, например, в Республике Молдова [4]. Для этого государственные органы по охране памятников обязаны создавать научные советы и комиссии, консультироваться со специалистами, руководствуясь соответствующими заключениями при составлении Перечня памятников, а также при последующем включении памятников в этот Перечень.

В Республике Беларусь в 2017 г. Вступил в силу Кодекс о культуре, в котором предусматриваются новые формы гражданского контроля. Так, общественный контроль может осуществляться за выполнением требований охранных обязательств; наличием на недвижимых материальных историко-культурных ценностях (т.е. памятниках) охранных досок; соблюдением: порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях, режимов содержания и использования зон охраны памятников. Определяется, что общественный контроль осуществляется общественными наблюдательными комиссиями по охране историко-культурного наследия, которые создаются Министерством культуры и местными исполнительными и распорядительными органами. Члены общественной наблюдательной комиссии по согласованию с собственником (пользователем) памятника наделяются правом: посещать историко-культурные ценности и проводить их визуальный осмотр; принимать участие в заседаниях научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия, образованного при Министерстве культуры Республики Беларусь, с правом совещательного голоса; принимать участие в мероприятиях по охране историко-культурного наследия [5].

Исходя из вышесказанного следует подвести итоги.

Под традиционным гражданским обществом следует понимать систему общественных институтов, которые основываются на использовании как формальных, так и неформальных установок, целью которой является налаживание сотрудничества с государством для удовлетворения интересов и нужд общества. Общественный контроль является важным и необходимым элементом гражданского общества, как особого института правового государства.

Следует отметить, что государственно-правовая охрана историко-культурных ценностей не могла бы успешно функционировать без содействия и помощи граждан, объединяющихся в общества на добровольной основе. Но данная помощь не всегда востребована в полном размере для защиты культурных ценностей. Именно для этого следует расширить формы участия общественности для повышения эффективности государственно-правового регулирования охраны историко-культурного наследия. Необходимым дополнением для исполнения государственного контроля является введение в практику общественных экспертиз и общественных обсуждений.

Не менее важным является и то, что было бы целесообразным принять правовой акт, регулирующий данные вопросы, а именно, определения видов, форм и субъектов общественного контроля, предмета контроля, правовых механизмов его осуществления, а также ответственность должностных лиц, не исполняющих законодательство данной сферы права. Такой акт, в свою очередь, предусмотрел бы механизмы разграничения институтов гражданского общества с правоохранительными органами государства, решающие вопросы защиты прав, свобод и интересов граждан.

В Кодексе об административных правонарушениях целесообразно установить ответственность должностных лиц государственных органов за нарушение требований нормативных правовых актов, которые определяют права институтов гражданского общества в различных сферах общественного и государственного строительства, в том числе в области культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпова, З.К. Гражданское общество и правовое государство / З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – № 2. – С. 12–15.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000. – 318 с.
3. Мартыненко, И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества : монография / И.Э. Мартыненко. – М. : РИОР ИНФРА-М, 2014. – С. 39–47.
4. Борщевский, А.П. Охрана памятников истории и культуры в Республике Молдова. Некоторые проблемы / А.П. Борщевский, А.Б. Сосна // Культура: управление, экономика, право. – 2015. – № 3. – С. 13–21.
5. Кодекс Республики Беларусь о культуре : Кодекс Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г. №413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 719:349

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ****Е.А. ПОКУМЕЙКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Раскрывается содержание государственного регулирования охраны историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Обосновывается необходимость принятия комплексных мер по обеспечению правового регулирования охраны и восстановления историко-культурного наследия Беларуси.

Подход государства к обеспечению сохранности памятников истории и культуры должен выражаться в отношении историко-культурных ценностей как к невозобновимой ресурсной базе, которое обеспечивает как социальное, так и культурное процветание Беларуси. В соответствии со ст. 1 Закон Республики Беларусь "Об охране историко-культурного наследия" историко-культурным наследием является совокупность отличительных итогов и свидетельств исторического и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях [1]. Историко-культурные ценности - это наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства в порядке, определенном данным Законом [1].

По состоянию на 1 января 2017 года в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включено 5 тыс. 552 объекта наследия, из которых 5 тыс. 352 - материальные недвижимые историко-культурные ценности, 89 – материальные движимые историко-культурные ценности и 111 нематериальных проявлений творчества человека [2].

Основными инструментами, обеспечивающими реализацию государственной политики в сфере обеспечения сохранности историко-культурного наследия следует отнести государственно-правовое регулирование вопросов охраны и сохранения историко-культурных ценностей, постоянное наблюдение за состоянием историко-культурного наследия, внедрение и разработка эффективных мер по обеспечению сохранности культурных ценностей. Одним из самых важных инструментов является обеспечение взаимодействия между общественными объединениями, юридическими и физическими лицами с одной стороны и органами государственной власти – с другой.

Применение указанных инструментов может быть эффективным в рамках обеспечения государственного регулирования и общественного контроля за сохранностью историко-культурных ценностей. В законодательстве Беларуси имеется ряд норм, позволяющих применять меры правового воздействия в целях сохранения для потомков памятников истории и культуры

Поэтому с целью предотвращения наступления неблагоприятных для памятника последствий законом предусмотрено обязательное заключение охранных обязательств, в которых определяются дополнительные индивидуальные условия содержания и использования историко-культурной ценности, порядок проведения связанных с нею работ, а также иные ограничения деятельности собственников и пользователей ценностей. Такие обязательства подлежат подписанию в течении месяца после приобретения ценности или включения ее в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [1]. На практике данное требование не всегда соблюдается.

Функциональное назначение охранных обязательств сводится к конкретизации определенных законом обременений культурных ценностей. Рассматриваемая правовая конструкция не имеет ничего общего с категорией гражданско-правового обязательства. Согласно Закону «Об охране историко-культурного наследия» если собственник или пользователь историко-культурного наследия отказывается подписывать охранные обязательства, то он может частично или полностью лишиться права собственности на нее в порядке, установленном в ст.214 ГК [3]. Но практика лишения или ограничения права собственности на исторический или культурный памятник отсутствует, что указывает на неэффективность реагирования как законодателя, так и правоохранительных органов власти по выявлению и предотвращению таких правонарушений. В свою очередь не редки случаи, когда подписание такого охрannого обязательства игнорируется.

Таким образом, исходя из изложенного, следует подвести итоги. Считается целесообразным отметить, что необходимо распространить действия ст. 241 ГК, в частности, на принятые на государственный учет историко-культурные ценности, а не только на особо ценные из них, как установлено в настоящее время. В случае если собственник историко-культурной ценности не выполняет требований к сохранению такого объекта или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения, Министерство культуры Республики Беларусь, органы местного управления

и самоуправления должны обращаться в суд с иском об изъятии у собственника бесхозной историко-культурной ценности [1].

В случае изъятия историко-культурных ценностей, поврежденных при бесхозном содержании, считается необходимым введение особых мер по их сохранению. Бесхозное содержание историко-культурных ценностей может привести к тому, что от нового собственника потребуются их реставрация. Поэтому новому собственнику необходимо иметь возможность обеспечения надлежащего состояния памятника. Для этого считается необходимым внести дополнительные требования к имущественному положению участников торгов и требования, обеспечивающие сохранность изъятых культурных ценностей, которые подлежат продаже на публичных торгах. Следует также дополнить условия контроля со стороны Министерства культуры, отвечающее за сохранность изъятых историко-культурных ценностей. Было бы логичным выделить и установить гарантированную защиту гражданам, проживающим в домах, которые признаны памятниками истории и культуры. В данном случае следует установить запрет на принудительное изъятие у собственника жилого помещения, которое признано историко-культурным наследием, без предоставления ему иного жилого помещения в порядке, предусмотренном жилищным законодательством [4].

Необходимо было бы, по нашему мнению, ввести меру уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования историко-культурных ценностей, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. А также установить административную ответственность за уклонение от подписания охранных обязательств. Введение в законодательство этих новых положений позволит активизировать правоохранительную деятельность посредством применения мер юридической ответственности за нарушение государственных интересов в сфере защиты историко-культурного наследия Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 января 2006 г., № 98-З : принят Палатой представителей 12 декабря 2005 г. : одобр. Советом Респ. 21 декабря 2005 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.06.2012 г. №374-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Участие институтов гражданского общества в сохранении культурного наследия [Электронный ресурс] // Отрасли права – аналитический портал. – Режим доступа: <http://отрасли-права.pf/article/17090>. – Дата доступа: 03.09.2018.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. №218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от .17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Зайцева, С.А. В повестке дня – соблюдение законодательства об охране историко-культурного наследия / С.А. Зайцева // Законность и правопорядок. – 2014. – № 4. – С. 3–4.

УДК 342.7

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ»****Т.А. МОЛОШЁНОК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Проводится анализ таких понятий, как право на юридическую помощь, юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь. Автор анализирует такие понятия как юридическая защита, юридическая услуга. Рассматривается закрепление понятий в Конституции и иных нормативных актах.

Правильное понимание и толкование понятий приводит к правильному правоприменению и реализации прав, в данном случае право на юридическую помощь, которое предусмотрено статьей 62 Конституции Республики Беларусь. Данная статья гласит, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается [1].

Согласно одной из доктрин, право на юридическую помощь относят к группе *личных прав* [6, с. 325]. Так, «группу личных прав подразделяют на две подгруппы: первая, более общая подгруппа, включает такие права, как право на жизнь, право на свободу личности, право на физическую целостность; вторая подгруппа включает права, конкретизирующие те, которые содержатся в первой подгруппе – право на свободу мысли и совести, свободу частной жизни и коммуникаций, уголовно-правовые и процессуальные гарантии личных прав и свобод» [3, с. 82].

Кроме прав Конституция Республики Беларусь содержит специальные статьи (ст. 58–62), устанавливающие *гарантии реализации* прав и свобод граждан. Выделяют две группы конституционных гарантий прав и свобод: общие гарантии прав и свобод человека и гражданина и юридические гарантии. Право на получение юридической помощи относится к последней группе [15, с. 9]. Юридическая помощь является элементом посредством которого реализуется защита прав и свобод человека и гражданина. Она также выступает гарантией реализации упомянутого выше права.

Легальное определение термина «юридическая помощь» содержится в Законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об адвокатуре) так, «юридическая помощь представляет собой деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами. Конституция Республики Беларусь провозглашает ряд прав и свобод человека» [2].

Юридическая помощь имеет ряд характеристик, одной из самых главных является – квалификация. Обратимся к понятию – «квалифицированная юридическая помощь».

Закомолдин А.В. понимает квалифицированную юридическую помощь как деятельность определенных нормами международного и внутригосударственного права субъектов – профессиональных юристов, заключающаяся в разъяснении смысла нормативно-правовых установлений и совершении юридических действий, направленных на защиту или восстановление прав, свобод и законных интересов каждого [7, с. 12].

По мнению профессора Кучеры А.Г., квалифицированная юридическая помощь – это правовая помощь, осуществляемая специальным субъектом, подтвердивший свои знания и умения в этой области, что позволяет с большой долей вероятности гарантировать ее качество [12].

Квалифицированный характер юридической помощи предполагает, на наш взгляд, следующие признаки:

- юридическое образование,
- соблюдение норм профессиональной этики и действующего законодательства [13],
- осуществление государством и профессиональным сообществом юристов контроля за качеством помощи через введение специальных экзаменов и механизма стажировок [13],
- цель осуществляемой юридической помощи – содействие в охране и защите нарушенных или оспоренных прав, свобод и (или) законных интересов граждан, а также в доступе к правосудию [13],
- деятельность по оказанию юридических услуг должна основываться на законе [5, с. 44],
- совершение таких действий, которые необходимы для дела (обстоятельствам дела),

→ совершение действий в определенное, а главное нужное для дела, время или момент.

Однако «квалифицированность» с такой позиции не может и не должна быть рассматриваемой качественной характеристикой «юридической помощи»: указывающей на высокий уровень (степень) собственно юридической помощи. «Квалифицированность» – это вовсе не признак качества («знак качества») «юридической помощи» – что может наличествовать либо отсутствовать – но постоянная составляющая «квалифицированной юридической помощи», её неотъемлемый элемент. «Квалифицированность» является столь же неотделимым от основы сущностным определением «помощи», как и идентифицировавшее её (изначально) определение «юридическая» [4, с. 28].

Проблема оказания квалифицированной юридической помощи заключается в том, что «до фактического осуществления юридической помощи нельзя сказать, квалифицированная она или нет» [8, с. 108]. В связи с этим, если юридическую помощь мы до ее оказания изначально будем принимать качественной, квалифицированной, то это не будет ошибкой, как и все остальные услуги, которые предоставляются гражданам. Понятия «юридическая помощь» и «квалифицированная юридическая помощь» будут синонимами и взаимозаменяемыми определениями.

Понятие «юридическая помощь» неразрывно связана и имеет общий характер с понятием «юридическая услуга».

К понятию «юридическая услуга» можно отнести помощь, которая оказывается профессионалами по составлению документов (заявлений, запросов и жалоб), подготовке, ведению уголовных, гражданских дел в различных инстанциях, консультирование и т.д. [14, с. 104].

Например, Муранов А.И. предполагает, что «данные понятия взаимозаменяемые» [9]. Ильина Т.И. не проводит различия между юридическими услугами и юридической помощью, определяя «правовые(юридические) услуги (помощь) как деятельность по созданию и передаче конкретной информации услуг получателю или третьему лицу (государственному органу, должностному лицу и т.д.) необходимой для защиты прав и законных интересов услуг получателя». [10, с.11] Шаров Г.К. отмечает: «Необходимо оговориться, что бессмысленно искать различия в понятиях юридическая помощь и юридическая услуга. По содержанию это одинаковая деятельность, а различия в ее определении связано с традиционным использованием соответствующих терминов адвокатами и предпринимателями, а также в различных отраслях права» [11, с. 45].

Можем сделать вывод, о том, что понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга» взаимозаменяемые и отличаются только в сфере употребления данных определений.

Кроме того, часто используемое понятие «юридическая защита» представляется как часть понятия «юридическая помощь» и становится в один ряд с понятиями «юридическая консультация», «юридическое оформление» и т.п.

Итак, мы рассмотрели такие понятия как «право на юридическую помощь», «юридическая помощь», «квалифицированная юридическая помощь», «юридическая услуга», а также «юридическая защита». Равнозначность понятий «юридическая помощь» и «квалифицированная юридическая помощь» очевидна. Их разграничение невозможно т.к. в момент получения юридической помощи мы основываемся на том, что она квалифицированная. Путем изучения НПА и их толкования, можем сделать вывод, что использовать понятие юридическая услуга и юридическая помощь в виде синонимов ошибкой не будет. Однако если мы будем использовать такие понятия как юридическая защита, то данное понятие указывает на конкретный вид помощи гражданину – защита его интересов в суде, государственном органе т.д. Так, например, как вид юридической помощи может быть и юридическая консультация, юридическое сопровождение деятельности и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2012 г. №7-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Ростовщиков, И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита / И.В. Ростовщиков. – Волгоград : Изд-во ВЮИ МВД РФ, 1997. – 188 с.
4. Попов, В.С. Квалифицированная юридическая помощь в том числе, предоставляемая бесплатно, как гарантированное конституцией право каждого / В.С. Попов, И.В. Попова // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 28–34.
5. Шаров, Г.К. Адвокатура на рынке юридических услуг / Г.К. Шаров // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, и право. – 2006. – № 6. – № 3 (13). – С. 44–57.

6. Лукашева, Е.А. Права человека : учебник / Е.А. Лукашева. – М. : Норма ; Инфра-М, 2014. – С. 325–346.
7. Закомолдин, А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: Понятие, содержание, гарантии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / А.В. Закомолдин ; Самара. – Самар. гуманит. Акад, 2007. – 12 с.
8. Панченко, В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории) : монография / В.Ю. Панченко. – Красноярск : изд. Сибирского ФГУ, 2011. – 279 с.
9. Муранов, А.И. Необходимость установления в российском праве квалификационных требований к лицам, профессионально оказывающим в России юридические услуги. [Электронный ресурс] // Законопроект «О квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации» / А.И. Муранов. – Режим доступа: <http://legalfirms.ru/UPLOAD/2008/12/29/>. – Дата доступа: 16.05.2017.
10. Ильина, Т.И. Обязательство по оказанию правовых услуг в Российской Федерации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.00 / Т. И. Ильина ; СПбГУ. – СПб, 2007. – 11 с.
11. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. для вузов / Г.А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.
12. Научно-практический комментарий к федеральному закону от 1 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. д-ра юрид.наук., проф. А.Г. Кучерены. – М. : Деловой двор, 2009. – С. 6.
13. Яткевич, О.Г. Генезис реализации прав человека на квалифицированную юр. помощь. / О.Г. Яткевич // Юридические науки: Актуальные проблемы истории государства и права. Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 32.
14. Кипнис, Н.М. Эволюция адвокатуры и уголовного судопроизводства в условиях рынка / Н.М. Кипнис // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 2 (93). – С. 104–114.
15. Васильев, А.А. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / А.А. Васильев ; Саратов. – М., 2012. – С. 9–10.

УДК 342.7

СУБЪЕКТЫ И ПОРЯДОК ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**Т.А. МОЛОШЁНОК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК)*

Рассматривается понятие бесплатной юридической помощи, порядок ее оказания гражданам. Автор проводит анализ форм оказания бесплатной юридической в Республике Беларусь. Рассматриваются субъекты оказания бесплатной юридической помощи. Раскрываются особенности реализации права на юридическую помощь.

В современном обществе существуют юридический феномен – «бесплатная юридическая помощь». Собственно, данный феномен, известный отчасти как принцип «pro bono» (ради общественного блага), не является чем-то особенным, уникальным: все правовые системы, вышедшие из римского права в той или иной форме, реализуют его [2].

Постоянный рост бесплатной юридической помощи населению, «предоставление права на бесплатную помощь для определенной категории граждан и его обеспечение – это прерогатива обязанности государства» [3].

Законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об адвокатуре) предусмотрено определение термина «юридическая помощь», которая представляет собой «деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами» [1].

В Республике Беларусь могут, в некоторых случаях, оказывать бесплатную юридическую помощь адвокаты. Действующее законодательство (ст. 28 Закона об адвокатуре) напрямую закрепляет ситуации, при которых клиент вправе получить помощь адвоката бесплатно. При этом ст. 28 Закона об адвокатуре разделяет виды «бесплатной» юридической помощи на две группы.

Необходимо указать, что вид «бесплатной помощи» – иным категориям граждан – по решению коллегии адвокатов – означает, что теоретически любое лицо по любой категории дела (по гражданскому, уголовному делу и т.д.) может обратиться в совет территориальной коллегии адвокатов (далее – Совет коллегии) с заявлением об оказании ему юридической помощи бесплатно. Однако Совет коллегии исходя из различных факторов (специфики дела, материального положения обратившегося и т.п.) самостоятельно определит, будет ли обратившемуся лицу оказана юридическая помощь бесплатно (при этом может быть принято решение и о частичном освобождении от оплаты юридической помощи, т.е. установленная Советом коллегии сумма будет значительно ниже по размеру, чем если бы лицо обращалось к конкретному адвокату по своему выбору за оказанием юридической помощи на платной основе, однако платить все же придется).

Право получить бесплатную помощь адвоката не означает получение юридической помощи бесплатно от конкретного адвоката по своему выбору. Именно адвокатское сообщество самостоятельно определит, кто из адвокатов будет представлять интересы клиента бесплатно.

Согласно ст. 28 Закона об адвокатуре юридическая помощь гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам и лицам без гражданства оказывается за счет средств коллегий адвокатов:

- истцам – в судах первой инстанции при ведении дел, связанных с трудовыми правоотношениями, о взыскании алиментов;
- ветеранам Великой Отечественной войны – при даче устной консультации по вопросам, не связанным с предпринимательской деятельностью;
- гражданам – при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий;
- инвалидам I и II группы – при даче устной консультации, не требующей ознакомления с документами;
- несовершеннолетним – в их интересах, их родителям (опекунам, попечителям) – в интересах детей;
- иным категориям граждан – по решению коллегии адвокатов.

За счет республиканского либо местного бюджета юридическая помощь оказывается:

- по вопросам социальной защиты и реабилитации жертвам торговли людьми, а в случае не достижения ими 14-летнего возраста – их законным представителям, лицам, пострадавшим в результате акта терроризма;
- подозреваемому или обвиняемому в случаях, установленных законом (пп. 2 и 3 ст. 28 Закона) [2].

Территориальная коллегия адвокатов определяет порядок оказания юридической помощи за счет средств коллегии адвокатов, а также распределяет затраты на ее оказание между адвокатами юридических консультаций, адвокатских бюро, а также адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность индивидуально.

Не только адвокаты оказывают бесплатную юридическую помощь, но и иные субъекты, деятельность которых регулируется нормативными правовыми актами.

Одним из таких субъектов является – **общество защиты прав потребителей**.

Потребители вправе объединяться на добровольной основе в общественные объединения потребителей, которые осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством [4].

В Республике Беларусь создано общественное объединение «Белорусское общество защиты потребителей», основная деятельность которого направлена на консультационно-правовую и экспертную помощь потребителям, совершенствование законодательства по защите прав потребителей, обеспечение информацией потребителей о качестве товаров и услуг, защиту правовых гарантий при возникновении конфликтных отношений с организациями торговли, сферой различных видов услуг.

Расходы общественного объединения, связанные с обращением по поручению потребителя с претензией к изготовителю (продавцу, поставщику, представителю, исполнителю, ремонтной организации) об устранении нарушений и о возмещении потребителю причиненных этими нарушениями убытков, обращением в суд с иском о защите прав потребителя, представлением и защитой в суде прав и законных интересов потребителя, подлежат возмещению изготовителем (продавцом, поставщиком, представителем, исполнителем, ремонтной организацией) [4].

К субъекту, который оказывает такое консультирование и помощь потребителю, предъявляются особые характеристики, которые подтверждаются свидетельством. Аттестация работника общественного объединения потребителей проводится на предмет проверки знания законодательства в сфере защиты прав потребителей.

В результате мы получаем оказание комплексной юридической помощи в сфере защиты прав потребителей на безвозмездной основе для непосредственно потребителя (лицо, пострадавшее от некачественного товара и т.п.) с заключением *договора безвозмездного оказания услуг*.

Кроме того, в настоящее время распространена деятельность **юридических клиник**, где оказывается бесплатная юридическая помощь. Студенты под наблюдением преподавателей-кураторов оказывают правовую помощь гражданам, осуществляют правовую защиту общественных интересов.

«Такая форма работы успешно применяется для формирования у обучающихся навыков оказания правовой помощи в виде информирования и консультирования граждан, а также в целях организации прохождения практики. Такие клиники помогают воспитывать социально ответственное поколение юристов, активных участников гражданского общества» [5, с. 18].

Бесплатная юридическая помощь в Республике Беларусь может представляться в виде:

- 1) правового консультирования в устной и письменной форме;
- 2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;
- 3) рассмотрение вопросов, связанных с гражданским, жилищным, брачно-семейным, земельным и др. правом.

Для того чтобы стать клиницистом и оказывать юридическую помощь необходимо пройти некоторые этапы. Первый – дополнительные аудиторные занятия. Программа рассчитана на один учебный семестр и включает в себя следующие темы: понятие, значение и виды юридических клиник; делопроизводство в юридической клинике; интервьюирование клиента; консультирование; анализ дела и выработка позиции по делу; юридическая техника; юридическая этика; технология ведения переговоров. Занятия в клинике направлены на выработку практических профессиональных знаний. Студенты обязаны выполнить программу в полном объеме и отработать все навыки самостоятельно. После окончания первого этапа подготовки в клинике студенты продолжают практическое обучение в форме студенческой бесплатной юридической консультации.

Еще одной формой оказания бесплатной юридической помощи является **организация бесплатных консультаций** нотариусами, налоговыми органами, прокурорами и другими компетентными лицами в сфере юриспруденции. Такие встречи могут организовываться с периодичностью в месяц, в зданиях государственных органов. На таких встречах лицо обращается с конкретным вопросом к специалисту, который их решает, например, право на наследство, уплата налогов, жилищные вопросы и т.п.

Итак, государство предусмотрело возможность и предоставляет право на бесплатную юридическую помощь, как упоминается выше, квалифицированными специалистами. Представленный выше перечень субъектов не является исчерпывающим и некоторые виды юридической помощи не прописаны в действующем законодательстве, что вызывает некоторые проблемы. На основе признаков, которые применяются к субъекту, данный список может быть дополнен.

Возникает вопрос может ли лицо, обладающее гражданско-процессуальной правоспособностью оказывать бесплатную юридическую помощь?

Будет ли считаться юридической помощью, консультация студента юридического факультета, работника исполкома по объяснению порядка открыть ИП, встреча председателя исполкома с гражданами и т.п.

В результате того, что граждане прибегают к неквалифицированной юридической помощи, приводит к неправильному толкованию нормативных актов, правоприменению и правовой неграмотности населения. Отсутствие компетентных и профессиональных кадров разрушает саму идею квалифицированной юридической помощи и, кроме того, создает реальную угрозу нарушению прав, свобод и законных интересов гражданина оказанием некачественной юридической услуги.

Некоторые авторы указывают, что юридическая помощь обладает определенными признаками, позволяющие выявить ее особенности, отграничить от иных схожих видов деятельности и определить ее субъектов. Прежде всего, квалифицированная юридическая помощь является профессиональной деятельностью юриста и носит юридический характер. «Все государственные органы и общественные объединения оказывают правовое содействие (помощь) физическим и юридическим лицам в виде информирования и разъяснения прав, оснований отказа по их заявлениям. Все эти действия входят в содержание деятельности юриста, оказывающего юридическую помощь» [6, с. 21].

Однако, на наш взгляд, ввиду того, что право предусматривает фрагментарное требования к субъекту по оказанию юридической помощи, не указав кто может или не может оказывать бесплатную юридическую помощь, то путем толкования нормативных актов, также исходя из понятия «юридическая помощь», можно заключить, что юридическая помощь должна оказывать только специалистами и профессионалами в сфере юриспруденции т.е. оказание квалифицированной юридической помощи.

Для недопущения отрицательных прецедентов, связанных с оказанием некачественной юридической помощи необходимо структурировать оказания бесплатной юридической помощи в рамках законодательства и реализацию права на юридическую помощь через отбор субъектов, имеющие право оказывать юридическую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2012 г. №7-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Яртых, С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность / С. Яртых // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 81.
3. Муха, А. Пришло время системно и комплексно пересмотреть закон об адвокатуре [Электронный ресурс] / А. Муха. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/showtext/asp?1284370592122>. – Дата доступа: 15.09.2018 г.
4. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.10.2015 г. №313-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Бессонова, В.В. Юридические клиники как участники гражданского общества в системе правового просвещения / В.В. Бессонова // Юридические записки. – 2013. – № 3. – С. 18–25.
6. Тарло, Е.Г. Профессиональное представительство в суде : монография / Е.Г. Тарло. – М. : Известия, 2004. – 416 с.

УДК 342(476)

**ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Т.П. ХРИПАЧ***(Представлено: И.Н. КИРЯКОВА)*

В Республике Беларусь юридическая ответственность за правонарушения всегда была востребованной темой для исследования в правовой науке. Одним из новых научных направлений выступает ответственность за нарушение конституционно-правовых норм, хотя три десятилетия назад существование конституционно-правовой ответственности большинством ученых ставилось под сомнение. Защита конституционных норм является одной из первоочередных задач государства, неотъемлемым условием укрепления и развития демократии, в связи с чем, важным инструментом ее решения является институт конституционно-правовой ответственности в Республике Беларусь.

А.В. Зиновьев включает в содержание конституционной ответственности, с одной стороны, ответственность, которая наступает за нарушение Конституции и предусмотрена нормами конституционного права, а, с другой, ответственность, которая включает правовую ответственность за ее нарушение субъектами по другим отраслям права [8, с.3]. Н.А.Боброва и Т.Д. Зражевская рассматривают конституционно-правовую ответственность как особый вид ответственности за нарушение Конституции, и конституционную ответственность «как категорию социальной ответственности, объединяющую в себе политическую, моральную и юридическую ответственность». Некоторые ученые (в частности, О.Е. Кутафин) рассматривают термины «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность» как тождественные [5, с.18].

Как правило, конституционно-правовая ответственность рассматривается как ответственность за ненадлежащее осуществление публичной власти. Это обусловлено тем, что нарушения Конституции государственными органами и должностными лицами связаны с большей вероятностью наступления негативных последствий как для общества и государства в целом, так и для отдельного индивида, чем при других нарушениях. Как и любому виду юридической ответственности к целям конституционно-правовой ответственности относятся:

- * обеспечение законности и правопорядка;
- * предупреждение и пресечение правонарушений;
- * максимально возможное устранение ущерба, причиненного правонарушением обществу.

Также можно назвать цели, которые свойственны непосредственно конституционно-правовой ответственности:

- * повышение качества работы компетентных государственных органов, должностных лиц, реализация ими основных прав граждан, то есть обеспечения должного поведения субъектов конституционно-правовых отношений;
- * пресечение фактов и попыток всех видов недолжного поведения субъектов конституционно-правовых отношений (профилактическая роль).

Субъектами конституционно-правовой ответственности являются органы государственной власти. Именно на этих субъектов возлагается, в первую очередь, обязанность обеспечивать правовой порядок, поэтому от того, какой образец поведения они формируют, зависит в целом состояние конституционной законности в государстве. Согласно ст.6 Конституции Республики Беларусь государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга [1].

Таким образом, конституционно-правовая ответственность – это самостоятельный вид юридической ответственности, существующий в целях создания оптимальной системы сдержек и противовесов, обеспечения надлежащего выполнения публично-властных полномочий государственными органами и должностными лицами, реализации гражданами своих прав, свобод и обязанностей и предусматривающий меры конституционно-правового воздействия в связи с совершением участниками конституционно-правовых отношений правонарушений либо ненадлежащим выполнением ими своих обязанностей [5, с. 22].

Фактическим основанием конституционно-правовой ответственности является нарушение правовых норм, которое может выражаться в совершении конкретных противоправных деяний (действия или бездействия) [7, с. 65].

Конституционно-правовая ответственность может иметь моральные основания или применяться к субъекту в связи с его личностными характеристиками. Такая нравственная категория, как «моральные

качества личности», лишена юридического содержания. Игнорирование данного положения повлекло возникновение тезиса о возможном существовании юридической ответственности без совершения правонарушения. Моральная сторона поведения личности, как и черты характера, сами по себе не могут быть основанием правовой ответственности. Правонарушение может выражаться в ненадлежащем исполнении обязанностей или нарушении правового запрета. Поэтому совершение морального проступка, который прямо предусмотрен в норме права, может повлечь конституционно-правовую ответственность [4].

Таким образом, неблагоприятные последствия для должностных лиц наступают за нарушение требования о безупречной моральной репутации, предъявляемого к ним конституционно-правовыми нормами. В законодательстве Республики Беларусь содержится указание на этические нормы и допускается наступление неблагоприятных последствий в отношении должностного лица, совершившего аморальный поступок.

Конституционно-правовая ответственность отличается от традиционных видов юридической ответственности основаниями ее наступления. Разграничение можно провести в зависимости от оснований и процедуры применения того или иного вида ответственности. В одних случаях она может предшествовать иным видам ответственности, в других - может наступать после применения мер воздействия, предусмотренных иными отраслями права.

Конституционно-правовой ответственности присуща специфика применяемых мер, которая выражается, прежде всего, в том, что они лишены имущественного содержания. Кроме того, такой признак, как кара, также имеет свои отличительные особенности. Если уголовное наказание заключается в лишении личного и имущественного характера, то правовые последствия реализации данного вида ответственности связаны с изменением конституционно-правового статуса субъекта правонарушения.

В ряде случаев меры конституционной ответственности могут применяться к субъекту, совершившему преступление, реже – административное правонарушение, или обвиняемому в таком совершении. В такой ситуации может показаться, что меры конституционно-правовой ответственности применяются за нарушение норм других отраслей права. Например, освобождение от должности означает, что, совершив преступление, лицо нарушает одновременно и уголовный закон, и нормы конституционного права, обязывающие их в своей деятельности руководствоваться Конституцией и иными актами законодательства, надлежащим образом осуществлять свои полномочия, исполнять возложенные обязанности. В связи с этим можно утверждать о взаимодополнении ответственности различных видов.

Как и любой вид юридической ответственности конституционно-правовая ответственность имеет свою процедуру привлечения к ответственности и особые санкции.

Например, конституционно-правовая ответственность судьи, как государственного служащего, наступает за грубое нарушение должностных обязанностей, неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине государственного служащего возложенных на него служебных обязанностей, и влечет за собой прекращение полномочий судьи [3].

Субъектами конституционно-правовой ответственности выступают: Палата представителей, Совет Республики, Правительство, Местный Совет депутатов, государственные органы, являющиеся учредителями СМИ, Президент, Депутат Палаты представителей местного Совета депутатов, член Совета Республики, член Правления Национального банка, Председатель Палаты, его заместитель, Председатель постоянной комиссии Палаты Национального собрания, его заместитель, член избирательной комиссии, судья, государственный служащий, председатель, заместитель председателя коллегиального органа территориального общественного самоуправления; член органа территориального общественного самоуправления; орган территориального общественного самоуправления, прокурорский работник, работник Комитета государственного контроля и его территориальных органов, сотрудник органов внутренних дел; политические партии (их союзы), общественные объединения (их союзы), религиозные организации, профессиональные союзы, иные организации, в том числе иностранные и международные, юридические лица, являющиеся учредителями СМИ, являющиеся учредителями редакций, распространителями СМИ, граждане, кандидат в Президенты, кандидат в депутаты, кандидат, его доверенное лицо, лицо, выдвигаемое кандидатом, инициативная группа, инициативная группа по проведению референдума, инициативная группа по реализации права законодательной инициативы, лицо, выдвигаемое кандидатом в Президенты, иностранный (международный) наблюдатель на выборах, журналист иностранного СМИ, наблюдатель на выборах, физические лица, являющиеся учредителями СМИ, иностранные граждане, лица без гражданства, физические лица.

Мерами конституционно-правовой ответственности выступают установленные Конституцией меры государственного принуждения, применяемые в случае конституционного правонарушения и содержащие его итоговую правовую оценку. Это заложенная в конституционной норме возможность принуждения по отношению к обязанному лицу в случае неисполнения им обязанностей; возможности наступления неблагоприятных последствий для субъекта в случае неисполнения им обязанностей или злоупотребления правами. Меры конституционно-правовой ответственности должны быть нормативно обосно-

ваны, то есть это меры государственного принуждения, прямо вытекающие из закона. Специфическая черта мер конституционно-правовой ответственности выражается в том, что несмотря на их различие в зависимости от субъекта, их применение вносит определенное изменение в его конституционно-правовой статус. Также особенностью мер конституционно-правовой ответственности является то, что они не могут быть применены в качестве мер иных видов юридической ответственности. Высшие органы государственной власти и должностные лица во многом определяют собственную ответственность, поэтому при установлении конституционно-правовых санкций следует исходить из системы «сдержек и противовесов», чтобы меры конституционно-правовой ответственности были взаимно сбалансированы. Сам факт закрепления конкретной меры ответственности в Конституции не превращает ее автоматически в меру конституционно-правовой ответственности. Применение таких мер не влечет судимости или иного состояния наказанности.

Вопрос о признании конкретных мер конституционно-правовой ответственности в науке решается неоднозначно. Мнение ученых расходятся. Если проанализировать мнения разных ученых, то к мерам конституционно-правовой ответственности относятся: отмена незаконных актов высших и местных государственных органов и их должностных лиц, признание их не соответствующими Конституции и актам более высокой юридической силы; аннулирование юридических результатов каких-либо государственно-правовых действий; смещение Президента с должности; роспуск палат Парламента; отставка Правительства; освобождение от занимаемой должности; признание поведения неконституционным; официальное признание работы государственного органа, должностного лица неудовлетворительной и указание на ее недостатки; лишение депутатской неприкосновенности; неподписание закона Президентом; объявление неконституционным нормативного правового акта; прекращение органом, делегировавшим другому органу свои полномочия, такого делегирования в случае ненадлежащего осуществления полномочий; признание несостоятельными публично-правовые образования.

В зависимости от цели воздействия конституционно-правовых санкций можно выделить следующие:

1. Правовосстановительные – имеют цель воссоздать нарушенные права; последствием их применения выступает восстановление понесенного урона, причем как правового, так и материального;
2. Предупредительные – имеют цель предостеречь субъекта конституционного права об отклонении его поведения от правовых норм, сигнализировать о наступлении в будущем более неблагоприятных для него последствий, субъект ответственности не прекратит своего противоправного поведения;
3. Карательные – имеют цель наказать правонарушителя, направлены на наступление правовых лишений для тех, кто не выполняет своих конституционных обязанностей, или для тех, кто злоупотребляет своими конституционными полномочиями;
4. Меры пресечения – имеют цель предотвратить негативные последствия, которые могут наступить при бездействии органов, правомочных решать вопрос о введении конкретных конституционных санкций.

Анализ законодательства Республики Беларусь, закрепляющего меры конституционно-правовой ответственности, позволяет их объединить в следующие группы в зависимости от неблагоприятных последствий, которые они за собой влекут:

- досрочное прекращение полномочий, лишение конституционно-правового статуса, включающее следующие меры: роспуск; отставка; смещение с должности; освобождение от занимаемой должности; отзыв; ликвидация; прекращение деятельности; отмена решения о регистрации; отмена решения о приеме в гражданство; аннулировании разрешения на постоянное или временно проживание; аннулирование статуса беженца или дополнительной защиты; лишение государственных наград; лишение аккредитации;
- ограничение, отказ в реализации субъективных конституционных прав: ограничение активного или пассивного избирательного права; права на доступ к государственным должностям; свободы собраний; свободы передвижения; отказ в регистрации; в рассмотрении вопроса о гражданстве; в назначении референдума; в выдаче визы, разрешения на постоянное или временное проживание;
- принуждение к исполнению конституционных обязанностей: предупреждение; приостановление деятельности.

Это основные меры конституционно-правовой ответственности в Республике Беларусь, которые применяются к субъектам конституционно-правовых отношений в случае их недолжного поведения. Развитие института конституционно-правовой ответственности может повлечь за собой соответствующие изменения законодательства, что означает дополнение представленного перечня указанных мер.

Как любой вид ответственности конституционно-правовая ответственность имеет свою процедуру привлечения к ответственности.

Субъектами, обладающими инициативой возбуждения вопроса привлечения к конституционно-правовой ответственности, могут быть различные органы и должностные лица, которые, как правило, и выступают также и субъектами, привлекаемыми к ответственности. Исходя из анализа норм законода-

тельства, необходимо отметить, что отсутствует единообразный подход к определению круга иницилирующих субъектов при схожих процедурах реализации конституционно-правовой ответственности.

Автором предлагается проанализировать порядок привлечения судей к конституционно-правовой ответственности в зависимости от различных оснований.

1. Отказ судьи от принесения присяги.

Санкцией конституционно-правовой ответственности является прекращение полномочий. Иницилирующим субъектом к привлечению ответственности являются должностные лица, уполномоченные возбуждать дисциплинарное производство, большинство голосов от полного состава судей Конституционного Суда, министр юстиции и председатель Верховного Суда. Субъект, который уполномочен привлекать к ответственности, – Президент Республики Беларусь, уполномоченное должностное лицо. Срок принятия решения не закреплен. Порядок привлечения к ответственности регулируется правовыми нормами, которые закреплены в ч.1-6, 9 ст.124 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей.

2. Возбуждение уголовного дела, привлечение судьи в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Санкцией конституционно-правовой ответственности является приостановление полномочий. Иницилирующим субъектом к привлечению ответственности выступают должностные лица, уполномоченные возбуждать дисциплинарное производство, большинство голосов от полного состава судей Конституционного Суда, министр юстиции и председатель Верховного Суда. Субъект, который уполномочен привлекать к ответственности, – Президент Республики Беларусь. Срок принятия решения не закреплен, срок приостановления – до вступления в силу приговора или постановления о прекращении уголовного дела. Порядок привлечения к ответственности регулируется правовыми нормами, которые закреплены в ч.1 ст.123 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей[2].

3. Совершение дискредитирующих действий, проступка, не совместимого с нахождением на государственной службе.

Санкцией конституционно-правовой ответственности является досрочное освобождение от должности, прекращение полномочий (государственной службы). Иницилирующим субъектом к привлечению ответственности являются должностные лица, уполномоченные возбуждать дисциплинарное производство, большинство голосов от полного состава судей Конституционного Суда, министр юстиции и председатель Верховного Суда. Субъект, который уполномочен привлекать к ответственности, – Президент Республики Беларусь, уполномоченное должностное лицо. Критерии дискредитирующих действий (проступка) не определены, срок принятия решения не закреплен.

Автором также был проанализирован зарубежный опыт привлечения к конституционно-правовой ответственности судей.

Например, согласно действующей Конституции Литовской Республики председатель и судьи Конституционного суда, председатель и судьи Верховного Суда, председатель и судьи Апелляционного суда за грубое нарушение присяги, а также при выявлении факта совершения преступления большинством голосов всех членов Сейма могут быть отстранены от занимаемых должностей или лишены мандата члена Сейма. Это осуществляется в порядке импичмента, который устанавливается Статутом Сейма.

Конституция США предусматривает отрешение федерального должностного лица (в том числе Президента и судей) посредством выдвижения обвинения в Палате представителей, а затем вынесения обвинительного приговора квалифицированным большинством Сената.

Примечательной особенностью Конституции Мексики является то, что она содержит самостоятельный раздел об ответственности государственных служащих. Также дополнительно закрепляется ответственность судей [6, с.547].

Сравнивая порядок привлечения к конституционно-правовой ответственности судей, предусмотренный в зарубежных странах, хотелось бы отметить существующий пробел в законодательстве Республике Беларусь, который необходимо восполнить. Считаем обоснованным институт конституционно-правовой ответственности закрепить в специальном законе, который мог бы не только “вобрать” в себя уже имеющиеся положения, содержащиеся в разрозненных нормативных правовых актах, но и комплексно урегулировать все вопросы, связанные с порядком привлечения к данному виду юридической ответственности. Полагаем необходимым принятие нормативно-правового акта о конституционно-правовой ответственности, структура которого будет включать в себя общую часть (общие положения о конституционно-правовой ответственности) и особенную часть (содержит главы, нормы которых регулируют порядок привлечения отдельных субъектов к конституционно-правовой ответственности: меры ответственности, иницилирующие субъекты, процессуальные сроки привлечения к конституционно-правовой ответственности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года – Минск : Амалфея, 2006 – 47 с.

2. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь № 13-3 от 22 декабря 2016 года с изменениями от 24 января 2017 года // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. О государственной службе в Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-3 с изменениями от 9 января 2017 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Кодекс чести судьи [Электронный ресурс] : решение Первого съезда судей Республики Беларусь от 5 декабря 1997 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Конституционно-правовая ответственность в Республике Беларусь и зарубежных странах : учеб. пособие / А.М. Боголейко, Г.А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2016. – 287 с.
6. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие / В.Е. Чиркин. – Минск, 1997. – 600 с.
7. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н.М. Колосова // Государство и право. – 1997 – № 2 – С. 86–91.
8. Зиновьев, А.В. Конституционная ответственность / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 2003 – № 4. – С. 6.

УДК 342

**СМАРТ-КОНТРАКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****С.В. ХОВАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук., доц. Р.В. ПУЗИКОВ)*

Рассматривается история возникновения смарт-контракта, его объекты, применение умного контракта в различных сферах жизнедеятельности, преимущества и недостатки смарт-контракта, его правовое регулирование в Российской Федерации.

В современном мире в эпоху развития цифровых технологий появились условия для возникновения новых инструментов для проведения финансовых операций. На сегодняшний день немаловажным остается вопрос правового регулирования смарт-контрактов (умных контрактов) как компьютерного алгоритма для возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений.

Как возник смарт-контракт? Впервые идея о создании умных контрактов была предложена американским ученым в области информатики и права Ником Сабо в 1994 году. Однако в то время не было инструмента, децентрализованного реестра, который бы смог в полной мере реализовать его идею. Ситуация изменилась с появлением технологии блокчейн (Blockchain) в 2008 году. Умные контракты впервые начали применяться на практике в проекте Эфириум (Ethereum).

Одним из важных аспектов является определение сути смарт-контракта. «Смарт-контракт – это электронный алгоритм (программный код) или условие, при выполнении которого стороны могут обмениваться имуществом или правами» [1].

Главная задача смарт-контракта – свести двух и более участников сделки, и помочь им обменяться теми или иными активами без необходимости привлечения третьих лиц.

Программа отслеживает соблюдение пунктов договора, выявляет нарушения и по поступающей информации следует одному из заложенных алгоритмов. Цель внедрения смарт-контрактов — автоматизация подобных действий, а также обеспечение их полной достоверности.

Для того, чтобы реализовать умный контракт необходимо иметь децентрализованную сеть, где все участники имеют равные права. Криптовалюта в данном случае используется как финансовый инструмент.

С точки зрения классического договорного права смарт-контракт не является отдельным видом договора или обязательства. Поэтому более приемлемо понимание умного контракта как формы договора или как способа обеспечения исполнения обязательства.

Таким образом, смарт-контракт не является обычным договором в электронном виде. Это набор определенных электронных алгоритмов и операций.

Для того, чтобы программы работала требуются:

- специальная среда, внутри которой будет действовать алгоритм;
- математически выраженные условия с однозначной логикой исполнения;
- доступ для программы ко всем объектам контракта.

Выделяют три основных класса смарт-контракта:

1. Автоматизированные в полном объеме;
2. Обладающие копией на носителе из бумаги;
3. Частично автоматизированные с преимущественным размещением элементов на бумажном носителе.

На сегодняшний момент наиболее распространен третий вид, т.к. Blockchain-решения лишь только у истоков своей истории. Поэтому в данный момент более предпочтительно переводить в программный код лишь определенную часть соглашения.

К объектам смарт-контракта относятся:

1. Подписанты (от 2 и более сторон) – участники договора, подтверждающие своё участие электронной подписью;
2. Предмет договора – объект, который находится внутри системы умного контракта, например, криптовалюта, или к которому программа имеет беспрепятственный доступ без участия человека.
3. Условия – математическое описание того, как и в какой мере должны исполняться пункты контракта. В данном алгоритме действий обязательно должно присутствовать ясная логика и последовательность.

«Важной особенностью является то, что с помощью смарт-контрактов можно экономить деньги. В обычных условиях продавцу пришлось бы заплатить посреднику (например, сайту, размещающему

объявления), чтобы выставить квартиру на продажу. Более того, впоследствии ему пришлось бы платить вторично, чтобы удостовериться в том, что покупатель совершил все платежи по форме. Распределенный реестр устраняет все эти траты. Всё, что требуется — это совершить оплату криптовалютой, занести соответствующий контракт в цепь и сделка готова» [2].

В современном мире смарт-контракты можно использовать в различных сферах жизнедеятельности:

1. **Выборы.** С помощью умного контракта данный процесс гарантирует максимальную безопасность и отсутствие подмен. «Результаты голосования помещаются в блокчейн и копируются между узлами сети, при этом все данные зашифрованы и анонимны. Этот метод исключает любую возможность манипулирования голосами» [3].

2. **Распределение наследства.** Составленное завещание можно определить в смарт-контракт. Это позволит не обращаться к третьим лицам для распределения наследства. Также можно быть уверенным в том, что после смерти все имущество будет распределено согласно завещанию. Умный контракт сам проверяет реестр умерших, и в случае подтверждения смерти переводит актив указанному наследнику.

3. **Азартные игры: тотализатор.** После сделанной ставки, она списывается с ваших счетов и сохраняется в блокчейне. После окончания матча смарт-контракт проверяет результат матча и отправляет деньги победителю. Когда происходит ничья, ставки возвращаются участникам тотализатора. У умного контракта есть преимущество перед букмекерскими конторами: «игрокам не придется оплачивать комиссию, которую взимает букмекер. Более того, известно, что на рынке азартных игр далеко не все работают честно» [4].

4. **Доставка товаров.** В современном мире все больше и больше людей делают покупки с помощью интернет-магазинов. Оплата товара производится сразу или частично. Таким образом нет полной гарантии на получение товара, а наложенный платеж несёт дополнительные расходы. Проблема может быть решена с использованием смарт-контракта. «Перед отправкой товара необходимая сумма списывается с покупателя и фиксируется в цепи. После того, как покупатель получает продукцию от курьерской службы, средства переводятся на счет покупателя. В умном контракте можно прописать дополнительные условия как время на доставку товара (если доставка сильно задерживается, деньги возвращаются покупателю) и срок хранения продукции. В том случае, если покупатель вовремя не пришел за товаром, с него списывается установленный размер штрафа, оставшиеся деньги переводятся обратно, а товар отправляется продавцу» [4].

Таким образом, можно выявить следующие преимущества умного контракта: дешевизна и скорость, безопасность, стандартизация, отсутствие издержек, независимость.

Однако, в полной мере нельзя назвать смарт-контракт идеальным инструментом для построения взаимоотношения между людьми.

Одним из главных недостатков умного контракта является его неопределенный правовой статус.

До конца не ясен вопрос: смарт-контракт – это код или договор? С точки зрения международного контрактного права, нет четкого ответа на данный вопрос. Некоторые юристы считают, что программный код не может быть договором — он непонятен для сторон без специальных познаний. Поскольку стороны не могут понять условия сделки, они не могут считаться юридически связанными смарт-контрактом как сделкой.

На данный момент только одно государство в мире легализовало смарт-контракт на страновом уровне – Беларусь. Эта страна стала первой в мире юрисдикцией с комплексным правовым регулированием бизнесов на основе технологии блокчейн.

Также, в штате Теннесси все смарт-контракты, работающие по технологии блокчейна юридически закреплены. В настоящий момент подписан билль штата, который узаконил интеллектуальные технологии и предусмотрел принцип реализации смарт-контрактов на практике. Штат Огайо может стать следующим по легализации умных контрактов. На очереди и Европа. Великобритания в активном процессе решения законов в глобальном цифровом контакте. Эксперты страны убеждены в преимуществах смарт-контрактов для бизнеса, что может повлечь за собой инвестиции большего числа предпринимателей.

Что касается Российской Федерации, то вопрос правового регулирования и легализации смарт-контрактов находится в стадии разработки. Президент России в октябре 2017 года издал поручение о необходимости формирования правовых норм, которые смогли в полной мере регулировать такие технологии.

Во исполнение поручения Центральным банком Российской Федерации был предложен проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах», который был принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении в мае 2018. В данном законопроекте под смарт-контрактом понимается «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [5].

Таким образом законопроект рассматривает смарт-контракт как договорные отношения, оформленные в электронной форме через создание записей в распределительном реестре.

Несмотря на то, что указанное определение умного контракта является наиболее объективным, проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах», по мнению экспертов, не может в полной мере отразить механику и правовую природу смарт-контракта. Указанное определение является менее интересным и узко ориентированным, поскольку термин «транзакция» более применим к электронному движению денежных средств. Законопроект Центрального банка Российской Федерации не описывает существенных признаков токенов и криптовалют, хотя между ними разница примерно такая же, как между деньгами и ценными бумагами. По мнению Артура Рохлина, партнера юридической фирмы «Инфралекс», понятия, которые содержатся в документе, являются набором слов вокруг определений «электронные», «цифровые» и, к сожалению, не отражают характерных признаков ключевых понятий криптоиндустрии.

Другие легальные определения смарт-контракта в настоящий момент отсутствуют, поскольку лидерами правового мнения в данном вопросе остаются Центральный банк Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации.

Однако, в марте 2018 года депутатами Государственной Думы Российской Федерации В.В. Володиным и П.В. Крашениниковым был предложен на рассмотрение проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». В данном документе вводятся такие понятия как «цифровое право» и «цифровые деньги».

В законопроекте указывается, что «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [6].

Данный законопроект приравнивает к простой письменной форме сделки выражение лицом своей воли с помощью электронных или иных других аналогичных технических средств. «Условием соблюдения письменной формы в таких случаях будут служить обстоятельства, при которых воля выражается с помощью технических средств: а) по условиям принятия волеизъявления совершения указанных действий достаточно для выражения воли; б) из сложившегося в соответствующей сфере деятельности обычая следует, что таких действий достаточно» [7]. Данные действия авторы законопроекта относят к юридически значимым сообщениям (ст. 1651 ГК РФ).

При этом под цифровыми деньгами понимается «не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей» [6].

Таким образом, после того, как пользователи будут идентифицированы в системе, их дальнейшие действия будут подчинены алгоритму компьютерной программы, а лицо, которое покупает тот или иной виртуальный объект (цифровое право), получит данный объект автоматически при наступлении указанных обстоятельств. Сделка будет исполнена без дополнительных распоряжений и иных волеизъявлений сторон – у продавца будет списано цифровое право, а у покупателя деньги, и оспорить это списание по общему правилу будет нельзя.

Фактически воля, направленная на заключение договора, в такой сделке включает в себя и волю, направленную на исполнение возникшего из договора обязательства. Важно то, чтобы участники данных сделок отдавали себе в этом отчет.

Таким образом, проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» заслуживает внимания, т.к. в нем содержатся указания на объект смарт-контракта, его предмет, а также механика его применения на практике.

Однако, ни проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах», ни проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» не рассматривают функционал смарт-контракт как обеспечительного обязательства или как способа исполнения обязательства.

Кроме того, с позиции данных законопроектов отсутствуют дополнения и изменения в процессуальные кодексы, хотя на практике выделяется большое количество вопросов процессуального характера, которые связаны с умными контрактами. «Современная практика и исследователи данной сферы выделяют следующие проблемы: вопросы применимого права и проблемы подведомственности и подсудности споров по смарт – контрактам» [1].

Таким образом, правовое регулирование смарт-контрактов в Российской Федерации нуждается в дальнейших разработках. Необходимо решить на законодательном уровне ряд проблем: законодательно

закрепить понятие «смарт-контракт», т.к. технические специалисты и юристы понимают под ним разные вещи. Также, нужно решить вопрос с распределением ответственности за программные ошибки Кто будет отвечать за сбой в системе: сам разработчик, участники контракта, оператор блокчейн-системы или правообладатель кода? Важной проблемой остается юрисдикционный вопрос. Необходимо определить, каким правом регулируется смарт-контракт, а также какой суд компетентен рассматривать спор. Безусловно, это сложный процесс, который потребует новые юрисдикционные критерии.

Введение регулирования умных контрактов снизит риски для промышленного внедрения технологии и позволит сразу решить несколько задач:

Во-первых, подтвердит позицию государства о возможности использования технологии в полноценном режиме, а не только на тестовых сделках. Несмотря на отсутствие запретов в отношении автоматических договоров сегодня, именно прямое указание на возможность даст толчок использованию умного регулирования;

Во-вторых, позволит однозначно считать существенные условия, зафиксированные в коде, согласованными;

В-третьих, позволит установить приоритет кода над обычным текстом для отношений равных субъектов.

Таким образом, законодательное закрепление смарт-контрактов важно для оптимизации деловых процессов, которая достигается за счёт автоматизации процесса. Данные технологии применимы во всех сферах, где существуют цифровые права на объекты. Кроме того, без нормативной привязки смарт-контракт регламентирует лишь возможности, но не гарантирует обязательства сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт – контракт в перспективе законодательного регулирования // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. журн.* 2018. № 5 (50). С. 2. URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (дата обращения 08.08.18).
2. RosicA., Smart Contracts: The Blockchain Technology That Will Replace Lawyers [Электронный ресурс] // *Blockgeeks: информ. портал.* – Электрон. дан., 2017. URL: <https://blockgeeks.com/guides/smart-contracts/> (Дата обращения: 30.07.2018).
3. Что такое смарт-контракты (умные контракты) на базе блокчейна? [Электронный ресурс] // *Майнинг криптовалюты: информ.-аналит. портал.* URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/umnye-smart-kontrakty/> (Дата обращения: 30.07.2018).
4. Степанова., Что такое смарт-контракты [Электронный ресурс] // *Profitgid: информ. портал.* – Электрон. дан. 2017. URL: <https://profitgid.ru/smartkontrakty.html> (Дата обращения: 30.07.2018).
5. Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&area_id=4&page_id=2104&popup=Y#ixzz5NP5WnSDa (дата обращения 06.08.18).
6. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации) URL: <http://base.garant.ru/58064654/> (дата обращения 07.08.18).
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: <http://base.garant.ru/58024598/> (дата обращения 07.08.18).

УДК 347.4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**А.А. ЧЕРТИЛИН***(Представлено: канд. юрид. наук., доц. Р.В. ПУЗИКОВ)*

Представлена характеристика нормативно-правовой базы добровольного страхования транспортных средств в РФ, на основе анализа материалов практики судов общей юрисдикции определены актуальные вопросы, возникающие при рассмотрении споров между страховщиками и страхователями из договора добровольного страхования транспортных средств, выявлены некоторые проблемы и сформулированы авторские предложения.

Страхование имущественных интересов, связанных с риском утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества и страхование гражданской ответственности относятся к имущественному страхованию и осуществляется на основании договоров имущественного страхования, заключаемых гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком) (п. 1 ст. 927 ГК РФ [1]; п.п. 4, 6 ст. 4 Закона РФ от 27.11.1992 N 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации" [2] (далее - Закон об организации страхового дела).

На сегодняшний день при страховании транспортных средств основными видами страхования являются:

- добровольное страхование транспортных средств от рисков, связанных с утратой, гибелью, или повреждением (КАСКО) (п. 3 ст. 3 Закона об организации страхового дела);
- страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), которое носит обязательный характер (ст. ст. 927, 936 ГК РФ).

В настоящее время в России отсутствует отдельный закон, комплексно регулирующий отношения по страхованию КАСКО. При заключении и исполнении договоров КАСКО стороны (страховщик и страхователь) руководствуются положениями гл. 48 ГК РФ, Законом об организации страхового дела, Законом о защите прав потребителей, утверждаемыми страховщиком (объединением страховщиков) в соответствии с ГК РФ Правилами страхования.

Договор страхования КАСКО может содержать различные условия, но должен соответствовать требованиям, установленным ГК РФ и Законом об организации страхового дела, в том числе он должен обязательно включать в себя положения о субъектах страхования, об объектах страхования, о страховых случаях, о страховых рисках, о порядке определения страховой суммы, страхового тарифа, страховой премии (страховых взносов), о порядке заключения, исполнения и прекращения договоров страхования, о правах и об обязанностях сторон, об определении размера убытков или ущерба, о порядке определения страховой выплаты, о сроке осуществления страховой выплаты, а также исчерпывающий перечень оснований отказа в страховой выплате и иные положения (п. 3 ст. 3 Закона об организации страхового дела).

Актуальными вопросами в сфере добровольного страхования транспортных средств являются проблемы, возникающие по поводу урегулирования убытков при наступлении страхового случая. Страхователи и выгодоприобретатели по договору страхования нередко сталкиваются с тем, что страховщик неправомерно отказывает в выплате страхового возмещения.

В качестве ответчика в спорах, связанных с выплатой страхового возмещения, выступает страховщик (страховая компания), поскольку в соответствии с условиями договора страхования именно страховщик берет на себя обязанность возместить страхователю понесенные им убытки при наступлении страхового случая (ст. 929 ГК РФ).

В связи с тем, что отношения, связанные с ответственностью за нарушение прав граждан по договору добровольного страхования имущества, не урегулированы специальным законом, то поэтому к спорным правоотношениям применяется Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" [3]. В связи с этим истец может обратиться в суд не только по месту нахождения страховой компании, но и по месту жительства или месту своего пребывания либо по месту заключения или месту исполнения договора (альтернативная подсудность). Кроме того, по таким спорам истец имеет право на освобождение от уплаты государственной пошлины при подаче иска ценой до 1 млн руб.

Как следует из материалов судебной практики, суд может отказать в удовлетворении исковых требований, основанных на нормах о защите прав потребителей, если договор страхования был заключен в отношении имущества, характеристики которого не предполагают его использование для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд. Использование подобных транспортных средств (например, грузовых автомобилей), как правило, осуществляется в коммерческих целях, поэтому на такие случаи не

распространяются нормы о защите прав потребителя (например, такая позиция содержится в Определении Верховного Суда РФ от 18.11.2014 N 81-КГ14-12, Апелляционном определении Московского городского суда от 06.02.2017 по делу N 33-3558/2017).

Следует учитывать, что данная категория споров может рассматриваться судом в порядке упрощенного производства по правилам гл. 21.1 ГПК РФ (Федеральный закон от 02.03.2016 N 45-ФЗ). Рассмотрение спора в порядке упрощенного производства возможно, если цена иска не превышает 100 тыс. руб. и отсутствуют обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела в упрощенном порядке, указанные в ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ. Кроме того, по данной категории дел обязательный досудебный порядок разрешения спора законом не предусмотрен. Тем не менее, условия самого договора могут предусматривать обязанность страхователя обратиться в страховую компанию с претензией до обращения в суд.

Анализ судебной практики показывает, что существуют следующие актуальные проблемы, возникающие после наступления страхового случая.

В законодательстве РФ неоднозначно определены способы уведомления страховщиком страхователя о необходимости предоставить автомобиль для восстановительного ремонта. Так, например, по конкретному делу Московский городской суд определил, что направление страховщиком страхователю смс-сообщения о необходимости предоставить автомобиль для восстановительного ремонта является допустимым способом уведомления, поскольку такой способ не противоречит действующему законодательству (Апелляционное определение Московского городского суда от 08.08.2017 по делу N 33-31074/2017).

Ц.И.Н. обратился в суд с иском к ЗАО "МАКС" о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, судебных расходов. В обоснование иска указал, что 06 июля 2016 года между истцом и ответчиком заключен договор страхования автомобиля марки "Ауди А6", по рискам КАСКО (угон, ущерб). 27 августа 2016 года в результате дорожно-транспортного происшествия автомобиль истца получил механические повреждения. Виновным в дорожно-транспортном происшествии признан истец. Ответчик страховое возмещение истцу не выплатил. Согласно заключению независимого эксперта, стоимость восстановительного ремонта автомобиля истца составляет 976 259 руб. Истец просил суд взыскать с ответчика в свою пользу сумму страхового возмещения в размере 976 259 руб., компенсацию морального вреда в размере 100 000 руб., расходы по оплате независимой экспертизы в размере 10 000 руб.

При разрешении спора, суд руководствовался ст. 309, 310, 929, 930, 961, 963, 964, 1064 Гражданского кодекса РФ, Законом РФ от 27 ноября 1992 года N 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации", а также принял во внимание Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" [3].

Как следует из объяснений истца, ответчик направление на ремонт автомобиля на СТОА ему не выдал; письменное требование истца выплатить страховое возмещение в денежной форме, оставлено ответчиком без удовлетворения. Согласно возражениям представителя ответчика, ответчик в усыновленный срок направил истцу смс-сообщение с просьбой явиться за получением направления на СТОА; после получения письменного требования истца о выплате страхового возмещения, направил почтой направление на СТОА.

Как следует из сообщения ПАО "МТС" о доставленных сообщениях за период с 25 сентября 2016 года по 05 октября 2016 года, 29 сентября 2016 года в 09 часов 39 минут доставлено сообщение от отправителя МАКС с текстом: "Сообщаем, что Ваше обращение рассмотрено, направление на СТОА подготовлено, просьба явиться за его получением" (л.д. 86).

Номер телефона указан в качестве контактной информации истцом в заявлении об убытке от 29.08.2016 года (л.д. 72 - 73), а также в исковом заявлении, принадлежность номера истцу не оспаривается. При подписании заявления об убытке от 29 августа 2016 года истец согласился на уведомление о готовности направления на СТОА путем смс-сообщения на указанный номер телефона и обязался после принятия решения о страховом событии прибыть в офис ЗАО "МАКС" для получения направления на СТОА (л.д. 72).

После получения ответчиком письменной претензии истца о выплате страхового возмещения от 17 октября 2016 года (л.д. 87), 18 октября 2016 года ответчик направил истцу направление на ремонт от 08 сентября 2016 года (л.д. 88, 89 - 90, 94). Согласно отчету об отслеживании почтового отправления, направление на ремонт истцом не получено, в связи с неудачной попыткой вручения (л.д. 100).

Договором страхования установлен способ выплаты страхового возмещения по риску "Ущерб" при повреждении транспортного средства – ремонт на СТОА. ЗАО "МАКС" уведомил истца о необходимости получить направление на ремонт на СТОА - 29 сентября 2016 года, то есть в установленный договором страхования и правилами страхования срок. При этом суд признал уведомление путем смс-сообщений допустимым способом уведомления, поскольку данный способ уведомления о принятом решении по страховому случаю не противоречит действующему законодательству и согласован между истцом и ответчиком (Апелляционное определение Московского городского суда от 08.08.2017 по делу N 33-31074/2017).

Помимо этого, российской судебной практикой выработан подход о том, что непредставление страхователем паспорта транспортного средства, либо свидетельства о его регистрации, либо комплекта ключей, талона техосмотра не освобождает страховщика от выплаты страхового возмещения за угон (хищение) автомашины. Так, истец П.Л.Д. обратилась в суд с иском к ответчику ООО "Группа Ренессанс Страхование" о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, мотивируя свои требования тем, что 20 февраля 2016 года между истцом П.Л.В. и ответчиком заключен договор страхования автомобиля по полису КАСКО. Страховая премия составляет 54 844 рубля 00 копеек. 22 июля 2016 года наступил страховой случай, что подтверждается имеющимся в материалах дела постановлением о возбуждении уголовного дела, а именно неизвестным лицом совершено тайное хищение принадлежащего истцу автомобиля. После наступления страхового случая, с соблюдением сроков, указанных в договоре страхования истцом о данном факте сообщено ответчику, после чего поданы необходимые для рассмотрения страхового случая документы.

25 января 2017 года на счет истца поступила страховая сумма, размер которой составил 1 390 863 рублей 39 копеек. Не согласившись с размером страховой выплаты истцом подано письменное обращение ответчику с просьбой разъяснения ситуации, на что был получен ответ, что из суммы страховой выплаты, которая, согласно договору составляет 1 940 000 рублей, вычтена сумма "франшизы" - 388 000 рублей.

При заключении договора, истцом получены правила страхования, являющиеся неотъемлемой частью договора, с условиями которых он ознакомлен и согласен, о чем в договоре страхования свидетельствует подпись страхователя.

Договор был заключен на условиях безусловной франшизы в размере 388 000 руб. 00 коп., которая применяется в случае, если вместе с транспортным средством, либо в течение суток, предшествующих хищению или угону транспортного средства, а равно и после угона или хищения транспортного средства, похищены (утрачены) или не могут быть переданы Страховщику Страхователем (Выгодоприобретателем) паспорт транспортного средства, паспорт самоходной машины, свидетельство о регистрации ТС.

Основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения предусмотрены ст. ст. 961, 963, 964 ГК РФ. Из приведенных норм ГК РФ следует, что законом не предусмотрена возможность освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по основанию хищения автомобиля вместе с оставленным в нем свидетельством о регистрации транспортного средства.

В пункте 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" разъяснено, что при разрешении дел о выплате страхового возмещения следует иметь в виду, что в соответствии со ст. ст. 961, 963, 964 ГК РФ оставление в транспортном средстве по неосторожности регистрационных документов на него либо комплекта(ов) ключей, диагностической карты, а также их утрата не является основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Учитывая то, что такого основания для освобождения от выплаты страхового возмещения в результате хищения автомобиля, как оставление в нем регистрационных документов, в момент наступления страхового события, ни нормами ГК РФ, ни иным законом не предусмотрено, суд первой инстанции не обоснованно посчитал, что сумма франшизы 388 000 руб. должна быть удержана из суммы страхового возмещения (Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2017 по делу N 33-39814/2017).

Целый ряд проблемных вопросов возникает в ситуациях, если выявляются нарушения порядка заполнения страхового полиса. Так, если страховой полис был оформлен с недостатками (ошибками), ответственность за это возлагается на страховщика, поскольку полис заполняется его представителем, являющимся профессиональным участником страховых отношений, и страховщик сам несет риск, связанный с выбором представителя - агента и ненадлежащим исполнением им обязанностей (например, Определение Московского городского суда от 19.02.2015 N 4г/8-691).

Утрата бланка строгой отчетности (страхового полиса) и подписание страхового полиса неуполномоченным лицом также не являются основанием для отказа в удовлетворении исковых требований, поскольку действующее законодательство не содержит таких оснований для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 10.05.2017 по делу N 33-17589/2017).

В случаях, когда страховая компания отказывает в выплате по причине отсутствия в полисе указания на лицо, управлявшее автомобилем в момент ДТП, следует обратить внимание суда на то, что такое основание освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения противоречит нормам ГК РФ, даже если такое условие содержится в договоре страхования (например, Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2016 N 18-КГ16-73).

В частности, Борисенко Л.А. обратилась в суд с иском к ЗАО "Страховая группа "УралСиб" и Кещияну О.Л. о взыскании суммы страхового возмещения. В обоснование заявленных требований указа-

ла, что 28 сентября 2013 г. заключила с ответчиком договор добровольного имущественного страхования, принадлежащего ей на праве собственности транспортного средства КАСКО, на период с 28 сентября 2013 г. по 27 сентября 2014 г.

16 августа 2014 г. по вине Кещияна О.Л. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден. Борисенко Л.А. обратилась за выплатой страхового возмещения в ЗАО "Страховая группа "УралСиб", однако страховое возмещение ей не выплачено, ущерб не возмещен.

Суд указал, что основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения предусмотрены статьями 961, 963, 964 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом такое основание для освобождения от выплаты страхового возмещения, как отсутствие в страховом полисе указания на лицо, допущенное к управлению автомобилем, которое управляло им в момент дорожно-транспортного происшествия, ни нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, ни иным законом не предусмотрено. Данная правовая позиция также закреплена в пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" (Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2016 N 18-КГ16-73).

Также следует учитывать, что закон не запрещает обращение за страховой выплатой по договору КАСКО в случае, если для возмещения вреда недостаточно выплат по договору ОСАГО. Факт выплаты страхового возмещения по ОСАГО не является основанием для отказа страховой компанией в выплате по КАСКО. При этом на момент предъявления требования к страховой компании автомобиль может быть частично восстановлен (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2016 по делу N 33-5757/2016).

Например, Б. обратился в суд с иском к Страховому публичному акционерному обществу "РЕСО-Гарантия" о взыскании страхового возмещения и компенсации морального вреда, указывая, что по вине Б., нарушившего п. 9.10 Правил дорожного движения РФ, 08 ноября 2014 года в 03 часа 10 минут в районе дома N 14 по улице Абрамцевской в городе Москве произошло дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля, управляемого Б., и принадлежащего на праве собственности Ш., и автомобиля, управляемого В., и принадлежащего на праве собственности Б., в результате которого автомобилю истца были причинены механические повреждения.

Гражданская ответственность Б., как владельца автомобиля, на момент дорожно-транспортного происшествия была застрахована ООО "СК "Согласие", к которому 04 октября 2014 года истец обратился с заявлением о прямом возмещении убытков и которое выплатило ему страховое возмещение. Гражданская ответственность Б., как лица, допущенного к управлению автомобилем, на момент дорожно-транспортного происшествия помимо обязательного страхования была дополнительно застрахована СПАО "РЕСО-Гарантия", в связи с чем 29 апреля 2015 года Б. обратился к названному обществу с заявлением о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения сверх установленного законом лимита ответственности, в чем ему было отказано.

Б. просил суд взыскать с ответчика в его пользу разницу между размером причиненного ущерба и выплаченным страховым возмещением (с учетом лимита страхового возмещения по договору добровольного страхования), расходы, связанные с оценкой причиненного ущерба, расходы, связанные с оплатой услуг представителя, расходы, связанные с оплатой нотариальных услуг, денежную компенсацию морального вреда, а также штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу истца.

Суд пришел к обоснованному выводу, что неправомерные действия Б., нарушившего п. 9.10 Правил дорожного движения РФ, находятся в причинно-следственной связи с наступившим в их результате дорожно-транспортным происшествием и его последствиями в виде причинения механических повреждений автомобилю, принадлежащему истцу. На основании ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения предусмотрены положениями ст. ст. 961, 963, 964 ГК РФ и таких оснований при рассмотрении дела установлено не было. Ответчик в нарушение норм ГПК РФ не представил доказательств, свидетельствующих о совершении страхователем умышленных действий, направленных на наступление страхового случая и доказательств, подтверждающих наличие оснований, предусмотренных законом и влекущих отказ в выплате страхового возмещения при наступлении страхового случая.

Как показывает анализ судебной практики, страховые компании часто ссылаются на факт управления автомобилем в нетрезвом виде как на основание для отказа в выплате по КАСКО. В целом Верховный Суд РФ признает это правомерным. Страховая компания может отказать в выплате возмещения по риску "ущерб от ДТП" только на том основании, что застрахованным автомобилем управлял нетрезвый водитель, совершивший ДТП. Однако, проблема нам видится в том, что не ясно должно ли быть

данное основание указано в правилах либо конкретном договоре страхования. Полагаем, что указанное условие необходимо включить в правила страхования, т.к. оно не противоречит законодательству, а значит, допустимо, носит общий характер и применяется ко всем заключенным страховщиком договорам КАСКО. Причем, в конкретном деле Верховный Суд РФ указал, что апелляции суду следовало самостоятельно истребовать необходимое для разрешения дела доказательство - правила страхования. Ответчику, который этот документ не представил, не помогла ссылка апелляции инстанции на правило о распределении бремени доказывания по искам потребителей (Определение ВС РФ от 19.12.2017 по делу N 31-КГ17-8).

Кроме того, проблемным является вопрос взыскания страховой выплаты в случае признания договора КАСКО незаключенным. Действующее гражданское законодательство РФ не содержит прямого указания на последствия признания судом договора незаключенным. Между тем, принимая во внимание, что договор представляет собой соглашение об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, общим последствием незаключенности договора является недостижение обусловленного его содержанием правового результата. Данный факт, в свою очередь, непосредственно сказывается на юридической квалификации сложившихся между сторонами страховых правоотношений. Так, суд признал незаключенным договор добровольного страхования транспортных средств ввиду подписания его неуполномоченным лицом, без ведома страховщика и с использованием утраченного бланка страхового полиса, в связи с чем отказал в удовлетворении основанных на этом договоре требований ответчика (истца по встречному иску) о взыскании суммы страхового возмещения (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.04.2017 N Ф05-2157/2017 по делу N А40-22484/16). Таким образом, исходя из обстоятельств конкретного гражданского дела, признание договора незаключенным лишает (полностью или в части) сторону, которая основывает на нем свои требования или возражения, легитимных оснований для избранной правовой позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : от 26.11.1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Об организации страхового дела в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации от 27.11.1992 года № 4015-1 // СПС Гарант.
3. О защите прав потребителей : Закон от 07.02.1992 № 2300-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1992. – № 3. – Ст. 140.
4. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №20 // СПС Гарант.

УДК 347.22

**СПЕЦИФИКА ВЕЩНОГО ПРАВА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ:
НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА ТАМБОВА****А.Н. АНУФРИЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук., доц. Р.В. ПУЗИКОВ)*

На материалах городского-округа город Тамбов проводится анализ ключевых особенностей права муниципальной собственности, рассматривается практическая сторона использования муниципалитетом механизмов и гарантий защиты вещного права, выявляются проблемы развития и функционирования права муниципальной собственности.

В настоящее время институт местного самоуправления и право муниципальной собственности, как его социально-экономическая основа, получили достаточно глубокое толкование и закрепление в нормативно-правовых актах России. Так, в соответствии с ч.2. ст.8 Конституции РФ «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» [1].

Сегодня ключевым источником, который определяет понятие муниципальной собственности, выступает Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ) [2]. Согласно ст. 215 ГК РФ «имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью».

В соответствии с Федеральным законом РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления» в собственности субъектов РФ и муниципальных образований может находиться только то имущество, которое необходимо для осуществления их публичных полномочий [3]. Таким образом, указанный Закон закрепляет статус права собственности как обязательный элемент местного самоуправления.

Не смотря на всю схожесть как по содержанию, так и по основному назначению, муниципальную собственность нельзя рассматривать как разновидность государственной собственности. И в первом и во втором случае речь идет о публичной форме прав собственности, т. е. о таком роде социальных и экономических отношений, которые возникают при удовлетворении интересов населения соответствующей отдельной территории или всей страны в целом. При этом юридический статус данных форм прав собственности довольно конкретен и однозначен.

В гражданском праве принято описывать содержание субъектного права собственности посредством триады правомочий – владения, пользования и распоряжения. В современном российском законодательстве о ней говорится как в ст. 130 Конституции РФ, так и в ст. 209 ГК РФ. В настоящее время, по справедливому замечанию Н.Ю. Мурзиной, «выделение других правомочий собственника, кроме владения, пользования и распоряжения, не имеет практического смысла» [4, с. 139].

Содержание права собственности местного самоуправления, например города Тамбова, в этом смысле не является исключением.

В юридической науке предпринимались различные попытки выделить особые аспекты содержания права государственной собственности. Так, выделяют четвертое правомочие, которое относится к вопросам содержания государственной собственности – правомочие управления, которое относилось к вопросам содержания права государственной собственности на землю [4, 140].

Важной особенностью права муниципальной собственности на землю, если обращаться к опыту города Тамбова, является то, что реализация этого права, в основном, носит социальный характер. Так в соответствии с Законом Тамбовской области «Об установлении границ и определении места нахождения представительных органов муниципальных образований в Тамбовской области» [5] за муниципальным образованием городской округ – город Тамбов закреплено 9701,4 га земельных участков [6]. Социальная направленность управления земельными ресурсами в городе Тамбове объясняется тем, что значительная часть участков предоставляется гражданам на безвозмездной основе (льготным категориям).

Считаем необходимым заметить, что непосредственным правом управления муниципальной собственностью обладают не сами муниципальные образования, а соответствующие органы и должностные лица местного самоуправления. Так, именно администрация города Тамбова управляет и распоряжается имуществом в соответствии с действующим законодательством [7].

Анализируя содержание права муниципальной собственности города Тамбова следует иметь в виду следующее.

Указанная выше триада правомочий относится к большому количеству организаций и предприятий, выступающих субъектами хозяйственного ведения и оперативного управления. Вместе эти организации составляют систему муниципального управления, а их деятельность контролируется и координи-

руется соответствующими органами местного самоуправления (например, комитет по управлению муниципальным имуществом администрации города, комитет земельных ресурсов и землепользования администрации города, жилищный комитет администрации города, контрольно-счетная палата города и т.д.), что в своей совокупности составляет содержание правомочия управления муниципальным имуществом города Тамбова.

В отличие от других форм права собственности, право муниципальной собственности с одной стороны дает ряд дополнительных гражданско-правовых возможностей, с другой несет бремя определенных ограничений.

Так, органы местного самоуправления вправе передавать свое имущество в оперативное управление и хозяйственное ведение для казенных предприятий и автономных учреждений (ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 115, ч. 2 ст. 115 ГК РФ). При этом определенный род сделок субъекты хозяйственного ведения согласно законодательству должны согласовывать с собственником данного имущества. В городе Тамбове имеющееся муниципальное имущество закреплено за муниципальными унитарными предприятиями (далее МУП) на праве хозяйственного ведения, за казенными, бюджетными и автономными муниципальными учреждениями на праве оперативного управления, передано в аренду, безвозмездное пользование и находится в казне. Так, согласно отчетной информации по состоянию на 01.01.2017 в городе действует 8 МУП, с которыми заключены договоры о закреплении муниципального имущества на праве хозяйственного ведения: МУП «Тамбовинвестсервис», МУП «Тамбовтеплосервис», МУП «Тамбовгортранс», МУП «Школьник», МУП «Тамбовский Центральный Рынок», МУП «Ритуал», МУП «Тамбов-недвижимость» и МУП «Аптека № 3» [6].

Следует отметить, что возможность передавать имущество в хозяйственное ведение, оперативное управление, постоянное бессрочное пользование существенно расширяет содержание правомочия распоряжения муниципальных образований-собственников по сравнению с собственниками-гражданами и юридическими лицами.

При этом независимо от того, какой орган будет осуществлять определенные функции по управлению – государственный или муниципальный, субъектом собственности он являться не будет. Он лишь выступает в качестве «посредника», т.е. действует от имени муниципального образования, исполняя возложенные на него обязанности по управлению имуществом муниципалитета [8, с. 124].

Кроме того, предоставленное органам местного самоуправления право принимать нормативные правовые акты свидетельствует о том, что муниципальное образование своей властью определяет содержание права муниципальной собственности и способы его осуществления, в отличие от физического или юридического лица, которые осуществляют принадлежащее им право собственности, не определяя своей властью правила собственного поведения [8, с. 53].

Согласно требованиям ГК РФ за муниципальными учреждениями муниципальное имущество закрепляется на праве оперативного управления. В Тамбове действующих муниципальных учреждений 127, в том числе: органы местного самоуправления -16 (Тамбовская городская Дума, Контрольно-счетная палата, администрация города Тамбова, органы администрации города Тамбова). Кроме того, в городе находится 9 учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность города, 25 общеобразовательных учреждений (школы и учреждения дополнительного образования, 51 дошкольное образовательное учреждение, 8 спортивных учреждений и 10 учреждений культуры, 1 учреждение социального обслуживания населения, а также 7 прочих муниципальных учреждений [9].

Для города Тамбова, как и для всего местного самоуправления, муниципальная собственность выступает социально-экономической основой развития. Вместе с тем, муниципальная собственность является особенно уязвимой в силу своих отличительных черт: 1) неспособность совладельца муниципальной собственности продать или передать свою долю участия в ней, а также уклониться от обладания ею, единственным способом уклонения от обладания данным видом собственности является изменение места жительства; 2) отсутствие тесной связи между поведением индивидуальных совладельцев муниципальной собственности и результатами ее использования; 3) меньшая заинтересованность в контроле за использованием имущества, что создает условия для злоупотребления бюрократического аппарата своим положением в личных интересах; 4) отсутствие надежного способа выявления общественного интереса [10, с. 137].

Отдельно следует сказать о механизмах и гарантиях защиты права муниципальной собственности. Стоит заметить, что суды ежегодно рассматривают большое количество дел, связанных с защитой права публичной собственности и других вещных прав, из земельных отношений, из договоров аренды государственного и муниципального имущества, о взыскании имущественных санкций, другие негативные и виндикационные иски из отношений публичной собственности. Чаще всего предъявляются иски о расторжении договора аренды, взыскании долга по арендной плате, взыскания неустойки, о признании договора аренды расторгнутым, возложении обязанности вернуть арендованное имущество, освободить занимаемые помещения [11, с. 53].

Так, в 2016 году администрацией города Тамбова подготовлено 422 исковых заявления о защите прав и интересов города, в том числе: 393 иска о взыскании задолженности на сумму 78,5 млн. руб. В судебных инстанциях по защите прав и интересов муниципального образования городской округ - город Тамбов принято участие в 986 судебных заседаниях. Кроме того, в 2016 г. в подразделения судебных приставов города Тамбова направлено 367 исполнительных листов на сумму 23 млн. руб., а в адрес арендаторов, имеющих задолженность по арендной плате и нарушающих условия договоров аренды, направлено 306 претензий-предупреждений на общую сумму 28 млн. руб. Право муниципальной собственности, как и в целом все формы права собственности, имеют серьезную защиту и гарантии со стороны действующего законодательства [6].

Отдельно стоит заметить, что согласно п. 18 Устава города Тамбова [12] к вопросам местного значения муниципального образования относится сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности городского округа, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории городского округа. При этом на арендаторов муниципального жилого и нежилого фонда возлагается обязанность сохранения и реставрации объектов культурного наследия. Регулярно проводятся проверки исполнения арендаторами обязанностей, предусмотренных охранным обязательством. Выполнение таких мероприятий важно не только для защиты публичной собственности, но и для сохранения объектов культурного наследия России.

Проведенный в данной статье анализ специфики права муниципальной собственности с использованием материалов города Тамбова, позволяет нам сформулировать ряд выводов.

1. Специфика права муниципальной собственности в современной России во многом определяется характеристиками субъекта муниципальной собственности. Из проведенного анализа видно, что правом владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью наделяются определенные органы местного самоуправления и должностные лица. При этом участие собственно граждан в реализации права муниципальной собственности является скорее опосредованным – в основном через представительные органы власти.

2. Содержание права муниципальной собственности в целом соотносится с принятой в юридической науке триадой правомочий собственника, а именно владения, пользования и распоряжения.

На примере города Тамбова можно заметить, что, учитывая множественность субъектов муниципальной собственности и особую роль собственности для развития муниципального образования, содержание права муниципальной собственности может расширяться за счет добавления правомочий контроля и защиты своих прав и интересов.

3. Рассмотрение практического опыта реализации права муниципальной собственности, проведенное на материалах города Тамбова, с одной стороны, подтверждает особую значимость муниципальной собственности с точки зрения обеспечения бюджетного процесса в муниципальном образовании, с другой позволяет выявить ряд проблем развития и функционирования данной формы права собственности.

Так, в нашей стране фактически отсутствует система оценки эффективности управления муниципальной собственностью. Единственный общепризнанный критерий эффективности – это доля доходов, поступивших в местный бюджет от реализации и управления муниципальной собственностью. При этом данный критерий не всегда является отражением эффективности решения вопросов местного значения, ведь муниципальное имущество должно служить не только для получения доходов в бюджет, но и для обеспечения потребностей населения, то есть показатели эффективности должны включать как экономические, так и социальные аспекты.

Управление муниципальным имуществом расходящееся с мнением населения о целях и задачах такого управления, социальными потребностями зачастую порождает множество коллизий и конфликтов разного уровня – от местного до федерального. Решение этой проблемы возможно через развитие различных форм муниципально-частного партнерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2be87cc3e6a8fa17418a1c8ebb2b4c501fd2499b/. – Дата доступа: 18.08.2018.;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (с изменениями на 29.12.2017 г.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 19.08.2018.;

3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. – Дата доступа: 24.08.2018.;
4. Мурзина Н.Ю. К вопросу о понятии субъективного права собственности // Цивилистические записки (Межвузовский сб. научн. Трудов). – М.: Статут, 2001. – С. 234-245.;
5. Закон Тамбовской области от 17.09.2004 № 232-З «Об установлении границ и определении места нахождения представительных органов муниципальных образований в Тамбовской области» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/948003516>. – Дата доступа: 26.08.2018.;
6. Отчет о результатах деятельности Главы города Тамбова и деятельности администрации города Тамбова за 2016 год // Тамбовская городская Дума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tambovduma.ru/index.php?id=5969>. – Дата доступа: 26.08.2018.;
7. Решение Тамбовской городской Думы от 28.05.2008 №639 «О Положении “О порядке управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности городского округа – город Тамбов”» (с изменениями на 26.09.2017 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/948202290>. – Дата доступа: 25.08.2018.;
8. Усова Е.В. Право собственности государства и муниципальных образований в соответствии с российским гражданским правом // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (61). – С.121-126.;
9. Портал органов местного самоуправления города Тамбов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mo-tambov.ru/>. – Дата доступа: 01.09.2018.;
10. Смолькова А.В. Право муниципальной собственности в России: истоки законодательного регулирования, современное состояние и перспективы // Общество и право. – 2009. – № 1 – С. 137-141.;
11. Синдеева И.Ю., Воробьева И.О., Черникова Е.В. Способы защиты права государственной и муниципальной собственности // Современное право. – 2014. – № 12. – С. 51-54.;
12. Устав города Тамбова // Тамбовская городская Дума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tambovduma.ru/index.php?id=5874>. – Дата доступа: 02.09.2018.

УДК 32.019.5

**СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЖКХ
НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ****Д.П. ГАСАНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук., доц. Р.В. ПУЗИКОВ)*

Рассматриваются особенности построения системы общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства, действующей на территории Тамбовской области. Дается характеристика нормативно-правового регулирования данной сферы, анализируется работа общественных структур по решению проблем, связанных с жилищно-коммунальным хозяйством.

Правовой основой осуществления общественного контроля на территории Тамбовской области, в том числе и в сфере жилищно-коммунального хозяйства, выступают Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и Закон Тамбовской области от 22.04.2015 № 522-З «О регулировании отдельных вопросов в сфере осуществления общественного контроля в Тамбовской области».

Основной целью функционирования жилищно-коммунального хозяйства, как известно, является удовлетворение потребностей населения в доступных по цене и качеству услугах, обеспечивающих нормальные условия жизни и работы. Уже долгое время актуальными вопросами в данной сфере остаются прозрачность формирования тарифов и начисления коммунальных платежей, противодействие злоупотреблениям при осуществлении текущих и капитальных ремонтов, переселение граждан из аварийного жилья, осуществление жилищного контроля и надзора.

Работа по формированию системы общественного контроля в сфере ЖКХ на территории Тамбовской области ведется, начиная с 2013 года. Первоначально был создан Общественный совет по вопросам ЖКХ при администрации области, стратегическими задачами которого являлись:

- а) создание комфортных условий проживания граждан на территории области путем повышения качества предоставления жилищно-коммунальных услуг;
- б) формирование ответственного собственника;
- в) развитие общественного контроля в сфере ЖКХ [1].

В состав Общественного совета вошли 62 человека – представители товариществ собственников жилья, управляющих компаний, советов территорий, контролирующих органов, а также члены Общественной палаты и Молодежного парламента области.

Данный состав совета действовал до 2017 года, за время его работы были проведены различные мероприятия всероссийского и областного масштаба по актуальным вопросам в сфере ЖКХ. В их числе дни общественного самоуправления в муниципалитетах Тамбовской области, общественные слушания на тему: «ЖКХ: проблемы и пути их решения», III Всероссийский образовательный форум «Кадры для модернизации ЖКХ», дни открытых дверей управляющих компаний и товариществ собственников жилья, конференция «Правовое просвещение и гражданский контроль в сфере ЖКХ» и многие другие. В 2015 году проводился Форум молодых лидеров ЖКХ и строительства ЦФО, на котором были представлены молодежные инновационные проекты [2].

Кроме того, в 2013 году на базе действующей общественной организации «Центр правовых технологий «Гражданский союз» начал работать центр общественного контроля по вопросам ЖКХ Тамбовской области. Подобные центры действуют практически во всех субъектах Российской Федерации. Формирование региональных центров общественного контроля осуществляется во взаимодействии с руководителями субъектов РФ. Кандидатуры региональных координаторов – руководителей центров – определяются путем консультаций между Общественной палатой РФ, региональными общественными палатами и органами исполнительной власти субъектов РФ [3, с. 57].

Центр общественного контроля по вопросам ЖКХ является активным участником нескольких проектов, например, «Открытое ЖКХ», «Школа грамотного потребителя». Просветительский проект «Открытое ЖКХ» направлен на повышение открытости и прозрачности ЖКХ и формирование активной гражданской позиции жителей в сфере общественного контроля качества коммунальных услуг. Проект реализуется по нескольким направлениям: «Жилищный надзор на защите прав граждан»; «Современные технологии и материалы в сфере ЖКХ»; «Общественный контроль в сфере ЖКХ»; «Эффективное управление многоквартирным домом»; «ТСЖ: от А до Я» и другие [4]. Кроме того, центр является площадкой для разрешения споров участников жилищно-коммунальных отношений, ведет большую работу по защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг, жилищному просвещению граждан, осуществляет общественный контроль за реализацией программ переселения граждан из аварийного жилья. Также

региональный центр принимает участие в проверках прокуратуры по контролю за соблюдением законодательства в сфере капитального ремонта многоквартирных домов на территории Тамбовской области.

В июне 2017 г. в г. Тамбове проводилось межрегиональное совещание «Общественный контроль, непрерывное образование и информационная открытость как ключевые условия реализации стратегии развития ЖКХ», на котором был отмечен положительный опыт развития общественного контроля в Тамбовской области и были обозначены приоритетные направления дальнейшей работы.

Постановлением Администрации Тамбовской области от 17 июля 2017 года было утверждено новое положение об общественном совете по вопросам ЖКХ при главе администрации Тамбовской области [5]. В новый состав вошли 15 человек из числа представителей товариществ собственников жилья области, советов многоквартирных домов, управляющих, ресурсоснабжающих и общественных организаций. На сегодняшний день, в составе общественного совета сформированы четыре рабочих группы:

- 1) по взаимодействию с управляющими и ресурсоснабжающими организациями;
- 2) по контролю утверждения и применения тарифов и нормативов потребления коммунальных услуг;
- 3) по правовому регулированию сферы жилищно-коммунальных услуг;
- 4) по модернизации и капитальному ремонту объектов жилищно-коммунального хозяйства.

Кроме того, при совете создана экспертная группа, в которую вошли специалисты, имеющие большой опыт работы в сфере ЖКХ, в том числе и государственные служащие, которые по закону не могут быть членами общественных советов.

По инициативе губернатора Александра Никитина на территории области стали создаваться общественные префектуры для взаимодействия населения и власти. Сегодня в г. Тамбове работают три префектуры – «Летный городок», «Олимпийский парк», «Центральная».

Одним из последних нововведений системы общественного контроля является появление института общественных жилищных инспекторов, которые призваны следить за качеством услуг ЖКХ, своевременностью оплаты платежей и благоустройством дворовых территорий. В конце декабря 2017 года была подписана Декларация принципов и порядка осуществления общественного жилищного контроля в Тамбовской области. Она включает положения о том, как стать жилищным инспектором, каких принципов придерживаться в работе, как вести учет и т.д. [6]. Данную Декларацию поддержало управление государственного жилищного надзора Тамбовской области.

Нельзя не отметить, что Тамбовская область является отличным примером создания системы непрерывного качественного образования в сфере ЖКХ. Данная работа в регионе ведётся также в течение нескольких лет. В частности, с 2015 года в области создана региональная инновационная площадка «Развитие жилищно-просветительского движения в системе непрерывного образования Тамбовской области». В рамках проекта школьники из шестнадцати школ г. Тамбова, ученики 5–8 классов, изучают системы электро-, тепло-, водоснабжения, канализации, автоматизации, охранно-пожарной сигнализации жилых помещений на примере интерактивных светодинамических стендов и макета «Умный дом». Главная цель проекта — воспитать грамотного потребителя жилищно-коммунальных услуг [7].

Таким образом, система общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства – это система мероприятий, реализуемая силами общественных организаций и активных граждан при поддержке государства, направленная на повышение эффективности работы ЖКХ, обеспечение предоставления качественных жилищных и коммунальных услуг потребителям, создание условий для конструктивного взаимодействия граждан и органов власти. Важнейшими целями развития системы общественного контроля в сфере ЖКХ на территории Тамбовской области является формирование благоприятной, неконфликтной среды для коммуникации всех участников рынка ЖКХ и выработка взаимоприемлемых решений имеющихся проблем. На сегодняшний день в регионе происходит формирование органов общественного жилищного контроля и активное развитие префектур. Насколько эффективной будет работа данных структур покажет время, однако положительные результаты функционирования общественного совета по вопросам ЖКХ при главе администрации Тамбовской области и регионального центра общественного контроля по вопросам ЖКХ показывают, что система развивается в правильном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об Общественном совете по вопросам жилищно-коммунального хозяйства при администрации области: постановление администрации Тамбовской области, 12 марта 2013 г., № 227 // Тамбовская жизнь (спецвыпуск). – 2013. – № 20 (1360).
2. В области развивается общественный контроль в сфере ЖКХ [Электронный ресурс] / Сайт Администрации Тамбовской области, 2014. Режим доступа: <https://www.tambov.gov.ru>. – Дата доступа: 06.06.2018.

3. Ковтунова С.Ю., Ишмеева А.С. Общественный контроль в сфере ЖКХ / С.Ю. Ковтунова, А.С. Ишмеева // Апробация. – 2015. – № 8 (35). – С. 56-58.
4. Тамбовским школьникам читают лекции по ЖКХ [Электронный ресурс] / Новый Тамбов, 2016. Режим доступа: <https://newtambov.ru>. – Дата доступа: 06.06.2018.
5. Об общественном совете по вопросам жилищно-коммунального хозяйства при главе администрации области: постановление администрации Тамбовской области, 17 июля 2017 г., № 657 // Сайт сетевого издания «Тамбовская жизнь» [Электронный ресурс] – 2017.
6. Тамбовские общественники подписали Декларацию принципов работы в сфере общественного жилищного контроля [Электронный ресурс] / Сайт Национального центра общественного контроля в сфере ЖКХ, 2017. Режим доступа: <http://gkhkontrol.ru/2017/12/42808> – Дата доступа: 06.06.2018.
7. В Тамбове прошло межрегиональное совещание по общественному контролю [Электронный ресурс] / Сайт Национального центра общественного контроля в сфере ЖКХ, 2017. Режим доступа: <http://gkhkontrol.ru/2017/06/39334> – Дата доступа: 06.06.2018.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 342

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ

К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ*(Представлено: ст. преп. К.Д. САВИЦКАЯ)*

Рассмотрены основные международные акты, регулирующие соматические права. Особое внимание уделено регулированию личных прав в системе ООН. В работе представлены основные положения Декларации о клонировании человека 2005 года. Выделен единственный обязательный документ в сфере международно-правового регулирования соматических прав.

Теоретическая разработка соматических прав человека началась в рамках конституционного права (В. И. Крусс [1], М. А. Лаврик [2]). В международном праве данная категория прав обычно обозначается как «защита прав человека в сфере биоэтики», «права человека и развитие биологии и медицины».

Международно-правовое регулирование отдельных аспектов концепции соматических прав человека происходит в рамках таких международных организаций как ООН, Организация ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) и Совет Европы. В системе ООН можно отметить процесс обсуждения и принятия документов в сфере соматических прав, в частности, резолюция ЭКОСОС 2001/39 «Генетическая конфиденциальность и недискриминация» от 26.07.2004 г., резолюция Комиссии по правам человека 2003/69 «Права человека и биоэтика» от 25.04.2003 г. Особо стоит отметить процесс обсуждения (с 2001 г.) проекта международной конвенции ООН против клонирования человека в рамках Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. В результате отсутствия консенсуса среди государств в 2005 г. была принята не конвенция, а Декларация ООН о клонировании человека [3], притом, что 84 члена ООН проголосовали «за» и 34 – «против». Камнем преткновения между государствами-членами ООН является вопрос о том, следует ли запретить все виды клонирования человеческих клеток, в том числе и терапевтическое клонирование, или только клонирование в целях воспроизводства человека.

Согласно положениям Декларации о клонировании человека 2005 года государства-члены ООН призывают государства:

- а) принять все меры, необходимые для соответствующей защиты человеческой жизни в процессе применения биологических наук;
- б) запретить все формы клонирования людей в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни;
- в) принять меры, необходимые для запрещения использования методов генной инженерии, которые могут противоречить человеческому достоинству;
- г) принять меры для предотвращения эксплуатации женщин в процессе применения биологических наук [3].

Согласно указанной Декларации, государства-члены ООН призывают безотлагательно принять и осуществить национальные законы для обеспечения выполнения указанных мер.

Важным практическим результатом реализации соматических прав явилось принятие Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека в 1997 г. на 29-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. В 2003 г. была принята Декларация о генетических данных человека [4], а в 2005 г. – Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [5], которая носит подлинно новаторский характер, в особенности ее положения, касающиеся социальной ответственности, доступа к качественным медицинским услугам, неприкосновенности и конфиденциальности частной жизни, совместного использования благ.

Важно отметить, что единственным обязательным документом в сфере международно-правового регулирования соматических прав является Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине), принятая в г. Овьедо 4 апреля 1997 года [6] с тремя дополнительными протоколами.

В соответствии с Конвенцией о правах человека и биомедицине государства-участники обязуются защищать достоинство и индивидуальность каждого человеческого существа, гарантировать каждому уважение целостности и неприкосновенности его личности и соблюдение других прав и основных свобод при использовании достижений биологии и медицины. Среди прав и свобод человека, которые защищает Конвенция, необходимо выделить, прежде всего, следующие: право на выбор вмешательства или невмешательства в сферу своего здоровья; данное вмешательство возможно только при свободном и

осознанном согласии человека, основанном на информированности; право каждого на уважение его частной жизни в сфере, касающейся сведений о его здоровье; право каждого на ознакомление с любой собранной информацией о состоянии его здоровья; запрет дискриминации личности на основании ее генетических особенностей; запрет на использование вспомогательных репродуктивных технологий в целях выбора пола будущего ребенка, исключением являются случаи их использования для предотвращения тяжелого заболевания, наследуемого вместе с полом; право лиц, выступающих в качестве испытуемых, на информацию о своих правах и гарантиях своей защиты; запрет создания эмбрионов человека в исследовательских целях; запрет на использование тела человека и частей его тела для извлечения финансовой выгоды; право каждого на судебную защиту в случае нарушения прав, признанных Конвенцией [6]. Для контроля за выполнением государствами-участниками положений Конвенции, внесением поправок и применением Конвенции в соответствии с последними достижениями науки, в 1977 году был создан Руководящий комитет по биоэтике.

Следует подчеркнуть, что не только государства вовлечены в процесс обсуждения актуальных вопросов биоэтики, но и мировые религии. Как отмечал профессор Ю. Е. Карлов: «в современных международных отношениях все определеннее проявляет себя религиозный фактор, связанный с непосредственным участием в мировой политике различных религиозных объединений и организаций. Религиозно-правовые и морально-этические принципы мировых религий объективно укрепляют тенденцию к универсализации современного международного права» [7]. Так, например, на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 году были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где четко изложено мнение Русской Православной Церкви по вопросам клонирования, суррогатного материнства, трансплантологии [8]. Также мировые религии официально выразили свое отрицательное отношение по вопросу клонирования человека [9].

Таким образом, можно убедиться, что на международном уровне достаточно развернуто и эффективно работает механизм регламентации и защиты соматических прав, что является необходимым условием эффективного и современного развития национального законодательства.

В целом появление нового поколения прав человека – соматических прав – является объективным фактом. Требуется дальнейшее теоретическое исследование данного поколения прав с целью выработки научного и общего нормативного решения, а также дальнейшего уяснения какие конкретно категории прав человека формируют это новое поколение прав. Многие государства пошли по пути разрешения на правовом уровне однополых браков, клонирования человека, разрешения эвтаназии, различных манипуляций с эмбрионами. Однако специфика нового поколения прав человека заключается в том, что международно-правовое поощрение развития соматических прав может повлечь необратимые и трудно прогнозируемые последствия для существования человеческого рода вообще. В настоящее время на международно-правовом уровне (ООН, Совет Европы) существует консенсус об ограничении соматических прав человека, особый вклад в принятие данного решения вносят данные биоэтики и позиции мировых религий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–51.
2. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
3. Декларация о клонировании человека от 8 марта 2005 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml. – Дата доступа: 07.10.2018.
4. Международная декларация о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml. – Дата доступа: 07.02.2018.
5. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml. – Дата доступа: 07.02.2018.
6. Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997г. [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <http://www.imbr.ru/BioEtika/Principles/Convention.html>. – Дата доступа: 07.10.2018.
7. Карлов, Ю.Е. Религия и международное право / Ю.Е. Карлов // Международное право : учебник / Ю.Е. Карлов ; под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчикова. – М., 2005. – С. 572–574.
8. Мчедлова, М.П. О социальной концепции русского православия / М.П. Мчедлова // Религия в современном обществе. – М., 2002. – 399 с.
9. Овчинский, В.С. Об этической недопустимости клонирования человека / В.С. Овчинский // Криминология и биотехнологии. – М., 2005. – С. 177–178, 186–189.

УДК 347.77

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДИЗАЙНА ОДЕЖДЫ КАК РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. НЕСТЕРЕНКО

(Представлено: ст. преп. К.Д. САВИЦКАЯ)

Статья посвящена правовой охране дизайна одежды. Исследуется понятие дизайна одежды, рассматриваются характерные черты, определяются требования к его правовой охране. Выделяются признаки дизайна одежды исходя из анализа определений.

Категория «дизайн» в юридической литературе отсутствует. Для установления сущности исследуемого явления следует обратиться к специализированной литературе. Так, в частности, под дизайном понимают деятельность по созданию предметной среды и результат такой деятельности [1, с. 79; 2, с. 62]. Рассмотрим имеющиеся определения более подробно. Так, В. Ф. Рунге, В. В. Сеньковский под дизайном понимают сферу деятельности по разработке как предметно-пространственной среды в целом, так и ее отдельных предметов, ориентированную на придание результату эстетических и потребительских свойств, а также гармоничное сочетание предмета с окружающей средой в целом и ее отдельными элементами [3, с. 12].

В рассматриваемом определении под дизайном одежды понимается не результат интеллектуальной деятельности, а сфера деятельности, направленная на гармоничное сочетание в предмете эстетического и потребительского предназначения предмета. Таким образом, подобное понимание дизайна включает в себя не только указание на создание дизайна, но и описание сопутствующих процессов, таких как оценка жизненной ситуации, предназначенной для использования предмета, что важно для понимания особенностей дизайна как сферы деятельности, но не позволяет сформировать представление о результате такой деятельности. Иными словами, указанное определение не может быть применено в рамках данного исследования, но имеет значение для получения представления о дизайне как сфере деятельности.

Однако среди достоинств исследуемого определения следует отметить указание на цели дизайна – разработку потребительских и эстетических признаков изделия, оптимизацию и гармонизацию взаимодействия предмета с человеком и обществом, которые отражаются на внешнем виде предмета, через его эстетические признаки. Именно эстетические признаки предмета, составляющие его внешнего вида, имеют значение для правовой охраны [3, с. 59].

В 1969 г. на конгрессе ИКСИД (ICSID) Международного совета по промышленному дизайну дизайн был определен «как творческая деятельность, цель которой – определение формальных качеств предметов, производимых промышленностью; эти качества формы относятся не только к внешнему виду, но, главным образом, к структурным и функциональным связям, которые превращают систему в целостное единство, как с точки зрения изготовителя, так и потребителя. Дизайн стремится охватить все аспекты окружающей человека среды, которые обусловлены промышленным производством» [4, с. 13]. Указанное определение выражает суть дизайна как явления, зародившегося и получившего развитие в начале XX века в виде оформления внешнего вида промышленных изделий. Однако современное понимание дизайна в данном аспекте шире, так как дизайн применяется и к результатам интеллектуальной деятельности, созданным вручную, а также кустарно-ремесленным способом. Важным в определении является акцент на творческом характере деятельности, что позволяет в полной мере говорить о возможности правовой охраны дизайна как результата интеллектуальной деятельности.

В приведенном определении дизайна указано, что сущностью дизайна является направленность на формирование связей предмета с окружающей средой. Если результат в виде установления связей дизайнером не достигнут, то дизайн едва ли будет востребован потребителем. Однако в данном случае речь идет о достоинстве результата интеллектуальной деятельности, который не имеет значения для правовой охраны дизайна. Приведенное определение, несмотря на то, что является первым официальным определением дизайна не подходит для целей настоящего исследования, так как с правовой точки зрения внимание заслуживают только результат и его формальные признаки.

В.В. Ермилова и Д.Ю. Ермилова понимают под дизайном «творческую проектную деятельность, целью которой является создание гармоничной предметной среды, наиболее полно удовлетворяющей материальные и духовные потребности человека» [5, с.10].

В определении дизайн понимается как творческая деятельность, что позволяет говорить о возможности охраны результата такой деятельности нормами авторского или патентного права. Указание на создание гармоничной предметной среды, как и удовлетворение потребностей, означает наличие определенных условий, которые должен учитывать автор. Эта важная черта дизайна отличает его от искусства. Потребности покупа-

теля и гармоничное сочетание объектов в рамках среды не имеют правового значения, но позволяют сделать вывод о возможности параллельного создания аналогичных результатов интеллектуальной деятельности, поскольку задают условия, в рамках которых должен работать дизайнер [3, с. 32].

Аналогичное определение приводит Н.А. Ковешникова, понимая под дизайном «проектную художественно-техническую деятельность по разработке промышленных изделий с высокими потребительскими свойствами и эстетическими качествами, по формированию гармоничной предметной среды жилой, производственной и социально-культурных сфер» [2, с. 65]. Отличие определения Н.А. Ковешниковой от определения В.В. Ермилова и Д.Ю. Ермиловой состоит в указании на сочетание в дизайне потребительских свойств и эстетических качеств, что предопределяет особенность дизайна как результата интеллектуальной деятельности, отличного от произведения искусства.

Наиболее приемлемо для целей настоящего исследования определение В. Ю. Медведева, в котором под дизайном понимается «творческий метод, процесс и результат художественно-технического проектирования промышленных изделий, их комплексов и систем, ориентированного на достижение наиболее полного соответствия создаваемых объектов и среды в целом возможностям и потребностям человека как утилитарным, так и эстетическим» [6, с. 25]. Определение раскрывает дизайн как многозначное понятие, в том числе как творческий результат. Как указывалось выше, такое понимание дизайна является приоритетным для целей правового регулирования данной области творческой деятельности, поскольку именно результат охраняется авторским правом в качестве произведения или патентным правом – в качестве промышленного образца. Кроме того, среди положительных черт определения следует назвать указание на то, что предметом дизайна могут выступать как отдельный предмет, так и комплексы, и системы, что указывает на наличие разных видов дизайна и позволяет обратить внимание на возможные особенности в правовом регулировании.

Некоторые авторы под дизайном понимают художественно-конструкторское решение изделия [7, с. 42]. Употребление термина «художественно-конструкторское решение» подчеркивает конструктивную составляющую дизайна. Под «конструкцией» следует понимать наличие определенных составных частей в объекте, при этом конструкция особенно характерна для каких-либо устройств или механизмов. Такое определение дизайна является неполным, поскольку не относит к дизайну оформление внешнего вида плоских изделий, что нельзя назвать верным. Эта негативная особенность подчеркивалась и в литературе, посвященной вопросам охраны промышленного образца, поскольку в качестве промышленного образца охраняется результат интеллектуальной деятельности по оформлению внешнего вида предмета, то есть дизайн. На основании изложенного следует выделить следующие признаки дизайна: 1) результат интеллектуальной деятельности, направленный на оформление внешнего вида изделия кустарного или промышленного производства; 2) утилитарное предназначение вещи [6, с. 39].

Теперь выясним, что следует понимать под термином «одежда». Определения понятия одежды в законодательстве не содержится, поэтому следует обратиться к специальной литературе, посвященной вопросам создания одежды. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова одежда определена как «совокупность предметов (из ткани, меха, кожи), которыми покрывают, одевают тело» [8]. В Терминологическом словаре одежды приведено следующее определение: «совокупность изделий, надеваемых человеком, призванных защищать его от неблагоприятных климатических воздействий и выполняющих не только утилитарные, но и эстетические функции» [9, с. 153].

Таким образом, понятие «одежда» трактуется достаточно широко, представляется, что обувь и головные уборы также относятся к одежде. Данный вывод подтверждается определениями, приведенными в словарях. Так, например, в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова, где обувь понимается как «одежда для ног, защищающая их от холода и своей нижней частью, подошвой, делающая нечувствительными неровности пути» [8].

Рассмотрим признаки, используемые в приведенных определениях одежды. Во-первых, одежда представляет собой одно изделие (например, платье) либо совокупность изделий, в целом образующих костюм (например, мужской костюм, состоящий из двух элементов – пиджака и брюк). При этом под изделием понимается изготовленная кустарным или промышленным способом вещь, товар [10, с. 94]. Во-вторых, одежда – искусственный покров тела человека. С одной стороны, приведенная функция указывает на утилитарное назначение одежды, позволяя провести разграничение одежды и иных предметов, используемых исключительно для украшения, например, аксессуаров [10, с. 95].

С другой стороны, данная формулировка подразумевает защитную функцию одежды, но не называет ее. Связано это с тем, что в современных условиях защитная функция одежды (под которой понимается предотвращение воздействия на тело человека неблагоприятных климатических условий – солнечных лучей, низких температур) во многих моделях одежды не является определяющей (напр., коктейльное платье). В-третьих, одежда – средство украшения тела человека [10, с. 97]. Именно эстетические черты одежды выступают объектом охраны в авторском и патентном праве, но их достоинство с точки зрения вкуса, соответствия моде и прочие относительные характеристики во внимание правом не принимаются.

Для правовой охраны дизайна одежды как результата интеллектуальной деятельности значение имеют функциональное и эстетическое начала, проявляющиеся в признаках внешнего вида изделия.

Под функциональным началом следует понимать выполнение предметом дизайна определенной утилитарной функции в быту или в производстве, которое выражается в дизайне через черты, составляющие внешний вид изделия [11, с. 6]. Наличие функциональной составляющей отличает дизайн от традиционных произведений искусства, обращенных к духовной стороне жизни человека и не направленных на решение утилитарных задач.

Во внешнем виде одежды утилитарные признаки проявляются, как правило, через черты формы изделия, но нельзя исключать и проявления через черты декоративного оформления – например, защитная окраска одежды для военных. В рамках данного исследования важно выявить влияние функциональных черт на внешний вид одежды, а также определить, какое правовое значение будут иметь эти характеристики при предоставлении правовой охраны. Можно провести следующее деление функциональных черт одежды.

В зависимости от проявления признака на внешнем виде изделия можно выделить признаки, проявляющиеся во внешнем виде изделия и не отраженные в нем. В рамках первой группы возможно условное деление признаков на подверженные изменениям дизайнером и те, изменение которых невозможно, поскольку ведет к потере полезных качеств вещи. К признакам, не проявляющимся на внешнем виде изделия (внешне невидимым), относится, например, система вытачек на внутренней стороне платья в дизайне одежды, обеспечивающих внешний вид одежды и ее утилитарное предназначение, но непосредственно не видимых на одежде. Данные признаки безразличны для охраны дизайна, поскольку не отражаются на внешнем виде предмета [11, с. 20].

Иначе обстоит дело с функциональными признаками, проявляющимися во внешнем виде предмета одежды и определяющими его. Указанные признаки представляют интерес для настоящего исследования, поскольку они учитываются при предоставлении правовой охраны. К таким признакам, например, относятся пуговицы или молния на платье: влияя на внешний вид изделия, они обеспечивают комфортное использование изделия.

Функциональные признаки, проявляющиеся во внешнем виде изделия, условно можно разделить на две группы. Признаки, которые не могут быть изменены дизайнером в силу различного рода причин – санитарно-гигиенических норм, функционального предназначения предмета одежды, признаки, обусловленные анатомией человеческого тела (например, при разработке джемпера дизайнер обязательно должен учитывать, что у человека две руки, а значит, должно быть два рукава). Основная задача дизайнера – вписать признаки, которые он не может изменить, во внешний облик предмета, добиться целостности предмета. Как правило, это осуществляется за счет работы с другими признаками, изменение которых допускается [11, с. 25].

Стоит отметить, что в рамках правовой охраны функциональные признаки, которые отражаются на внешнем виде изделия, но не могут быть изменены автором, принимаются во внимание при предоставлении правовой охраны дизайну в качестве промышленного образца как ограничения возможностей дизайнеров по разработке решения внешнего вида изделия данного назначения.

Так, например, В.Ю. Джермакян указывает, что недопустимо вменять в обязанность эксперту определение свободы творчества дизайнера в рамках патентной экспертизы [12, с. 5]. На наш взгляд, такое мнение весьма категорично, так как, проводя патентный поиск применительно к дизайну одежды, эксперт может выявить ограничения в указанной сфере, исходя из анализа аналогового ряда. Такие признаки присутствуют без изменения в каждом дизайне определенного вида.

Под ограничениями творчества дизайнера в широком смысле следует понимать любые признаки дизайна одежды, которые должны быть учтены дизайнером во внешнем виде изделия без изменений. Однако для правового регулирования применение указанного понимания неприемлемо, так как включает ограничения, например связанные с субъективными характеристиками результата интеллектуальной деятельности (как указывалось, модные тенденции, предпочтения потребителей), что не принимается во внимание при правовой охране. С точки зрения права под ограничениями творчества дизайнера следует понимать только функциональные особенности дизайна, которые проявляются во внешнем виде изделия и не подлежат изменению [12, с. 8].

Необходимость учета функциональных признаков, одинаковые задачи, поставленные перед дизайнером – повышают вероятность параллельного творчества в сфере дизайна. В литературе исследование проблем параллельного творчества в большинстве случаев связано с техническим творчеством [13, с. 120], что вполне обосновано, так как применительно к результатам технического творчества, где охране подлежит именно содержание, а не форма, эта проблема стоит наиболее остро. В рамках дизайна проблеме параллельного творчества не уделялось достаточно внимания, однако использование патентно-правовой охраны указывает на ее существование.

Последняя группа функциональных признаков, нашедших отражение во внешнем виде, состоит из признаков, которые могут быть изменены дизайнером без ограничений и позволяют выражать творческие амбиции. К таким признакам можно отнести отстрочку или форму декольте на платье. Приведенная классификация приводит к выводу: чтобы выявить значение признака для правовой охраны, необходимо определить его роль в формировании внешнего вида предмета охраны и установить, ограничен ли автор в его использовании при создании дизайна изделия [11, с. 89].

Теперь следует обратиться к анализу эстетических особенностей дизайна одежды. Эстетические признаки дизайна одежды служат удовлетворению потребностей человека в красоте и представляют собой черты формы и декоративного оформления. К чертам формы относятся геометрический вид, конструкция, масса, силуэт, соразмерность и соподчиненность элементов изделия, к чертам декоративного оформления – цвет, линии, текстура и фактура материала и др [13, с. 151]. При охране промышленного образца в случае отнесения эстетических признаков к существенным они будут значимы для определения соответствия дизайна условиям новизны и оригинальности, а в случае нарушения исключительного права именно по существенным признакам устанавливается, использован ли промышленный образец в изделии. В рамках авторского права эстетические особенности дизайна составляют форму произведения и поэтому подпадают под правовую охрану. При этом важно отметить, что при создании дизайна автор руководствуется последними тенденциями моды, стиля, что обусловлено ориентацией на потребителя.

Однако особенности воплощения эстетических признаков не отнесены к ограничениям свободы дизайнера. Несмотря на то что они, безусловно, выступают ограничением для реализации творческих амбиций дизайнера, они не имеют значения для правовой охраны, а значит, не могут быть включены в число критериев, раскрывающих ограничение свободы творчества дизайнера. С другой стороны, указание на подобные ограничения важно для понимания сущности дизайна как области, имеющей существенные отличия от искусства, на что указывается в литературе [14, с. 24]. Ввиду ориентированности на интересы потребителя и модные тенденции продолжительность актуальности дизайна на рынке существенно ограничена, в связи с чем требуется оперативное предоставление правовой охраны.

ЛИТЕРАТУРА

1. К анализу роли промышленного дизайна в инновационном процессе воссоздания продукции предприятий легкой промышленности : материалы региональной научно-практической конференции, Курск, 6–10 мая 2012 г. / Ун-т информатики и радиоэлектроники ; редкол.: В.И. Томаков [и др.]. – Курск : РУИР, 2012. – 172 с.
2. Ковешникова, Н.А. Дизайн: история и теория : учеб. пособие для студентов архитектурных и дизайнерских специальностей / Н.А. Ковешникова. – М. : Омега-Л, 2009. – 125 с.
3. Рунге, В.Ф. Основы теории и методологии дизайна : учеб. пособие / В.Ф. Рунге, В.В. Сеньковский. – М. : МЗ-Пресс, 2003. – 149 с.
4. Лаврентьев, А.Н. История дизайна / А.Н. Лаврентьев. – М. : Гардарики, 2007. – 131 с.
5. Ермилова, В.В. Моделирование и художественное оформление одежды : учеб. пособие для студ. сред. проф. образования / В.В. Ермилова, Д.Ю. Ермилова. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 231 с.
6. Медведев, В.Ю. Сущность дизайна: теоретические основы дизайна : учеб. пособие / В.Ю. Медведев. – СПб. : СПГУТД, 2009. – 156 с.
7. Фомина, Т.Т. Дизайн-проектирование: термины и определения: терминологический словарь / М.В. Дараган, Б.К. Жаксыбергенов, Т.Т. Фомина. – М. : МГПУ, 2011. – 120 с.
8. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] / Словарь. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/8922>. – Дата доступа: 16.10.2017.
9. Орленко, Л.В. Терминологический словарь одежды / Л.В. Орленко. – М. : Мгпромбытгиздат, 1996. – 174 с.
10. Килошенко, М.И. Психология моды / М.И. Килошенко. – СПб. : Питер, 2014. – 97 с.
11. Данилина, Е.А. Лоция заявителя: практика подачи заявок / Е.А. Данилина. – М. : ИНИЦ Роспатента, 2003. – 166 с.
12. Джермакян, В.Ю. Промышленный образец, гражданский кодекс и административный регламент Роспатента / В.Ю. Джермакян // Патенты и лицензии. – 2009. – № 3. – С. 4–10.
13. Хейфец, И.Я. Основы патентного права / И.Я. Хейфец. – Л. : Науч. химико-техн. изд-во, 1925. – 151 с.
14. Удалкин, В.А. Интеллектуальные права на произведения изобразительного искусства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Удалкин. – М. : ИНИЦ Роспатента, 2010. – 240 с.

УДК 34.096

**ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ДИЗАЙНА ОДЕЖДЫ
В РАМКАХ ИНСТИТУТА НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗЦА
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ**

Е.А. НЕСТЕРЕНКО

(Представлено: ст. преп. К.Д. САВИЦКАЯ)

Статья посвящена правовой охране дизайна одежды. Рассматривается режим охраны незарегистрированного промышленного образца. Исследуются отличительные черты охраноспособности в рамках незарегистрированного промышленного образца, авторского и патентного права.

Охрана оформления внешнего вида одежды может осуществляться как с помощью институтов, не предполагающих соблюдение формальностей, так и с помощью институтов, предлагающих для получения охраны прохождение процедуры регистрации. Под охраной, связанной с соблюдением формальностей, традиционно понимается патентно-правовая охрана дизайна одежды в качестве промышленного образца.

Охрана без соблюдения формальностей может быть предусмотрена как в рамках авторского права, так и с помощью института незарегистрированного промышленного образца, нового института в законодательстве ЕС. Незарегистрированный промышленный образец ЕС введен в законодательство ЕС по ряду причин. В процессе интеграции страны Европы стремились к созданию общего рынка товаров и услуг. В силу различных подходов к охране внешнего вида изделий (авторско-правовой, патентно-правовой и смешанной охраны, предусматривающей сочетание двух указанных режимов охраны) осуществить гармонизацию и унификацию законодательства было затруднительно. Для упрощения задачи было принято решение о создании наднациональной системы правовой охраны, предусматривающей, с одной стороны, единый правовой режим для всех стран ЕС, а с другой – сохранение сложившихся национальных систем охраны [1, с. 19].

По результатам исследований, проведенных Институтом Макса Планка, было выявлено, что представители промышленности в равной степени заинтересованы как в правовой охране дизайна на непродолжительный срок, с узким объемом правомочия, но при оперативном варианте приобретения охраны и отсутствии финансовых затрат, так и в охране продолжительной по времени и широкой по объему прав. При этом возможность выбора между указанными вариантами приветствовали все [2, с. 120]. Приведенные результаты исследований были воплощены в системе правовой охраны дизайна в ЕС.

Другой вопрос, стоящий перед разработчиками, – какие институты должны входить в указанную наднациональную систему правовой охраны ЕС. Выбор был сделан в пользу специального подхода к охране промышленных образцов на основе патентного права. Данную систему составили охрана дизайна без регистрации (незарегистрированный промышленный образец) и охрана, связанная с регистрацией в специально созданном ведомстве (традиционный промышленный образец).

Выбор незарегистрированного промышленного образца как формы охраны без соблюдения формальностей вместо авторско-правовой охраны обусловлен следующими причинами. Во-первых, характерными особенностями дизайна. Разработчики приняли во внимание, что дизайн в современных рыночных отношениях – инструмент маркетинга, что подчеркивает зависимость от ряда факторов (тенденций моды, потребностей потребителей и проч.) и именно эта его черта должна предопределять правовую охрану [3, с. 21]. При создании дизайна одежды дизайнер вынужден учитывать интересы потребителей, функциональность вещи, ее назначение (повседневная, для праздника и т.д.) – все эти особенности увеличивают вероятность параллельного творчества, что в свою очередь указывает на приоритет использования патентно-правовой охраны над авторско-правовой охраной. Во-вторых, в разных странах ЕС сложилась своя многолетняя практика авторско-правовой охраны, не все результаты интеллектуальной деятельности с функциональной составляющей получают охрану в рамках авторского права. Такой фундаментальный пересмотр подходов не входил в круг задач по унификации законодательства.

Таким образом, в ЕС появилась система охраны дизайна, предусматривающая охрану как без регистрации, но на непродолжительный срок, с ограниченным объемом правомочий в рамках института незарегистрированного промышленного образца, так и с регистрацией, предоставляющей правообладателю традиционное исключительное право.

Рассмотрим институт незарегистрированного промышленного образца более подробно. Незарегистрированный промышленный образец ЕС (Unregistered Community design right) был введен в действие с принятием Регламента Совета ЕС № 6/2002 от 12 декабря 2001 года о промышленных образцах ЕС

Council regulation (EC) № 6/2002 on community designs (Brussel, 12.XII.2001) (далее по тексту – Регламент ЕС) [4].

К особенностям режима охраны незарегистрированного промышленного образца следует отнести:

- 1) отсутствие требований о соблюдении формальностей: охрана возникает с момента первого публичного раскрытия;
- 2) непродолжительный срок правовой охраны – три года;
- 3) правообладателю предоставляется право препятствовать действиям, связанным с использованием скопированного результата интеллектуальной деятельности, при этом в случае, если третье лицо докажет факт самостоятельного создания дизайнера, то правообладатель не может препятствовать использованию такого результата.

Рассмотрим приведенные черты незарегистрированного промышленного образца. Регламент ЕС №6/2002 исходит из общего регулирования охраны промышленных образцов Сообщества, при этом различия в правовой охране незарегистрированного промышленного образца и традиционного промышленного образца в Регламенте выделены в отдельные нормы.

В ст. 3 Регламента ЕС № 6/2002 содержится общее определение промышленного образца, под которым понимается внешний вид всего изделия или его части, являющийся результатом особенностей изделия, в частности линий, контуров, цветов, формы, текстуры и/или материалов самого изделия и/или его украшения [4]. Регламент не содержит различий в объекте охраны в незарегистрированном и промышленном образце, требующем регистрации – им выступает дизайн, отличия сосредоточены в правовом режиме, а именно в объеме прав, сроке охраны, соблюдении формальностей. Это крайне важно, поскольку позволяет правообладателю в течение 12 месяцев с даты первого публичного раскрытия подать заявку на регистрацию промышленного образца в патентное ведомство и получить охрану в качестве традиционного промышленного образца. Иными словами, законодатель предусмотрел системный подход к охране дизайна.

Обращаясь к тексту Регламента ЕС № 6/2002, следует отметить следующее. При охране дизайна Регламент исходит из общего термина – «design», который в литературе переводится как промышленный образец [5, с. 164]. Как указано в ст. 1 Регламента ЕС, промышленный образец в ЕС охраняется посредством «незарегистрированного промышленного образца Европейского союза» и посредством «зарегистрированного промышленного образца Европейского сообщества» [4]. В законодательстве ЕС термин «промышленный образец» относится к обоим режимам охраны, независимо от факта регистрации в патентном ведомстве, а незарегистрированный промышленный образец представляет собой разновидность такого института, как промышленный образец ЕС [6, с. 120].

В рамках режима незарегистрированного промышленного образца и промышленного образца, требующего регистрации, объектом охраны выступает один объект – дизайн, условия охраноспособности (новизна и оригинальность) являются едиными. Отличается подход к определению начала правовой охраны, на дату которой осуществляется проверка соответствия указанным критериям.

Отсутствие формальностей придает дате первого публичного раскрытия значение даты приоритета. Именно с этой даты возникает правовая охрана, на эту дату определяется соответствие результата интеллектуальной деятельности условиям охраноспособности. Эта особенность незарегистрированного промышленного образца отличает его от авторского и патентного права.

Режим охраны образца предполагает установление даты приоритета патентным ведомством и основан на формальном закреплении права патентным ведомством ввиду возможности параллельного творчества. Авторское право же, наоборот, максимально упрощает механизм возникновения правовой охраны – с момента придания произведению объективной формы, поскольку исходит из того, что параллельное создание аналогичной формы произведения невозможно.

Дата первого публичного раскрытия незарегистрированного промышленного образца имеет сходное правовое значение с датой приоритета в традиционном институте промышленного образца: на эти даты происходит установление соответствия дизайна условиям охраноспособности, исчисляются сроки действия права. Основное отличие в правовом значении даты приоритета традиционно охраняемого образца и даты первого публичного раскрытия состоит в том, что дата приоритета, кроме всего перечисленного, играет роль при разграничении результатов, созданных при параллельном творчестве, обеспечивая монопольное право правообладателя. При этом регистрация исключает третьих лиц из сферы применения охраняемого объекта. Использование третьими лицами дизайна, даже созданного самостоятельно, возможно только с разрешения правообладателя. Право на незарегистрированный промышленный образец не предоставляет правообладателю абсолютной монополии, третье лицо в случае создания аналогичного дизайна может использовать спорный результат интеллектуальной деятельности в том случае, если докажет, что дизайн создан в процессе самостоятельной творческой деятельности.

Отличие даты первого публичного раскрытия от даты приоритета также состоит в том, что фиксация даты первого публичного раскрытия незарегистрированного образца производится не патентным

ведомством, а, например, организатором выставки, либо иным способом, подтверждающим факт первого публичного раскрытия, что не требует от правообладателя дополнительных действий и финансовых затрат.

Система предоставления охраны незарегистрированному промышленному образцу отличается и от системы авторского права. Неиспользование разработчиками законодательства о промышленном образце ЕС модели авторского права объясняется рядом трудностей, связанных с возникновением охраны. Момент выражения произведения в объективной форме с точки зрения возникновения права вызывает определенные сложности, так как отсутствуют непосредственные доказательства, позволяющие продемонстрировать дату возникновения авторского права. Автору необходимо обнаружить произведение, так как в противном случае будет крайне сложно доказать нарушение прав на его произведение.

Наиболее приемлемым является возникновение охраны с момента первого публичного раскрытия дизайна. Данный способ позволяет определенным образом формализовать указанный момент возникновения охраны. Таким образом, система формализации возникновения охраны незарегистрированного промышленного образца, несмотря на то что имеет некоторое сходство как с патентным, так и с авторским правом, на наш взгляд, является самостоятельной системой, основанной на факте первого публичного раскрытия дизайна.

Так, правовая охрана незарегистрированного промышленного образца возникает, согласно статье 11(2) Регламента ЕС, с момента первого публичного раскрытия на территории Европейского сообщества [4]. В соответствии со ст. 11(2) Регламента ЕС промышленный образец считается публично раскрытым, если он опубликован, экспонирован на выставке, использован в торговле или иным образом раскрыт – так, что при нормальном ходе хозяйственной деятельности эти события могли стать известными в кругах, специализирующихся в данном секторе экономики ЕС [4].

Срок правовой охраны незарегистрированного промышленного образца, как указано в ст. 11(1) Регламента ЕС, составляет три года с момента первого публичного раскрытия [4], согласно замечаниям исследователей указанный срок отвечает требованиям товаров с коротким жизненным циклом [7, с. 140].

Рассматривая целесообразность такой охраны для дизайна одежды, можно отметить, что при средней продолжительности смены модных тенденций, составляющей полгода, трехлетний срок охраны может быть вполне достаточно для охраны дизайна. Авторское право и промышленный образец предоставляют продолжительные сроки (авторское право – в течение жизни автора и 50 лет после смерти, право на зарегистрированный промышленный образец – 25 лет), но для охраны дизайна одежды такие сроки в большинстве случаев не нужны. Кроме того, учитывая цикличность модных тенденций и стремление дизайнеров возвращаться к старым разработкам [8, с. 86–102], продолжительная охрана может препятствовать развитию дизайна одежды как отрасли в целом.

Таким образом, предусмотренную законодательством ЕС возможность выбора вариантов охраны и перехода в течение года с момента первого публичного раскрытия к режиму зарегистрированного промышленного образца следует считать положительной характеристикой системы охраны дизайна.

Данная особенность системы промышленных образцов ЕС дает основание ученым сделать вывод о том, что охрана промышленного образца без регистрации имеет дополнительные преимущества [9, с. 51], предоставляя правообладателю время для анализа потребительского спроса и принятия решения о подаче заявки на регистрацию дизайна в качестве промышленного образца. Таким образом, введение правовой охраны незарегистрированного промышленного образца оказало влияние на охрану дизайна в целом. Теперь правообладателю не обязательно сохранять промышленный образец в тайне для того, чтобы потом зарегистрировать его или раскрыть, но при этом опасаться, что кто-то скопирует промышленный образец в течение льготного срока. Не нужно принимать решение об использовании охраны перед выходом товара на рынок, можно принять решение по результатам востребованности дизайна потребителем в течение 12 месяцев со дня первого публичного раскрытия.

Рассмотрев требования законодательства к правовой охране дизайна, обратимся к анализу правовой природы права на незарегистрированный промышленный образец. Исходя из положения ст. 19 Регламента ЕС, охрана зарегистрированного промышленного образца Европейского Союза обеспечивает правообладателю исключительное право использовать его, закрепив возможность запрещать использование любым третьим лицам такого образца без согласия на то правообладателя [4]. Что касается незарегистрированного промышленного образца, то Регламент закрепляет за правообладателем право использовать образец и предотвращать использование на основе копирования.

Таким образом, режим охраны незарегистрированного промышленного образца является новым институтом. Несмотря на то, что правоприменительная практика ЕС и стран-участниц по применению незарегистрированного промышленного образца пока еще недостаточно велика, на этом пути сделаны первые шаги, положительно зарекомендовавшие указанный институт в сфере охраны дизайна одежды. Но остается много неразрешенных вопросов, решения по которым в конечном итоге определяют судьбу права на незарегистрированный промышленный образец.

Оценки ученых по данному вопросу различны. Большинство исследователей сходятся во мнении, что незарегистрированный промышленный образец внесен в законодательство сравнительно недавно, что не позволяет делать какие-либо определенные выводы о неэффективности или неработоспособности незарегистрированного промышленного образца. Однако ученые и практики в целом положительно оценивают систему правовой охраны промышленного образца, предоставляющую правообладателю широкие возможности при охране товаров с коротким жизненным циклом [10, с. 179].

Введение института незарегистрированного промышленного образца является, на наш взгляд, положительным опытом, как для ЕС, так и для многих стран мира, где дизайн одежды не охраняется авторским правом, а получение охраны в рамках промышленного образца с прохождением процедуры регистрации носит продолжительный характер.

Проанализированный опыт ЕС может быть полезен для Республики Беларусь, где существует проверочная система выдачи патента на промышленный образец, с продолжительной охраной, что в свою очередь не позволяет правообладателям прибегать к ее услугам при охране дизайна. Авторское право, несмотря на отсутствие необходимости соблюдения формальностей также не является эффективным правовым институтом, так как в силу ориентированности на охрану традиционных результатов не обладает механизмом, позволяющим противостоять созданию дизайна с похожим общим впечатлением, для охраны дизайна одежды, что делает его эффективным только при создании достаточно оригинальных работ. В целом возможность предоставления дизайну одежды охраны без регистрации представляется перспективной, так как позволит избежать затянутости процедуры регистрации и финансовых затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов, Э.П. Патент на промышленный образец: сфера действия / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2009. – № 1. – С. 17–25.
2. Койтель, А.Б. Х.Х. Правовые вопросы внешнего оформления промышленных изделий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Койтель. – Тарту, 1970. – 143 с.
3. Гришаева, Т.А. Мода как феномен современной культуры : дис. ... канд. фил. наук : 24.00.01 / Т.А. Гришаева. – Ростов н/Д, 2008. – 125 с.
4. Регламент Совета ЕС № 6/2002 от 12.12.2001 г. «О промышленных образцах Сообщества» (Принят в г. Брюсселе 12.12.2001) (с изм. и доп. от 18.12.2006) [Электронный ресурс] // World Organization of Intellectual Property (WIPO). – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=6414>. – Дата доступа: 21.04.2018.
5. Орленко, Л.В. Терминологический словарь одежды / Л.В. Орленко. – М. : Мгпромбытгиздат, 1996. – 174 с.
6. Алексеева, О.Л. Совершенствование российского законодательства о промышленных образцах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.Л. Алексеева. – М., 2005. – 211 с.
7. Аброзе, Е.А. Индустрия моды в условиях глобализации культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Е.А. Аброзе. – СПб., 2006. – 168 с.
8. Гофман, А.Б. Мода и люди / А.Б. Гофман. – М., 1992. – 160 с.
9. Аксенова, В.Ю. Эволюция патентного права Российской империи и его соотношение с международной охраной произведений конца XIX века / В.Ю. Аксенова. – М. : ИНИЦ Роспатента, 2003. – 94 с.
10. Павлова, Е.А. Авторское право на произведения изобразительного искусства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.А. Павлова. – М., 1984. – 203 с.

УДК 34.096

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ДИЗАЙНА ОДЕЖДЫ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Е.А. НЕСТЕРЕНКО***(Представлено: ст. преп. К.Д. САВИЦКАЯ)*

Рассматривается необходимость в ведении в ведении специального режима охраны дизайна одежды, учитывающего как особенности объекты, так и недостатки традиционных институтов авторского и патентного права при охране одежды. Внесено предложение по введению в законодательство Республики Беларусь института незарегистрированного промышленного образца.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает предоставление правовой охраны дизайна одежды в рамках авторского права либо в рамках патентного права. Основываясь на тенденциях мировой практики, следует сделать вывод, что для совершенствования охраны дизайна одежды в законодательстве Республики Беларусь необходимо ввести специальный режим охраны дизайна одежды. Такой режим должен учитывать, как особенности объекта, так и недостатки традиционных институтов авторского и патентного права.

В авторском праве к таким недостаткам относится узкий объем правовой охраны, который позволяет запрещать воспроизведение произведения только при непосредственном копировании. Доказывание нарушения права автора при создании схожего общего впечатления представляет существенные сложности, поскольку механизм охраны сосредоточен на анализе творческого вклада автора, а не на сопоставлении спорных результатов. Также стоит отметить, что авторское право не охраняет результаты интеллектуальной деятельности, создание которых возможно при параллельном творчестве. Такая охрана противоречит сущности авторского права. Для дизайна вообще и дизайна одежды в частности вероятность самостоятельного создания аналогичных решений внешнего вида разными авторами полностью исключать нельзя. Это связано с множеством особенностей, которые должен учесть дизайнер, – функциональность изделия, модные тенденции, санитарно-эпидемиологические требования, потребности потребителей и прочее. Если будет доказано независимое создание дизайна разными авторами, охрана авторским правом исключается, так как правообладатель лишен возможности запрещать использование образца другому лицу, если такое лицо докажет, что аналогичный дизайн создан им самостоятельно в результате независимой творческой деятельности.

Патентно-правовая охрана служит эффективным механизмом для охраны дизайна одежды. Именно этот режим охраны обладает методикой противодействия скрытому копированию (имитации), позволяя установить нарушение при сходстве общего впечатления с точки зрения информированного потребителя, а также разрешает вопрос параллельного творчества. Однако основным недостатком, делающим нецелесообразным применение указанного режима для охраны дизайна изделий с коротким жизненным циклом, таких как одежда, – соблюдение формальностей для получения охраны, продолжительность процесса регистрации, а также финансовые затраты на регистрацию. Нецелесообразно говорить о затратах, когда речь идет о регистрации в качестве промышленного образца одной модели, но когда речь идет об охране целой коллекции, стоимость существенно возрастает.

Внесение изменений, направленных на устранение перечисленных недостатков в исторически сложившиеся институты авторского и патентного права на данном этапе развития правовой науки невозможно, поскольку это не соответствует потребностям правообладателей при охране других результатов интеллектуальной деятельности. Наиболее приемлемым вариантом решения проблемы является введение нового режима, исходящего напрямую из потребностей изготовителей изделий, дизайн которых быстро теряет актуальность у потребителей как дизайн одежды. Представляется верным ввести специальную правовую охрану – право на незарегистрированный промышленный образец. Стоит отметить, что незарегистрированный промышленный образец, как будет показано ниже, имеет больше сходных черт, чем отличий, с традиционным промышленным образцом.

В качестве цели введения незарегистрированного промышленного образца следует назвать оперативное предоставление эффективной охраны, что критически важно для изделий с коротким жизненным циклом. Предлагаемый режим правовой охраны должен предоставлять возможность правообладателю противостоять как копированию, так и имитации. Режим охраны предлагаемого института аналогичен режиму патентной охраны промышленного образца, но должен отличаться отсутствием процедуры регистрации и непродолжительным периодом охраны. Короткий срок охраны соответствует потребностям правообладателя, а также является определенным следствием отсутствия формальностей. За основу

предлагаемого института представляется возможным взять незарегистрированный промышленный образец ЕС.

Рассмотрим предлагаемый режим охраны дизайна более подробно. Объектом охраны незарегистрированного промышленного образца выступает решение внешнего вида изделия или, иными словами, его дизайн. Технические признаки в качестве промышленного образца не охраняются, охрану получают только эстетические признаки, нашедшие отражение во внешнем виде изделия. Основная задача института незарегистрированного промышленного образца – предоставить охрану дизайну изделий с коротким жизненным циклом. Однако применение данного института возможно к более широкому кругу изделий, чем одежда и сопутствующие товары, – обувь, головные уборы, аксессуары. К товарам с коротким жизненным циклом могут быть отнесены, например, мобильные телефоны [1, с. 300].

Ограничение круга изделий не представляется возможным в связи с тем, что выработка точных критериев того, что следует понимать под «коротким жизненным циклом», довольно сложна, поскольку нужно предусмотреть цикличность смены дизайна, а также период времени, за который происходит смена дизайна, как в сфере одежды. Данной позиции придерживались и разработчики Регламента ЕС, который не содержит специальных требований к объекту охраны незарегистрированного промышленного образца. Объект охраны незарегистрированного и требующего регистрации промышленного образца ЕС – «внешний вид всего изделия или его части, являющийся результатом особенностей изделия, в частности линий, контуров, цветов, формы, текстуры и/или материалов самого изделия и/или его украшения» (ст. 3 Регламента ЕС) [2]. Таким образом, под предлагаемым незарегистрированным промышленным образцом, как и под промышленным образцом, подлежащим охране на основании регистрации, следует понимать решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства. Незарегистрированный промышленный образец должен отвечать тем же условиям охраноспособности, которые предусмотрены для промышленного образца в ст. 1000 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3] и в ст. 4 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» [4].

Поскольку предлагаемый режим незарегистрированного промышленного образца должен обеспечить оперативность возникновения предоставляемой охраны, такое требование исключает соблюдение любых формальностей, например, таких как проведение экспертизы на соответствие новизне и оригинальности. Обязанность подтверждения данных условий следует возложить на правообладателя при его обращении в суд. Как мы указывали выше, охрана должна возникать с даты введения в гражданский оборот изделия с воплощенным в нем незарегистрированным промышленным образцом на территории Республики Беларусь. При этом под введением в гражданский оборот следует понимать не только продажу, но и экспонирование на выставке, опубликование с помощью средств массовой информации.

При возникновении спора правообладатель предлагаемого незарегистрированного промышленного образца должен представить документы, подтверждающие введение изделия с воплощенным в нем промышленным образцом в гражданский оборот. Следует указать, что в таких документах должна быть предусмотрена фиксация незарегистрированного промышленного образца в виде изображения изделия. Данное требование к документам имеет целью установить объем правовой охраны. Представляется, что требования к перечню таких документов будут установлены правоприменительной практикой. Если документ не будет содержать изображения изделия, вероятно, он не будет рассмотрен судом в доказательство возникновения охраны и принадлежности права конкретному лицу, а в защите права будет отказано [5, с. 89].

Таким образом, следует обобщить, что исключительное право на незарегистрированный промышленный образец будет предоставлено на основании документов, подтверждающих введение незарегистрированного промышленного образца в гражданский оборот, в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащегося в представленном документе.

Таким образом, данное решение законодателя ЕС представляется оправданным, поскольку основная цель незарегистрированного промышленного образца – оперативное предоставление правовой охраны, а возложение на правообладателя обязанности доказывать новизну и оригинальность может исключить все предусмотренные преимущества, существенно затруднить применение предлагаемого института. Такая обязанность может возникнуть у правообладателя при предъявлении требования о недействительности промышленного образца как в виде встречного иска в рамках рассмотрения спора о нарушении права на незарегистрированный промышленный образец, так и в виде требования в самостоятельном споре.

В рамках традиционного института промышленного образца правообладателю предоставлена льгота по новизне, заявка на регистрацию промышленного образца может быть подана в течение 12 месяцев с даты введения изделия с воплощенным в нем решением внешнего вида в гражданский оборот. Таким образом, при введении в законодательство предлагаемого незарегистрированного промышленного образца правообладатель получит возможность выбрать подходящий режим правовой охраны в течение 12 месяцев с даты введения изделия с воплощенным в нем промышленным образцом в гражданский обо-

рот. Если за указанный срок (12 месяцев) правообладатель выявит экономическую необходимость в более продолжительной охране, он имеет возможность подать заявку в ведомство и получить патент на промышленный образец. Если потребности в регистрации не возникнет, правовая охрана предлагаемого незарегистрированного промышленного образца будет прекращена по истечении трех лет. В случае регистрации предлагаемое право на незарегистрированный промышленный образец будет существовать непродолжительное время параллельно с правом на традиционный промышленный образец. Однако необходимость в его применении отпадает, поскольку традиционный промышленный образец позволяет значительно проще отстаивать права в случае нарушения.

Так, предлагаемый незарегистрированный промышленный образец следует признать новым, если совокупность существенных признаков внешнего вида изделия неизвестна из сведений, ставших общедоступными в мире до даты введения изделия с использованным в нем незарегистрированным промышленным образцом в гражданский оборот в определенной области, к которой относится данное изделие. Незарегистрированный промышленный образец признается оригинальным, если он создан в результате самостоятельной творческой деятельности автора, в частности, если из сведений, ставших общедоступными в мире до даты введения в гражданский оборот незарегистрированного промышленного образца, неизвестно решение внешнего вида изделия сходного назначения, производящее на информированного потребителя такое же общее впечатление, какое производит незарегистрированный промышленный образец, нашедший отражение на изображениях внешнего вида изделия.

Условия получения правовой охраны для незарегистрированного промышленного образца не имеют существенных отличий от условий патентоспособности регистрируемого (традиционного) промышленного образца. Вместо даты приоритета, которая устанавливается патентным ведомством, применяется дата введения в гражданский оборот, которая служит отправной точкой в процессе определения соответствия условиям новизны и оригинальности. Представление документов, подтверждающих возникновение охраны, – обязанность правообладателя. В случае спора о несоответствии незарегистрированного промышленного образца новизне и оригинальности правообладатель должен будет представить соответствующие доказательства, в этом случае заключение специалиста в данной области. Заинтересованное лицо также должно будет представить обоснование своих требований доказательства, опровергающие новизну и оригинальность, – наличие аналога с более ранней датой приоритета или введения в гражданский оборот. Но наиболее оптимальным доказательством будет судебная экспертиза. По результатам рассмотрения всех представленных доказательств будет вынесено решение.

Особого внимания требует разработка механизма возникновения исключительного права на незарегистрированный промышленный образец.

Предлагаемый режим в целом отличается и от патентного права (где дата приоритета устанавливается патентным органом), и от авторского права (охрана возникает с момента выражения произведения в объектной форме), поэтому следует использовать иной вариант возникновения права.

Возникновение права на незарегистрированный промышленный образец следует предусмотреть со дня первого использования образца, под которым подразумевается дата введения в гражданский оборот в Республике Беларусь. Дата введения в гражданский оборот, с одной стороны, предусматривает определенного рода фиксацию указанной даты, а с другой стороны, от правообладателя не требуется никаких усилий и финансовых затрат. Сбор подобного рода документов является естественным действием для добросовестных хозяйствующих субъектов.

При разработке режима правовой охраны товаров с коротким жизненным циклом особое внимание следует обратить на срок предоставления охраны в рамках данного института. На наш взгляд, подходящий срок охраны – три года. Такая продолжительность охраны наиболее соответствует потребностям товара с коротким жизненным циклом, таким как исследуемый нами дизайн одежды. Проведенные исследования показывают непродолжительную потребность в охране – до полугода [6, с. 230]. Срок в три года применяется в законодательстве ЕС, такая продолжительность охраны связана со средним сроком актуальности дизайна товаров с коротким жизненным циклом, поскольку к таким товарам относится не только одежда. Предоставление более продолжительного срока будет не просто излишним, а станет препятствием для развития отрасли, занимающейся разработкой дизайна одежды.

В сфере дизайна одежды принято возвращаться к ранее актуальным тенденциям и разработкам, использовать результаты интеллектуальной деятельности предшественников с внесением новых элементов или новое и оригинальное сочетание ранее созданных элементов дизайна одежды, что позволяет отрасли развиваться. Препятствие в виде исключительных прав предшественников заставит дизайнеров получать соответствующие разрешения правообладателя, что существенным образом усложнит процесс использования нового дизайна, а также увеличит издержки производителя. Такая ситуация в целом не может способствовать развитию отрасли. Если у дизайнера есть основания полагать, что дизайн одежды будет востребован более трех лет, законодательством предусмотрена возможность регистрации такого дизайна в качестве промышленного образца.

В завершение рассмотрения предлагаемого режима правовой охраны незарегистрированного промышленного образца следует отметить, что к основным предполагаемым недостаткам можно отнести судебные разбирательства, связанные как с установлением факта нарушения права на промышленный образец, так и со столкновением прав на аналогичный дизайн. В данном случае указанные риски естественны и связаны с отсутствием регистрации. Если разработчик хочет минимизировать указанные риски, следует обращаться к традиционному институту промышленного образца.

Подводя итог, следует указать, что режим правовой охраны дизайна представляет собой компромиссный вариант охраны между авторским и патентным правом. Он включает черты как авторского права (а именно отсутствие требований к регистрации дизайна), так и патентного права, от которого заимствованы требования к объекту, а также более широкий объем охраны. Однако по большей части введение незарегистрированного промышленного образца призвано исключить такую негативную черту традиционного режима охраны промышленного образца, как регистрация, поскольку, как указывалось выше, традиционный институт промышленного образца отвечает всем характеристикам эффективной охраны – как объему прав, так и механизму выявления нарушений. Поэтому к незарегистрированному промышленному образцу подлежат применению нормы о промышленном образце, не противоречащие сущности незарегистрированного промышленного образца.

На наш взгляд, незарегистрированный промышленный образец будет иметь практическую пользу при охране дизайна товаров широкого круга, отличающихся непродолжительной востребованностью на рынке, а не только для дизайна одежды. К подобным объектам можно отнести дизайн украшений, аксессуаров, мебели и др. Предлагаемый режим охраны позволит предоставить правообладателю на непродолжительный срок эффективный инструмент.

Предложенный режим охраны дизайна имеет следующие характерные черты:

1. Исключительное право на незарегистрированный промышленный образец возникает с даты введения в гражданский оборот на территории Республики Беларусь изделия с воплощенным в нем незарегистрированным промышленным образцом.

2. Дизайн должен соответствовать условиям новизны и оригинальности.

3. Исключительное право на незарегистрированный промышленный образец носит ограниченный характер, так как правообладатель лишен возможности запрещать использование образца другому лицу, если такое лицо докажет, что аналогичный дизайн создан им самостоятельно в результате независимой творческой деятельности.

4. Исключительное право на незарегистрированный промышленный образец предоставляет охрану от таких видов использования, когда существенные признаки решения внешнего вида спорного изделия оказывают на информированного потребителя такое же общее впечатление, что и охраняемый промышленный образец [7, с. 10].

На основании изложенного предлагается ввести в законодательство новый режим правовой охраны под названием «незарегистрированный промышленный образец», который следует отнести к объектам особого рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинец, И.А. Право интеллектуальной собственности : учебник / И.А. Блинец, Э.П. Гаврилов, О.В. Добрынин. – М. : Проспект, 2011. – 842 с.
2. Регламент Совета ЕС № 6/2002 от 12.12.2001 г. «О промышленных образцах Сообщества» (Принят в г. Брюсселе 12.12.2001) (с изм. и доп. от 18.12.2006) [Электронный ресурс] / World Organization of Intellectual Property (WIPO). – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=6414>. – Дата доступа: 21.04.2018.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 343-3 [Электронный ресурс] // Эталон 6.6 – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы : Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002г. №160-3 [Электронный ресурс] // Эталон 6.6 – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Ермилова, Д.Ю. История домов моды : учеб. пособие для высших учебных заведений / Д.Ю. Ермилова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 268 с.
6. Латынова, С.В. Управление жизненным циклом модного продукта: на примере модной одежды : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / С.В. Латынова. – М., 2011. – 282 с.
7. Джермакян, В.Ю. Промышленный образец, гражданский кодекс и административный регламент Роспатента / В.Ю. Джермакян // Патенты и лицензии. – 2009. – № 3. – С. 4–10.

УДК

**ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ****А.А. АВДЕЙЧИК****(Представлено: В.А. БОГОНЕНКО)**

Анализируется характер гражданско-правовых отношений в сети Интернет. Рассматривается действующее законодательство Республики Беларусь, которое регулирует гражданско-правовые отношения, возникающие в глобальной сети Интернет. Производится анализ развития общества и вместе с тем вступление в гражданские правоотношения посредством сравнительно нового информационного ресурса – сети Интернет. Также отмечается, что отсутствие комплексного и эффективного правового регулирования отношений, складывающихся посредством сети Интернет, обуславливает применение в некоторых случаях гражданско-правовых принципов с целью защиты прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений, складывающихся посредством сети Интернет.

Интернет в наше время является неотъемлемой частью жизни людей. Большое количество людей даже приспособились к совершению покупок посредством популярного информационного ресурса – Интернета. Для развития электронной коммерции в Интернете есть немало преимуществ: потребитель может найти абсолютно любой товар, заказать всевозможные работы или услуги. Главным преимуществом сети Интернет является скорость, но оно может привести к тому, что все большее количество сделок совершается удаленно, то есть с помощью сети Интернет. Продавцу и Покупателю использование интернета весьма выгодно. Во-первых, торговля посредством сети Интернет может значительно сократить расходы продавца, так как не будет необходимости в аренде помещения или какого-либо оборудования, что позволяет сократить расходы на оплату труда. Во-вторых, продавцы, снизив свои затраты, могут установить наиболее привлекательные цены для покупателей и занять лидирующие позиции на рынке.

Однако право в сфере виртуальной реальности находится только на стадии своего развития. Даже, например, законодательная регламентация того же самого электронного оборота значительно отстает от практики его использования, что создает как теоретические, так и практические проблемы, нуждающиеся в серьезном научном обосновании. В Республике Беларусь (далее - РБ) принят Закон № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в РБ» от 08.01.2014 г., в котором статья 19 посвящена Электронной торговле, а конкретно требованиям к осуществлению торговли с использованием сети Интернет. Согласно пункту 8 статьи 1 Закона РБ № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в РБ» от 08.01.2014, Интернет-магазин – информационный ресурс субъекта торговли в глобальной компьютерной сети Интернет (далее – сеть Интернет), позволяющий осуществить заказ на приобретение или выбор и приобретение товаров без (вне) торгового объекта. А в соответствии с пунктами 3,4 статьи 19 Закона РБ № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в РБ» от 08.01.2014 Субъект торговли вправе осуществлять розничную торговлю с использованием сети Интернет только через интернет-магазины, зарегистрированные в Торговом реестре, и с использованием доменного имени, право на администрирование которого получено субъектом торговли в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь а также вправе использовать иные информационные ресурсы сети Интернет для размещения информации о продаже товаров при наличии в этой информации адресации (гиперссылки) на зарегистрированный субъектом торговли в Торговом реестре интернет-магазин. Изучая отношения в сети Интернет, можно выделить такие недостатки:

1. Сложность идентификации участников отношений в сети Интернет;
2. Неопределенность местоположения сторон, что обуславливает возможные проблемы с применимым правом.

Интернет допускает возможность получения доступа к имеющимся в нем информационным ресурсам анонимно или под псевдонимом (своим не настоящим именем) [2, с. 232]. Анонимность и является причиной сложности идентификации субъектов, так как субъект может указать свое настоящее имя или псевдоним, но достаточно сложно проверить не только его подлинность, но и тот факт совершаются ли данные действия одним лицом или же под одним лицом совершают действия сразу несколько лиц, личности которых идентифицировать почти невозможно. Но в большинстве случаев для того чтобы заключить сделку человеку нужно указать свои личные данные (имя, псевдоним, адрес электронный почты). Правосубъектность как юридическое качество предполагает наличие у себя двух обязательных элементов:

1. Дееспособность – это способность лично, своими действиями приобретать субъективные права и обязанности, осуществлять их или же отказаться от них (в соответствии с пунктом 1 статьи 20 Гражданского Кодекса РБ от 7.03.1998 №218-3, Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста) [5, с. 214]; разновидностями дееспособности являются сделкоспособность и деликтоспособность. Сделкоспособность – способность лица вступать в гражданско-правовые сделки, приобретать соответствующие права и нести обязанности. Деликтоспособность – способность лица понимать противоправность своего поведения и осознанно претерпевать меры юридической ответственности за совершенное правонарушение;

2. Правоспособность – это признаваемая нормами права способность лица иметь субъективные юридические права и обязанности [1, с. 74].

Но с другой стороны сделку в Интернете может совершить и ребенок, который не имеет по факту, необходимой для заключения дееспособности. Поэтому очень важно установить, кто же является субъектом сделки и обладает ли он сделкоспособностью.

Следующим недостатком является сложность определения места заключения сделки, так человек может разместить оферту не только в пределах государства, гражданином которого он является, но и на сервере, расположенном в другой точке мира, подключенной к сети Интернет. Что касается непосредственно проблемы определения права, то сложность применения права к деятельности в сети состоит в том, что субъект, осуществляющий коммерческую деятельность в Интернете может не иметь ни торгового помещения, ни склада, ни персонала и единственными идентифицирующими его данными будут выступать адрес интернет сайта и веб-сервера.

Единственным возможным признаком, идентифицирующего участника гражданско-правовых отношений в сети Интернет, выступает электронный адрес интернет-сайта, который использовался при заключении сделки. Но даже этот признак содержит некоторые особенности, одной из которых является место нахождения сервера. Так как владелец сайта может сделать, как и обдуманый выбор страны с наиболее благоприятным законодательством, так и имеет возможность неоднократной или же постоянной смены сервера, на котором и находится соответствующий сайт в Интернете [6].

Учитывая вышеизложенные аспекты гражданско-правовых отношений, правовое регулирование гражданско-правовых отношений в сети Интернет считается необходимым, так как Интернет не стоит на месте и с каждым днем лиц, которые вступают в сделки при помощи данного информационного ресурса, растет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособие для вузов : в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск : Бел. наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.
2. Иванский, В.П. Правовая защита информации о частной жизни граждан. Опыт современного правового регулирования : монография / В.П. Иванский. – М. : РУДН, 1999. – С. 209–252.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. №218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : с последними изменениями от 17.07.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. – 2018.
4. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2016 г. № 397-З Принят Палатой представителей 16 декабря 2013 года Одобрен Советом Республики 19 декабря 2013 года (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 16.07.2016, 2/2395). – 2018.
5. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 1. – 844 с.
6. Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-problemy-zaklyucheniya-grazhdansko-pravovyh-sdelok-v-seti-internet>. – Дата доступа: 22.09.2018.

УДК

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**А.А. АВДЕЙЧИК****(Представлено: В.А. БОГОНЕНКО)**

Анализируется характер гражданско-правовых отношений в сети Интернет. Рассматривается действующее законодательство Республики Беларусь, которое регулирует гражданско-правовые отношения, возникающие в глобальной сети Интернет. Производится анализ развития общества и вместе с тем вступление в гражданские правоотношения посредством сравнительно нового информационного ресурса – сети Интернет. Также отмечается, что отсутствие комплексного и эффективного правового регулирования отношений, складывающихся посредством сети Интернет, обуславливает применение в некоторых случаях гражданско-правовых принципов с целью защиты прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений, складывающихся посредством сети Интернет. Также в данной статье классифицируются группы гражданские правоотношения в сети Интернет.

По мнению большинства исследователей, Интернет имеет двойную сущность, – техническую и социальную. В одной из первых системных работ, посвященных теоретическому осмыслению Интернета с точки зрения правовой науки, автором которой является Д. В. Грибанов, указывается о единстве социальной и технической сторон киберпространства как совокупности информационных отношений, а также о необходимости дополнения существующего правового регулирования положениями с учетом особенностей информационных отношений. И. М. Рассолов, исходя из уже упомянутой двойственности, приходит к выводу, что киберпространство – это «сфера социальной деятельности, связанная с оборотом информации во Всемирной информационной паутине, а также в других информационно-коммуникационных сетях».

Иного мнения придерживается Т. Н. Скорикова, указывая, что «при формировании предмета регулирования информационного права следует исходить из главного объекта его регулирования – информации, а предметом регулирования телекоммуникационного права должны быть сами телекоммуникационные системы как технологические совокупности радиоэлектронных средств и оказание услуг на предпринимательском и потребительском уровнях». Однако указанная трактовка искусственно «отделяет неотделимое» – информацию от носителя, что является необоснованным как с технологической, так и правовой точек зрения. Особенно отчетливо это проявляется в киберпространстве, где без технологической основы (инфраструктуры) информационные отношения не могли бы возникнуть и реализоваться [6].

Вышеупомянутый исследователь в сфере информационного и телекоммуникационного права Ю. В. Волков поднимает актуальные вопросы о предмете и сфере возникновения и реализации информационных правоотношений, в том числе о классификации отношений на основе информационных, социальных сетей. Этот аспект непосредственно связан с поставленной в нашем исследовании задачей дать характеристику транснациональным информационным правоотношениям в киберпространстве.

По нашему мнению, всю совокупность гражданских правоотношений в сети Интернет, можно свести к следующим основным видам, имеющим свой специфический предмет:

1. Правоотношения, реализуемые в связи с использованием Интернета (между потребителями-пользователями и поставщиками услуг доступа, телекоммуникационных и информационных сервисов, информационных продуктов и пр.);

2. Частные правоотношения имущественного (электронные платежи – платежные поручения, которые может увидеть в электронном варианте в Интернете) и нематериального характера (межличностная коммуникация), осуществляемые через Интернет, в том числе в социальных сетях; система безналичных расчетов по розничным платежам обеспечивает проведение безналичных расчетов с использованием для осуществления розничных платежей расчетных документов, банковских платежных карточек и иных платежных инструментов, средств платежа, систем дистанционного банковского обслуживания (интернет-банкинг, мобильный банкинг, SMS-банкинг и др.), которую регламентирует статья 202 Гражданского Кодекса РБ. Проведение расчетов в безналичной форме в виде банковского перевода на основании платежных инструкций;

3. Публичные правоотношения, связанные с предоставлением административных (управленческих) услуг между государством и частными лицами (электронное управление и др.) и выполнением государствами своих правоохранительных функций (ответственность за правонарушения в Интернете);

4. Публичные правоотношения, связанные с управлением Интернетом в широком понимании;

Первые три вида правоотношений реализуются в киберпространстве и регулируются национальным правом и международным частным правом, то последний из указанных видов правоотношений носит смешанный (гибридный) характер и осуществляется как в виртуальной среде, так и вне киберпространства [2, с. 228]. Это связано с тем фактом, что в правоотношениях по управлению Интернетом принимают участие, как субъекты международного частного права (физические и юридические лица национального права, а также транснациональные корпорации), так и международного публичного права (международные организации) [6].

Упомянутая особенность позволяет предположить о формировании транснационального информационного права (международного права Интернета), основу которому составят правовые нормы, разработанные принятые в ходе многостороннего сотрудничества между указанными субъектами при участии всех заинтересованных сторон в формате всемирных форумов. Показательным примером формирования транснационального права Интернета является Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 – Тунис, 2005; Женева, 2015) и действующий в промежутках ежегодный Форум по управлению Интернетом (IGF).

ЛИТЕРАТУРА

1. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособие для вузов : в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск : Бел. наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.
2. Иванский, В.П. Правовая защита информации о частной жизни граждан. Опыт современного правового регулирования: монография / В. П. Иванский. – М. : РУДН, 1999. – С. 209–252.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. №218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : с последними изменениями от 17.07.2018 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. – 2018.
4. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2016 г. № 397-3 Принят Палатой представителей 16 декабря 2013 года Одобрен Советом Республики 19 декабря 2013 года (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 16.07.2016, 2/2395). – 2018.
5. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 1. – 844 с.
6. Доклад Рабочей группы по управлению Интернетом [Электронный ресурс] // Шато де Босси, 2005. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/ict/wgig_report.pdf. – Дата доступа: 23.09.2018.

УДК 342

**ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ КОРПОРАЦИИ И КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОРПОРАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС****Е.С. ДЕДУШКЕВИЧ****(Предоставлено: ст. преподаватель Т.В. СЕМЕНОВА)**

Рассмотрена история становления, природы, характера и особенностей института корпорации. Обоснована проблема отсутствия в законодательстве стран – членов ЕАЭС единого определения термина «корпорация». Изучены различные подходы касательно субъектного состава корпораций, а также выявлена проблема недостаточности правового регулирования законодательства связанного с вопросами рассмотрения корпоративных споров.

На протяжении истории корпорации, как организационно-правовая форма юридического лица эволюционировали: видоизменялись, преобразовывались, существовали в различных правовых формах, образовывали новые виды и т.п. Усиленное развитие корпоративных правоотношений начинается в X–XI веке. Особое место в развитии корпоративного права и корпораций как гражданских правоотношений внесли страны, находящиеся за пределами Европы. Главенствующее положение среди них занимает США. Фактически именно на базе корпораций, которые обладали высоким статусом автономии, возникают сначала колониальные поселения, потом города, затем и целые независимые штаты.

Основными документами, регулирующими деятельность компаний, были устав и немногочисленные внутренние акты. Однако на государственном уровне деятельность компаний была практически не урегулирована [1].

В конце XX – начале XIX вв. в Англии, Франции, Германии, Голландии и США начали выделяться общие подходы к правовому регулированию создания, деятельности и ликвидации корпораций. В Европе под действием директив Европейского союза в период с 1968 по 2005 г. происходит сближение подходов к правовому регулированию деятельности корпораций и корпоративных отношений [2]. В настоящих правовых реалиях в отечественном законодательстве постоянно совершенствуется правовое регулирование корпоративных правоотношений.

Следует отметить, что зарубежные правовые доктрины и судебная практика (по корпоративным спорам) не обладают единством в определении понятия «корпорация», что вызывает сложности в определении понятия корпорации для целей гармонизации и унификации законодательства, как на международном, так и на региональном уровне.

Рассматривая институт корпорации в историческом срезе от средневековья до нашего времени, можно сделать ряд выводов:

1. В различных правовых системах корпорации складывались, как похожие формы объединения лиц и капиталов.
2. Название «корпорация» в структурных обозначениях юридического лица носило разный смысл.
3. Корпорации регистрировались в тех юрисдикциях, где были наиболее благоприятные условия, при этом их основная деятельность могла происходить в других юрисдикциях. Этим объясняется проблема регулирования трансграничной деятельности корпораций, с которой столкнулось мировое сообщество.
4. Проблемы, связанные со злоупотреблением права членами корпораций, коснулись государств Европы и США и связаны не столько с несовершенством законодательства отдельных государств, сколько с особенностями заполнения пробелов в праве путем изъявления воли членами корпорации, выражающейся в принятии корпоративных норм и установлении международных обычаев ведения бизнеса.
5. Единство правового регулирования корпоративных правоотношений в США и Европе по всем вопросам не достигнуто. В США, как и в странах Европейского союза (далее – ЕС), до сих пор не завершены процессы гармонизации и унификации права, национальные правовые системы ЕС, некоторые штаты США по-прежнему имеют много особенностей в правовом регулировании создания, деятельности и ликвидации корпораций.

Общим для европейского законодательства является следующее: использование понятия «корпорация» как обобщение коллективных форм коммерческой деятельности при отсутствии или присутствии легальных определений термина «корпорация» в гражданском и (или) предпринимательском законодательстве. Таким образом, современное легальное закрепление и доктринальное понимание в рамках различных правовых систем не отличаются однозначностью подходов [3].

Рассматриваемый субъект обозначенных правоотношений (корпорация) до сих пор не присутствует в законодательстве Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан и Респуб-

лики Беларусь. В подзаконных правовых актах Республики Беларусь можно встретить категории «корпоративный рынок ценных бумаг» [4] «корпоративная сеть электронного обмена информацией» [5] и даже косвенное признание такого субъекта правоотношений, как «головная корпорация» [6].

Таким образом, в нормативных правовых актах Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан и Республики Беларусь категория «корпорация» присутствует лишь косвенно, редкими вкраплениями. Ключевым минусом такого упоминания категории «корпорация» и связанных с этим понятием других категорий является отсутствие дефиниции «корпорация» в гражданском законодательстве этих стран. Наиболее развитым законодательством о корпоративных правоотношениях среди государств – членов Союза является законодательство России [7].

Существует большое количество доводов ученых, обзоров судебной практики, которые свидетельствуют о несогласованности отражения правовых норм, регулирующих создание, деятельность, реорганизацию и ликвидацию корпораций в материальном и процессуальном праве, что явным образом нарушает неразрывную связь взаимодействия этих отраслей права, неразрывную связь содержания (материального) и формы (процессуального) в их философском понимании [8].

Следует отметить, то мнение ученых касательно субъектного состава организационно-правовых форм юридического лица, входящих в состав вида юридического лица – корпорации так же разделились. Некоторые исследователи в области корпоративного права относят к корпорациям хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации граждан, ассоциации и союзы, тем самым, очень расширяя этот перечень. Другие же, основывая свои доводы тем, что в полном товариществе сохраняется достаточная правовая связь с участниками, которая не позволяет признать за полным товариществом права самостоятельного субъекта, то есть не признавать их юридическими лицами, а наименовать усеченными юридическими лицами [9].

Касательно командитного товарищества (товариществе на вере) – также соединение лиц – наряду с полными товарищами, отвечающими всем своим имуществом, есть командитисты, отвечающие лишь определенным вкладом и не участвующие в общих делах товарищества. Другими словами, в таком товариществе наблюдается обособленность участников от самого предпринимательского объединения [10]. Таким образом, некоторые организационно-правовые формы юридического лица к корпорациям мы отнести не можем, за неимением признаков присущих такому виду юридического лица как корпорация.

Большинство исследователей приходят к выводу о том, что хозяйственные общества, хозяйственные партнерства – это единственные коммерческие организации, которые полностью входят в объем понятия корпорация, поскольку они обладают рядом специфических признаков, которые в полном объеме невозможно применить к другим юридическим лицам. К таким признакам можно отнести:

а) строгое фиксированное членство участников. Корпорация представляет собой добровольное объединение физических лиц и (или) юридических лиц, организованное на началах членства и участников. Членом корпорации является то лицо, которое оформило (зафиксировало) в установленном законом порядке свое членство в корпорации. Главенствующую роль здесь играет принцип членства, который является основным признаком, отличающим организацию корпоративного типа от других лиц;

б) построение на началах самоуправления. Корпорация является самоуправляемой организацией. Для управления в корпорации создаются специальные органы, их количество зависит от размера самой корпорации;

в) имущественная обособленность корпорации. Это предполагает наличие у нее имущества на праве собственности, что обеспечивает возможность самостоятельного участия в гражданском (имущественном) обороте. Принадлежащее корпорации имущество складывается из имущественного вклада участника корпорации, внесенного в уставной капитал, а также из имущества, приобретенного корпорацией в процессе ее деятельности.

г) отсутствие субсидиарной ответственности участника корпорации перед кредиторами самой корпорации в случае недостаточности у корпорации собственного имущества для удовлетворения требований ее кредиторов [11]. Однако, такой признак, как наличие статуса юридического лица, в литературе носит спорный характер в силу возможности существования корпораций, образуемых в явочном порядке.

К основным же критериям, отличающим корпорацию от организаций некорпоративного типа, относятся:

а) принцип членства участников;

б) формирование имущества корпорации за счет вкладов (взносов) учредителей (участников) [12].

При этом исходя из анализа такого вида корпораций, как предпринимательские (коммерческие) корпорации в зарубежном праве, можно сделать вывод о том, что к ключевым признакам такого вида корпорации относится и признак: отсутствие субсидиарной ответственности участника корпорации перед кредиторами самой корпорации [7].

Мы придерживаемся позиции ученых, которые говорят о том, что корпорацию можно определить как зарегистрированную в законном порядке организацию, основанную на членстве ее учредителей (участников), формирующих имущество корпорации за счет внесения соответствующих вкладов (взносов), получивших возможность управлять ее делами в порядке и форме, установленной законодательством и учредительными документами для осуществления не запрещенных законом видов деятельности. В качестве корпорации могут регистрироваться как коммерческие, так и некоммерческие организации.

Таким образом, мы приходим к выводам, что в законодательстве государств – членов Союза нет общей понятийной базы в области корпоративных правоотношений, а сам термин «корпоративные правоотношения» отражен только в предмете правового регулирования гражданского права Российской Федерации, а процессуальное законодательство, посвященное вопросам рассмотрения корпоративных споров весьма неоднородно и разработано недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукавишников, С.М. Корпорация как правовой и социальный институт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.М. Рукавишников. – М., 2005. – 158 с.
2. Добовицкая, Е.А. Европейское корпоративное право: Свобода перемещения компаний в Европейском сообществе / Е.А. Добовицкая. – М., 2004. – 224 с.
3. Лялин, Д.Ю. Право собственности государственных корпораций / Д.Ю. Лялин ; под ред. Е.В. Блиńskiej. – М., 2005. – 220 с.
4. Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 04 нояб. 2006 г., № 1475 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Об утверждении инструкции о корпоративной сети электронного обмена информацией между организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним с использованием электронной почты [Электронный ресурс] : приказ Ком. по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Сов. Мин. Респ. Беларусь, 08 апр. 2005 г., № 60 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Об утверждении Методики по формированию статистических показателей по внешней торговле товарами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 07 мая 2013 г., № 27 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Мальгинов, Е.А. Регулирование корпоративных правоотношений в российской федерации и государствах – членах Евразийского экономического союза : дис. ... канд. юрид. наук : 1.00.03 / Е.А. Мальгинов. – М., 2018. – 282 с.
8. Власов А.А. Арбитражный процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / А.А. Власов ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 470 с.
9. Кулагин, М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин ; редкол. В.С. Ем [и др.]. – М. : Статут, 1997. – 330 с.
10. Шершеневич, Г.Ф. Учебник торгового права / Г.Ф. Шершеневич ; вступ. слово Е.А. Суханов. – М. : Спарк, 1994. – 335 с.
11. Данельян, А.А. Корпорация и корпоративные конфликты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.А. Данельян. – М., 2006. – 160 с.
12. Токарев, Д.А. Проблема понятия корпорации в российском праве / Д.А. Токарев // Проблемы права. – 2010. – № 1. – С. 122–128.

УДК 342

**УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО СОЗДАНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕОРГАНИЗАЦИЮ И ЛИКВИДАЦИЮ
КОРПОРАЦИЙ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА****Е.С. ДЕДУШКЕВИЧ***(Предоставлено: ст. преп. Т.В. СЕМЕНОВА)*

Исследован опыт ЕС по унификации и гармонизации законодательства. Высказано предложение о перенятии этого опыта государствами – членами ЕАЭС. Выявлены отличия правового регулирования создания и деятельности корпораций государств, являющихся членами ЕАЭС. Также высказаны предложения по усовершенствованию действующего законодательства.

Во всем мире постоянно происходят процессы унификации законодательства, начиная от всевозможных международных стандартов, заканчивая целыми правовыми институтами. Эти явления происходят как в масштабе отдельных регионов земного шара (региональных объединений), так и в мировом.

На пути международной унификации права и экономической интеграции оказались не только развитые экономики мира, но и развивающиеся. Современные тенденции по усилению экономической и политической интеграции вызваны, прежде всего, растущей международной конкуренцией и развитием принципиально новых механизмов взаимодействия.

Еще в 1995 г. Республика Казахстан, Россия, Республика Беларусь, а чуть позже Кыргызская Республика, Республика Узбекистан и Республика Таджикистан подписали первый договор о создании Таможенного союза, который впоследствии трансформировался в Евразийское экономическое сообщество. В октябре 2014 г. между Россией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан было согласовано прекращение работы Евразийского экономического сообщества и начало функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС). Впоследствии к решению присоединиться к ЕАЭС приняли Республика Армения и Кыргызская Республика [1].

В соответствии со ст. 4 Договора основной целью создаваемого Союза является формирование и создание условий для стабильного развития экономик государств – членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [2].

Унификация, как и гармонизация законодательства, выполняют одну и ту же функцию – сближения законодательства. Унификация права – это создание одинаковых (унифицированных) норм в национальном (внутреннем) праве разных государств [3]. Гармонизация происходит же либо с помощью директивных указаний по достижению цели, в которой заинтересовано государство, либо путем принятия правил поведения, обязательных для исполнения субъектами гражданского права участвующего в гармонизации права государства [4].

Однако отличительной особенностью гармонизации от унификации является отсутствие международных правовых обязательств по применению гармонизированных норм права, в результате чего в праве государств такой унификации возникают похожие, формальные совпадающие нормы, но всегда разные по содержанию.

В Договоре о создании Евразийского экономического союза эти термины рассмотрены более узко. Так, под унификацией законодательства понимается сближение законодательства государств – членов Союза, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором. Термин «гармонизация законодательства» Договором определяется как сближение законодательства государств – членов Союза, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах [2].

Вопрос об актуальности унификации и гармонизации права в сфере регулирования создания и деятельности корпораций внутри ЕАЭС является также важным наравне с другими задачами по унификации и гармонизации права, поскольку международная практика последнего десятилетия указывает на необходимость совершенствования законодательства в этом направлении.

Вслед за образованием единого экономического пространства в Европейском союзе последовательно были приняты 11 директив ЕС о гармонизации законодательства в области регулирования создания и деятельности корпораций внутри ЕС. Эти директивы гармонизировали национальное законодательство государств – членов ЕС по целому ряду вопросов, таких как: регулирование правоотношений, связанных с опубликованием корпорациями информации определенного вида; закрепление минимального уставного капитала корпораций в национальном законодательстве государств – членов ЕС (только в

отношении акционерных обществ); регулирование правоотношений, возникающих при слиянии акционерных обществ; регулирование правоотношений, складывающихся при разделении акционерных обществ; регулирование вопросов регламентации правоотношений, связанных с подготовкой и предоставлением годовой финансовой отчетности; закрепление конструкции корпорации одного лица в национальном праве государств – членов ЕС; регулирование правоотношений, связанных с раскрытием информации представителями и филиалами корпораций (созданными на территории ЕС); регулирование вопросов, возникающих в связи с инициацией процесса поглощения компаний и трансграничных слияний обществ с ограниченной ответственностью [1].

Несомненно, опыт, который был сформирован в Европейском союзе ряде стран по унификации и гармонизации законодательства, должен быть отражен и в Евразийском экономическом союзе. Какие же отличия в правовом регулировании создания и деятельности корпораций среди государств – членов ЕАЭС?

Во-первых, рассматриваемый субъект обозначенных правоотношений – корпорация до сих пор не присутствует в законодательстве всех государств – членов Союза.

Во-вторых, гармоничность видов корпораций в рамках всего Союза требует дополнительного исследования и гармонизации законодательства хотя бы в той его части законодательства, которая относится к коммерческим корпорациям. По законодательству Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Армения к таким можно отнести – общества с ограниченной и дополнительной ответственностью, закрытые и открытые акционерные общества [5].

В-третьих, международные практики бухгалтерской и аудиторской отчетности указывают на необходимость гармонизации положений национальных законодательств с международными стандартами.

В-четвертых, различие правового регулирования вопросов, необходимых для ясного и прозрачного корпоративного управления, тормозит общее развитие экономических связей. Гармонизации требуют не только нормы материального законодательства государств – членов Союза, но и нормы процессуального законодательства (в сфере рассмотрения корпоративных споров).

Из-за разницы в таких понятиях, как «аффилированное лицо», «бенефициар», «зависимые и дочерние юридические лица», создание общей, понятной системы правосудия, основанной на единых подходах, не представляется возможным.

В-пятых, в государствах – членах Союза различные принципы антимонопольного регулирования применяются разные критерии к понятийному аппарату в этой области, есть различия в подходе к регулированию слияния и поглощения.

Отсутствие в гражданском законодательстве Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан и Республики Беларусь официальной дефиниции «корпорация» не дает оснований говорить о том, что внутри отдельных юридических лиц не складываются корпоративные правоотношения.

Исходя из анализа процессуального законодательства этих государств внутри юридических лиц, зарегистрированных на территории государств – членов Союза, присутствуют корпоративные правоотношения и возникают корпоративные споры.

В судебной практике Республики Беларусь можно встретить споры, связанные с: признанием недействительным решения собрания акционеров, бездействием наблюдательного совета, принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ, решениями органов управления и с прочими основаниями характерными для корпоративных споров.

Наиболее разработанным законодательством в области регулирования корпоративных правоотношений является законодательство Российской Федерации, которое содержит в себе нормативную правовую базу в сфере арбитражного процессуального и гражданского права, регулирующего корпоративные правоотношения.

Ориентируясь на европейский опыт гармонизации корпоративного права, ЕАЭС может пойти не только по пути гармонизации материального, но и процессуального права [6].

В современных правовых реалиях крайне необходимо выработать меры по повышению эффективности правового регулирования отношений, которые возникают при создании, реорганизации и деятельности корпораций. Все, упомянутое выше, заставляет задуматься о необходимости усиления работы в области гармонизации правовых норм, регулирующих корпоративные правоотношения, и их совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальгинов, Е.А. Регулирование корпоративных правоотношений в российской федерации и государствах – членах Евразийского экономического союза : дис. ... канд. юрид.наук : 1.00.03 / Е.А. Мальгинов. – М., 2018. – 282 с.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подписан в г. Астане 29.05.2014, ред. от 10.10.2014 ; с изм. от 08.05.2015 // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 05.09.2018.
3. Дмитриева, Г.К. Унификация или гармонизация права: новые формы / Г.К. Дмитриева // Унификация международного частного права в современном мире : сб. ст. / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; отв. ред. И.О. Хлесова. – М., 2015. – С. 14.
4. Маковский, А.Л. Проблемы унификации международного частного права / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлесова. – М. : Ин-т закон. и сравнит. Правовед при Правит. РФ, 2013. – 483 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : Принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ 19 нояб. 1998 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Власов А.А. Арбитражный процесс : учебник и практикум для академического бакалавриата : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / А.А. Власов ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. - 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2015. – 470 с.

УДК 342

**КОЛЛИЗИОННЫЙ АСПЕКТ КРИТЕРИЯ ПРЕДВИДИМОСТИ
В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****А.С. ОЛИХВЕР***(Представлено: ст. преп. Т.В. СЕМЕНОВА)*

Рассматривается критерий предвидимости в коллизионном аспекте как один из факторов, влияющих на выбор сторон договорных отношений, при заключении договора, применимого права, которым они будут руководствоваться во всех договорных и внедоговорных отношениях. Изучается влияние критерия предвидимости на автономность воли сторон договора.

Критерий предвидимости в его коллизионном аспекте применяется с целью установления законодательства, подлежащего применению в тех или иных договорных отношениях. В основе лежит коллизионная норма – норма, определяющая, право какого государства должно быть применено к конкретному частноправовому отношению, осложнённое иностранным элементом. Особенность коллизионной нормы заключается в том, что сама по себе она не содержит ответа, каковы права и обязанности сторон данного правоотношения, а лишь указывает для этого правоотношения правопорядок, определяющий эти права и обязанности сторон; как норма отсылочная, она применяется только вместе с теми материальными частноправовыми нормами, к которым отсылает [1]. Автономия воли во внедоговорных обязательствах — момент также немаловажный. Причем в отношении внедоговорных обязательств проблема в автономии воли выделяется рядом весьма существенных особенностей. Связь между этими особенностями и критерием предвидимости можно проследить в части того, что стороны, выбирая право, которое будет регулировать договорные отношения, должны предвидеть возможность его распространения также и на ряд внедоговорных отношений.

В первую очередь, автономия воли — основополагающий принцип, лежащий в основе Международного частного права (далее – МЧП), тот краеугольный камень, без которого оно теряет свой смысл. При этом наиболее существенную роль автономия воли играет в договорных отношениях. Одновременно автономия воли — институт МЧП, наделяющий стороны правом самостоятельно избрать право, применимое к отношениям с иностранным элементом [2, с. 14]. Сложно осознать возможность применения автономии воли во внедоговорных отношениях, где нет согласованного волеизъявления, которое лежит в основе выбора сторонами применимого права, а имеются только противоправные действия делинквента, приводящие к причинению вреда. Однако, элемент противоправности не всегда присутствует во внедоговорных обязательствах (как, например, неосновательное обогащение).

В данном случае, автономию воли можно условно разделить на два вида. Первичная автономная воля заключается в классическом выборе применимого права сторонами правоотношений. Вторичная же автономная воля подразумевает, что выбор применимого права был сделан сторонами правоотношения, однако он сделан не только в расчете на данное правоотношение, но и на другое, возникшее ранее или могущее возникнуть в будущем. Так, например, Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») (далее – Регламент) закрепляет возможность суда распространить выбор применимого права, сделанный сторонами при заключении договора, и на неосновательное обогащение, поскольку оно связано с таким договором [3]. Российский законодатель, в отличии от белорусского, распространяет общие положения об автономии воли также и на внедоговорные обязательства согласно ч. 6 гражданского кодекса российской Федерации [4].

Законодательство некоторых стран, в которых принят отдельный закон об МЧП, содержит более детализированное регулирование для отдельных видов деликтов. Так, например, Кодекс МЧП Турции, где, в числе прочих, в качестве разновидности внедоговорного обязательства указан вред, причиненный в СМИ, в том числе, с помощью сети Интернет. И в этой норме турецкий законодатель как раз и ссылается на необходимость использования критерия предвидимости для более справедливого определения права, применимого к указанным обязательствам [5]. В Гражданском кодексе Республики Беларусь, в отличии от права ряда стран и некоторых международных источников, критерий предвидимости как фактор выбора применимого права не находит свое отражение в видах внедоговорных обязательств.

Критерий предвидимости помогает сохранить баланс интересов, а также способствует реализации основополагающих принципов, таких как принцип справедливости или равенства, поскольку благодаря данному критерию любая сторона, независимо от того, будет ли она стороной, нарушившей обязательство, или потерпевшей стороной в результате деликта, должна иметь возможность прогнозировать последствия своих действий и действий контрагента. Иначе говоря, стороны при планировании своих дей-

ствий или оценке уже наступивших последствий ориентируются на определенные правовые нормы. Если же сторона не рассчитывала и не могла рассчитывать на связь с правовой системой определенного государства и, соответственно, на применение права этого государства, было бы несправедливо привлекать ее к ответственности по такому праву. Данный субъект договорных отношений не мог и не должен был ориентироваться на указанные нормы права, не учитывал объем ответственности и размер убытков, подлежащих возмещению, а также множество других факторов.

В частности, Л.Б. Забелова пишет, что оговорка о "предвидимости" наступления вредоносного результата в той или иной стране призвана защитить добросовестного делинквента в случае, если законодательство страны, где действовал причинитель вреда, не предусматривает ответственность за то или иное действие или предусматривает меньшую ответственность, чем законодательство той страны, где был причинен вред, и причинитель вреда (делинквент) не предвидел и не мог разумно предвидеть наступление вреда в этой стране [6].

Чешский законодатель, например, еще больше расширяет возможность применения права по месту причинения вреда и, думается, подразумевает именно критерий разумности, используя формулировку не «должен», а «мог», то есть в расчет берется потенциальная возможность, а не необходимая осмотрительность: «потерпевшее лицо может выбрать право страны, в которой: ... в). Наступили вредоносные последствия, если причинитель мог предвидеть их» (ст. 101) [7].

Белорусское законодательство не содержит положений о критерии предвидимости. Так, согласно ст. 1129 Гражданского кодекса Республики Беларусь, права и обязанности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, определяется по праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда [8].

Также не следует упомянуть и о так называемой безвиновной (объективной) ответственности, т.е. ответственности, наступление которой не зависит от вины делинквента. Такое положение чаще всего встречается именно в гражданском праве. Самым распространенным примером как в национальном гражданском праве Республики Беларусь, так и в гражданском праве зарубежных государств, является ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (использование механических транспортных средств, электрической энергии и т.д.). Выпуская продукцию на рынок, производитель также несет ответственность за возможный ущерб, причиненный потребителю. Тем не менее следует принять во внимание, в какой мере берет на себя ответственность производитель. Несомненно, вступая в коммерческий оборот производитель учитывает риски, но это не означает, что он учитывает абсолютно все возможные варианты, поскольку те же условия и основания привлечения к ответственности и освобождения от нее разнятся применительно к праву определенного государства. Иначе говоря, если производитель направлял товар в определенное государство, то он подчиняется требованиям этого государства и не может нести ответственности за причинение вреда в случае, если его продукция «случайно» попала под юрисдикцию иного, отличного от назначения, государства. В этом случае, необходимо установить предел риска, в частности, за счет критерия предвидимости. Данное обстоятельство позволяет обезопасить производителя не только с точки зрения материального права, но и со стороны коллизионного регулирования.

Что касается Республики Беларусь, то Гражданский кодекс содержит положение о том, что к требованию о возмещении ущерба, возникшего у потребителя в связи с покупкой товара или оказания услуги, по выбору потребителя применяется право страны, где [8]:

- находится место жительства потребителя;
- находится место жительства или место нахождения производителя или лица, оказавшего услугу;
- потребитель приобрел товар или ему была оказана услуга.

Статья ограничивается одной нормой и не содержит положений о применении критерия предвидимости.

Таким образом, суть коллизионного аспекта критерия предвидимости заключается в том, что предвидя ту или иную территориальную связь с правом определенного государства, можно повлиять на выбор судом права, применимого к данному правоотношению, в случае обращения за защитой своих нарушенных прав и законных интересов либо ограничении ответственности за причиненный ущерб. Если сторона, пусть даже и совершившая противоправное деяние, не могла рассчитывать на территориальную связь с определенным государством, и, соответственно, на применение права этого государства, то было бы несправедливым привлекать сторону к ответственности по указанному праву. Несомненно, если лицо действует недобросовестно, что может повлечь за собой причинение значительного ущерба, оно должно претерпевать неблагоприятные последствия. Однако, существуют различные обстоятельства (в частности, правомерное поведение, в результате которого был причинен ущерб), поэтому для оценки этих самых обстоятельств, а также действий самого лица необходимо руководствоваться критерием предвидимости. В силу принципа справедливости, нельзя принуждать лицо к претерпеванию неблагоприятных последствий на основании применимого права страны, связь с которой лицо, являясь добросо-

вестным участником правоотношений, проявляя достаточную степень осмотрительности, не могло предвидеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллизионные нормы: понятие, структура, виды [Электронный ресурс] // Институт управления и оценки бизнеса. – Режим доступа: <http://investobserver.info/kollizionnye-normy-ponyatie-struktura-vidy/>. – Дата доступа: 25.09.2018.
2. Рубанова А.А. Автономия воли в международном частном праве как теоретическая проблема / А.А. Рубанова // Советский ежегодник международного права. – 1986. – №7. – С. 13–16.
3. Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»). Перевод А.О. Четверикова [Электронный ресурс] // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. – Режим доступа: <http://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/reglament-864-2007-evropejskogo-parlamenta-i-soveta-ot-11-iyulya-2007-g-o-prave-podlezhashhem-primeneniyu-k-vnedogovornym-obyazatelstvam-rim-ii-perevod-a-o-chetverikova/>. – Дата доступа: 25.09.2018.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть третья [Электронный ресурс] : 26 ноября 2001 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 03.08.2018 г (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
5. Турецкий Кодекс 2007 г. о международном частном праве и международном гражданском процессе [Электронный ресурс] / Пер. Л. Берестень // Журнал Международного Частного Права. № 3 (65). 2009. ВШЭ. Проект Законодательство стран Европы. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/data/2016/04/05/1126272656/Турция%202007.pdf>. – Дата доступа 25.09.2018.
6. Забелова Л.Б. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения в международном частном праве [Электронный ресурс] // iPages.ru. – Режим доступа: http://www.ipages.ru/index.php?ref_dl=1&ref_item_id=5917. – Дата доступа: 25.09.2018.
7. Act on Private International Law: Law No. 91/2012 Coll. [Electronic resource] // Bříza & Trubač – Advokátní Kancelář. – Mode of access: <http://www.brizatrubac.cz/files/scany-clanku/Translation-Czech-PIL.pdf>. – Date of access: 25.09.2018.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 года : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 года : в редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-3// ЭТАЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342

**МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КРИТЕРИЯ ПРЕДВИДИМОСТИ
В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****А.С. ОЛИХВЕР***(Представлено: ст. преп. Т.В. СЕМЕНОВА)*

Рассматривается критерий предвидимости в материально-правовом аспекте, как основание для прекращения договорных отношений или приостановления исполнения обязательств по договору, а также одним из ключевых факторов, влияющих на объем ответственности по договору и размера возмещения убытков в случае его нарушения.

Предвидимость убытков (или критерий предвидимости) в настоящее время используется как в романо-германской, так и англосаксонской правовой семье при определении справедливых лимитов ответственности за неисполнение договора. Критерий предвидимости в своем материально-правовом аспекте влияет на объем ответственности, поскольку позволяет определить объем принятых на себя обязательств. Именно в таком значении критерий предвидимости закрепляется в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года [1]. Иначе говоря, лицо, вступая в договорные отношения, принимает на себя обязательства в том объеме, который определяется на момент заключения договора в зависимости от того, какие факты были или должны были быть известны такому лицу по данному договору, а также в зависимости от сведений о предмете договора и информации о контрагенте.

Поскольку международные отношения осложнены иностранным элементом, возникает связь между различными правовыми системами и различным правопорядком. В результате, объем ответственности зависит от правовой семьи может отличаться, исходя из того, каким все же законодательством будет руководствоваться суд, на рассмотрение которого будет находиться дело о нарушении договорных обязательств. В данном случае критерий предвидимости позволяет лицу сослаться на невозможность применения определенного права того или иного государства, поскольку не могла предвидеть о применении такого правопорядка.

Необходимо иметь в виду, что важным аспектом ответственности является истинные причины поступков, за которые может быть возложена ответственность, а также способность самостоятельно принимать решения и осознавать последствия своего выбора и своих действий. Говоря об ответственности, мы чаще всего имеем в виду простые причинно-следственные связи, которые включают либо не включают в себя человеческий фактор. Например, если лицо признается виновным в произошедшем, это не значит, что ответственность повлекло за собой именно неправомерное поведение ответственного лица. В гражданском праве ответственность может наступить без вины, более того, ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, лежит на лицах, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, пока если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего [2].

Вернемся к самому критерию предвидимости. В тексте Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее – Венской конвенции) критерий предвидимости упоминается четыре раза в различных обстоятельствах, однако использование критерия предвидимости можно обозначить в двух направлениях: в отношении последствий несоблюдения порядка исполнения обязательства и в отношении объема ответственности и размера возмещения убытков. Соответственно, в первом случае критерий предвидимости позволяет определить момент разрыва договорных отношений, а во втором – какие убытки и в каком размере подлежат возмещению. Так, согласно п. 1 ст. 71 Венской конвенции, сторона может приостановить исполнение своих обязательств, если после заключения договора становится ясно, что другая сторона не исполнит значительную часть своих обязательств в результате серьезного недостатка в ее способности осуществить исполнение или в ее кредитоспособности; или ее поведения по подготовке исполнения или по осуществлению исполнения договора. Ст. 72 Венской конвенции гласит, что если до установленной для исполнения договора даты становится ясно, что одна из сторон совершит существенное нарушение договора, другая сторона может заявить о его расторжении [1].

Две вышеуказанные статьи являются наиболее яркими примерами того, как критерий предвидимости определяет судьбу договорных отношений, выраженную либо в одностороннем прекращении обязательств, либо приостановлении исполнения, путем того же воспрепятствования получению товара другой стороной (часть вторая статьи 71 Венской конвенции).

Сходная с Венской конвенцией формулировка содержится в Германском Гражданском уложении. Так, согласно § 321, Лицо, которое обязано в соответствии с двусторонним договором исполнить первым, может отказать в исполнении своей части обязательства, если после заключения договора становится очевидно, что удовлетворение его требования о встречном исполнении становится сомнительным ввиду недостаточной способности к исполнению другой стороны. Лицо, обязанное произвести исполне-

ние первым, может установить разумный срок, в течение которого другая сторона одновременно с исполнением может по своему выбору предоставить встречное исполнение или обеспечение. После безрезультатного истечения этого срока лицо, обязанное исполнить первым, может расторгнуть договор [3]. В отличие от положений Венской конвенции, в данной норме не конкретизирована невозможность исполнения, ничего не сказано об извещении, однако указано, что устанавливается разумный срок, в течение которого другая сторона должна выполнить свои обязательства, в противном случае договор будет расторгнут. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Германском Гражданском уложении более строгий подход к возобновлению исполнения, а именно установлен срок, в то время как по Венской конвенции идет речь только о предоставлении гарантий исполнения без их конкретизации.

Что касается французского регулирования, Гражданский кодекс Франции в ст. 1653 предусматривает для покупателя возможность приостановить уплату покупной цены, если против покупателя подан иск об истребовании вещи третьим лицом [4]. В данном случае имеется конкретизирование, т.к. речь идет о нарушении обязанности передать товар. Также, в отличие от Германского гражданского уложения и Венской конвенции предоставляется возможность приостановить исполнение, но не расторгнуть договорные отношения. Кроме того, как в Германском гражданском уложении, так и в Гражданском кодексе Франции отсутствует закрепление положения о направлении уведомления или извещения о приостановлении или прекращении договорных отношений. Но если в Германское гражданское уложение относит норму о привидимости к любой стороне договора, то Франция же предусматривает такое право только для покупателя.

Возвращаясь к положениям Венской конвенции, следует рассмотреть еще один тип закрепления критерия предвидимости применительно к процессу исполнения договора. Критерий предвидимости позволяет предположить существенное нарушение договора контрагентом, что приводит к одностороннему выходу из договорных отношений. По своей сути, применение критерия предвидимости позволяет предусмотреть возможность ненадлежащего исполнения своих обязательств другой стороной и предотвратить наступление вредных последствий, в том числе возможности причинение ущерба.

Так, английское право выделяет три разновидности предвидимого нарушения. Во-первых, существует прямой отказ должника от исполнения договора в будущем. Речь идет о том, что срок исполнения еще не наступил, но должник, устно или письменно, сообщает кредитору, что он не намерен исполнять обязательства в дальнейшем. В Венской конвенции такая разновидность предвидимого нарушения упоминается, но лишь в части того, что такие действия должника освобождают кредитора от необходимости направления уведомления о расторжении договора; во-вторых, вывод об отсутствии намерений может быть сделан из поведения должника, который не совершает никаких действий по подготовке исполнения; в-третьих, объективная неспособность должника в будущем исполнить договор, которая создана действиями самого должника, например, взятием на себя противоречащего обязательства [5].

Что же касается Венской конвенции, то ст. 71 и ст. 72 имеют достаточно схожие формулировки относительно предвидимости нарушения, однако имеются различия в характере нарушения и в предоставляемых правах. В первом случае – право приостановить исполнение, во втором – расторгнуть договор. Так, для того, чтобы приостановить исполнение договора достаточно лишь неисполнения значительной части обязательств, предусмотренных по договору. Для расторжения необходимо совершить существенное нарушение. Согласно Венской конвенции, существенным является такое нарушение, которое приводит к столь значительному ущербу для другой стороны, что эта другая сторона

утрачивает то, что она вправе иметь по договору, за исключением тех случаев, когда этот результат не предусматривался стороной, нарушившей договор, и не мог предусматриваться аналогичным лицом, разумно действующим в аналогичных обстоятельствах [1]. Логично предположить, что для того, чтобы использовать возможность расторжения договора, сторона должна действовать добросовестно и совершать все необходимые действия в соответствии с договором.

Если иметь в виду возможность введения рассматриваемых положений в белорусское законодательство, то можно отметить, что нечто подобное на критерий предвидимости содержится в ч. 2 ст. 309 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где сказано, что в случае непредоставления обязанной стороной обусловленного договором исполнения обязательства либо наличия обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства либо отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков [2]. На предвидимость в данной норме указывает словосочетание «очевидно свидетельствующих». Таким образом ч.2 ст. 309 Гражданского кодекса Республики Беларусь имеет схоже со ст. 71 Венской конвенции положение о приостановлении исполнения обязательств. Однако в данной норме, в отличие от Венской конвенции имеется ограничение, т.е. право приостановить исполнение имеет лишь та сторона, которая обязана исполнить встречное исполнение. В белорусском законодательстве отсутствует возможность, в отличие от немецкого или же французского гражданского законодательства, возможность приостановления любого исполнения и даже отзыва уже исполненного обязательства.

Второе направление закрепления в Венской конвенции критерия предвидимости касается наступления ответственности и размера возмещаемых убытков. Статья 25 Конвенции устанавливает, что нарушение договора является существенным и может повлечь расторжение договора только тогда, когда его результатом явилось потеря для потерпевшей стороны большей части того, на что она могла рассчитывать [1]. В этой статье критерий предвидимости применяется в качестве ограничивающего фактора. Если сторона не предвидела наступления таких последствий и разумное лицо не могло их предвидеть в такой же ситуации, данное нарушение не может быть признано существенным, а значит, сторона частично освобождается от ответственности за нарушение, что не исключает возможности для потерпевшей стороны требовать возмещения убытков, но не всегда полного. Положение ст. 74 Венской конвенции немного схоже, однако заключается в ином: оно ограничивает подлежащие возмещению убытки размером, который можно было бы предполагать в момент заключения договора. Создатели Венской конвенции вполне определенно закрепили, что объем ответственности и размер возмещаемых убытков ограничен тем, что сторона могла предвидеть на момент заключения договора. Таким образом, момент заключения договора является той самой точкой отсчета, после которой никакая вновь открывшаяся информация не может повлиять на объем ответственности и размер возмещаемых убытков [6]. Вопрос о том, что именно неисправная сторона должна была предвидеть, также весьма непростой. П. Шлехтрием указывает, что для того, чтобы сторона была обязана к полному возмещению, она должна была предвидеть три элемента: то, что ее действия повлекут за собой наступление убытков, то, какова будет природа данных убытков, а также примерный размер таких убытков [6, p. 1078].

Статья ст. 1231-3 Гражданского кодекса Франции содержит сходные предписания и говорит об ответственности только за те убытки, которые можно было предусмотреть (или предвидеть на момент заключения договора). Однако эта статья содержит существенный ограничитель для применения критерия предвидимости, а именно фактор виновности неисправной стороны в форме умысла. Законодатель указывает, что если обязательство не было выполнено вследствие умысла (намерения) должника, то даже непредвидимые убытки подлежат возмещению, необходимо лишь доказать наличие причинно-следственной связи между нарушением и возникшими убытками (ст. 1231-4). Германское гражданское уложение также связывает критерий предвидимости с виной. § 254 Германского гражданского уложения посвящен влиянию вины потерпевшего на объем ответственности и размер возмещения убытков, который пропорционально вине потерпевшего уменьшается. Также, немецкий законодатель говорит нам о том, что вина может заключаться не только в действии или бездействии, но и в утаивании информации в случае возможности возникновения убытков, которые другая сторона предвидеть не могла.

Если говорить о введении критерия предвидимости в белорусское законодательство, то за основу следовало бы взять положения Венской конвенции, поскольку она является наиболее гибкой и применимой. Однако, на практике может возникнуть сложность в процессе доказывания непредвидимости тех или иных последствий добросовестной стороной. Согласно Венской конвенции, стороны должны обладать всей информацией для оценки возможности наступления последствий, но это может создавать сложности, так как другая сторона может злоупотребить данным положением и скрыть на момент заключения договора важную информацию, которая могла бы стать основанием для применения критерия предвидимости первой стороной. Однако отсутствия критерия предвидимости в белорусском праве является несправедливым, поскольку не позволяет им расторгнуть договор до наступления существенных последствий и ограничить объем ответственности в том размере, в котором они могли рассчитывать на момент заключения договора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cisg.pdf. – Дата доступа: 25.09.2018.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 года : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 года : в редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-3// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] // Юридический виртуальный клуб. – Режим доступа: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=166/> – Дата доступа: 25.09.2018.
4. Гражданский кодекс Франции [Электронный ресурс] //Российский правовой портал: библиотека Пашкова. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=416&attempt=1>. – Дата доступа: 25.09.2018.
5. Бондаренко, С.С. Предвидимое нарушение договора [Электронный ресурс] / С.С. Бондаренко // Электронный архив НИУ «БелГУ». – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/6130/1/Bondarenko_Predvidimoe%20narushenie.pdf. – Дата доступа: 25.09.2018.
6. Schlechtriem, P. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods / P. Schlechtriem, I. Schwenzer. – 4th ed. – Oxford, 2016. – 1602 p.

УДК 342.5

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А.В. СИНЬКЕВИЧ****(Представлено: ст. преп. В.В. МАКСИМЕНЮК)**

Данная работа направлена на исследование нормативно-правового аспекта в инновационной деятельности Республики Беларусь, на выявление инновационной модели развития характерной для Республики Беларусь и поиск возможных способов улучшения нормативно-правовой базы в области инновационной политики и инновационной деятельности в Республике Беларусь.

В настоящее время развитие инновационной деятельности, основанной на знаниях, является залогом конкурентоспособности любого государства на мировом рынке. Беларусь, обладая достаточно мощным научным потенциалом, может также активно участвовать в процессе создания и накопления новых знаний. Однако для эффективной реализации этого потенциала необходима своя инновационная модель развития, которая подразумевает, в том числе и наличие соответствующей правовой основы.

В настоящее время в Республике Беларусь предпринимаются активные усилия, направленные на совершенствование законодательства в сфере инновационной политики и инновационной деятельности [1].

Основным правовым регулятором инновационной деятельности в Республике Беларусь является Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 года «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь». Согласно статье 2 указанного Закона, его действие распространяется на отношения, связанные с осуществлением инновационной деятельности, за исключением отношений в области оценки соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации. Настоящий Закон направлен на определение правовых и организационных основ государственной инновационной политики и инновационной деятельности в Республике Беларусь [2].

Государственная инновационная политика – составная часть государственной социально-экономической политики, представляющая собой комплекс осуществляемых государством организационных, экономических и правовых мер, направленных на регулирование инновационной деятельности [3].

Законодательство о государственной инновационной политике и инновационной деятельности основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из приведенного Закона и иных актов законодательства.

Целью государственной инновационной политики в Республике Беларусь является создание благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий для инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Нормативно-правовой аспект в области инновационной деятельности также представлен Законом Республики Беларусь о республиканском бюджете, принимаемом на очередной финансовый год, и соответствующими постановлениями Совета Министров о мерах по их реализации. Данный Закон (Законы) направлен (направлены) на установление республиканского бюджета в области инновационной деятельности по предполагаемому профициту либо дефициту бюджета в области инновационной деятельности на очередной финансовый год.

Финансирование играет важную роль в процессе создания, развития и совершенствования инновационной деятельности. Если рассматривать государственное финансирование Республики Беларусь и ее расходы на инновационную деятельность за несколько предыдущих лет и в настоящее время, можно сделать вывод, что это очень сложный и нестабильный процесс. Это связано с тем, что данный вид финансирования имеет достаточно непростую процедуру реализации, что ограничивает его применимость для начинающих и небольших предприятий. Финансирование же напрямую зависит от экономического положения в государстве, что подтверждают соответствующие статьи законов предыдущих лет о республиканских бюджетах финансовый годы.

Кроме государственного источника финансирования инновационной деятельности существуют такие источники, как финансирование за счет прибыли, кредиторской задолженности и использование временно свободных финансовых средств, кредиты, акционерное финансирование, венчурное финансирование, лизинг, форфейтинг, смешанное финансирование. Такие источники являются наиболее удобными в процессе финансирования и поддерживают, как правило, начинающие небольшие частные проекты. Регулируется такое финансирование также действующими нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Кроме названных нормативных правовых актов, правовой аспект инновационной деятельности Республики Беларусь представлен:

– Законом Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы». Закон регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов [4].

– Гражданским кодексом Республики Беларусь. Глава 38 именуется «Выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ», раздел 5 посвящен интеллектуальной собственности: произведениям науки, объектам права промышленной собственности [5].

– Указом Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2009 г. № 441 «О дополнительных мерах по стимулированию научной, научно-технической и инновационной деятельности». В целях стимулирования эффективной научной, научно-технической и инновационной деятельности установлено, что при проведении научными организациями наиболее значимых для Республики Беларусь научных исследований и разработок для оплаты труда работников, непосредственно выполняющих данные исследования и разработки по приоритетным направлениям научной и научно-технической деятельности, применяется тарифная ставка первого разряда, установленная Советом Министров Республики Беларусь для оплаты труда работников организаций, финансируемых из бюджета и пользующихся государственными дотациями, с учетом повышающего коэффициента до 2,5 [6].

– Указ Президента Республики Беларусь от 9 марта 2009 г. № 123 «О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь». В целях активизации инновационной деятельности, стимулирования производства высокотехнологичных товаров (работ, услуг) в Республике Беларусь установлено, что научные организации, созданные в форме учреждений вправе создавать организации, использующие результаты интеллектуальной деятельности; юридические лица, осуществляющие производство товаров (работ, услуг) с использованием результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, зарегистрированных в установленном законодательством порядке, вправе в течение трех лет со дня начала их производства относить на себестоимость товаров (работ, услуг) и включать в затраты, учитываемые при налогообложении, до 2 процентов выручки от реализации этих товаров (работ, услуг), перечисляемых организациям за использование результатов выполненных ими научно-исследовательских и опытно-конструкторских и опытно-технологических работ (НИОК(Т)Р) и т.д. [7].

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что Республика Беларусь, обладает достаточно развитой правовой базой в области инновационной деятельности, активно регулирует данную сферу и в высокой степени может участвовать в процессе создания и накопления новых знаний.

Вместе с тем правовая база имеет определенные недоработки, препятствующие эффективной реализации этого потенциала и нуждается в необходимости детальной проработки и уточнении некоторых вопросов для более успешного развития инновационной деятельности. В настоящее время в Республике Беларусь предпринимаются активные усилия, направленные на совершенствование законодательства в области инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нормативно-правовой аспект инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/innovatsionnaya-deyatelnost-v-zarubezhnyh-stranah>. Дата доступа: 24.09.2018.
2. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 10 июля 2012 г., № 452-3 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь pravo.by.
3. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http // www.w3.economy.gov.by](http://www.w3.economy.gov.by). - Дата доступа: 24.09.2018.
4. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Республики Беларусь, 16 декабря 2002 г., № 160-3 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь pravo.by.
5. Гражданский кодекс Беларусь (Особенная часть) : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : Одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г. // <http://kodeksy.by/nalogovyy-kodeks>. - Респ. Беларусь, 2018.
6. О дополнительных мерах по стимулированию научной, научно-технической и инновационной деятельности: Указ Президента Республики. Беларусь, 7 сентября 2009 г., № 441 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь pravo.by.
7. О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Республики. Беларусь, 9 марта 2009 г., № 123 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь pravo.by.

УДК 347.4

МЕСТО ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЕ ПРАВА

А.В. СИНЬКЕВИЧ*(Представлено: ст. преп. В.В. МАКСИМЕНЮК)*

Проводится сравнение некоторых подходов понимания инновационной деятельности в Республике Беларусь, Российской Федерации, Украине; исследование научных точек зрения о месте норм, регулирующих инновационную деятельность. Обосновывается необходимость комплексного метода (как наиболее эффективного) изучения инновационных правоотношений.

Будучи урегулированными нормами законодательства, общественные отношения в сфере инновационной деятельности становятся правоотношениями. Определение характера этих правоотношений и их места в системе права неразрывно связано с самим пониманием инноваций и инновационной деятельности.

В законодательстве государств-участников Содружества Независимых Государств имеют место различные подходы к инновациям и инновационной деятельности.

Для сравнения возможно использование соответствующего законодательства Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь.

Согласно ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике», инновации – это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [1]. Инновационная деятельность определена здесь как деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

По Закону Украины от 4 июля 2002 г. «Об инновационной деятельности», инновации – это вновь созданные (примененные) и (или) усовершенствованные конкурентоспособные технологии, продукция или услуги, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или другого характера, существенно улучшающие структуру и качество производства и (или) социальной сферы. Инновационной украинский законодатель признает деятельность, которая направлена на использование и коммерциализацию результатов научных исследований и разработок и обуславливает выпуск на рынок новых конкурентоспособных товаров и услуг (ст. 1 Закона). Следует отметить, что в Украине действует также Закон от 8 сентября 2011 г. «О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине» [3]. А в п. 2 ст. 327 Хозяйственного кодекса Украины от 16 января 2003 г. [4] закреплено, что инновационная деятельность осуществляется по следующим направлениям: проведение научных исследований и разработок, направленных на создание объектов интеллектуальной собственности, научно-технической продукции; разработка, освоение, выпуск и распространение принципиально новых видов техники и технологии; разработка и внедрение новых ресурсосберегающих технологий, предназначенных для улучшения социального и экологического состояния; техническое перевооружение, реконструкция, расширение, строительство новых предприятий, которые осуществляют впервые как промышленное освоение производства новой продукции или внедрение новой технологии.

В ст. 19 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» раскрывается содержание инновационной деятельности. Инновационная деятельность может включать: выполнение научно-исследовательских работ, необходимых для преобразования новшества в инновацию; разработку новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, создание новых услуг, новых организационно-технических решений; выполнение работ по подготовке и освоению производства новой или усовершенствованной продукции, освоению новой или усовершенствованной технологии, подготовке применения новых организационно-технических решений; производство новой или усовершенствованной продукции, производство продукции на основе новой или усовершенствованной технологии; введение в гражданский оборот или использование для собственных нужд новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, новых услуг, новых организационно-технических решений; иную деятельность, направленную на преобразование новшества в инновацию.

Таким образом, в указанных государствах в основу правового регулирования инноваций и инновационной деятельности входит либо их узкое понимание (включающее внедрение в производство, использование в экономическом обороте, связь с рынком) либо, напротив, широкое понимание, которое подразумевает использование также в социальной сфере, в управлении обществом.

Конкретные правоотношения в сфере инновационной деятельности зависят от вида составляющих ее отношений и вступающих в эти отношения субъектов.

Законодательство об инновационной деятельности регулирует отношения, связанные с осуществлением инновационной деятельности. В научных исследованиях обычно выделяют две группы отношений в сфере инновационной деятельности: 1) отношения, возникающие в процессе осуществления инновационной деятельности хозяйствующими субъектами; 2) отношения, возникающие в процессе государственного регулирования и организации инновационной деятельности [5].

В науке высказаны различные точки зрения о месте норм, регулирующих инновационную деятельность, в системе права. По мнению Худокормовой О.И., совокупность правовых норм, регулирующих инновационную деятельность, представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт [5]. Ефимцева Т.В. уже ведет речь об инновационном праве и обосновывает необходимость его признания подотраслью предпринимательского права, которое само является комплексным правовым образованием системы российского права, стремящимся к самостоятельности [6]. На взгляд Степаненко Д.М., целесообразно выделение инновационного права в качестве комплексной отрасли законодательства [7]. Не вызывает сомнения, что отношения в сфере инновационной деятельности регулируются нормами хозяйственного, гражданского, финансового и иных отраслей права. Поэтому и конкретные правоотношения будут иметь соответствующую отраслевую принадлежность. В то же время нормативные правовые акты об инновационной деятельности несут, как правило, комплексный характер. Определенный массив этих актов позволяет говорить о наличии законодательства об инновационной деятельности.

По одному из мнений, наиболее эффективным представляется комплексное изучение правоотношений в сфере инновационной деятельности. Такое изучение целесообразно в рамках хозяйственного права как отрасли законодательства, как науки и как учебной дисциплины. Именно в предмет хозяйственного права включаются предпринимательские отношения и отношения, возникающие в связи с воздействием государства на хозяйственную деятельность [8]. Инновационная деятельность осуществляется преимущественно субъектами предпринимательской деятельности или субъектами, которые вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, и в этом случае носит предпринимательский характер. Не случайно некоторые авторы считают инновационной деятельностью хозяйственную, в том числе предпринимательскую, деятельность в сфере организации, управления и непосредственного осуществления инновационного процесса по получению, созданию, освоению, распространению, применению и реализации инновации [9].

Таким образом, возможно утверждать о тенденциях формирования подотрасли права «Инновационное право». В то же время нет единого мнения о том, в состав какой отрасли его отнести: хозяйственного, гражданского или финансового права.

ЛИТЕРАТУРА

1. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: Федер. закон, 23 авг. 1996 г., № 127-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
2. Об инновационной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Украины, 4 июля 2002 г., № 40-IV // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=9542. – Дата доступа: 25.09.2018.
3. О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине [Электронный ресурс]: Закон Украины, 8 сент. 2011 г., № 3715-IV // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=47196&conttype=4. – Дата доступа: 25.09.2018.
4. Хозяйственный кодекс Украины [Электронный ресурс]: Кодекс Украины, 16 янв. 2003 г. // Юридические услуги Online. – Режим доступа: <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/kodeks/016.php>. – Дата доступа: 25.09.2018.
5. Худокормова, О.И. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.И. Худокормова. – М., 2010. – 33 с.
6. Ефимцева, Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Т.В. Ефимцева. – М., 2014. – 48 с.
7. Степаненко, Д.М. Право и инновационное развитие Республики Беларусь / Д.М. Степаненко. – Минск: Право и экономика, 2012. – 324 с.
8. Мартемьянов, В.С. Хозяйственное право. Общие положения. Курс лекций. Том 1. / В.С. Мартемьянов. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 312 с.
9. Евсева, Л.А. Правовое регулирование инновационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л.А. Евсева. – М., 2005. – 26 с.

УДК 347.1

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**Я.В. ВИЗНЕР****(Представлено: ст. преп. В.В. МАКСИМЕНЮК)**

В связи с быстрым ростом и темпом экономического положения разных стран возникают новые технологии, например, электронные деньги. Законодательство многих стран придает большое значение различным инновациям. К таким новшествам (инновациям) следует отнести криптовалюту. В статье рассматривается криптовалюта как объект гражданских прав в Республике Беларусь и её соотношение с биткойном и токеном.

Криптовалюта – это достаточно новое явление для Республики Беларусь, которое возможно считать инновацией. Инновация – это такой общественный, технический, экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий.

Под инновацией (нововведением) обычно подразумевается объект, внедренный в производство в результате проведенного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога [1].

По определенным мнениям в будущей перспективе криптовалюта может стать полноценной валютой на финансовом рынке. В связи с этим следует разобраться в следующих вопросах:

1. Возможно, ли считать криптовалюту объектом гражданских прав?

2. Какое вы виды криптовалюты?

3. Каков порядок обращения криптовалюты? Совпадает ли он с обращением электронных денег в целом?

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся:

1) вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;

2) работы и услуги;

3) нераскрытая информация;

4) исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;

5) нематериальные блага [2].

При анализе данной статьи выявляется, что криптовалюта не соотносится ни с одним из приведенных пунктов, однако возможно выделить её самостоятельно, например, в такую категорию как, иное имущество.

Согласно изданного Декрета №8 Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. «О цифровой экономике Республики Беларусь»: криптовалюта должна быть универсальным средством обмена то есть, она должна быть как и электронные деньги или же как средства наличного платежа за приобретённые товары, оказываемые услуги и так далее [3].

По источникам Сети Интернет, криптовалюта используется как средство платежа в Сети, но не имеет никакого отношения к электронным деньгам.

На сегодняшний день официальной валютой в Республике Беларусь является белорусский рубль, но наше государство признает иностранную валюту, а также и электронные деньги [4].

Криптовалюта – биткойн, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [5].

Целесообразно дать понятие электронным деньгам, согласно статье 274 Банковского кодекса Республики Беларусь: «Электронные деньги – хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства и принимаемые в качестве средства платежа при осуществлении расчетов как с лицом, выпустившим в обращение данные единицы стоимости, так и с иными юридическими и физическими лицами, а также выражающие сумму обязательства этого лица по возврату денежных средств любому юридическому или физическому лицу при предъявлении данных единиц стоимости» [6].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что объект это, то по поводу чего возникают правоотношения. Соответственно криптовалюта не может быть объектом гражданских прав на данный момент так, как не имеет своего выражения в обращении у граждан и юридических лиц Республики Беларусь.

Но, несмотря на это, а также на те обстоятельства, что данный «объект» является достаточно новым и ему нет доверия со стороны многих потенциальных пользователей – субъектов гражданских прав, криптовалюта действует даже в нескольких особенностях.

Это, в частности:

1. Биткойн;
2. Токен.

Биткойн – это пиринговая платёжная система, использующая одноимённую единицу для учёта операций и одноимённый протокол передачи данных.

Цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределённой информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой [5].

Необходимо определить общее у криптовалюты, токена и биткойна: последние два являются разновидностью или же видом криптовалюты.

Можно утверждать, что Республика Беларусь частично признала в настоящее время криптовалюту, так как она относится к электронным деньгам, но используются только в сети-Интернет.

Существенные различия между криптовалютой и токеном, биткойном в том, что используются на разных платформах. Помимо разных платформ отличием является использование в открытом доступе и в закрытом доступе на данной платформе. А также наличие электронного кошелька есть у криптовалюты в целом, но не у токена и биткойна. Хотя сейчас в Республике Беларусь активно обсуждается вопрос насчёт токена [7].

Подведя итог вышеизложенному, нужно отметить, что биткойн и токен являются неотъемлемой частью криптовалюты, так как выполняют определённые задачи и операции для её приобретения, накопления и заработка. Таким образом, криптовалюта представляет собой носитель какой-то конкретной информации и не является объектом гражданских прав, что является проблемой не только для гражданского права, но и для других отраслей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамешин, А.Е. Менеджмент инновационной организации [Текст]: учеб.пособие / А.Е. Абрамешин, С.Н. Аксенов [и др.]. – М.: Европейский центр по качеству, 2018. – 408 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Хилюта В.В. Криптовалюта и токен новые объекты гражданских прав? / В.В. Хилюта // В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ . – 2018-25 сентября.
4. Авдеева Т.В. [и др.] Гражданское право [Текст]: учебник / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, профессора, засл. юриста БССР В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, – 2018. - 611с.
5. О цифровой экономике Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь 21 декабря 2017г. № 8 // Pravo.by [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Банковский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 25 октября 2000 г. №441-З: принят Палатой представителей 3 октября 2000 г.: одобрен Советом Респ. 12 октября 2000 г.: в ред от 2 января 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Ниет Г. Б. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КРИПТОВАЛЮТ В БЕЛАРУСИ x / Г. Б. Ниет / Евразийский Национальный университет , Астана, Казахстан. – 2018. – № 5: «Экономические науки». – С. 5-7.

УДК 347.1

МАЙНИНГ КРИПТОВАЛЮТЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Я.В. ВИЗНЕР

(Представлено: ст. преп. В.В. МАКСИМЕНЮК)

Рассматривается специфика нового для Республики Беларусь вида деятельности – майнинга криптовалюты, как возможного объекта гражданских прав. В рамках исследуемой тематики, рассматриваются особенности майнинг фермы. Приводятся виды майнинга при помощи, которых возможно получение дохода от обращения криптовалюты, его положительные и отрицательные стороны.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь в статье 128 определены объекты гражданских прав, к ним относятся:

1. вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;
2. работы и услуги;
3. нераскрытая информация;
4. исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;
5. нематериальные блага [1].

Майнинг – отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Лицо, осуществляющее майнинг, становится владельцем цифровых знаков (токенов), возникших (добытых) в результате его деятельности по майнингу, и может получать цифровые знаки (токены) в качестве вознаграждения за верификацию совершения операций в реестре блоков транзакций (блокчейне) [2].

По-другому, «майнинг» – это способ получения криптовалюты при помощи определённых операций. «Майнить» – по сути, означает зарабатывать на создании определённых комбинаций и кодов для криптовалюты, тем самым получать какую-то определённую прибыль.

Так как рассматриваемое явление – это очевидный способ заработка, возникает вопрос: возможно ли его считать объектом (объектами) гражданских прав?

Ближайшая по значению категория таких объектов – работы. Под работами понимаются действия лица, направленные на достижение материального результата, который может состоять в создании вещи, ее переработке, обработке или ином качественном изменении [3].

Исходя из анализа данной формулировки, можно отметить, что криптовалюта зарабатывается при помощи конкретных операций, тем самым создаются новые комбинации счетов и можно сказать, что создаются и обрабатываются данные клиента. Несмотря на то, что в получении криптовалюты заинтересованы многие, приобрести ее удастся далеко не каждому субъекту: для этого необходимо создание «майнинг фермы». Такой объект, возможно, установить в домашних условиях, а также на специальной бирже, которая занимается криптовалютой, в том числе, её изучением, способами вывода, платёжеспособности и т.д.

Майнинг как деятельность может осуществляться следующими способами:

- при помощи видеокарт;
- с помощью ASIC;
- в пулах;
- на основании кранов [4].

Первый способ представляет собой майнинг ферму и заключается в том, что необходимо приобрести несколько видеокарт, тем самым, растёт спрос на данные комплектующие, необходимые для вычисления определённых комбинаций. В настоящее время очень развит продовольственный рынок, эти приборы позволяют при подключении к электропитанию и сети-Интернет без дополнительных затрат и манипуляций генерировать биткоины (осуществлять майнинг). Для высокоскоростных расчётов и хорошего дохода криптовалюты необходимо иметь бесперебойное электричество. Кроме того, забор электричества осуществляется в больших объемах, что значительно удорожает процедуру.

Второй способ заключается в том, что устанавливается микросхема, настроенная на выполнение одного определённого вида работы на расшифровку алгоритмов, на базе которых работает блокчейн криптовалюты: именно это и позволяет ей делать это намного быстрее и лучше, чем её многозадачные аналоги. Этот вариант для приобретения криптовалюты считается более выгодным, поскольку процесс решения задач по расчёту является быстрым и получение криптовалюты становится равной затратам [5].

Третий способ. Пул для добычи криптовалюты – это сервер, который распределяет задачу расчёту между всеми своими участниками. Шансы получить желаемое очень высоки, ибо, когда пул бьёт поставленную цель, формируется блок транзакций и участник зарабатывает тем самым на криптовалюте [6].

Получение криптовалюты четвёртым способом реализуется через определённый сайт, на котором размещены задания. После выполнения различного рода заданий начисляется криптовалюта: сатоши [4].

Таким образом, майнинг становится весьма перспективным видом деятельности, к тому же с возможными вариантами осуществления, а деятельность майнинг ферм получает все большее развитие.

Майнинг ферма – это обычный компьютер с подключенными к нему видеокартами; стандартная домашняя ферма включает в себя от 4 до 6 видеокарт.

При помощи данной фермы и специальной программы, которая так и называется «майнер» происходят вычислительные функции для той криптовалюты, которая добывается в данный момент [7].

В дальнейшем чтобы собранная ферма окупалась денежными средствами, необходимо очень хорошо зарабатывать криптовалюту, хотя это не имеет никакого смысла, так как вывести её на финансовый рынок невозможно.

Для начинающих субъектов существует такой вид майнинга, как облачный. Суть его заключается в том, что весь процесс происходит на сторонних фермах, клиент вносит денежные средства за контракт, заключённый между клиентом и биржей, к примеру, делаются простые настройки и всё. Таким способом можно заработать на криптовалюте. Но и здесь есть и существенный минус: криптовалюта может вырасти (или снизиться) в курсе валют и тогда даже обычный майнинг может стать убыточным.

При проведении торговых операций наилучшим считается создание нового адреса для каждой транзакции: это позволяет обеспечить конфиденциальность для клиентов и защититься от шпионажа со стороны конкурентов. Кроме того, при обработке операций несколько транзакций объединяются в одну, чтобы никто не знал, с какого адреса и на какой осуществляются платежи [8].

Таким образом, при помощи майнинга достаточно возможно зарабатывание, но сейчас это бывает не совсем просто. Тем не менее все еще остались лица, мечтающие заработать легкие деньги на майнинге. А также интерес населения к данной деятельности приносит прибыль лишь организациям компьютерных комплектовщиков. При недостаточно проработанном расчете всех затрат есть угроза финансовых потерь для майнеров.

Подведя итог вышесказанному: майнинг, как работа неотделим от конечного результата, на достижение которого направлен, поэтому возможно предположить о майнинге как об объекте гражданских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О цифровой экономике Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь 21 декабря 2017 г. № 8 // Parvo.by [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. БарГУ.by сайт студентов университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bargu.by/136-obekty-grazhdanskix-pravootnoshenij.html> — Дата доступа: 23.09.2018.
4. MINING-BITCOIN всё о криптовалюте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mining-bitcoin.ru/author/aleksandra-oleneva> — Дата доступа: 24.09.2018.
5. ProstoCoin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://prostocoin.com/blog/asic-mining> — Дата доступа: 24.09.2018.
6. МайнингКриптовалюты информационно-аналитический портал Лучшие пулы для майнинга криптовалюты на 2017-2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mining-cryptocurrency.ru/luchshie-puly-dlya-majninga/> — Дата доступа: 25.09.2018.
7. МайнингКриптовалюты информационно-аналитический портал Ферма для майнинга — сборка и настройка, оборудование и комплектующие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mining-cryptocurrency.ru/ferma-dlya-majninga-kriptovalyut/> — Дата доступа: 25.09.2018.
8. Туманов Д. В. Развитие информационного общества, роль в воспроизводственном процессе. Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. — 2018. — С. 291–300.

УДК 347.628.42

**«ФАКТИЧЕСКОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО» И «ГРАЖДАНСКИЙ БРАК»:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ДОКТРИНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ****Л.Д. ЦЫРО***(Представлено: канд. юрид. наук Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматриваются проблемы детерминологизации терминов «фактическое сожительство» и «гражданский брак». Анализируются толкование и признаки соответствующих категорий в отечественной и зарубежной доктрине. Акцентируется внимание на необходимости выработки единого подхода к определению их понятий.

Современное общество характеризуется изменением отношения к традиционным идеалам, моральным и нравственным ценностям, поэтому такие альтернативы браку, как «фактическое сожительство» и «гражданский брак» перестали подвергаться удивлению, негативной оценке либо осуждению. Однако, в доктрине нет единого подхода к употребляемой терминологии для обозначения отношений, которые являются альтернативой официальному браку, не смотря на их возрастающее количество.

Целью данной статьи является толкование понятий «фактическое сожительство» и «гражданский брак», а также выработка единого термина, обозначающего альтернативу официального брака.

В юридической литературе отсутствует единый термин, которым бы определялись брачные отношения, незарегистрированные в органах ЗАГС. Как указывает Н. Л. Варшамова: «Это вызвано специфической чертой юридической терминологии, которая заключается в ее тесной связи с лексикой общего употребления. Такая связь выражается, с одной стороны, в использовании и освоении юридической терминологией слов общего употребления. С другой стороны, в ряде случаев, можно наблюдать обратный процесс – использование юридических терминов за пределами сферы их закрепления и функционирования, попадания их, например, в художественные тексты. Выпадая из своего терминологического поля, термины теряют свои отличительные и системные характеристики. Таким образом, детерминологизация терминов «гражданский брак» и «фактическое сожительство» вызвана лингвистической причиной – отсутствием в современном языке нейтрального слова, обозначающего стабильные внебрачные отношения» [1].

Нет единого подхода к определению понятий «фактическое сожительство» и «гражданский брак» и в толковых словарях.

В толковом словаре С. И. Ожеговым понятие гражданский брак раскрывается как: «Брачный союз, зарегистрированный и оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви» [2, с. 94], а В. И. Даль данное понятие разъясняет как: «Форма установления супружеского союза без участия церкви, но при содействии светских органов государственной власти» [3, с. 81].

Сожительство не несет в себе никакого отрицательного значения. Например, С. И. Ожегов указывает: «Сожительство – жить совместно с кем-нибудь» [2, с. 543]. При этом В. И. Даль в свою очередь дает определение данному понятию как: «Жить вместе или одновременно, жить совместно в одной обители, быть супругом, супругою, жить как чета, как муж с женою» [3, с. 501]. Следовательно, по мнению первого автора для того, чтобы совместно проживать, не обязательно быть супругами, а второй автор в качестве сожителей указывает именно супругов.

Таким образом, понятие «гражданский брак» должно означать брак, зарегистрированный в органах государственной регистрации актов гражданского состояния, но без участия церкви. Причину такой путаницы можно выяснить, обратившись к историческим фактам. Несмотря на то, что сейчас Республика Беларусь является светским государством, раньше в государстве занимало особое место конфессиональное влияние и церковь оказывала сильное воздействие на общественные отношения. Семейно-брачные отношения не являлись исключением, вследствие чего для заключения брака было необходимо его церковное оформление. Первым этапом заключения браков являлось обращение жениха и невесты к священнослужителю с просьбой благословить их брак. Архиепископ выдавал молодым документ на имя священника с предложением предварительно выяснить обстоятельства, которые могли бы препятствовать браку. Затем желающий вступить в брак должен был объявить об этом своему приходскому священнику, при этом указав свои имя, фамилию, чин, состояние, а также имя и фамилию невесты. Священник же в свою очередь обязан был объявить о предполагаемом браке в храме после Литургии. Для данных объявлений выбирались воскресные дни, а также случавшиеся между ними праздничные дни. Прихожане, которые что-либо знали о препятствующих обстоятельствах к объявленному браку, должны были незамедлительно сообщить об этом священнику. Если сообщений не поступало, священник вносил в книгу запись о том, что препятствий к браку не имеется [4, с. 464].

В 1918 году церковь была отделена от государства, что лишило церковный брак юридической силы, оставив верующим право принимать церковное благословение на брак после его регистрации в органах ЗАГС. Теперь данная процедура становилась правом и не являлась обязательной. Отсутствие родительского благословения на совершение венчания также не являлось теперь препятствием для совершения над желающими этого таинства, при условии, что вступающие в брак достигли брачного возраста и уже состоят в гражданском браке [4, с. 466].

Считаем, следует согласиться с Л. Б. Шнейдер, что термин «гражданский брак» является терминологически неверным и некорректным, так как именно законный, юридически оформленный брак и есть гражданский, что и фиксирует запись акта гражданского состояния, поэтому и совместное проживание мужчины и женщины без регистрации отношений в органах ЗАГС нельзя характеризовать как гражданский брак [5].

Полагаем, что термин «фактическое сожительство» также является неверным, так как обозначает совместное проживание без намерения создать семью либо представляет собой этап проверки отношений, предшествующий заключению брака.

В своей работе К. М. Остапенко определяет сожительство как брак, а не как его альтернативу, поскольку оно не противопоставляется официальному браку и не является способом проверки отношений [6]. Данное разграничение основано на позиции Д. Мэнтинга, который подразделяет добровольные союзы на три категории:

- сожительство в смысле прелюдии к браку («пробный брак»). На данном этапе пара скорее проверяет свои отношения, ведь, как правило, это сожительство имеет недолговременный характер и рассматривается как этап, предшествующий переходу в официальный зарегистрированный брак;
- сожительство, которое является альтернативой браку. Оно сопровождается отрицательным отношением к юридически закреплённому браку и необходимости его регистрации;
- сожительство как брак. «Здесь обязательство жениться отпадает само собой ввиду долгого проживания вместе, на первый план выходят стабильность, постоянство; сожительство при этом походит на официальный брак» [6].

Между категориями сожительств, в качестве альтернативы браку и его замены, достаточно условная грань, так как Д. Мэнтинг дифференцирует данные понятия по негативной или положительной оценке партнеров к официальному браку. Например, у партнеров может быть различное мнение относительно регистрации брака; в определенный период времени они могут изменить свое отношение к браку, поэтому мы придерживаемся точки зрения, что лица, которые проживают совместно, ведут общее хозяйство, но не регистрируют свои отношения в органах ЗАГС, выбирают альтернативу официальному браку, а не его замену.

Полагаем, следует согласиться с М. М. Выборновой, о введении термина «фактический брак», который является альтернативой браку и представляет собой: «Незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно (не менее 2 лет) проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием родства и другого фактического или зарегистрированного брака у данных лиц» [7].

Таким образом, в доктрине нет единого подхода к употребляемой терминологии для обозначения отношений, которые являются альтернативой официальному браку. Право на существование имеет различная трактовка понятий, которая дается психологами, филологами и юристами, но целесообразным видится выработка единого подхода к определению понятий рассматриваемой категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшамова, Н. Л. Причины детерминализации термина «гражданский брак» [Электронный ресурс] / Н. Л. Варшамова // Саратовский государственный университет. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2017/03/15/varshamova_n.l.pdf. – Дата доступа: 20.09.2018.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е. – Москва, 1997. — 944 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – Том 1-й. – Санкт Петербург: Энциклопедии и словари, 1880. – 812 с.
4. Цыпин, В. Курс церковного права / В. Цыпин. – Клин : Христианская жизнь, 2004. – 700 с.
5. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений [Электронный ресурс] / Л. Б. Шнейдер // Киберленинка. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/SPs/SPs-001.HTM#p1>. – Дата доступа: 20.09.2018.
6. Остапенко, К. М. Сожительство в поздних возрастах-мотивация перехода в официальный брак [Электронный ресурс] / К. М. Остапенко // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozhitelstvo-v-pozdnh-vozzrastah-motivatsiya-perehoda-v-ofitsialnyy-brak>. – Дата доступа: 20.09.2018.
7. Выборнова, М. М. Оформление фактического брака путем заключения договора [Электронный ресурс] / М. М. Выборнова // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-fakticheskogo-braka-putem-zaklyucheniya-dogovora>. – Режим доступа: 20.09.2018.

УДК 347.628.42

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО БРАКА
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ****Л.Д. ЦЫРО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматривается опыт законодательного закрепления фактического брака в зарубежных странах. Обосновывается целесообразность внедрения данного понятия в юридическую практику и законодательство Республики Беларусь.

Необходимость правового регулирования фактических брачных отношений, является следствием увеличивающегося их количества. В зарубежных странах законодатель по-разному отреагировал на произошедшие изменения в институте семьи и брака. В связи с этим, были внесены изменения в Гражданские и Семейные кодексы либо приняты отдельные законы, регулирующие вопросы, связанные с фактическими брачными отношениями. Однако до сих пор нет единого подхода ни на доктринальном, ни на законодательном уровне к определению незарегистрированных брачных отношений.

Целью настоящей статьи является анализ зарубежного опыта тех стран, где институт фактического брака получил законодательное закрепление.

Во Франции изменения были внесены в Гражданский кодекс дополнением «О договоре о совместной жизни и сожительстве». Сожительством является союз двух лиц разного или одного пола, которые проживают вместе, и их совместная жизнь носит стабильный и долговременный характер. Основанием для подтверждения факта сожительства является договор о совместной жизни, который представляет собой альтернативу браку и подлежит государственной регистрации. В документе отражаются сведения о лицах, которые могут его заключать, и условия. Для того, чтобы определить статус сожительства требуется судебное решение. Однако, права сожителей по сравнению с правами супругов всё равно остаются более ограниченными, например, они не связаны личными неимущественными правоотношениями, как лица, состоящие в зарегистрированном браке, не имеют права на общую фамилию. Фактическое сожительство не является основанием для создания общности имущества, совместной ответственности по обязательствам перед кредиторами. Право наследования аренды жилого помещения возникает у сожителя в случае, если он проживал с умершим партнером не менее одного года на момент открытия наследства, иное имущество переживший фактический супруг не наследует [1].

В Швеции отношения сожительства регулируются отдельным Законом «О фактических брачных отношениях». Сожителями признаются разнополые и однополые лица, которые проживают вместе в парных отношениях и ведут общее хозяйство. Пара начинает юридически рассматриваться в качестве «самбу» или сожителей с момента регистрации, которая осуществляется в налоговой инспекции по адресу совместного проживания. Прекращается «самбу» в том случае, если оба или один из партнёров вступает в брак и регистрируют свои отношения в соответствующем государственном органе, в том числе и со своим сожителем; оба или один из них прекращают проживание в общем жилье и изменяют место регистрации общего адреса; в случае смерти одного из партнёров. Прекращение отношений фактических супругов, в отличие от развода в браке, можно назвать сепарация или разделение. Что касается совместного имущества, то у сожителей признается таковым только жилище и предметы домашней мебели [1].

На законодательном уровне фактическое сожительство признается и в Португалии. Правовые последствия возникают при условии, что пара совместно проживает как минимум два года. На совместное имущество действует режим не общей, а раздельной собственности. Дети, родившиеся в фактическом браке, приравниваются в своих правах и обязанностях к детям, родившимся в законном браке [1].

В Исландии свободным внебрачным союзом признается союз двух лиц разного пола, ведущих совместное хозяйство и поддерживающих отношения, которые аналогичны отношениям супругов. Возможны две разновидности такого свободного союза. Первый, при котором стороны просто проживают совместно и такие отношения не влекут практически никаких юридических последствий. Стороны (за исключением близких родственников) прошли процедуру анкетирования в Национальном реестре. Второй вариант свободного внебрачного союза влечет за собой правовые последствия, которые близки правовым последствиям брака. Если мать и предполагаемый отец ребенка прошли процедуру регистрации в Национальном реестре к моменту рождения ребенка, то мужчина считается его отцом и дополнительных процедур по установлению отцовства не требуется. Стороны такого внебрачного союза могут совместно усыновить ребенка, если после регистрации в Национальном реестре прожили вместе не менее пяти лет [1].

Венгрия стала первым восточноевропейским государством, принявшим под правовую охрану внебрачные отношения. В Гражданский кодекс были внесены изменения, в соответствии с которыми пары, не состоящие в зарегистрированном браке, наделялись правовым статусом. Согласно положениям кодекса считается, что два лица состоят в гражданском браке, если их отношения во всем отвечают некоторым условиям: партнеры живут вместе; у них есть общее домашнее хозяйство; между ними существует эмоциональная связь и хозяйственно-экономическая общность. Специальной регистрации состояния в подобных отношениях не требуется. Однако разнополые партнеры, которые хотят получить доступ к искусственным репродуктивным системам, обязаны удостоверить факт сожительства у нотариуса. Для доказательства сожительства необходимо подтверждение либо установление факта совместного проживания [2].

В бельгийском законодательстве также закреплён институт сожительства, под которым следует понимать совместную жизнь двух человек, подавших специальное заявление в орган городского управления по месту жительства. Заявление об оформлении совместного проживания обязательно должно быть установленной законодательством формы и его имеют право подать только два (больше число лиц не допустимо) совершеннолетних гражданина, не состоящих друг с другом в официальном браке и являющихся дееспособными в определении места проживания. После принятия заявления должностное лицо органа городского управления, проверив предоставленные сведения, регистрирует его в информации реестра народонаселения. По факту подачи совместного заявления партнеры наделяются следующими обязанностями: защита совместного жилища (один партнер без согласия второго не имеет права осуществлять сделки с любым недвижимым имуществом, даже если данное имущество было приобретено до оформления совместного проживания); спорные вопросы между партнерами разрешаются в суде первой инстанции; совместное, по мере возможностей, участие в материальном обеспечении совместной жизни; совместное погашение банковских ссуд, взятых на нужды совместной жизни или обучения детей, проживающих совместно с партнерами. По желанию партнеры могут составить у нотариуса договор о совместном проживании, в котором указываются все устраивающие их аспекты совместной жизни [3].

В странах постсоветского пространства вопрос, касающийся фактических брачных отношений, практически не отражен. Единственной страной, которая составляет исключение, является Эстония. В стране узаконены фактические брачные отношения и принят отдельный нормативный правовой акт. Закон вводит новую легальную форму гражданских отношений и позволяет всем парам регистрировать партнерство и при этом не вступать в брак. Документ предлагает некоторую юридическую защиту всем парам, которые по тем или иным причинам не могут или не хотят заключать брак. Данное положение касается как однополых, так и разнополых пар. Основанием для подтверждения факта партнерства является договор, в котором должны быть указаны сведения о лицах, его заключившие, и условия. Оба партнера к моменту заключения договора должны достигнуть возраста совершеннолетия и как минимум один из партнеров должен быть гражданином или постоянно проживать на территории Эстонии. Кроме того, заключить партнерство может лишь лицо, не состоящее в браке или другом партнерстве. Затем договор подлежит регистрации, которая происходит у нотариуса. Закон позволяет таким парам официально регистрировать партнерства, делить имущество и кредитные обязательства, а также регулировать обязательства по уходу друг за другом, в том числе и после расторжения договора, и наследственные отношения. Одной из целей закона названа защита детей, живущих в семьях, не связанных браком. Согласно документу, такие пары, заключившие официальное партнерство, также получают ограниченное право на усыновление: второму партнеру будет разрешено усыновить родного ребёнка своего партнера [4].

В Российской Федерации на законодательном уровне не закреплено понятие «фактическое сожительство», но в Государственную думу внесен законопроект, который приравнивает совместное проживание мужчины и женщины фактическим брачным отношениям — со всеми вытекающими из этого статуса правовыми последствиями. Для признания союза фактическими брачными отношениями партнеры должны проживать совместно в течение пяти лет и вести общее хозяйство. Помимо этого, если у пары есть общий ребенок, то срок совместного проживания, приравнивающий отношения незарегистрированной пары к брачным отношениям, сокращается до двух лет [5].

Вокруг данного законопроекта ведутся дискуссии, поэтому у него есть и сторонники, и противники.

За признание фактических брачных отношений, приравнивание их к официальным бракам выступает А. А. Добровинский. По его словам, в качестве практикующего адвоката он постоянно сталкивается с рядом проблем неурегулированных имущественных отношений сожителей [5].

Как указывает В. А. Девятковский: «Я понимаю намерение российского сенатора: поддержать и защитить в правовом плане незарегистрированные союзы. Добиться, чтобы у партнеров была так называемая финансовая подушка безопасности в случае, если фактически брачные отношения прекратятся. Это логично, но такой ход мыслей неизбежно приведет к негативным последствиям: наш базис духовных и моральных ценностей пойдет трещинами. Считаю, что нам, наоборот, нужно популяризировать инсти-

тут семьи и официального супружества, чтобы воспитывать в людях ответственность за свои поступки, умение самостоятельно принимать взвешенные, продуманные решения. Все-таки именно здоровая, нормальная семья – гарантия развития полноценного общества» [5].

В Республике Беларусь, в отличие от стран, опыт которых рассматривается в статье, институт «фактического брака» на законодательном уровне не закреплен. Законодатель абстрагируется от увеличивающегося количества фактических брачных отношений и проблем их правового регулирования. Состояние в фактическом браке неизбежно порождает для субъектов юридические последствия и не всегда справедливым является их регламентация нормами гражданского, а не семейного права.

Таким образом, ввиду «правового вакуума» в данном вопросе в Республике Беларусь, необходимо усилить дальнейшее исследование зарубежного опыта тех стран, где институт фактического брака получил законодательное закрепление. Однако в данном вопросе требуется соблюдение разумного баланса, чтобы, с одной стороны, не разрушить традиционные устои института брака, а, с другой, - предоставить хотя бы минимальные правовые гарантии партнерам, состоящим в фактических брачных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орловская, А. В. Брак и сожительство в законодательстве европейских стран [Электронный ресурс] / А. В. Орловская // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakticheskiy-brak-sozhitelstvo-v-zakonodatelstve-evropeyskih-gosudarstv>. – Дата доступа: 20.09.2018.
2. Косарева, И. А. Статус фактических сожительств в России и за рубежом: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / И. А. Косарева // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5812/1/23%20%20КОСАРЕВА%20.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2018.
3. Совместное проживание [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Королевстве Бельгия. – Режим доступа: <https://belgium.mid.ru/informacia-o-bel-gii>. – Дата доступа: 20.09.2018.
4. О сожительствах [Электронный ресурс] : Закон Эстонии, 1 янв. 2016 г. : в ред. Закона от 01.01.2016 г. // Riigi Teataja. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/Koos>. – Таллин, 2018.
5. Демченко, Н. И. Фактические брачные отношения [Электронный ресурс] / Н. И. Демченко // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2018/5a6598e29a794735b6d4ca91>. – Дата доступа: 20.09.2018.

УДК 347.63

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****М.М. ЕРШОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Обосновывается необходимость закрепления в семейном законодательстве Республики Беларусь положений об ответственности сторон договора суррогатного материнства. Акцентируется внимание на отсутствии в нём и зарубежном законодательстве детального правового регулирования данного института.

История зарождения института суррогатного материнства в Республике Беларусь началась более двенадцати лет назад, когда в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье была включена ст. 53 «Суррогатное материнство» [1]. Вместе с тем отечественное семейное законодательство в данной сфере еще далеко от совершенства. Одним из пробелов правового регулирования является отсутствие прямых норм об ответственности генетических родителей и суррогатной матери по договору суррогатного материнства. Тем не менее расширение практики заключения договоров суррогатного материнства неизбежно влечет возникновение спорных ситуаций, в том числе в связи с ответственностью сторон договора суррогатного материнства.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе обобщенного анализа положений отечественного и зарубежного семейного законодательства о суррогатном материнстве определить достаточность объема нормативного регулирования вопросов, связанных с ответственностью сторон по договору суррогатного материнства, и обосновать необходимость дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в данной сфере.

Несмотря на то, что институт суррогатного материнства довольно активно подвергается научной разработке, большинство работ принадлежит авторству российских ученых (в частности, Л. К. Айвар [2], Т. Е. Борисова [3], Г. Б. Романовский [4] и др.). Отечественными учеными он незаслуженно оставляется без должного внимания. При этом вопросы ответственности сторон договора суррогатного материнства, как правило, не затрагиваются, или рассматриваются вскользь.

Согласно ст. 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон) основанием оказания услуг суррогатного материнства является договор, под которым понимается договор, заключаемый между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с письменного согласия своих супругов [5].

Закон определяет условия, которые должны содержаться в договоре суррогатного материнства. Однако, что касается оснований и мер ответственности генетических родителей и суррогатной матери белорусский законодатель их не определяет. Договор суррогатного материнства, в первую очередь, должен защищать права самого ребёнка, а также генетических родителей и суррогатной матери. Обязательное включение в договор условий ответственности позволит более осмысленно подходить, как генетическим родителям, так и суррогатной матери, к заключению и исполнению договора суррогатного материнства, а также последствиям его неисполнения или надлежащего исполнения. Кроме того, закрепление положений об ответственности, будет создавать более серьезные гарантии восстановления (компенсирования) нарушенных прав или законных интересов сторон.

Решение данной проблемы осложняется ещё и тем, что в белорусском законодательстве также не решён вопрос о видах юридической ответственности за правонарушения, вытекающие из правоотношений суррогатного материнства. Полагаем, возможно говорить, как о семейной, гражданской, так и об административной и даже уголовной ответственности. Так, например, в случаях когда генетические родители не выполнили своевременно обязанность по уплате вознаграждения суррогатной матери, либо не оплатили расходы, связанные с медицинским обслуживанием суррогатной матери в период беременности, а также в послеродовой период, либо генетические родители частично оплатили суррогатной матери стоимость продуктов питания, медикаментов и иных необходимых вещей, которые обязаны оплачивать по договору, вопрос ответственности сторон договора суррогатного материнства может быть решен средствами аналогичными гражданско-правовой ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение условий договора. Разумным, на наш взгляд, будет применение положений ГК, когда требования носят исключительно имущественный (компенсационный) характер. Ответственность за нарушения, которые затрагивают непосредственно жизнь, здоровье, дальнейшую судьбу ребёнка, т.е. те, кото-

рые носят личный неимущественный характер, должна регулироваться нормами семейного, административного и уголовного права.

Такие деяния, как убийство ребёнка суррогатной или генетической матерью, умышленные противоправные действия суррогатной матери, приведшие к выкидышу, злоупотребление алкоголем, принятие наркотических средств и психотропных веществ, повлекшее рождение ребёнка с определёнными физическими и (или) умственными отклонениями, - должны быть криминализованы. Это потребует определение состава конкретных преступлений с целью установления оснований и мер уголовной ответственности.

На правовую квалификацию отказа генетических родителей от ребёнка, полагаем, должны влиять мотивы такого отказа. В частности, на практике это может быть вызвано различными причинами:

- 1) вследствие рождения нездорового ребёнка:
 - 1.1 по вине суррогатной матери;
 - 1.2 медицинских работников;
 - 1.3 по независящим от суррогатной матери и медицинских работников причинам;
- 2) значительное ухудшение финансового положения в семье;
- 3) развод супругов-заказчиков;
- 4) смерть одного из генетических родителей;
- 5) другие.

Обобщение таких причин позволяет их разделить на две группы: обусловленные уважительными обстоятельствами и не обусловленные таковыми. Вследствие этого, на наш взгляд, нельзя устанавливать меры юридической ответственности за подобные деяния генетических родителей без учета их субъективной стороны.

В связи с существующим пробелом в отечественном законодательстве интересным представляется обращение к зарубежному опыту. Так, в Кодексе Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» предусмотрена ответственность генетических родителей за отказ от ребёнка. В таком случае они не вправе требовать от суррогатной матери возмещения материальных расходов. В случае отказа супругов от ребёнка право материнства остается за суррогатной матерью, если она отказывается от ребёнка, то он передается на попечение государства [6]. Несмотря на прогрессивность данных положений, подход законодателя Республики Казахстан, на наш взгляд, не является безупречным. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ст. 59 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» семье [6] не предусмотрено применение к генетическим родителям иных мер ответственности, а установленных явно недостаточно, чтобы обеспечить должную защиту не только интересов суррогатной матери, но и самого ребёнка. В отечественном законодательстве, в отличие от Республики Казахстан, матерью ребенка, рождённого суррогатной матерью, является генетическая мать, заключившая с ней договор суррогатного материнства. Это позволило исключить возможные спорные ситуации с отказом суррогатной матери от ребёнка.

Вместе с тем анализ семейного законодательства зарубежных стран (Российской Федерации [7], Украины [8], Литовской Республики [9] и других) позволяет утверждать об отсутствии необходимого объёма правового регулирования ответственности сторон договора суррогатного материнства. Это свидетельствует о том, что данная проблема остаётся актуальной не только для законодательства Республики Беларусь.

Таким образом, проблемные аспекты ответственности по договору суррогатного материнства требуют дальнейшего теоретического осмысления, что позволит более качественно осуществить совершенствование действующего законодательства Республики Беларусь в данной области, а также создать необходимые гарантии интересов не только генетических родителей и суррогатной матери, но и самого несовершеннолетнего ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., №278-З : принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.09.2016 // ЭТАЛОН. 6.0 – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Айвар, Л.К. Правовое положение суррогатного материнства в России. Пробелы законодательства / Л.К. Айвар // Юридический мир. – 2006. – №2. – С. 28-35.
3. Борисова, Т.Н. Ответственность по договору суррогатного материнства [Электронный ресурс] / Т.Н. Борисова // Научная электронная библиотека «eLibrary». – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_15503621_21198861.pdf. – Дата доступа: 24.09.2018.

4. Романовский, Г.Б. Право на суррогатное материнство: от истории к современности / Г.Б. Романовский // Проблемы репродукции. – 2006. – №1. – С. 31-38.
5. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье [Электронный ресурс] : 17 дек. 1998 г., №321-І : принят Президентом Казахстана 26 дек. 2011 г. : в ред. Закона РК от 18.04.2016 г. // Казахская правда. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31102748. – Дата доступа: 15.09.2018.
7. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек.1995, №223-ФЗ : принят Гос. Думой 08.12.1995 : в ред. Фед. Закона РФ от 29.12.2017 // КонсультантПлюс. – Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2018.
8. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 10 янв. 2002, №2947-III : принят Верховной радой 10.01.2002 : в ред. Закона Украины от 19.12.2017 // Верховна Рада України. – Киев, 2018.
9. Семейный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 26 окт. 2000 г., №1316-XIV : принят Парламентом Респ. Молдова 20 дек. 2000г. : в ред. Закона Респ. Молдова от 25.05.2017 г. // Независимая Молдова. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/286119/>. – Дата доступа: 18.09.2018.

УДК 347.63

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

М.М. ЕРШОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

Проанализированы закреплённые в национальном законодательстве права и обязанности генетических родителей и суррогатной матери по договору суррогатного материнства. На основе теоретического анализа исследуются проблемные вопросы. Выдвигаются предложения о совершенствовании действующего семейного законодательства Республики Беларусь.

Такое явление, как суррогатное материнство, известно медицинской практике с 1976 года. Именно в это время Соединённые штаты подарили первый мировой опыт в области суррогатного материнства. В период с 1976 по 1988 гг. в США родилось примерно шестьсот детей от суррогатных матерей, а в период с 1987 по 1992 гг. число детей, рождённых с помощью данного способа, значительно увеличилось – приблизительно на пять тысяч [1].

По официальным статистическим данным, на 100 тыс. населения уже в 2015 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано приблизительно 155 случаев женского бесплодия и 22 случая мужского. Удельный вес бесплодных пар достиг 16% [2]. Именно поэтому суррогатное материнство является востребованным методом вспомогательных репродуктивных технологий, который помогает многим парам стать счастливыми родителями.

Актуальность научной работы заключается в том, что вопрос закрепления прав и обязанностей сторон по договору суррогатного материнства в Республике Беларусь законодательством урегулирован неполно.

Целью данного исследования является анализ действующего законодательства о правах и обязанностях сторон договора суррогатного материнства и формулирование продолжений по его совершенствованию.

Вопросы прав и обязанностей генетических родителей и суррогатной матери по договору суррогатного материнства нашли своё отражение в научных публикациях таких учёных, как А. М. Мубаракшина [3], Л. К. Айвар [4], Т. Е. Борисова [5]. Однако, белорусская доктрина испытывает недостаток работ, посвящённых данной теме.

Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон) в ст. 1 содержит понятие «суррогатного материнства». Из положений закона следует, что «суррогатное материнство – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка» [6].

Одним из существенных условий договора суррогатного материнства является включение в него взаимных прав и обязанностей генетических родителей и суррогатной матери. Вместе с тем в Законе правам и обязанностям суррогатной матери не уделено достаточного внимания.

Договор суррогатного материнства является взаимобязывающим, где каждая из сторон договора приобретает права и обязанности в отношении другой стороны. Так, в Законе предусмотрена обязанность генетических родителей обеспечить условия, необходимые для проживания суррогатной матери и для вынашивания ребёнка (детей) [6]. Жилищные условия суррогатной матери должны: соответствовать санитарно-гигиеническим нормативам, быть оборудованы вентиляцией, отоплением, холодным и горячим водоснабжением, водоотведением, электроосвещением, также, должны быть соблюдены нормы инсоляции и др. Право суррогатной матери на комфортабельные жилищные условия может быть реализовано посредством: 1. аренды соответствующего жилого помещения генетическими родителями, 2. совместного проживания суррогатной матери и генетических родителей в жилом помещении последних, при условии соответствия данного жилого помещения всем законодательным нормативам, 3. улучшения, при необходимости, жилищных условий суррогатной матери.

Суррогатная мать имеет право на оказание услуг по договору суррогатного материнства на возмездной основе [6]. Стороны вправе самостоятельно договориться о стоимости предоставляемых услуг. Размер вознаграждения законодательно не урегулирован, конкретная денежная выплата устанавливается в каждом случае индивидуально в договоре о суррогатном материнстве. Также, Закон предусматривает случаи безвозмездного оказания услуг со стороны суррогатной матери, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой

[6]. Здесь мы разделяем позицию О. М. Толстиковой о том, что родственные отношения носят, как правило, лично-доверительный характер, родственники понимают проблему генетических родителей и не требуют оплаты за оказание данной услуги [7].

Генетические родители обязаны возмещать расходы на медицинское обслуживание, питание, проживание в период вынашивания, родов и в послеродовой период, если иное не предусмотрено договором суррогатного материнства [6]. В свою очередь данному праву корреспондируют обязанности суррогатной матери по представлению генетическим родителям информации о результатах медицинского осмотра и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей), прохождению медицинского осмотра в сроки, определенные лечащим врачом, выполнению всех предписаний лечащего врача [6].

Суррогатная мать имеет право также на получение государственных пособий, назначаемых в соответствии с законодательством [6]. Так, Законом Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающих детей» ей предусмотрены выплаты пособий по материнству: пособие по беременности и родам, а также пособие женщинам, ставшим на учёт в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности [8]. При этом генетической матери назначаются пособие в связи с рождением ребёнка и пособие по уходу за ребёнком в возрасте до 3 лет [8]. Таким образом, что Республика Беларусь гарантирует равное право на назначение и выплату государственных пособий генетической и суррогатной матерям.

По законодательству Республики Беларусь на суррогатную мать возлагается обязанность передать женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, ребенка после его рождения в срок, предусмотренный договором суррогатного материнства [6]. Это отличает отечественное законодательство от большинства иностранных государств. Например, в Азербайджанской Республике [9], Российской Федерации [10] суррогатная мать имеет право не дать согласие генетическим родителям на запись их в качестве родителей и оставить данного ребёнка себе. Судьба ребёнка, относительно того, кто будет считаться его матерью, может быть решена только после его рождения, что ставит генетических родителей ребёнка в определённую зависимость от суррогатной матери. В Республике Беларусь данный вопрос решён однозначно: ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье устанавливает, что «матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства [11]». Таким образом, исключительно все права на ребёнка принадлежат генетическим родителям, и они имеют полное право требовать передачи ребёнка.

В соответствии с Законом суррогатная мать обязана хранить в тайне сведения о заключении договора суррогатного материнства и о лицах, заключивших такой договор [6]. Такая обязанность суррогатной матери, по нашему мнению, установлена в связи с тем, что суррогатное материнство подлежит неоднозначной морально-этической оценке со стороны общества.

Помимо прав и обязанностей, закреплённых в Законе, сторонами могут быть предусмотрены дополнительные права и обязанности по их взаимному согласию. Однако, на наш взгляд, некоторые из них требуют более детальной регламентации непосредственно в Законе, чтобы установить либо минимальные требования к их определению в договоре, либо правила, по которым будут строиться взаимоотношения сторон в случае не закрепления их в договоре.

В частности, полагаем, в Законе в качестве обязанностей суррогатной матери необходимо установить:

1) обязанность по созданию благоприятных условий для вынашивания здорового ребенка. При этом целесообразно будет акцентировать внимание на запрете употребления алкоголя, табачных изделий, наркотических и психотропных средств.

2) срок беременности, на котором можно вести половую жизнь, так как в ряде возможных ситуаций (например, при угрозе выкидыша, вагинальных кровотечениях и др.) ведение половой жизни может угрожать жизни ребёнка. Учитывая тот факт, что данный аспект сложен в регулировании, необходимо установить периодичность сдачи соответствующих анализов или прохождения медицинских осмотров;

3) обязанность по расходованию денежных средств в соответствии с их предназначением.

Среди обязанностей генетических родителей, на наш взгляд, справедливо будет закрепить обязанность выплатить суррогатной матери вознаграждение даже в том случае, если программа суррогатного материнства закончилась неудачей не по вине суррогатной матери.

Расширение правового регулирования прав и обязанностей генетических родителей и суррогатной матери с последующим закреплением их в законодательстве Республики Беларусь, обеспечит дополнительные гарантии и надлежащую защиту прав сторон договора суррогатного материнства, а также самого ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kaur, R. Surrogate motherhood social and legal aspects [Electronic resource] / R. Kaur // Shodhganga. – Mode of access: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/54478>. – Date of access: 19.09.2018.

2. Красницкая, Л. С. Каждая шестая семейная пара в Беларуси бесплодна [Электронный ресурс] / Л. С. Красницкая // Журнал «Охрана труда и социальная защита». – Режим доступа: <http://www.otsz.by/news/kazhdaya-shestaya-semejnaya-para-v-belarusi-besplodna.html>. – Дата доступа: 19.09.2018.
3. Мубаракшина, А. М. Правовой статус суррогатной матери по закону и договору суррогатного материнства [Электронный ресурс] / А. М. Мубаракшина // Научная электронная библиотека «eLibrary». – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_29876731_30810525.pdf. – Дата доступа: 24.09.2018.
4. Айвар, Л. К. Правовые проблемы суррогатного материнства: законодательные предложения / Л. К. Айвар // Представ. власть – XXI век : законодательство, коммент., проблемы. – 2008. – № 5/6. – С. 8-14.
5. Борисова, Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики / Т. Е. Борисова // Рос. юстиция. – 2009. – № 4. – С. 7-10.
6. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 341-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Толстикова, О. М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России [Электронный ресурс] / О. М. Толстикова // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rossii-1>. – Дата доступа: 24.09.2018.
8. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 29 дек. 2012 г., № 7-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Семейный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999, № 781-ПГ : принят Национальным собранием 28.12.1999 : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 24.06.2011 : // Министерство юстиции. – Баку, 2018.
10. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек.1995, №223-ФЗ : принят Гос. Думой 08.12.1995 : в ред. Фед. Закона РФ от 29.12.2017 // КонсультантПлюс. – Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2018.
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., №278-З : принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.09.2016 // ЭТАЛОН. 6.0 – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347

**ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ
КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ ПРОДАЖИ****Е.В. ЛАВРОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

Статья посвящена теоретическому исследованию особенностей продажи-покупки домашних животных как товара в договорах розничной купли-продажи, а также особенностей товарных характеристик домашних животных. Сделан вывод, что действующее в Республики Беларусь правовое регулирование купли-продажи домашних животных имеет существенные недостатки. Предлагается введение в гражданское законодательство Республики Беларусь отдельного вида договора купли-продажи: договор розничной купли-продажи домашних животных.

Гражданское законодательство Республики Беларусь прямо не относит животных к объектам гражданских прав, однако, статьей 137 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлено, что к животным применяются правила об имуществе постольку, поскольку иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей этого объекта [1]. Указанная норма Гражданского кодекса Республики Беларусь характеризует животных как имущество (вещь). Собаки и кошки, как объекты гражданских прав, нередко становятся предметом гражданско-правовых сделок, в частности договора розничной купли-продажи, выступая в нем товаром.

Любой товар обладает рядом существенных, неотъемлемых характеристик: ассортиментной, стоимостной, качественной, количественной [4].

Ассортиментная характеристика – это совокупность отличительных видовых свойств и признаков товаров, определяющих их функциональное и социальное назначение. Применительно к животным, как к товару, это значит, что животные должны соответствовать биологической классификации, стандартам пород и видов. Гарантировать ассортиментные характеристики животных как товара очень сложно. В процессе взросления внешность, окраска, соотношение животных может существенно меняться. Гарантировать, что подобные изменения не произойдут, не смогут даже лучшие заводчики. Поэтому приобретаемая, например, щенка хорошо известной породы, с целью участия его на выставках, по объективным причинам можно и не достичь поставленной цели.

Качественная характеристика – это совокупность внутривидовых потребительских свойств, обладающих способностью удовлетворять потребности потребителя. Согласно данному определению животные должны отвечать требованиям безопасности для окружающих, иметь отличные показатели здоровья.

Статья 1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» определяет безопасность товара как совокупность свойств и характеристик товара, при которых товар не является вредным и не представляет опасности для жизни, здоровья, наследственности, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях использования товара, хранения, транспортировки и утилизации товара [2].

Характер, активность и поведение животных зависит от многих факторов. Даже спокойное по своей природе животное может проявлять неожиданную агрессию. Неумелое обращение с животными (особенно это касается собак бойцовских пород) может вызвать поведенческую реакцию, которую человек воспринимает как агрессивную, а на самом деле является естественной реакцией при сложившихся обстоятельствах. И тем более невозможно гарантировать, что принес в дом котенка или щенка имущество потребителя как мебель, обувь, обои на стенах, возможно обувь зашедшего в гости соседа, останутся неповрежденными. Несмотря на то, что законодатель относит животных к товару, всякое животное – это, прежде всего, живое существо. К нему невозможно предъявлять требования по функциональности, как, например, к посудомоечной машине, которая работает в соответствии с установленной программой.

Для любого живого существа показатели здоровья являются самыми важными. Как и для человека, так и для животных гарантировать отсутствие в данный момент времени заболевания можно только в части наследственных и хронических заболеваний. В большинстве случаев признаки заболеваний появляются уже после того, как животные заболели. Сказать с точностью, когда это произошло – очень сложно. А уж кто в этом виновен продавец или покупатель практически невозможно [4].

Количественная характеристика – это совокупность определенных внутривидовых свойств, выражаемая с помощью величин и единиц их измерения, которые обычно нормируются:

- возраст домашнего животного;
- размер домашнего животного;
- вес домашнего животного.

Стоимостная характеристика – это отражение всех перечисленных характеристик с учетом затрат на разведение, содержание, обслуживание и доставку товара до потребителя.

С количественной и стоимостной характеристиками собак, кошек, как товара, все определено. Указанные характеристики можно проверить, не прибегая к сложным процедурам и экспертизам. Сложно, а порой и невозможно, удостовериться в отсутствии «брака» при рассмотрении ассортиментной и качественной характеристик.

Какие гарантии устанавливает государство при покупке щенка или котенка, то есть домашнего животного? Приобретая домашнее животное, лицо вступает в гражданско-правовые отношения, совершает двустороннюю сделку – фактически заключает договор розничной купли-продажи. Подобные договоры регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «О защите прав потребителей», иными нормативными правовыми актами. Однако, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей», законодательство о защите прав потребителей распространяется на отношения по договору между физическим лицом – потребителем, имеющим намерение заказать или приобрести либо заказывающим, приобретающим товар или использующим товар исключительно для личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, – с одной стороны, и организацией, индивидуальным предпринимателем, иным физическим лицом, реализующим товары в рамках ремесленной деятельности, либо оказывающим услуги в сфере агротуризма, либо осуществляющую разовую реализацию товаров на торговых местах на рынках и (или) иных местах, на которых торговля может осуществляться в соответствии с законодательством, – с другой.

Законодательство о защите прав потребителей не распространяется на договорные отношения между физическими лицами, если они не вытекают из осуществления предпринимательской, ремесленной деятельности или деятельности в сфере агротуризма, на отношения, возникшие в связи с приобретением товаров для осуществления предпринимательской деятельности, а также на отношения по приобретению товаров для нужд организации [3].

Также Пленум Верховного Суда устанавливает, что при возникновении спора между покупателем и продавцом по договору розничной купли-продажи, при подготовке дела к судебному разбирательству, суду следует предложить истцу представить доказательства, свидетельствующие о наличии между ним и продавцом гражданско-правового договора, определяющего права и обязанности сторон (договор, акт, чек, расписку, накладные и другие документы).

Отсутствие документов, подтверждающих приобретение товара, не лишает потребителя права при возникновении спора представлять другие доказательства в подтверждение данного факта. Такими доказательствами могут быть и показания свидетелей.

При этом статья 162 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает, что в простой письменной форме должны совершаться сделки (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения) [1]:

- 1) юридических лиц между собой и с гражданами;
- 2) граждан между собой на сумму, превышающую не менее чем в десять раз установленный законодательством размер базовой величины, если иное не предусмотрено законодательством.

Пункт 1 статьи 163 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает последствие несоблюдения простой письменной формы сделок. Отсутствие письменного оформления сделки лишает стороны в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства, не являющиеся свидетельскими показаниями.

Иными словами, от стоимости товара (домашнего животного) и лица, у которого покупатель приобрел собаку, кошку зависит наличие или отсутствие права в дальнейшем защитить потребительские права при обнаружении «брака» у приобретенного «товара».

Но при этом следует учитывать, что законодательство Республики Беларусь не относит к предпринимательской деятельности, осуществляемую физическим лицом самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам реализацию котят и щенков при условии содержания домашнего животного (кошки, собаки). Вполне законно покупателю может продать щенка физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, не осуществляющее разовую реализацию товара на торговых местах на рынках, установив цену на «товар», не превышающую в десять раз установленный законодательством размер базовой величины, что, соответственно, не налагает обязанности оформлять сделку в простой письменной форме. Указанные условия осуществления покупки лишают покупателя возможности, при обнаружении «брака» «товара» требовать от продавца расторжение договора розничной купли-продажи.

Что произойдет при подобной ситуации с приобретенным щенком, зависит только от покупателя, так как интересы «товара» гражданским законодательством не учитываются. При выявлении «брака», не окажется ли приобретенный «товар», выброшенным на улицу?

По нашему мнению, целесообразнее было бы ввести в гражданское законодательство отдельный вид договора купли-продажи: договор купли-продажи домашних животных, определив в качестве существенных условий наименование продавца, предмет договора, стоимость «товара», обязанности сторон, учитывающие также интересы домашних животных, ассортиментные и качественные характеристики. Понуждать к заключению договора купли-продажи животных всех лиц, независимо от стоимости товара, наличия регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица. Это позволило бы более четко регулировать гражданско-правовые отношения в сфере приобретения и продажи домашних животных, учитывая интересы, как сторон по договору купли-продажи, так и самих домашних животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одоб. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 23.06.2018.
2. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З : с изм. и доп. от 29 октября 2015 г. № 313-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2018.
3. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24 июня 2010 г. № 4 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2018.
4. Правила продажи домашних животных (питомцев) в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zoospravka.ru/article/about_037.htm/. - Дата доступа: 19.06.2018.

УДК 347

ВЫКУП ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ПРИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ОБРАЩЕНИИ С НИМИ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**Е.В. ЛАВРОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)*

Представлен анализ правовой нормы, регулирующей гражданско-правовые отношения, возникающие между сторонами при выкупе домашних животных у собственника, злоупотребляющего правом на них, а также анализ условий, созданных для реализации на практике, содержащейся в статье 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь правовой нормы, последствий, наступающих для собственника домашних животных, который обращается с ними ненадлежащим образом.

Одной из функций, которую выполняют нормы права, является охранительная функция, направленная на регламентацию мер юридической ответственности и специфических мер защиты субъективных прав. Статья 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь «Выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними» теоретически направлена на защиту домашних животных от ненадлежащего обращения с ними собственника.

Статья 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает, что, в случаях, когда собственник домашних животных обращается с ними в явном противоречии с установленными законодательством правилами и принятыми в обществе нормами гуманного отношения к животным, эти животные могут быть изъяты у собственника путем выкупа лицом, предъявившим соответствующее требование в суд. Цена выкупа определяется соглашением сторон, а в случаях спора судом [1].

В комментариях к Гражданскому кодексу Республики Беларусь содержится следующее утверждение: «...статья также предусматривает принудительное возмездное прекращение права собственности в виде санкции за ненадлежащее осуществление собственником своих правомочий. Однако в данном случае критерием оценки неправомерности поведения собственника могут быть не только правила, установленные законодательством (см., например, Правила содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь, утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 июля 2001 г. № 834 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001 г. № 57, 5/6167), но и принятые в обществе нормы гуманного отношения к животным. Требования об изъятии у собственника животного может быть заявлено в суд не только специализированными органами, но и любыми заинтересованными лицами» [5].

Как Гражданский кодекс Республики Беларусь, так и комментарии к нему, не раскрывают понятие «ненадлежащее обращение с животными», но оставляют ссылку на установленные законодательством правила, в частности, Правила содержания домашних собак и кошек, и нормы гуманного отношения к животным.

Утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь Правила содержания домашних собак и кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь налагает на владельцев собак и кошек следующие обязанности [2].

– владельцы собак, кошек обязаны строго выполнять санитарно-ветеринарные нормы и правила их содержания, обеспечивать безопасность людей, не допускать загрязнения этими животными общедоступных мест;

– соблюдать требования технических нормативных правовых актов по профилактике бешенства;

– в трехдневный срок ставить в известность организации, осуществляющие регистрацию животных, а также ветеринарное учреждение по месту постоянного проживания о приобретении, продаже, гибели, пропаже, перемене места жительства или сдаче собаки, кошки;

– доставлять домашних собак, кошек в ветеринарные учреждения для обследования и прививок против бешенства согласно требованиям действующего ветеринарного законодательства;

– выводить в случае надобности собак из квартир или иных изолированных помещений, а также с изолированных территорий в места общего пользования на коротком поводке и в наморднике;

– производить выгул собак в местах, отведенных для этих целей местными исполнительными и распорядительными органами;

– своевременно вносить установленные для владельца собак сборы.

То есть соблюдение указанных требований можно рассматривать как надлежащее обращение с собакой, кошкой, и, соответственно, нарушение данных требований – как ненадлежащее обращение с собакой, кошкой? Если владелец собаки выводит в нарушение установленных Правил ее без намордника и не на коротком поводке, то является ли это основанием для выкупа собаки у нерадивого собственника? К

сожалению, судебной практики по данной категории дел в Республики Беларусь нет, поэтому трудно определить, что является основанием для выкупа домашних животных при ненадлежащем обращении с ними.

Также статья 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь ссылается на принятые в обществе нормы гуманного отношения к животным, как мерилу надлежащего или ненадлежащего обращения с домашними животными. В данном случае законодатель применяет нравственно-правовую оценочную категорию, которая не содержит четко регламентированных правил и создает неопределенность правоприменения.

На современном этапе развития общества идеи гуманизма (признание права человека на свободу, развитие, любовь, счастье, отрицание проявления какого-либо насилия к живым существам) претерпели изменения так, что он даже утратил свою актуальность, поскольку для современного общества на первый план вышли идеи рыночных отношений и самодостаточности. Современный гуманизм подменил любовь к человечеству борьбой за его прогрессивное развитие. А борьба, как известно, лишает человека способности к сопереживанию, что в свою очередь порождает жестокость по отношению не только к людям, как соперникам на пути к цели, но и другим живым существам.

Статья 3 Модельного закона «Об ответственном обращении с животными», принятом на сорок шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, содержит основные принципы обращения с животными, среди которых принцип гуманного отношения к животным, критерием которого является благополучие животных и человека в рамках общепринятых этических ценностей [3]. Однако в указанном законе не раскрывается понятие «благополучие животных», и также применяется нравственно-правовая оценочная категория. Потому говорить о четком критерии принципа гуманного отношения к животным, исходя из статьи 3 Модельного закона, невозможно, соответственно и применять на практике указанный критерий очень сложно.

Глава вторая Европейской Конвенции по защите домашних животных, которую Республика Беларусь не ратифицировала, называет принципы содержания домашних животных и основные принципы благополучия животных [4].

– никто не имеет права причинять животному ненужной боли, страданий или ущерба;
– любой человек, содержащий домашнее животное или присматривающий за ним, должен обеспечивать ему место для проживания, уход и заботу с учетом естественных потребностей и в соответствии с его природой и особенностями, в частности:

- а) обеспечивать его в достаточном количестве подходящей ему пищей и водой;
- б) удовлетворять его потребности в физических нагрузках;
- в) принять все необходимые меры для предотвращения возможного побега животного.

Европейская Конвенция содержит более четкие характеристики признаков гуманного отношения к животным, но, так как юридической силы на территории Беларуси Конвенция не имеет, содержащиеся в ней нормы и принципы не применяются в законодательстве Республики Беларусь. Конвенция может служить лишь примером для разработки национального закона о защите животных.

Лицу, которое, согласно статье 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь, пожелает предъявить требование о выкупе домашнего животного у владельца, который ненадлежащим образом обращается с ним, не имея четких определений и критериев оценки надлежащего и ненадлежащего отношения к собаке или кошке, крайне сложно будет отыскать, обосновать и доказать основания для предъявления указанных в статье требований.

Анализ рассматриваемой статьи Гражданского кодекса позволяет утверждать, что норма статьи направлена не на защиту домашних животных от ненадлежащего обращения с ними, а на защиту права собственности владельца домашних животных. Статья 242 Гражданского кодекса в полной мере реализует принцип неприкосновенности собственности, указанный в статье 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «право собственности, приобретенное законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда» [1]. Здесь животные выступают в качестве имущества, лишенного признаков одушевленности, так как собственники домашних животных, реализуя право собственности, наделены возможностью использовать свое имущество по своему усмотрению. В пределах статьи 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь за причинение вреда своему имуществу, а по сути живому существу, они не несут гражданско-правовой ответственности.

Статья 9 п. 1 и п. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает пределы осуществления гражданских прав. Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. В случае несоблюдения указанных требований суд общей юрисдикции или третейский суд могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Здесь речь идет об отказе в виндикационном иске.

Ответчиком по виндикационному иску является лицо, фактически, но незаконно владеющее вещью в момент предъявления иска. Чтобы не подпасть под п.1 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ответчик по виндикационному иску должен являться добросовестным приобретателем. По гражданскому законодательству лицо может приобрести право собственности на имущество, не имеющее собственника, на имущество, собственник которого неизвестен, либо на имущество, от которого собственник отказался или на которое он утратил право собственности по иным основаниям, предусмотренным законодательством. Также добросовестным приобретателем может стать лицо, в собственности которого не находится имущество, но которое добросовестно, открыто и непрерывно владеет им как своим собственным в течении пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность). Применимо к домашним животным, которые страдают от ненадлежащего обращения с ними владельца, указанные выше основания приобретения права собственности на них лишены практического смысла. Каким образом лицу, которое желает защитить домашнее животное от ненадлежащего обращения с ним владельца, если владелец не намерен расставаться со своей собственностью, стать добросовестным приобретателем? Каким образом «отобрать» страдающее животное у собственника и открыто, непрерывно владеть им в течение пяти лет? К тому же даже если лицу, защищающему право домашнего животного на благополучное существование, удастся стать добросовестным приобретателем на основании приобретательной давности и собственнику при этом будет отказано в возврате вещи из чужого незаконного владения, Гражданский кодекс не запрещает собственнику подать в суд иск об истребовании плодов и доходов от этой вещи, то есть от домашнего животного. И в случае выкупа домашних животных при ненадлежащем обращении с ними, и в случае отказа в виндикационном иске собственнику компенсируется лишение права собственности, а фактически поощряется насилие по отношению к животным, что само по себе опровергает принципы гуманизма, на которые ссылается норма статьи 242 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одоб. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2018.
2. Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 4 июня 2001 г. № 834. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2018.
3. Об ответственном обращении с животными [Электронный ресурс] : Модельный закон от 27 марта 2017 г. № 46-15. – Режим доступа: <http://normativka.by/lib/document/500249955/>. – Дата доступа: 24.06.2018.
4. О защите домашних животных [Электронный ресурс] : Европейская Конвенция 1987 г. – Режим доступа: <http://www.ghope.ru/interesting/law-aspekts/evropeyskaya-konventsiya-po-zashcite-zhivotnykh/>. Дата доступа: 24.06.2018.
5. Чигир В.Ф. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.01.2013 г.] / В.Ф.Чигир//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.06.2018.

УДК 347

**ДОГОВОР ФРАНЧАЙЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ****А.В. ДЕРКАЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Р.В. ПУЗИКОВ)*

Рассматриваются сходства и различия договора франчайзинга по законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Беларусь в части сравнения положений Гражданского кодекса обеих стран с позиций целесообразности изменения положений Гражданского кодекса Российской Федерации под вектор мирового понимания франчайзинга.

Широкое распространение франчайзинга с эффективным использованием этой формы предпринимательства в странах с рыночным типом экономики доказывает оправданность его системного применения в целях создания благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства, что свидетельствует о целесообразности развития в России этого способа ведения предпринимательской деятельности и, следовательно, применимой к франчайзингу договорной конструкции.

В советский период, при господстве плановой экономики, в гражданском праве СССР договорной конструкции франчайзинга (коммерческой концессии) не существовало в силу объективных причин, т.к. развитие предпринимательских отношений не могло происходить подобным США образом в связи с существовавшим на то время государственно-политическим строем и правовой системой. В современной России правовая конструкция франчайзинга достаточно подробно описана в действующем законодательстве и раскрывается через положения Гражданского кодекса РФ о коммерческой концессии. Как и в России, в Республике Беларусь правовое регулирование договорных франчайзинговых отношений основано на нормах гражданского законодательства. А именно, в Российской Федерации это глава 54 части второй Гражданского кодекса РФ [1], в Республике Беларусь – глава 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2].

Все страны мира идут по самостоятельному пути развития, который, как правило, формируется на основе правовой доктрины, развивающейся в конкретном государстве. Несмотря на это и Россия, и Республика Беларусь имеют общие направления. Например, положения гражданского законодательства о договоре франчайзинга во многом совпадают. Анализ норм Гражданского кодекса РФ и Гражданского кодекса Республики Беларусь выявил ряд сходств:

- 1) стороны договора. Договор является двусторонним, с одной стороны договора выступает правообладатель, с другой – пользователь. Также сторонами по договору могут выступать только юридические лица или граждане, зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) договор является возмездным. Совпадают формы вознаграждения (фиксированные разовые или периодические платежи, отчисления от выручки);
- 3) возможно заключение субдоговора (сублицензии или субконцессии), положения субдоговора также совпадают;
- 4) содержание (права и обязанности сторон) договора совпадает, за исключением того, что по законодательству РФ правообладатель обязан обеспечить государственную регистрацию договора коммерческой концессии;
- 5) ограничения прав сторон по договору также совпадают за исключением ограничения прав пользователя в РФ по реализации товаров и услуг по ценам и территории, устанавливаемым правообладателем;
- 6) ответственность правообладателя по требованиям, предъявляемым к пользователю;
- 7) по законодательству обеих стран договор франчайзинга может быть изменен по сходным условиям и также подлежит государственной регистрации;
- 8) договор франчайзинга сохраняет силу при перемене сторон, а также при изменении коммерческого обозначения или фирменного наименования;
- 9) последствия прекращения исключительного права;
- 10) условия прекращения договора франчайзинга.

Различие договора франчайзинга в рассматриваемых странах заключается, на первый взгляд, в названии. В Гражданском кодексе РФ закреплен договор коммерческой концессии, а в Гражданском кодексе Республики Беларусь – договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга). Можно сделать вывод, что название договора франчайзинга в Республике Беларусь более приближено к названию рассматриваемой договорной конструкции в мире. На наш взгляд, различие в названии не яв-

ляется критерием существенного различия договорной конструкции. Важно выявить отличия в предмете договора.

Предметом договора коммерческой концессии выступает право использования комплекса исключительных прав на товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау), изобретения, полезные модели, промышленные образцы и другие объекты, право на использование которых может передаваться по договору, если это допускается законом. Также предметом выступает право использования деловой репутации и коммерческого опыта. Стоит отметить, что передача права на использование фирменного наименования в предпринимательской деятельности России другим лицом, кроме правообладателя, законом запрещена.

В свою очередь, предметом договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) выступает лицензионный комплекс, который включает в себя право использования фирменного наименования, других объектов интеллектуальной собственности (результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг), а также нераскрытой информации.

Анализируя положения Гражданского кодекса Республики Беларусь и Гражданского кодекса РФ, мы приходим к выводу, что определения фирменное наименование и коммерческое обозначение (соответственно) совпадают. Следовательно, можно сделать вывод, что и в предмете договора нет различия между нормами гражданского законодательства рассматриваемых стран относительно договора франчайзинга.

Таким образом, доля совпадающих положений преобладает, что позволяет сделать вывод об однородных направлениях развития законодательства по вопросам предпринимательской сферы деятельности. На наш взгляд, при принятии норм Гражданского кодекса РФ о коммерческой концессии, была допущена следующая правотворческая ошибка, которую достаточно точно определил Р.В. Пузиков в своем труде, посвященном влиянию правовой доктрины на стратегию развития правовой жизни общества: «... при механическом переписывании мы зачастую вводили правовые дефиниции и конструкции либо полностью неприемлемые к нашим условиям, либо просто не известные российской правовой системе» [3, с. 6]. Можно предположить, что это привело к единообразию норм, регулирующих договор франчайзинга в изучаемых нами странах, но немало важно отметить и тот факт, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются государствами, которые на протяжении многих лет состояли и развивались в единстве по единому направлению.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, договорные конструкции франчайзинга в обеих странах тождественны, а различие в названии не имеет существенного значения для его использования. Во-вторых, в силу тождественности норм гражданского законодательства тождественна и классификация договора франчайзинга. Таким образом, договор является основным, консенсуальным, возмездным, срочным/бессрочным, двусторонним, свободным, в пользу участников. По моменту возникновения обязательств договор франчайзинга является основным, так как непосредственно порождает права и обязанности. По субъекту, в пользу которого совершен договор заключается в пользу участников. По соотношению прав и обязанностей договор двусторонний, т.е. взаимный. Правообладатель и пользователь имеют взаимные права и обязанности, которые предусмотрены законом и договором. В зависимости от степени обязательности заключаемого договора является свободным. Согласно принципу свободы договора никто не может быть понужден к заключению договора. По времени возникновения правоотношений рассматриваемый договор признается консенсуальным, так как считается заключенным с момента достижения соглашения между правообладателем и пользователем по всем существенным условиям договора в надлежащей форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон Российской Федерации «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998г.: текст Кодекса по состоянию на 01 августа 2018г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 23.09.2018.
3. Правовые доктрины современности: монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, А.Б. Бекмагамбетова; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Гамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Костанайский филиал ФГБОУ ВО «ЧелГУ». – Костанай : Издательство ТОО «New Line Media», 2018. – 445 с.

УДК 347.96(4/9)

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.П. КУЛАБУХОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

Исследуется реализация права на доступ к правосудию людей с ограниченными возможностями в Республике Беларусь, меры, которые были приняты в государстве для улучшения доступности правосудия для людей с инвалидностью. Рассматриваются возможности улучшения доступа к правосудию лиц с ограниченными возможностями.

Судебная власть является самостоятельной и независимой ветвью государственной власти и существует для обеспечения справедливости, поэтому ограничение способности определенных групп быть услышанными недопустимо. Сегодня доступ к правосудию необходимо рассматривать в качестве одного из принципов судебной власти, то есть одного из ее основных, исходных положений.

Термин «доступ к правосудию» следует понимать как отсутствие чрезмерных, необоснованных правовых и практических препятствий для рассмотрения дела в суде, а, следовательно - наличие таких условий, которые способствуют гражданам беспрепятственно участвовать в судебном процессе или получать необходимую информацию о судебной деятельности [1]. Право на доступ к правосудию распространяется как на непосредственных участников судебного процесса, судей и персонала суда, так и на остальных граждан, организаций, учреждений и средств массовой информации.

В Республике Беларусь в настоящий момент понятие «право на доступ к правосудию» в качестве самостоятельного термина в национальной системе законодательства не закреплено. Тем не менее, о наличии такого права и возможностях его национальной и международной защиты позволяют говорить статьи 60, 61, 62 Конституции Республики Беларусь [2].

Однако есть такая категория граждан, возможности которых изначально ограничены. В результате чего даже то, что доступно для одних, оказывается закрыто для других. Речь идет о людях с инвалидностью.

Лица с инвалидностью в Республике Беларусь обладают всей полнотой политических, социально-экономических, личных прав и свобод, а их статус и правовое положение регулируются кроме Конституции Республики Беларусь рядом общих и специальных актов законодательства, включая Законы Республики Беларусь [3].

Законодательство Республики Беларусь предоставляет лицам с инвалидностью право на получение квалифицированной юридической помощи бесплатно. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» юридическая помощь оказывается бесплатно коллегиями адвокатов за счет своих средств инвалидам I и II групп при даче консультаций, не требующих ознакомления с делом [4]. Также инвалиды имеют право на снижение государственной пошлины в размере 50% от установленной ставки при совершении всех видов нотариальных действий, за исключением тех нотариальных действий, за совершение которых предусмотрено их полное освобождение от уплаты государственной пошлины [5].

Лица с инвалидностью имеют права на получение квалифицированного специалиста толкования языка жестов для участия в судебном заседании. Так, статья 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусматривает бесплатно пользоваться услугами переводчика лицам, не владеющим языком, на котором ведется уголовный процесс [6].

Еще одно средство обеспечения права доступа к правосудию – это упрощение процесса. В качестве примера его реализации можно привести Закон Республики Беларусь «Об основах административных процедур», в соответствии с которым предусмотрен упрощенный порядок обращения граждан (распространяется и на инвалидов) в государственные органы по различным основаниям [7].

В целом, несмотря на наличие положений, направленных на компенсацию положения инвалида в судебном процессе, модернизацию технического комплекса судебной системы есть определенные трудности в доступе к правосудию для людей с инвалидностью. Это выражено в отсутствии в судебных помещениях специального оборудования для лиц с дефектами слуха и речи, отсутствии возможности передвигаться по помещениям судов. Положение о возможности допроса свидетеля судом в месте своего пребывания предусматривается только Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (статья 188), в УПК таких положений нет, как не предусмотрены особенности допроса потерпевшего-инвалида [8].

Основным международным документом, устанавливающим права инвалидов во всем мире, является Конвенция о правах, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. и закрепляющая основные права и свободы лиц с инвалидностью. Конвенцию подписали 161 государство, в том числе Республика Беларусь [9]. Эти государства должны устанавливать обязательные для исполнения требования или гарантии, направленные на обеспечение доступности для инвалидов деятельности организаций, предоставляющих услуги населению.

Республика Беларусь стала последней страной в Европе, которая ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, но она ее ратифицировала. Нельзя допустить, чтобы этот документ стал обычной формальностью, которая нисколько не продвинет Беларусь в достижении целей Конвенции. Статья 19 Конвенции говорит, что цель государственной политики в этой сфере – обеспечить независимый образ жизни человека с инвалидностью. В связи с этим должен полностью поменяться подход к людям с инвалидностью. В идеале государство должно не просто помочь выжить людям с инвалидностью и как-то повысить качество их жизни, но обеспечить их нормальную включенность во все социальные процессы.

В соответствии с Национальным планом действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017-2025 годы обеспечение равного доступа инвалидов к правосудию с учетом их особенностей и возможностей планируется реализовать в 2019-2020 годах [11].

Конвенция даст каждому конкретному человеку с инвалидностью в нашей стране конкретные инструменты для отстаивания своих прав. Например, статьи Конвенции запрещают дискриминацию по признаку инвалидности. Раньше в белорусском праве не существовало такой формулировки. Теперь человек сможет обратиться в суд, если ощущает дискриминацию в доступе к труду, образованию и прочим правам. Правда, механизмы защиты от дискриминации как раз и нужно прописать в отдельных законах. Кроме того, необходимо повышать информированность, укреплять доверие граждан к правовой системе государства и привлекать людей с инвалидностью к выработке норм, регулирующих их правовое положение.

Государство, объявившее себя социальным, обязано стремиться к обеспечению социального равенства путем установления различного рода льгот для тех, кто имеет нарушение здоровья, приводящими к ограничению возможностей и вызывающими необходимость его социальной защиты. При ликвидации всех барьеров лица с ограниченными возможностями получают право в полной мере участвовать в жизни общества, принося ему вполне ощутимую выгоду. Таким образом, барьеры на пути инвалидов наносят ущерб обществу в целом, а проблема доступа граждан к правосудию является одной из фундаментальных в современных политических системах, основанных на идее правового государства, разделения властей и существования основных, неотъемлемых прав человека, в связи с чем доступность является составной частью прогресса и развития нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пластинина, Е. В. Правовые аспекты понятия «доступ к правосудию» / Е. В. Пластинина // Марийский юридический вестник. – 2013. – № 10. – С. 182–186.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республ. Референ. 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
3. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь 17 июля 2009 г., № 48-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прав. инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г. : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г. № 295-З : Принят Палатой представителей 24 июня 1999 года : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
7. Об основах административных процедур [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З : в ред. от 9 января 2017 г. № 17-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г. № 238-З : Принят Палатой представителей 10 декабря 1998 года : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
9. United Nations Treaty Collection/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15&chapter=4&clang=en . – Дата доступа: 28.03.2018.
10. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017-2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 июня 2017 г., № 451 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Post.-SM-RB-natsplan-dejstvij-po-invalidam.pdf>. – Дата доступа: 12.04.2018.

УДК 347.96(4/9)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ**Е.П. КУЛАБУХОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)*

Исследуется проблема реализации доступа к правосудию лиц с инвалидностью. Рассматриваются гарантии обеспечения права на доступ к правосудию людей с ограниченными возможностями, применяемые в современных государствах.

Право на доступ к правосудию является необходимым атрибутом современного общества. Сегодня доступ к правосудию необходимо рассматривать в качестве одного из принципов судебной власти, то есть одного из ее основных, исходных положений. Однако не все граждане и не при любых обстоятельствах имеют реальную возможность защищать свои права в суде, возможность обращения в суд [1]. Проблемы могут возникать в связи, в прямом смысле, ограниченными возможностями, а конкретно – инвалидностью.

Сегодня более 1 миллиарда человек, что соответствует 15 процентам населения мира, имеют ту или иную форму инвалидности. По всему миру такие люди часто имеют более низкие образовательные достижения, более высокий уровень бедности, меньше экономических возможностей, и меньше себя проявляют в других сферах жизни, чем люди без инвалидности. Это, по большому счёту, связано с тем, что инвалиды сталкиваются с барьерами, препятствующими их доступу к услугам, которые для многих из нас являются привычными, в том числе к правосудию [2].

Для преодоления барьеров в различных документах предусмотрен ряд мер, которые содействуют включению людей с инвалидностью в различные сферы жизни, в частности способствуют гражданам беспрепятственно участвовать в судебном процессе или получать необходимую информацию о судебной деятельности. Данные меры можно назвать гарантиями реализации права на доступ к правосудию лиц с инвалидностью и разделить их на 3 группы: физиологические (фактические), процессуальные и институциональные.

К фактическим гарантиям относятся те, что связаны с физиологическими особенностями людей с инвалидностью. Сюда относится обеспечение доступности здания судов для населения с инвалидностью, например, возможность использовать инвалидную коляску в помещениях суда, установка подъездной ramпы и лифтов для инвалидов, места для парковки инвалидов возле зданий суда (Великобритания). Для обеспечения беспрепятственного доступа в здание используются автоматические открыватели дверей, так как люди на инвалидных колясках и другие маломобильные группы граждан сталкиваются с серьезными трудностями при открывании дверей, особенно при входе в помещение, в котором двери открываются наружу. Все потенциально опасные препятствия на пути людей с нарушениями зрения должны быть обозначены специальными желтыми полосами или кругами. Желтый цвет хорошо заметен, а для людей, имеющих высокую степень потери зрения, это последний из цветов спектра, который остается различимым.

Информация о судах, в том числе на сайтах, предоставляется в альтернативных форматах доступных для слабовидящих, слабослышащих, например, путем использования шрифта Брайля - рельефно-точечного шрифта для письма и чтения слепых, который даёт возможность читать текст с помощью кончиков пальцев. Так, здания судов должны быть оснащены вывесками, напечатанными шрифтом Брайля, где содержится информация о графике работы и часах приема в суде.

Вообще, предоставление информации возможно большим числом способов, так как это одна из самых важных услуг. Кроме размещения информации на стендах, портале в сети Интернет, информирования по телефону внедряют иные способы информирования, такие как, например, размещение в помещениях оказания услуг телевизоров с телетекстом, предоставление по запросу инвалидов планшетных компьютеров со специальным программным обеспечением для слабовидящих или невидящих пользователей, тифлосредств. Для передачи информации о пути и направлении движения слабовидящим и незрячим людям может использоваться тактильная плитка. Она обеспечивает возможность передвижения в нужном направлении самостоятельно, без сопровождающего лица, как внутри здания, так и на улице. Специальные объемные тактильные плитки и другие варианты напольных тактильных покрытий формируют рисунок, позволяющий незрячим людям получать информацию о безопасном пути движения и о наличии препятствий (пороги, ступени, лестницы, столбы или колонны, двери) на пути [3]. Для лиц с нарушениями слуха практикуется установление во всех залах судебных заседаний системы слуховых аппаратов (Канада, Австралия) [4]. Некоторые суды Австралии используют Национальную ретрансляци-

онную службу (National Relay Service), чтобы позволить лицам с нарушением слуха или речи связаться с судами по телефону [5].

К процессуальным относятся гарантии, которые обеспечивают возможность участия людей с ограниченными возможностями в судебном процессе. Есть ряд услуг, которые помогают людям с инвалидностью давать показания. Например, коммуникационная помощь, включающая предоставление квалифицированного специалиста толкования языка жестов. Человек с проблемами со слухом может потребовать услуги квалифицированного переводчика языка жестов, чтобы участвовать в судебном заседании. Кроме переводчика языка жестов людям с инвалидностью, которые умеют читать по губам может оказать помощь липспикер (lipspeaker) - человек, который передает сказанное, повторяя слова губами, не используя голос. Они в точности повторяют слова и не добавляют свои комментарии (Великобритания) [6].

Также люди с ограниченными возможностями могут записать видео заранее, что позволит им таким образом присутствовать во время судебного процесса. (Канада, Великобритания) [7]. У людей с инвалидностью часто возникает психологический барьер, который мешает им чувствовать себя спокойно в зале суда, из-за чего им трудно давать показания, поэтому видео, записанное заранее в более комфортной обстановке, или присутствие по видеоконференц-связи облегчит эту задачу. Также, чтобы уменьшить тревогу и стресс человека с инвалидностью при даче показаний обеспечивают присутствие представителя. С этой же целью прокурор может спросить некоторые «разогревающие» вопросы, чтобы помочь расслабиться, прежде чем переходить к допросу (Великобритания) [8]. В дополнение, возможно проведение дополнительных перерывов в судебных разбирательствах при необходимости.

К этой группе гарантий относится и подготовка сотрудников судебных органов, должностных лиц и юристов для оказания помощи лицам с различными нарушениями.

Другая группа гарантий – институциональные. Существуют некоторые институты, которые содействуют реализации прав людей с инвалидностью на доступ к правосудию. Немаловажную роль в содействии играет гражданское общество. В зарубежных странах создаются различные организации, центры по оказанию помощи людям с ограниченными возможностями. Так, юридическая помощь для инвалидов в Канаде доступна через Совет канадцев с инвалидностью (Council of Canadians with Disabilities). Это национальная правозащитная организация, которая содействует реализации Конвенции о правах инвалидов, реформам законодательства, оказывают поддержку и помощь лицам с инвалидностью во многих сферах. В Великобритании действует Служба по правам инвалидов (Disability Law Service) – уникальная национальная благотворительная организация, предоставляющая информацию, бесплатные консультации и представительство для инвалидов. На их веб-сайте (www.dls.org.uk) в данный момент собираются пожертвования как раз для обеспечения доступа к правосудию для лиц с ограниченными возможностями. В Австралии – Австралийский центр по вопросам прав инвалидов (Australian Centre for disability law) и др.

Важно и то, что в зарубежных странах налажена обратная связь населения с представителями государственных органов. Лица с инвалидностью могут сами обратиться за помощью или сообщить, когда у них возникают трудности. Участникам судебного процесса предоставляется возможность информировать суды о любых нарушениях, влияющих на способность людей с ограниченными возможностями участвовать в судебном заседании. Сайты Верховных судов Великобритании, Канады и других государств приветствуют отзывы о том, как они могут улучшить доступность и удобство использования сайта (Канада).

По многим причинам ряд государств не обеспечивают на должном уровне доступ к правосудию для людей с инвалидностью, хотя существует множество способов совершенствования реализации данного права. В итоге дискриминационное отношение общества, невозможность интеграции таких людей в общество, исключает их из нормальных человеческих взаимоотношений. Результатами подобного отношения становится их преднамеренная осознанная самоизоляция от общества.

Доступ к правосудию – это субъективное право человека на обращение в суд, но также обязанность государства юридически обеспечить возможность использования права на судебную защиту в реальном процессе, то есть правоприменитель должен содействовать реализации права на беспрепятственное обращение в суд. Доступ к правосудию реализуется посредством институциональных и процессуальных и фактических гарантий, обеспечивающих право потенциальных участников процесса получить справедливое правосудие. Необходимо выявлять и совершенствовать систему, предоставлять перечисленные гарантии, повышать доверие людей с ограниченными возможностями к правосудию и идти к истинно «безбарьерной» среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пластинина, Е. В. Правовые аспекты понятия «доступ к правосудию» / Е. В. Пластинина // Марийский юридический вестник. – 2013. – № 10. – С. 182–186.

2. World Health Organization / World report on disability / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/en/. – Дата доступа: 28.03.2018
3. Методическое пособие для обучения (инструктирования) сотрудников учреждений МСЭ и других организаций по вопросам обеспечения доступности для инвалидов услуг и объектов, на которых они предоставляются, оказания при этом необходимой помощи / Р.Н. Жаворонков, Н.В. Путило, О.Н. Владимирова и др.; Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. – В 2-х ч.- М., 2015. - 555 с.
4. Council of Canadians with Disabilities/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ccdonline.ca/en/international/un/canada/crpd-first-report#sec-government>. – Дата доступа: 28.03.2018.
5. Осуществление Конвенции о правах инвалидов: первоначальные доклады, представленные государствами-участниками в соответствии со статьей 35 Конвенции: Австралия/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.refworld.org/docid/5141cf592.html>. – Дата доступа: 29.03.2018.
6. GOV.UK / Get an interpreter at a court or tribunal / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gov.uk/get-interpreter-at-court-or-tribunal>. – Дата доступа: 25.08.2018.
7. Services for People with Disabilities/Guide to Government of Canada Services for People with Disabilities and their Families/ [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.faslink.org/disability_guide_eng.pdf. – Дата доступа: 27.03.2018.
8. UK Initial Report on the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/345120/uk-initial-report.pdf. – Дата доступа: 27.03.2018.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
И ОСНОВНЫХ ФОРМ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ****А. ГАЙДУК***(Представлено: О.В. КАТУШОНОК)*

Проанализированы различные подходы к определению внутрисемейного насилия, имеющиеся в криминологической литературе. На основе анализа законодательного определения «насилие в семье» выявлены его недостатки, а также предложена собственная дефиниция с учетом возможных направлений насильственного воздействия. Обоснована нецелесообразность выделения отдельных действий как самостоятельных форм насилия в семье.

В настоящее время внутрисемейное насилие есть одна из самых распространенных форм агрессии в Республике Беларусь, тем самым привлекая к себе все больше внимания. Проблема насилия в семье является проблемой безопасности не только отдельной личности, но и всего государства в целом, вследствие его негативного воздействия на систему нормализации общественного порядка. Однако проблема агрессии и насилия в сфере семьи все еще остается открытой в научном сообществе.

Прежде, чем говорить о понятии насилия и насильственной преступности в семье, необходимо уяснить, что же следует вкладывать в само понятие «семья» при криминологическом исследовании данной проблемы. Исследования, проведенные Д.А. Шестаковым, позволили выявить «невозможность использования в криминологии устоявшихся в других дисциплинах определений семьи» [1, с. 7]. В этой связи мы согласны, что необходимо специальное понимание семьи и семейных отношений для изучения внутрисемейного насилия.

В юридическом понимании семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления (ст. 59 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоБС) [2].

На основании данной статьи к членам семьи относятся лица, находящиеся в юридическом браке, независимо от факта их совместного или раздельного проживания; лица в состоянии родства любого характера и степени; лица, которые связаны обязанностями по воспитанию детей и материальному обеспечению членов семьи (усыновители).

Указанное определение семьи в исследовании семейного насилия малопродуктивно, так как является весьма узким и не охватывает иные формы семейного общежития. В действительности круг семейного общения гораздо шире, нежели указано в данной статье КоБС.

В частности, данной статьей не охватываются лица, проживающие в гражданском браке. Мы критически относимся к позиции В.И. Шахова, который считает, что «фактические брачные отношения (сожительство) не могут защищаться с уголовно-правовых позиций, поскольку между их участниками нет правовой связи, порождающей юридические права и обязанности супругов, предусмотренные законом» [3, с. 33]. Между лицами, состоящими в гражданском браке, возникают такие же отношения, как и у лиц, состоящих в официальном браке: они проживают совместно, ведут общее хозяйство. На этом основании при исследовании семейного насилия, а также его кримиогенных детерминант следует изучать и данную категорию лиц. Конфликты, заканчивающиеся применением насилия, могут возникать между лицами вне зависимости от того, оформлены их отношения официального или нет.

Отношения по воспитанию возникают и между отчимом/мачехой и падчерицей/пасынком. Юридически родственных связей между ними нет, но фактически конфликты между такими лицами возникают даже чаще, чем между родными лицами и их разрешение также может закончиться применением насилия. Учитывая общность интересов указанных лиц, ограниченность пространства их совместного проживания, постоянность общения, насилие, возникающее между отчимом/мачехой и падчерицей/пасынком, также следует рассматривать, как насилие, совершенное в семье.

В Республике Беларусь в последние годы интенсивно развивается институт приемной семьи. Однако приемная семья в соответствии со ст. 170 КоБС, наряду с домами семейного типа, является формой устройства на воспитание в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К тому же отношения в таких семьях возникают на основании решения органа опеки и попечительства о создании приемной семьи, а также договора об условиях воспитания и содержания детей и трудового договора. По

всем указанным показателям приемная семья не является семьей в полном понимании этого слова в соответствии с национальным законодательством. При этом, приемные родители выполняют такие же функции по воспитанию детей, как и родители, возможно, прибегая к применению и насильственных форм воспитания. Возникает вопрос: относится ли насилие, применяемое приемными родителями по отношению к приемным детям, а также насилие одного ребенка по отношению к другому, совершенным в сфере семьи?

Кроме того, в соответствии со ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) членами семьи признаются близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные физические лица, проживающие совместно с участником административного процесса и ведущие с ним общее хозяйство [4]. Данное понятие распространяется на действие Закона Республики Беларусь № 122-3 от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее Закон № 122-3), в соответствии с которым такие меры индивидуальной профилактики, как официальное предупреждение, профилактический учет и защитное предписание, применяются только в случае совершения правонарушения, предусмотренного статьями 9.1, 9.3, 17.1 КоАП, по отношению к члену семьи. Следовательно, указанные меры не могут применяться к лицам, применившим насилие в отношении родителей, братьев/сестер, детей и других родных, совместно с агрессором не проживающих и ведущих с ним общего хозяйства.

На основании изложенного, полагаем, что в целях максимального изучения и анализа противоречий, лежащих в основе внутрисемейного насилия, в криминологических исследованиях существует необходимость разработки понятия «семья». Расширительное толкование данного понятия следует закрепить на законодательном уровне, например, в Законе № 122-3. Кроме того, соответствующие изменения следует внести в ПИКоАП при определении понятия «члены семьи». Так, членами семьи следует признавать: супругу/супруга (сожителей); родителей (усыновителей, опекунов/попечителей, приемных родителей, отчимов/мачех), детей (родных детей, усыновленных детей, детей, находящихся под опекой/попечительством, приемных детей, падчериц/пасынков); бабушек/дедушек, внуков/внучек; братьев/сестер вне зависимости от факта их совместного или раздельного проживания и ведения общего хозяйства. Это позволит указанным лицам находиться под защитой государства, а в отношении семейных агрессоров применять предусмотренные законодательством меры реагирования в целях недопущения дальнейшего совершения актов насилия.

В настоящее время в криминологических исследованиях, посвященных проблеме насилия в семье наряду с данным термином можно встретить и такие, как «внутрисемейное насилие», «насилие в сфере семьи», «насилие в семейно-бытовой сфере», «домашнее насилие».

Как правило, разграничение между данными понятиями не проводится, и они используются как синонимы для избегания тавтологии. Тем не менее, использование термина «насилие в семейно-бытовой сфере» наряду с другими, на наш взгляд, не является обоснованным. «Семейно-бытовая сфера» – понятие более широкое, нежели понятие «сфера семьи», поскольку включает в себя не только взаимоотношения, складывающиеся между членами семьи, но и общение с соседями, с друзьями и знакомыми, которое возникает при совместном времяпрепровождении.

Использование термина «домашнее насилие» при изучении данного негативного явления также вызывает определенные сложности. Некоторые ученые, например, Л.О. Отабоева [5, с. 9] в понятие «домашнее насилие» вкладывают такое значение, как и в понятие «семейное насилие». Л.А. Колпакова, напротив, считает, что термин «домашнее» насилие указывает «на домашнюю (бытовую) обстановку совершения преступления, но не на семейно-родственный характер связи между жертвой и преступником» [6, с. 66].

Некоторые авторы, например Т.А. Сидоренкова [7, с. 29], обозначают насилие в семье, как любое умышленное действие одного члена семьи против другого, причиняющие или могущие причинить физический, психический или иной вред здоровью. Другие авторы под насилием в семье понимают противоправное воздействие одного члена семьи на другого. Так, по мнению В.А. Шахова, насилие в семье в семье есть «противоправное, общественно опасное физическое, психическое или сексуальное воздействие на человека, обладающее устойчивой тенденцией к эскалации и большой вероятностью повторения, одного члена семьи на другого, совершенное против или помимо воли потерпевшего, независимо от фактических последствий такого воздействия» [3, с. 76].

В зарубежной англоязычной социологической и криминологической литературе используется несколько терминов, характеризующих насилие в семье. «Domestic violence» или «family violence» подразумевают насилие, совершенное членами семьи по отношению к другим членам семьи – детям, супругу/е, родителям, другим родственникам. Используются также специальные термины, относящиеся насильственному воздействию, в отношении отдельных членов семьи – «spouse abuse» (злоупотребления в отношении супруга/а), «wife battering» (избиение жены), «marital rape» (изнасилование в браке); «child abuse» (злоупотребления в отношении детей). При этом, проводятся разграничения между терминами «violence» и «abuse» [8, p. 875].

Разработанность категориального аппарата по проблеме насилия в английском языке свидетельствует о большом внимании к данной проблеме за рубежом. В отечественной криминологической науке разработка соответствующей терминологии отсутствует, что также является аргументом в пользу необходимости изучения данной проблемы.

В соответствии со ст. 1 Закона № 122-3 под насилием в семье понимают «умышленные действия *физического, психологического, сексуального характера* члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему *физические и (или) психические страдания*» [9].

Анализ данного определения показывает, что в зависимости от характера законодатель выделяет три вида воздействия: физическое, психическое и сексуальное. В действительности причинить близкому лицу физические и (или) психические страдания можно не только путем указанных видов воздействия. Спектр таких действий широк: экономическое, эмоциональное, моральное, социальное, религиозное и др. Однако, действиями указанного характера могут причиняться только «физические и (или) психические страдания». На этом основании, следует выделять только физическое и психическое насилие.

Вместе с тем и в зарубежных научных исследованиях [10], и в российской литературе [11, с. 98; 12, с. 114] наряду с физическим и психическим насилием большинство авторов оперируют и таким понятием, как «экономическое насилие», «сексуальное насилие».

Понятие «экономическое насилие» закреплено в некоторых государствах даже на законодательном уровне. Так, статья 1 Закона Украины «О предупреждении насилия в семье» определяет экономическое насилие в семье как «умышленное лишение одним членом семьи другого члена семьи жилья, еды, одежды и другого имущества или средств, на которые пострадавший имеет предусмотренное законом право, что может привести к его смерти, вызвать нарушения физического или психологического здоровья» [13]. Как представляется, в данном случае идет речь не о насилии в полном понимании этого термина, а об экономическом воздействии либо действиях экономического характера. Запрет работать, контроль над расходами, лишение карманных денег и другие подобные действия хоть и имеют экономическую направленность, но приводят либо могут привести к психическим страданиям, что, в свою очередь, и является психическим насилием. Соответственно, экономическое воздействие следует рассматривать как один из способов психического насилия.

На этом основании, на наш взгляд, необоснованно выделение в особую форму насилия в семье и сексуального насилия, поскольку совершаемые действия сексуальной направленности также в итоге причиняют физические и (или) психические страдания. Подобные суждения в своих исследованиях высказывает и Л.А. Колпакова, отмечая, что сексуальное насилие носит «комбинированный характер и полностью охватывается понятием физического и психического насилия» [14, с. 58].

Высказанной нами позицией поддерживается точка зрения отдельных авторов. Так, С.В. Бородин отмечает, что эти два вида преступного воздействия (*физическое и психическое*) охватывает все случаи нарушения (повреждения) общественных отношений со стороны его субъекта [15, с. 10]. М.В. Крюкова семейное насилие классифицирует согласно двум основным формам воздействия (на тело и психику) на прямое насилие (физические воздействия деструктивного характера) и скрытое насилие (деструктивные воздействия, используемые в межличностном общении) [16, с. 13].

Как уже отмечалось, совершать физические и (или) психическое насилие можно действиями различной направленности. Среди таковых следует выделять:

а) действия физической направленности (физическое воздействие): побои, избияния, таскание за волосы, удары руками и (или) ногами, пощечины, пихания, ограничение пространства и др.

б) действия психической направленности (психическое воздействие):

1) действия эмоциональной (моральной) направленности (эмоциональное (моральное) воздействие): эмоциональное подавление, унижение достоинства, лишение общения, запрет/ограничение общения с родственниками, друзьями, вмешательство в личную жизнь, ревность, шантаж, воздействие на жертву путем причинения вреда другим членам семьи либо животным и др.

2) действия вербальной направленности (вербальное воздействие): брань, ругательства, обзывание, оскорбление, угрозы, запугивание и др.

в) действия сексуальной направленности (сексуальное воздействие): принуждение к половому акту, принуждение к иным действиям сексуального характера, принуждения к просмотру и (или) повторению порнографических действий, воздержание от секса, совершение полового акта либо иных сексуальных действий с другим лицом при супруге, находящейся в беспомощном состоянии, и др.

г) действия экономической направленности (экономическое воздействие): лишение жизненно необходимых вещей, лишение/ограничение средств к существованию, запрет/ограничение возможности использования определенного имущества, запрет работать, контроль над расходами и др.

д) действия религиозной направленности (религиозное воздействие): запрет на исповедание определенной религии, запрет/ограничение посещения религиозных мест, высмеивание религиозных

взглядов, принуждение к вероисповеданию, принуждение посещения религиозных мест и др.

е) действия социальной направленности (социальное воздействие): неспособность/нежелание осуществлять уход, невнимание к основным нуждам, отсутствие присмотра и др.

ж) действия медицинской направленности (медицинское воздействие): неоказание медицинской помощи, непредоставление необходимых лекарств, предоставление лекарственных средств, которые могут нанести физический и психологический вред и др. [17, с. 217–218].

Таким образом, подводя итог изложенному, следует сделать следующие выводы.

В целях защиты потенциальных жертв внутрисемейного насилия и своевременного применения профилактических мер к семейным агрессорам понятие семьи следует рассматривать более широко. К членам семьи следует относить лиц, связанных с участником административного процесса отношениями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления вне зависимости от факта совместного проживания и ведения общего хозяйства.

При исследовании внутрисемейного насилия следует выделять только две формы насилия: физическое и психическое. Поскольку причинение вреда физическому и (или) психическому здоровью может достигаться действиями различной направленности (физическое, психическое, сексуальное, экономическое, медицинское, социальное и другое воздействие), следует это предусмотреть в законодательном определении насилия в семье. В связи с чем, «насилие в семье» можно определить, как умышленные действия физического, психологического, сексуального, экономического, социального и другого характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Шестаков, Д.А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.А. Шестаков ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1977. – 24 с.
- 2 Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г. № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 331-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 3 Шахов, В.И. Насилие в семье : Уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Шахов. – Ижевск, 2003. – 290 с.
- 4 Процессуально-исполнительный кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г. № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : Одобр. Советом Респ. 01 дек. 2006 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 129-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 5 Отабоева, Л.О. Охрана личных прав и свобод женщин в семейно-бытовой сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Республики Таджикистан) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. О. Отабоева ; Акад. упр-я М-ва внутренних дел России. – М., 2008. – 24 с.
- 6 Колпакова, Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.А. Колпакова. – Казань, 2007. – 232 л.
- 7 Сидоренкова, Т.А. Криминологические проблемы предупреждения насилия против женщин в семье : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.А. Сидоренкова. – М., 1999. – 226 л.
- 8 Gelles, Richard J. Violence in the Family: a Review of Research in the Seventies / J.R. Gelles // Journal of Marriage and the Family. – Vol. 42, No. 4. – P. 873–885.
- 9 Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2014 г. № 122-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
- 10 Domestic Violence and Abuse: Signs of Abuse and Abusive Relationships [Electronic resource] // Trusted guide to mental health. – Mode of access: http://www.helpguide.org/mental/domestic_violence_abuse_types_signs_causes_effects.htm. – Date of access: 15.09.2018.
- 11 Исаков, А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в семье : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Исаков. – М., 2004. – 203 л.
- 12 Шакина, В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Шакина. – Иркутск, 2002. – 204 л.
- 13 О предупреждении и противодействии домашнему насилию [Электронный ресурс] : Закон Верховной Рады Украины, 07 дек. 2017 № 2229-VIII. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T172229.html. – Дата доступа: 18.09.2018.

- 14 Колпакова, Л.А. Насилие в семье (виктимологический аспект, вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) / Л.А. Колпакова. – М. : Изд-во ООО «Юрлитинформ», 2009. – 196 с.
- 15 Бородин, С.В. Убийство – общая характеристика : монография / С.В. Бородин, В.Б. Малинин. – СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – 196 с.
- 16 Крюкова, М.В. Супружеское насилие как проявление деструктивных трансформаций социального института семьи (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис... канд. социол. наук : 22.00.04 / М.В. Крюкова ; ФГБОУ ВПО Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2011. – 24 с.
- 17 Катушонок, О.В. Понятие и сущность насилия в семье / О.В. Катушонок // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 5. – С. 216–219.

УДК 343.9

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****А. ГАЙДУК***(Представлено: О.В. КАТУШОНОК)*

Дана криминологическая характеристика преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Количественные характеристики даны на основе анализа статистических данных, представленных на сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь; качественные характеристики исследования на основе научных разработок по данному вопросу.

Анализ статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, представленных на сайте Министерства внутренних дел, показал, что в 2015 году количество преступлений в сфере семейно-бытовых отношений составило 2409 случаев и по сравнению с 2014 годом увеличилось на 9,1% [1].

Удельный вес преступлений в сфере семейного насилия в общей структуре преступлений в Республике Беларусь в 2016 – 2017 гг. представлен в таблице 1.1.

Таблица 1. – Состояние преступлений в сфере семейно-бытовых преступлений в 2016–2017 гг. в Республике Беларусь

Наименование показателя	2016	Удельный вес	2017	Удельный вес	Темпы прироста (снижения) к аналогичному периоду прошлого года, %
Совершено преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	2337	2,5	2 264	2,9	-3,1
Всего зарегистрировано преступлений	92 943	100	86326	100	-7,1

В Республике Беларусь второй год подряд снижается общий уровень преступности. В 2017 году было зафиксировано самое значительное снижение числа преступлений за последние пять лет – на 7,1%.

Также наблюдается снижение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений – на 3,1 %. Удельный вес преступлений в сфере семейно-бытовых отношений от общего количества преступлений составил в 2017 году 2,9 %, что на 0,4 пп. меньше, чем в 2016 году.

Структура и основные показатели преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в 2016 – 2017 гг. в Республике Беларусь представлены в таблице 1.2.

Таблица 2. – Структура и основные показатели преступлений в сфере семейно-бытовых преступлений в 2016 – 2017 гг. в Республике Беларусь

Наименование показателя	2016	Удельный вес	2017	Удельный вес	Темпы прироста (снижения) к аналогичному периоду прошлого года, %
Совершено преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	2337	100	2 264	100	-3,1
Всего тяжких и особо тяжких преступлений	25	13,9	329	14,5	1,2
Убийства с покушениями	96	4,1	87	3,8	-9,4
Умышленные причинения тяжких телесных повреждений	172	7,4	165	7,3	-4,1
Погибло в результате убийств и умышленных причинений тяжких телесных повреждений	91	3,9	93	4,1	2,2
Умышленные легкие телесные повреждения	433	18,5	370	16,3	-14,5
Истязания	512	21,9	510	22,5	-0,4
Угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений	912	39	923	40,8	1,2
Оскорбление	40	1,7	22	0,97	-45

Тяжких и особо тяжких преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в 2017 г. было совершено 329 случаев, что на 1,2 % больше, чем в 2016 г. Погибло в результате убийств и умышленных причинений тяжких телесных повреждений в 2017 г. 93 человека, что на 2,2 % больше, чем в 2016 г. Снизилось в 2017 г. убийств с покушениями на 9,4 %, умышленного причинения тяжких телесных повреждений на 4,1 %.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем количестве преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в 2017 г. составили 14,5 %, что на 0,6 пп. больше, чем в 2016 г.

Умышленных легких телесных повреждений в 2017 г. было совершено на 14,5 % меньше, чем в 2016 г., истязаний - на 0,4 % меньше, оскорблений – на 45 % меньше. Количество угроз убийством, угроз причинения тяжких телесных повреждений увеличилось на 1,2 %.

Самый большой удельный вес в общей структуре преступлений в сфере семейно-бытовых отношений составляют угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений (в 2016 г. – 39 %, в 2017 г. – 40,8 %).

Незначительную часть в сфере семьи занимают и преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. Данные преступлений в базе уголовной статистики получили возможности принимать значение «совершенные в сфере-семейно-бытовых отношений» лишь с 2014 года. С указанного года преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы было зарегистрировано всего 113, что составляет 1 % от всех преступлений в быту.

При этом такие преступления, как склонение к самоубийству, умышленное лишение профессиональной трудоспособности, умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта, организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией в семейно-бытовой сфере за рассматриваемый период зарегистрированы не были. Факты убийства, совершенного в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, доведения до самоубийства, вовлечения в занятие проституцией либо принуждения к продолжению занятию проституцией, незаконного лишения свободы единичны.

Также не характерно для сферы семьи и оскорбления. В 2017 году зарегистрировано всего 22 оскорбления членов семьи, что составляет 0,97 % от всех преступлений в быту.

Анализ показателей внутрисемейных преступлений, совершенных в Республике Беларусь, показывает, что есть существенные различия в показателях по разным регионам Республики Беларусь.

Распределение случаев бытовых преступлений по областям представлено в таблице 1.3.

Таблица 3. – Распределение случаев семейно-бытовых преступлений по областям

Наименование показателя	Период	Всего по Республике	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область	г. Минск
Совершено преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	2016	2 337	325	257	344	335	278	513	285
	2017	2 264	294	253	352	300	281	474	310
темпы прироста (снижения) %	-	-3,1	-9,5	-1,6	2,3	-10,4	1,1	-7,6	8,8
удельный вес от зарегистрированных	2017	2,9	3,0	2,7	2,9	3,9	1,9	5,0	2,1

В Могилевской области количество бытовых преступлений зафиксировано в 2017 г. в размере 474 случаев – он и лидирует по уровню преступности (5 % от общего количества). Однако, количество преступлений уменьшилось по сравнению с 2016 г. на 7,6 %.

Самая спокойная Витебская область – 253 случая в 2017 г. Также благоприятная обстановка сложилась в Минской области (281 случай в 2017 г., что составило 1,9 % от общего количества бытовых преступлений).

Вместе с тем, нельзя не учитывать тот факт, что при анализе состояния и динамики насильственной преступности в семье к вниманию принимаются лишь статистические данные о преступлениях, выявленных и зарегистрированных в правоохранительных органах. За пределами исследования остается латентная часть преступлений, о которых в компетентные органы не заявлялось или которые по тем или иным причинам не были зарегистрированы. В этой связи представляется затруднительным привести данные, отражающие реальное состояние преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, поэтому

при анализе данной преступности следует обратить внимание на качественные ее характеристики.

При криминологическом анализе важными являются сведения о времени совершения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. В Республике Беларусь большая часть преступлений в сфере семейно-бытовых отношений совершается в вечернее время (с 18.00 до 00.00 ч.). В указанный период отмечено 42,7 % всех случаев криминального насилия в семье. При этом с 20.00 до 22.00 совершается более половины всех вечерних преступлений (52,6 %). Если же соотнести с общим количеством преступлений в данной сфере, то в период с 20.00 до 22.00 происходит 22,4 % всех семейно-бытовых преступлений. Больше четверти преступлений совершается в дневное время (26,8 %), каждое пятое – ночью. Совершение рассматриваемых преступлений практически не характерно в утренние часы (с 06.00 до 12.00). Всего лишь 9,8 % фактов зафиксировано в данный период.

Преступления в сфере семейно-бытовых отношений имеют примерное равно распределены в течение всех будних дней недели: в понедельник – 13,5 %, во вторник – 12,4 %, в среду – 13 %, четверг – 12,8 % и в пятницу – 14 %. При этом в пятницу вечером совершается 44,9 % всех преступлений, совершенных в этот день. Больше всего преступлений совершается в субботу (17,7 %) и воскресенье (17,1 %) [2, с. 199].

Насильственная преступность в семье отличается низким удельным весом групповых преступлений, так как практически все они совершаются на почве личных неприязненных отношений и им, как правило, предшествует двусторонний конфликт между преступником и потерпевшим.

Особенностью этой преступности является распространенность внезапности возникновения умысла. Так, умысел на совершение преступления возник внезапно у 81,8% преступников, сформировался в течение суток – у 16,1%, в течение недели – у 1,5%, а в течение месяца и более – у 0,6%. Тем не менее, выявлено немало случаев, когда преступление предварительно планировалось, тщательно разрабатывался план его совершения, осуществлялись действия по обеспечению «алиби», сокрытию следов преступления [3, с. 20].

Проявления насилия в семье нередко отличаются жестокостью, исключительной дерзостью и цинизмом, что свидетельствует о крайне негативном отношении друг к другу конфликтующих сторон, высочайшей степени «накала» семейного конфликта, а также о глубокой нравственной деградации, пренебрежительном отношении к элементарным требованиям морали [4, с. 36].

Определенный интерес представляют криминологические характеристики лиц, применяющих насилие к родным. Значительное количество бытовых преступлений совершается неработающими и неучавшимися (56,4%) и имеющими судимость (24,2%) лицами. Учитывая такое положение, основным приоритетом профилактических мероприятий является оказание гражданам содействия в трудоустройстве с обеспечением системного профилактического воздействия в отношении неработающих и ранее судимых подучетных лиц. 77,9% данных уголовных деяний совершено в состоянии алкогольного опьянения.

Большинство бытовых преступлений совершается мужчинами, а их жертвами, как правило, становятся женщины (1 621, а это 77,6%). На момент совершения преступлений 348 потерпевших (16,7%) находились в состоянии алкогольного опьянения [5].

В результате исследования, проведенного А.Н. Ильяшенко, было установлено, что большинство (76,5%) преступников часто употребляло спиртные напитки, в том числе каждый десятый (11,8%) выпивал регулярно (3–4 раза в месяц), 30,2% – систематически (не менее 3 раз в неделю), а каждый третий (34,5%) – ежедневно или почти ежедневно. У двух пятых (40,4%) преступников периодически были алкогольные запои, а 64,7% – в течение длительного времени (как правило, несколько лет) злоупотребляли спиртными напитками; каждый пятый (21,9%) преступник употреблял наркотические средства. Подавляющее большинство (71,2%) преступников в детстве неоднократно испытывало на себе криминальное насилие со стороны других лиц, что способствовало в дальнейшем формированию у них склонности решать свои проблемы с применением насилия [6].

Таким образом, преступления в сфере семейно-бытовых отношений обладают рядом особенностей, отличающих ее от насильственной преступности в целом. Для совершения насилия в семье, как правило, не применяется огнестрельное и холодное оружие, характерна распространенность внезапности возникшего умысла, низкий удельный вес групповых преступлений.

В настоящее время не представляется возможным привести объективные данные о реальных масштабах распространения внутрисемейной насильственной преступности. Это связано с тем, что в силу самой специфики семейной организации, насильственная преступность в семье отличается высокой степенью латентности. Данный факт зависит не от деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению и раскрытию указанных преступлений, а в первую очередь от нежелания потерпевших и их родственников обращаться в соответствующие структуры. В связи с этим можно сделать вывод, что реальное состояние насильственной преступности в семье значительно хуже фиксируемого официальной статистикой.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Сведения о правонарушениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=382043>. – Дата доступа: 01.10.2018.
- 2 Катушонок, О.В. Криминологическое исследование временных закономерностей внутрисемейного насилия [Электронный ресурс] / О.В.Катушонок // Актуальные проблемы современной юриспруденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. – Орехово-Зуево : ГГТУ, 2017. – С. 199–201. – Режим доступа: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/22386>. – Дата доступа: 03.09.2018.
- 3 Шахов, В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Шахов. – Казань, 2003. – 25 с.
- 4 Ильяшенко, А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье / А.Н.Ильяшенко // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 34–37.
- 5 Предупреждение правонарушений в быту [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911>: Дата доступа: 03.09.2018.
- 6 Ильяшенко, А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье (Уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 [Электронный ресурс] / А.Н.Ильяшенко. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/97861.html>. – Дата доступа: 28.09.2018.

УДК 343.3/7

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 317-1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****К.В. ГОСУДАРЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)*

В работе предлагается исследование содержания, проблем квалификации и практики реализации нормы ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Автором подняты проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности по данной статье. Предпринята попытка сформулировать ст. 317-1 с учетом существующих проблем с толкованием. Особое внимание уделено анализу ряда проблемных аспектов, влияющих на качество рассмотрения уголовных дел и на оперативность правосудия по уголовным делам по ст. 317-1 Уголовного кодекса.

Наиболее резонансные и кардинальные изменения, затронувшие судьбу обвиняемых по уголовным делам по ст. 317-1 УК, а также нередко ни в чем не виновных людей, были внесены в ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 60-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения» [1].

Пунктом 2 статьи 1 указанного Закона ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь была дополнена предложением следующего содержания: «Независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 317-1 настоящего Кодекса (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц)» [1]. Изменения вступили в силу 24.10.2013, и с этого времени сотни транспортных средств были конфискованы в пользу государства [2].

Подводя промежуточные итоги правоприменительной практики, следует отметить, что до настоящего времени не устранен ряд проблемных аспектов, влияющих на качество рассмотрения уголовных дел и на оперативность правосудия.

Как отмечают правоведы и практики, есть некоторые противоречивые аспекты, которые привлекают внимание даже при отсутствии правоприменительной практики. Так, согласно ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь транспортное средство подлежит специальной конфискации лишь в том случае, если лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, само управляло им. В то же время уголовная ответственность по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь наступает и за нарушение в виде передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения.

Иными словами, если собственник автомобиля, которого в течение года привлекали к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь, передаст управление транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, транспортное средство подлежит специальной конфискации.

Другой проблемный аспект, содержащийся в ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь – это неполнота указанной статьи. Так, согласно диспозиции ч. 3 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь административная ответственность наступает в случае употребления водителем алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ после подачи сотрудником органов внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства, либо после совершения дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования).

Однако уголовной ответственности за аналогичное деяние, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания по ч. 3 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь, не предусмотрено. Данный факт позволяет лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, уклоняться от уголовной ответственности, что существенно затрудняет процесс собирания доказательств и доказывания вины.

Еще один проблемный аспект, с которым столкнулись многие суды Республики Беларусь, заключается в размытости формулировки ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь о специальной конфискации транспортного средства. Согласно подпункта 2.69 пункта 2 Правил дорожного движения, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 10.08.2015 г. № 349, транспортное средство – устройство, предназначенное для движения по дороге и для перевозки пассажиров, грузов или установ-

ленного на нем оборудования. Согласно подпункта 2.3 пункта 2 указанных Правил автопоезд – состав транспортных средств, состоящий из автомобиля (колесного трактора) и буксируемого им прицепа, прицепа-ропуса, полуприцепа [3].

Таким образом, вопрос состоит в том, что именно подлежит специальной конфискации согласно ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь весь автопоезд или только автомобиль (тягач, трактор). Практика сформировалась таким образом, что суды конфискуют весь автопоезд с указанием мотивов принятого решения.

Перечисленные аспекты – далеко не полный перечень проблемных вопросов, возникающих при рассмотрении уголовных дел по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Законодателем обстоятельно не решен вопрос со специальной конфискацией транспортных средств, которые выданы должностным лицам для выполнения рабочих обязанностей. Указанные транспортные средства могут принадлежать субъектам хозяйствования государственной формы собственности, и они фактически конфискуются у государства в пользу государства, на период следственных действий могут изыматься из эксплуатации, что влечет убытки.

Кроме того, остаются спорные вопросы и в установлении самого факта нахождения лица в состоянии опьянения, что является одним из условий для привлечения к уголовной ответственности по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Если лицо, управлявшее транспортным средством, скроется с места ДТП либо от органа, ведущего административный процесс, до предложения пройти освидетельствование, а в дальнейшем появится трезвым, то невозможно будет достоверно установить факт наличия либо отсутствия опьянения в момент совершения правонарушения, а также факт отказа от прохождения медицинского освидетельствования.

Решить данную проблему, по моему мнению, позволило бы очередное дополнение ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, согласно которому уголовной ответственности подлежали бы и те лица, которые в течение года после привлечения к административной ответственности по ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь совершили ДТП и при этом скрылись с места происшествия, и в аналогичных ситуациях.

В ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрено, что независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство (ТС), которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц).

Возникает закономерный вопрос: что законодатель подразумевает под выбытием ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли? Большинство практикующих юристов и ученых-правоведов (А.А. Бильдейко, В.В. Карпенков и т.д.) четко не разграничивают случаев противоправного завладения ТС и случаи выбытия ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли либо подразумевают под выбытием ТС из законного владения противоправное завладение ТС, в том числе близкими родственниками, супругами и т.д.

Вместе с тем Н.Н.Гультяева считает, что законодатель разграничивает случаи противоправных действий других лиц в отношении ТС и случаи выбытия ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли, на что указывает четкое разделение в норме закона указанных случаев союзом «или».

Подтверждение данного факта находит отражение и в пункте 19-1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 01.10.2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317–318, 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», согласно которому специальная конфискация не подлежит применению лишь в случае, если в судебном заседании будет установлено, что ТС выбыло из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц (например, в результате хищения или угона)[4].

Проблемным анализируемый вопрос считает и Генеральная прокуратура Республики Беларусь, на что указано в обзоре «О результатах обобщения практики привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, исполнения приговоров по делам данной категории в части применения специальной конфискации транспортных средств». А.А. Бильдейко в своей публикации указывает, что исчерпывающий перечень таких оснований дать невозможно [5].

По мнению Н.Н.Гультяевой, под выбытием ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли могут считаться следующие основания:

- незаконные действия (бездействие) должностных лиц государственных органов и организаций, повлекшие выбытие ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли;
- обстоятельства непреодолимой силы (природные стихийные бедствия: смерчи, бураны, наводнения, пожары, землетрясения, прочие стихийные явления, которые невозможно предотвратить);

– принудительная реализация ТС в счет погашения обязательств перед кредиторами; конфискация ТС по иным вступившим в законную силу приговорам суда и т.д., повлекшие выбытие ТС из владения собственника (пользователя) помимо его воли до наложения ареста на ТС и вынесения приговора по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь [6].

Данный перечень не является исчерпывающим и может быть пополнен по результатам правоприменительной практики.

Вместе с тем хотелось бы уделить особое внимание такому основанию, как выбытие ТС из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли в результате незаконных действий (бездействия) должностных лиц государственных органов, организаций, в том числе правоохранительных органов. Рассмотрим данный случай на конкретном примере.

Так, 9 декабря 2016 г. суд вынес приговор в отношении гражданина Х., которым признал указанного гражданина виновным в управлении ТС в состоянии алкогольного опьянения, совершенном в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, и на основании ч. 1 ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь назначил наказание в виде исправительных работ на срок 1 год 6 месяцев с удержанием 20% заработка в доход государства, но не более 1 базовой величины ежемесячно с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением всеми видами транспортных средств, на срок 5 лет. В соответствии с ч. 6 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Беларусь суд также применил специальную конфискацию, конфисковав в доход государства автомобиль, принадлежавший гражданину А. – отцу осужденного [6].

Несмотря на то, что специальная конфискация автомобиля формально не является мерой наказания, а правила, предусмотренные для конфискации имущества как вида дополнительного наказания, в данном случае не применяются [7], суду в соответствии с пунктом 19-1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 01.10.2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317 – 318, 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, необходимо во всех случаях обсуждать вопрос о специальной конфискации ТС, которым управляло виновное лицо, с обязательным указанием в приговоре мотивов принятого решения, т.к. специальная конфискация не подлежит применению в случае, если в судебном заседании будет установлено, что ТС выбыло из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц (например, в результате хищения или угона).

На этот же момент обращает внимание и Генеральная прокуратура Республики Беларусь в письме от 13.02.2015 г. № 1203-14д/168: исходя из анализа правовой природы преступления, предусмотренного ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ТС в данном случае относятся к предметам, которые непосредственно связаны с преступлением, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу [6].

Конфискация ТС, принадлежащего другому лицу, может быть направлена против законных интересов собственника данного имущества и скомпрометировать цели применения юридической ответственности. Отсутствие слаженного и теоретически обоснованного механизма защиты прав собственника в данном случае будет означать, что фактически именно он понесет имущественную ответственность за действия преступника [7].

Вернемся к примеру. К рассмотрению уголовного дела и вынесению приговора в отношении гражданина Х. суд подошел формально, поскольку не учел обстоятельств, предшествовавших рассмотрению дела.

Учсть обстоятельства, предшествовавшие рассмотрению дела, не в полном объеме суду позволило неверное разрешение вопросов в постановлении о назначении судебного разбирательства в соответствии с ч. 2 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, а именно не был разрешен вопрос о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание. Таким образом, суд проигнорировал вызов в судебное заседание в качестве третьего лица собственника, конфискованного судом ТС (гражданина А., отца осужденного).

При этом третьему лицу (гражданину А) не было известно об обстоятельствах привлечения его сына 12.10.2015 отделом Государственной автомобильной инспекции районного управления внутренних дел к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, взыскании с него административного штрафа в размере 50 базовых величин в сумме 9000000 неденоминированных бел.руб. и лишении его права управления ТС сроком на 3 года [6].

Вместе с тем в соответствии с ч. 3 п. 2 решения Конституционного Суда Республики Беларусь 05.07.2013 г. № Р-836/2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения» Консти-

туционный Суд Республики Беларусь обращает внимание правоприменителя на необходимость обеспечения защиты прав собственника ТС и принятия им необходимых мер в случае привлечения лица, которому доверено управление таким средством, к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 18.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Суд, органы, ведущие административный процесс, и их должностные лица должны надлежащим образом уведомить собственника ТС, явившегося орудием или средством совершения правонарушения, о возможной специальной конфискации ТС независимо от права собственности при повторном (в течение года после наложения административного взыскания) совершении указанным лицом аналогичного противоправного деяния [8].

Кроме того, сотрудниками отдела Государственной автомобильной инспекции районного управления внутренних дел при задержании гражданина Х. в 2015 году и помещении ТС на охраняемую стоянку была нарушена Инструкция о порядке принудительной отбуксировки (эвакуации) транспортного средства и помещения его на охраняемую стоянку, отбуксировки транспортного средства без помещения его на охраняемую стоянку и блокировки колеса транспортного средства, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.10.2014 г. № 986 [9] (далее – Инструкция).

Так, согласно п. 4 Инструкции лицо, принявшее решение о принудительной отбуксировке (эвакуации) ТС, немедленно информирует оперативно-дежурную службу территориального органа внутренних дел по месту нахождения ТС, которая незамедлительно принимает меры по информированию собственника (владельца) о месте нахождения ТС.

В соответствии с п. 7–9 Инструкции при принудительной отбуксировке ТС составляется протокол осмотра ТС в трех экземплярах, первый из которых остается у сотрудника Государственной автомобильной инспекции, осуществившего принудительную отбуксировку (эвакуацию) ТС, второй – на охраняемой стоянке, третий, предназначенный для собственника (владельца) ТС, хранится на охраняемой стоянке и вручается ему либо уполномоченному им лицу при возврате ТС.

На основании п. 12 Инструкции при получении ТС его собственник (владелец) или уполномоченное им лицо должны предъявить работнику, осуществляющему его охрану: свидетельство о регистрации (технический паспорт, технический талон) ТС; водительское удостоверение на право управления механическим ТС соответствующей категории с талоном к нему (временное разрешение на право управления механическим ТС).

Указанные документы не требуются, если ТС забирается с охраняемой стоянки способом, не требующим управления им. При отсутствии хотя бы одного из документов, указанных выше, ТС не возвращается.

Таким образом, сотрудники отдела Государственной автомобильной инспекции районного управления внутренних дел, не удостоверившись, является ли гражданин законным владельцем ТС, поместили ТС на охраняемую стоянку без уведомления собственника, а позже возвратили ТС гражданину Х. при отсутствии у него всех необходимых для получения ТС с охраняемой стоянки документов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что ТС выбыло из собственности гражданина А. вопреки его желанию в связи с незаконными действиями (бездействием) сотрудников отдела Государственной автомобильной инспекции районного управления внутренних дел, которые повлекли выбытие ТС из законного владения собственника помимо его воли. В случае если бы гражданин А. был надлежащим образом уведомлен органом, ведущим административный процесс, что его сын лишен права управления ТС, гражданин А. не доверил бы ему право управления ТС.

Суд не учел всех обстоятельств данного дела, что привело к конфискации ТС, принадлежащего другому лицу, нарушению законных интересов собственника данного имущества, недостижению целей уголовной ответственности, игнорированию рекомендаций вышестоящих государственных органов по рассмотрению данной категории дел: Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [6].

Вариантом совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере может стать также исключение административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения и полная криминализация такого рода действий. Обоснованием данной позиции служит вполне резонный довод о том, что транспортное средство под управлением нетрезвого водителя становится не просто источником повышенной опасности, но и реальным средством совершения тяжкого преступления. В связи с чем профилактика и наказуемость подобного противоправного поведения должна осуществляться жесткими мерами в уголовно-правовой плоскости [10].

Таким образом, за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, предусмотрена административная (ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь) и уголовная ответственность (ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь). В связи с распространенностью случаев управления автомобилем в нетрезвом виде данные нормы неоднократно корректиро-

вались. В настоящее время лицо, впервые допустившее такое нарушение либо не имеющее права управления транспортным средством, привлекается к административной ответственности. Повторное в течение года управление транспортным средством в состоянии опьянения образует состав преступления. При этом лицо, ранее судимое за аналогичное преступление, несет более суровую ответственность: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом в размере от трехсот до тысячи базовых величин; арест до шести месяцев; ограничение или лишение свободы на срок до двух лет. Во всех случаях в качестве дополнительного наказания назначается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

При этом мною доказана гипотеза о том, что законодательное регулирование административной и уголовной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения по законодательству Республики Беларусь нуждается в совершенствовании.

В связи с чем предлагаю следующее:

1) дополнить статью 1.3 КоАП Республики Беларусь четким и подробным разъяснением термина «управление транспортным средством»;

2) дифференцировать в ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь ответственность путем установления различных наказаний в зависимости от того, находится водитель в легкой или в более тяжелой степени опьянения. Квалифицирующим признаком, влекущим более строгую ответственность по сравнению с основным составом преступления, могла бы являться концентрация алкоголя в крови водителя свыше 1,5‰ – признаваемая в медицине граница между легкой и средней степенями опьянения.

3) дополнить ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь положением, согласно которому уголовной ответственности подлежали бы и те лица, которые в течение года после привлечения к административной ответственности по ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь совершили ДТП и при этом скрылись с места происшествия, и в аналогичных ситуациях;

4) наиболее кардинальный способ – исключить административную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения и усилить уголовную ответственность за данное преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь: 12 июля 2013 г., № 60-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Шевцов, В.Г. Проблемные аспекты правоприменительной практики при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] / В.Г. Шевцов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О мерах по повышению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь : 28 ноября 2005 г., № 551 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 10.08.2015 г. № 349 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317 – 318, 321 УК) [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь : 1 октября 2008 г., № 7 : в ред. Постановления Пленума Верховного Суда от 29.09.2016 г. № 7 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Бильдейко, А.А. Проблемные моменты применения законодательства при управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения (часть 2) [Электронный ресурс] / А.А. Бильдейко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Гультяева, Н.Н. Выбытие транспортного средства из законного владения собственника помимо его воли [Электронный ресурс] / Н.Н. Гультяева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Карпенков, В.В. Специальная конфискация транспортных средств в свете защиты права собственности и общественных интересов (часть 1) [Электронный ресурс] / В.В. Карпенков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения» [Электронный ресурс] : Решение

Конституционного Суда Республики Беларусь : 05 июля 2013 г., № Р-836/2013 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Об утверждении Инструкции о порядке принудительной отбуксировки (эвакуации) транспортного средства и помещения его на охраняемую стоянку, отбуксировки транспортного средства без помещения его на охраняемую стоянку и блокировки колеса транспортного средства [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь: 17 октября 2014 г, № 986 : в ред. Постановления Совмина от 12.05.2017 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Шилин, Д.В. Угрозы безопасности дорожного движения: классификация и проблемы предупреждения [Электронный ресурс] / Д.В. Шилин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343

**МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(ИЗ ПРАКТИКИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)****Д.А. МАЛЬЧЕВСКИЙ***(Представлено: д-р юрид. наук, проф. В.М. ХОМИЧ)*

Рассматриваются такие квалифицирующие признаки состава преступления как мотив и цель. Автор проанализировал различные концепции толкования квалифицирующих признаков, их классификацией, а также соотношения с признаками основного состава преступления, существующие в доктрине уголовного права. Результаты исследования основаны на анализе действующего законодательства Республики Беларусь и правоприменительной практики. В результате исследования предлагается с целью устранения множеств нарушений в процессе квалификации преступлений юридически оформить данный институт, а именно законодательно закрепить основные положения квалифицирующего признака: понятие, природу, квалификацию, правила применения. Что обязательно приведет к устранению или хотя бы снижению ошибок в процессе его применения.

Квалифицирующие признаки – это конститутивные признаки, которые являются дополнительными к признакам основного состава и при наличии которых законодатель устанавливает повышенную ответственность в отдельной норме (квалифицированный состав). Признаки состава, не включенные в число конститутивных, могут учитываться при назначении наказания и выполнять роль обстоятельств, смягчающих (ст. 63 УК) или отягчающих ответственность (ст. 64 УК).

Нередко мотив и цель предусматривается в качестве квалифицирующих обстоятельств отдельных составов преступлений. Такое значение мотиву и цели действующее уголовное законодательство придает, например, при определении ответственности за убийство (п.п. 1-16 ч. 2 ст. 139 УК), умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (п.п. 1-10 ч. 2 ст. 147 УК), а также за другие преступления.

Значение мотива и цели преступления не исчерпывается только теми случаями, когда они указываются в числе необходимых или квалифицирующих признаков состава преступления. Они играют большую роль в характеристике других признаков состава, в частности объективной стороны. Особенно тесная связь существует между мотивом, целью, способом, орудиями и обстановкой совершения преступлений.

Пленум Верховного суда в ряде своих постановлений обращает внимание судов на то, чтобы они при решении вопросов уголовной ответственности во всех случаях выясняли обстоятельства. Так, в постановлении Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам об убийстве» отмечается, что «по каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания [1].

Мотив имеет важное криминологическое значение. Он самым ближайшим образом указывает источник, который питает преступление. Весьма удачным представляется замечание по этому поводу видного российского ученого-криминалиста Л.Е. Владимирова: «Входит или не входит, по закону, мотив данного преступления в понятие последнего, он должен быть непременно выявлен. Мотив есть истинный источник преступления, и никогда просвещенный суд не удовлетворится следствием, не раскрывшим мотива преступления. Объясняя возникновение данного преступления, мотив имеет глубокое значение для психологического понимания деяния, а в случаях сомнительного душевного состояния подсудимого он представляет важный опорный пункт для заключения врача-психиатра» [1].

Поскольку определенные мотивы и цель влияют на степень тяжести преступления, законодатель может указать их в некоторых составах как на квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки. Так, простой состав убийства, предусмотренный в ч.1 ст. 139 УК, представляет собой умышленное противоправное лишение жизни другого человека независимо от мотивов и целей. Однако, если это убийство совершается из корыстных или хулиганских побуждений или из мести за выполнение потерпевшим своего служебного или общественного долга, то оно признается тяжелее, т. е. является квалифицированным составом убийства, предусмотренным ч. 2 ст.139 УК.

Если в статьях Особой части УК не указаны мотивы и цель ни как обязательные, ни как квалифицирующие признаки, то они на квалификацию не влияют и могут влиять лишь на назначение наказания: как смягчающие или как отягчающие его.

Наиболее распространенными в судебной практике ошибками являются неосновательное вменение составов преступления с квалифицирующими признаками либо, наоборот, вменение составов преступления без таких признаков при их фактическом наличии в случаях, когда роль квалифицирующих

признаков играют мотив и цель деяния.

Поскольку мотив преступления как квалифицирующий признак имеет достаточно широкое распространение в Особенной части УК, суды должны устанавливать мотив преступления по каждому делу об умышленном преступлении. Например, в ч. 2 ст. 139 УК мотив в шестнадцати случаях определяет квалификацию преступления, поэтому не установление судом мотива убийства является грубым нарушением требований уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь. Но и неверное установление мотива преступления либо вывод о нем, не вытекающий из установленных судом фактических обстоятельств, также влечет отмену или изменение приговора в силу неправильного применения уголовного закона.

Особенно часто суды без достаточных оснований усматривают в преступлениях хулиганские мотивы.

О. был осужден по п.13 ч.2 ст.139 за то, что, как сказано в приговоре, беспричинно из хулиганских побуждений совершил убийство Н. Однако при рассмотрении дела в порядке кассации установлено следующее:

Находясь в квартире потерпевшего и распивая вместе с ним и другими лицами спиртные напитки, во время возникшей ссоры и в связи с нанесением оскорбления со стороны Н., назвавшего О. козлом, последний ударом ножа в грудь убил хозяина квартиры. При таких обстоятельствах у суда не было оснований признавать убийство беспричинным и совершенным из хулиганских побуждений, поскольку фактически преступление было совершено по конкретным мотивам, носящим личный характер и не имеющим значения квалифицирующего признака. Поэтому приговор был изменен и действия О. были квалифицированы как убийство без отягчающих обстоятельств по ч.1 ст.139 УК [2].

Ошибочный приговор был вынесен судом по делу Р., который был осужден по ч.3 ст. 339 УК за то, что он ночью, находясь в кафе, из хулиганских побуждений грубо нарушил общественный порядок, произвел три выстрела из огнестрельного оружия в дежурившего в кафе охранника, причинив ему легкое телесное повреждение.

Такая квалификация признана ошибочной. Как усматривается из материалов дела, Р. произвел выстрелы в ноги потерпевшего не из хулиганских побуждений, а в связи с тем, что в ответ на его просьбу впустить его в кафе для поиска утерянной во время ссоры с другим посетителем золотой цепочки, охранники применили резиновые дубинки и прогнали его. Общественный порядок Р. не нарушил, так как в момент совершения деяния посетителей и сотрудников кафе не было, в зале находились лишь виновный и потерпевший. Установленные обстоятельства указывают на то, что Р. причинил легкое телесное повреждение не из хулиганских побуждений, а из мести за неправомерные действия потерпевшего, а значит, его действия надлежит квалифицировать по ст. 153 УК [3].

При квалификации убийства как совершенного из хулиганских побуждений необходимо руководствоваться разъяснением, данным Пленумом Верховного Суда «О судебной практике по делам об убийстве», согласно которому по п. «13» ч. 2 ст. 139 УК надлежит квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение. Убийство из хулиганских побуждений означает, что хулиганский мотив реализовался только и исключительно в умышленном лишении жизни другого человека. Если же убийство совершено в процессе совершения хулиганских действий либо после окончания таковых, то хулиганские действия не охватываются составом убийства и должны дополнительно квалифицироваться по ст.213 УК [4].

Для ограничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре или в драке нужно установить, кто из участников драки или ссоры явился их инициатором и не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода для убийства. Если зачинщиком ссоры или драки был потерпевший либо конфликт возник из-за неправомерных либо аморальных действий потерпевшего, убийство не может квалифицироваться как совершенное из хулиганских побуждений.

Без должной оценки цели и мотива преступления квалифицировано деяние З., по п. 7 ч.2 ст.139 за убийство Г., сопряженное с ее изнасилованием.

З., будучи в нетрезвом состоянии, проник в дом Г., которая в сильной степени алкогольного опьянения спала на полу. Воспользовавшись этим, он ее изнасиловал, а затем ударом кухонного ножа в грудь убил. Мотивом убийства, как признал суд, явилось то обстоятельство, что в июне 2009 г. по заявлению дочери потерпевшей З. был привлечен к административной ответственности за мелкое хулиганство. Под убийством же, сопряженным с изнасилованием, следует понимать убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его. Между тем в процессе изнасилования Г. находилась в тяжелой степени алкогольного опьянения и не была способна осмысленно реагировать на окружающее либо оказать сопротивление. З. совершил убийство не с целью сокрытия изнасилования, а из-за недовольства действиями дочери потерпевшей, по заявлению которой он был привлечен к административной ответственности. При таких обстоятельствах содеянное З. подлежит квалификации по ч.1 ст. 139 УК [5].

Под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующие стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат (ч. 10 ст. 4 УК).

Корыстные побуждения – это стремление к собственному или близких лиц обогащению посредством противоправного получения или сбережения имущества или прав на него либо получения иных выгод имущественного характера с причинением прямого имущественного ущерба чужой собственности. Корысть, таким образом, может реализовываться путем противоправного:

- приращения имущества, либо
- сбережения имущества, либо
- получения прав на имущество, либо
- получения иных выгод имущественного характера.

Противоправное приращение имущества включает в себя противоправное получение чужого имущества, то есть обращение чужого имущества в свою или близких лиц пользу. К такому приращению можно отнести, например, получение псевдостраховых выплат.

Противоправное сбережение имущества – неправомерное избавление себя или близких лиц от обязанности передать имущество лицу, которое имеет на это законное право. Такое сбережение достигается путем невозврата имущества или выплаты вознаграждения лицам, которые имеют на это право.

Противоправное получение права на имущество может выражаться в получении доли участия в бизнесе, права на земельный участок, права пользования имуществом, жилым помещением и т.п.

Противоправное получение иных выгод имущественного характера может быть осуществлено, например, посредством устранения «препятствий» для последующего внешне правомерного получения имущества или прав на него и т.п.

Корысть должна усматриваться только в случае направленности действия виновного на противоправное овладение имущественными выгодами. Противоправность означает отсутствие у лица действительного или предполагаемого права на имущество. Под имуществом понимаются материальные вещи, являющиеся предметами преступлений не только против собственности, но и против общественной безопасности или против здоровья населения.

Для констатации корысти необходимо установить одновременное наличие двух признаков:

- стремление прирастить собственное или близких лиц имущество;
- причинение имущественного ущерба чужой собственности.

Указанные признаки не означают наличие фактического увеличения размеров своей или близких лиц собственности и фактического причинения имущественного ущерба чужой собственности. Речь идет о направленности действий виновного на достижение указанных результатов.

Изложенное понимание признаков корыстных побуждений нельзя ограничивать только стремлением в последующем завладеть чужим имуществом противоправным путем. Корыстным побуждением будет и стремление в последующем получать имущественную выгоду на внешне законных основаниях. Например, устранение конкурента по бизнесу, в котором материально заинтересован чиновник, обеспечивает доступ товаров на рынок и получение виновным прибыли от их реализации. В данном случае не осуществляются отъем денежных средств у потребителей и причинение им имущественного ущерба. Не изымается имущество и у потерпевшего. Однако в основе действий виновного лица лежит корыстный мотив, выражающийся в намерении перенаправить в свою пользу имущество, которое по праву принадлежало бы потерпевшему лицу, что и указывает на стремление получить имущественную выгоду.

Для правильной квалификации преступлений по мотиву и цели, имеющим значение квалифицирующих признаков, важно решить вопрос о так называемой конкуренции мотивов и целей.

В судебной практике иногда встречаются приговоры, в которых вместо констатации мотива, установленного фактическими обстоятельствами дела, просто воспроизводится текст соответствующего пункта ч. 2 ст. 139 УК, например: «Убийство было сопряжено с изнасилованием и совершено с целью скрыть другое преступление и облегчить его совершение», хотя одна из двух названных целей исключает наличие второй [3].

Судебная практика знает дела, в которых убийство квалифицировалось как совершенное из хулиганских побуждений и одновременно по мотивам мести потерпевшему в связи с выполнением им своего служебного или общественного долга. Эта позиция находит поддержку со стороны некоторых ученых. Например, Г. В. Верина считает, что в одном преступлении могут сосуществовать два (или более) равнозначных мотива, среди которых нет доминирующего, поэтому все конкурирующие мотивы должны найти отражение в квалификации преступления [5]. Сходную позицию занимает и Р.Р. Галиакбаров: «Законом предусмотрены случаи конкуренции мотивов. Например, убийство может быть совершено из корыстных побуждений (п. «12» ч. 2 ст. 139 УК) одновременно с мотивами расовой вражды (п. «14» ч. 2 ст. 139 УК). При квалификации таких преступлений следует учитывать все мотивы, а не выбирать какой-либо из них». И хотя автор для оценки рассматриваемой ситуации использует термин «конкуренция мо-

тивов», на самом деле он придерживается мнения, что мотивы как раз не конкурируются, а сочетаются. Правомерность такой квалификации оспаривается многими учеными [6].

Так, Б. С. Волков пишет: «Человек не может положить в основу своего поведения сразу несколько разных по содержанию и значению мотивов. Намерение совершить преступление обычно связывается с каким-либо одним мотивом, который и является главным, основным мотивом преступной деятельности. Всегда «перевешивает» тот мотив, в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения. Другие же побуждения хотя и действуют, так сказать, в унисон, изменяют или усиливают значение общей решимости совершить преступление, но в совершенном деянии играют подчиненную, второстепенную роль». Автор приходит к выводу, что «одно и то же убийство по мотиву его совершения не может быть квалифицировано одновременно по двум и более пунктам» статьи УК об убийстве при отягчающих обстоятельствах, хотя, в принципе, такая квалификация не исключается, если наряду с мотивом роль квалифицирующего играет еще какой-нибудь признак, характеризующий объект (например, беременность потерпевшей), объективную сторону (общеопасный способ) либо субъекта (неоднократность) данного преступления.

Более правильной представляется позиция тех ученых, которые полагают, что возможность квалификации преступления одновременно по двум мотивам, каждый из которых выполняет функцию квалифицирующего признака, теоретически не обоснована. Напротив, квалификация определяется тем мотивом, в пользу которого избран волевой акт и принято решение.

Изложенное позволяет заключить, что в научном мире существуют различные толкования квалифицирующих признаков, их классификацией, а также соотношения с признаками основного состава преступления. Ввиду чего возникают сложности в понимании института квалифицирующих признаков и его применении. Что в свою очередь приводит к множеству нарушений в процессе квалификации преступлений. Безусловно, это связано с отсутствием юридического оформления данного института. Необходимо законодательно закрепить основные положения квалифицирующего признака: понятие, природу, квалификацию, правила применения. Что обязательно приведет к устранению или хотя бы снижению ошибок в процессе его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов, К.К. Система психологии и теория отражения / К.К. Платонов. – М. : Психология, 1992. – 280 с.
2. Уголовный кодекс, 9 июля 1999 г., № 275–3 : в ред. 12.07.2008 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь, Технология 3000 характера / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
3. Марчук, В.В. О логических ошибках в процессе квалификации преступлений. Логические ошибки при применении закона исключенного третьего / В.В. Марчук // Юрист. – 2006. – № 3. – С. 14–15.
4. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н.А. Бабя, И.О. Грунтова. – Минск : Алмафея, 2002. – 518 с.
5. Веригина, Г.В. Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики / Г.В. Веригина, М.С. Рыбак // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 9–12.
6. Алькин, В. Психологический этюд. Своим желаниям будьте верны / В. Алькин // Российская газета. – 2000. – 28 июля. – С. 9.

УДК 343.01

**УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ПРЕСТУПЛЕНИЕ:
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА****С.В. СВИРСКИЙ***(Представлено: ст. преп. В.А. КУРЯКОВ)*

На примере Полоцкого княжества проводится краткий экскурс в историю становления и развития таких понятий, как «преступно-непреступное», «наказание» и ряд других определений, воспринятых и закрепленных в современном уголовном законодательстве Республики Беларусь. Выделяются наиболее значимые памятники писанного права, в которых в числе других направлений получили свое отражение многие другие институты с признаками современного уголовного права Беларуси [1].

История права Беларуси в целом берет свое начало с незапамятных времен, когда основным источником права было обычное право. Оно складывалось непосредственно из общественных отношений, которые были одобрены и утверждены общественными и государственными органами и использовались в течение довольно долгого времени.

На территории Беларуси обычное право было преобладающим до середины XV века, а затем начало постепенно вытесняться писаным правом, в котором многие нормы обычного права приобрели форму закона в виде многочисленных грамот, листов, привилеев, статутов и др. правовых актов.

Длительную историю становления и развития имеет и белорусское уголовное право в его современном понимании. Изучение и исследование древних памятников уголовного права позволяет с учетом многовекового опыта практической реализации действовавших на разных исторических этапах на территории современной Беларуси уголовно-правовых институтов сформировать в определенной степени и пути их дальнейшего развития и совершенствования в условиях 21 века.

Как известно, первыми источниками национального уголовного права (с учетом территориальных особенностей расположения земель современной Беларуси) будет правильным считать тексты договоров Древней Руси с Византией (911, 944, 971 гг.). В них, в частности, упоминается об имущественных преступлениях («татьбе», разбое) и наказаниях (смертной казни, кровной мести) за их совершение [2, с. 38–51].

Еще одним источником права феодальной Беларуси являлись областные грамоты (привилеи). Такие грамоты выдавались тем белорусским землям, которые вошли в состав Великого княжества Литовского и сохраняли свои автономные права. Наиболее известные из них были: Витебские – 1503, 1509, 1561 г.г., *Полоцкие* – 1521, 1547, 1580, 1634 г.г., Смоленская – 1505 г., Мстиславская – 1551 г., Драгиченские – 1511, 1547 г.г. [3].

Нормы, содержащиеся в областных грамотах, происходили: во-первых, из местного обычного права, разработанного в то время, когда многие из этих земель были самостоятельными государствами и их население, избирая себе князя заключало соглашение, в котором были определены права и обязанности, как князя, так и народа; во-вторых, с предыдущих нормативных актов; в-третьих, из норм, разработанных административной и судебной практикой.

Наиболее типовыми областными грамотами можно считать Витебскую 1503 г., Смоленскую 1505 г. и *Полоцкую 1511 г.* В них закреплены обязанности князя и местного воеводы действовать только согласно с местным правом, сохранять автономные права вверенной земли, не вмешиваться в церковные дела, обеспечивать имущественные и личные права, определялись виды действий, за которые в зависимости от сословного состояния, предусматривались меры карательного воздействия. Автономный характер земель, которые получали привилеи, особенно проявлялся в законодательном закреплении местного обычного права. Так, например, *судить полочанина можно было только в самом Полоцке с участием полочан и по полоцкому праву* [3].

К специальным актам, которые выдавались для горожан, нужно отнести привилеи на Магдебургское право. В течение XV и XVI в.в. грамоты на *магдебургское право* были выданы почти всем крупным городам Беларуси. Как известно, в грамотах содержались общие для многих городов правовые нормы, в том числе содержались и отдельные положения, близкие по своему содержанию с нормами уголовного права. Особенно это касается грамот, которые были выданы мещанам наиболее крупных городов: Вильно, *Полоцка*, Минска, Новоградка, Могилева, Пинска, Витебска [4].

Следует отметить, что источниками уголовно-правовых норм были также Новгородская, Псковская, Двинская судебные грамоты, явившиеся результатом кодификации вечевого законодательства, договоров городов с князьями, судебная практика княжеств, где впервые появляется упоминание преступле-

ния против государства (измена или «перевеет») и судебных органов (взятка или «посул»). К наиболее тяжким преступлениям относились братоубийство и убийство родителей.

Анализ ряда источников права того периода, содержащих в себе как бы фрагменты (прообразы) отдельных институтов современного белорусского уголовного права, позволяет выделить заслуживающий исследовательского внимания исторический этап под названием «*Полоцкие земли*» и действующие на их территории в качестве правовых регуляторов правила до ее вхождения в состав Великого Княжества Литовского. Изучение именно этого периода, как представляется, имеет важное познавательное значение и с тех позиций, что *юридический факультет Полоцкого государственного университета* в его современном формате расположен именно на территории, именуемой в древности «*Полоцкие земли*».

Рассмотрим некоторые направления. Так, изначально судебным органом и органом уголовного преследования в *Полоцком княжестве* был суд общины, соответственно, источником права был обычай. Позже, по мере становления, развития и укрепления государственности судебная власть все больше переходила князю, который вершил суд и как князь, и как верховный жрец Перуна. Соответственно, в то время уголовное право, а также и другие отрасли права были непосредственно связаны с языческими верованиями. Затем, когда Полоцкое княжество вошло в состав Киевской Руси, источником права стала Русская правда [5].

Уже в то историческое время рассматривался вопрос о признаках таких современных институтах уголовного права, как субъективная сторона преступления, то есть требовалось установить, было совершено преступление по умыслу или по неосторожности. К примеру, если убийство было совершено в пиру, то виновник оплачивал штраф вместе с общиной. А если преступник был профессиональным грабителем, то есть «стал на разбой», община не помогала ему с оплатой штрафа, а наоборот, даже должна была выдать его вместе с женой и детьми. В такой «варварской» стране, как считали ее европейские современники и историки, убийство женщины каралось так же, как и убийство мужчины.

Сам судебный процесс носил состязательный характер. К примеру, дела о воровстве рассматривались в таком порядке: потерпевший выступал с публичным объявлением о пропаже на торгу, он описывал пропавший предмет. Полагалось, что о пропаже предмета будет известно всей общине не позднее чем через 3 дня. Затем, если лицо, у которого находился пропавший предмет, являлось добросовестным приобретателем, начинался «свод», то есть поиск преступника, причем в пределах своей общины потерпевший вел свод до конца, до поимки преступника. В случае, если поиск выходил за пределы общины, то свод велся до третьего лица, на котором «свод» останавливался и взыскивал с него стоимость пропажи, предоставляя тому право вести «свод» до конца. Тот, на ком «свод» останавливался, что означало: ответчик не мог объяснить появление у него предмета, возмещал убытки и оплачивал штраф. Так же «свод» прекращался, когда след уходил на большую дорогу или к границам другого государства.

В систему доказательств входили: признание, показания свидетелей, присяга жребий и Божий суд [6].

Первой попыткой систематизации правовых, в том числе уголовно-правовых, норм в пределах Великого Княжества Литовского, в состав которого в 15 – м веке входили и *Полоцкие земли*, было создание Судебника Казимира 1468 года. Рукописный текст закона не был разделен на статьи. При публикации его разделили на 25 статей. Такое деление принято и в современной исторической литературе. Судебник был написан на старобелорусском языке, имел небольшой объем и объединял нормы уголовного, административного и процессуального права [7].

Кроме обобщения текущего законодательства, Судебник ввел ряд новых принципов и подходов государства в вопросах, касающихся определения таких понятий, как *преступное и непроступное*, а также наказания преступников. Так, например, Судебник устанавливал единые для всего государства виды наказаний за преступления против феодальной собственности, ограничивал ответственность жены и детей за преступления, совершенные мужем или отцом. Тем самым в Судебнике получила закрепление идея индивидуализации наказания. Новым было и определение преступления как противоправного деяния. Был установлен новый принцип освобождения от уголовной ответственности детей до семилетнего возраста. В частности, была введена правовая норма, которая запрещала передавать потерпевшему детей, не достигших семи лет. Обозначился в Судебнике и новый взгляд на цели наказания. В частности, в нем впервые получила законодательное закрепление идея «устранения» преступника, как одна из целей наказания, хотя не исключалась и имущественная компенсация. Запрещалось освобождать преступника от наказания, тогда как в соответствии с нормами обычного права у преступника, приговоренного к смертной казни, была возможность откупиться и быть переданным в рабство потерпевшему или его близким.

Позже, именно Русская Правда (она дошла до нас в трех основных редакциях: Краткая, Пространная и Сокращенная) стала основным правовым документом того времени и на территории современной Беларуси. Правду можно определить как кодекс частного права, где все ее субъекты являлись физическими лицами, кроме холопа, который был бесправным субъектом, а ответственность за холопа нес его хозяин.

В Русской правде **преступления** подразделялись на преступления против личности (убийство, телесные повреждения, побои, оскорбление) и на имущественные преступления (разбой, татьба (кража), незаконное пользование чужим имуществом, порча межевых знаков).

Русская Правда **определяла преступление как «обиду»**, нанесенную потерпевшему, в результате причинения ему материального (физического, имущественного) или морального вреда. Содержание обиды и ее оценка зависели от сложившихся обычаев. Русская Правда сделала первый шаг в правовом ограничении древнего обычая кровной мести за счет усиления государственных и правовых начал в решении вопроса об ответственности за совершение преступления. К числу наказаний относились, в частности, «поток и разграбление», при котором преступник обращался в рабство или изгонялся из общины вместе с семьей, лишался покровительства законов, имущество его подвергалось конфискации. Особым видом наказания была «вира» – штраф в виде денежной суммы, который назначался за убийство и поступал в княжескую казну. Целями наказания были возмездие и возмещение причиненного вреда [7].

Таким образом, на основании вышеизложенного, по нашему мнению, обоснованным будет суждение, что право в **Полоцком княжестве** было развито не хуже, а в чем-то даже и лучше, чем во многих европейских государствах того времени. И более того, даже в то время и, казалось бы, в таком «варварском», с точки зрения европейцев, государстве не стоял вопрос о применениях пыток в процессе доказывания, как это было в «цивилизованной» Европе. В то же время следует указать, что на становление и развитие уголовно-правовых институтов того исторического периода значительное влияние оказывал религиозный догматизм, что значительно снижало способность правовых понятий и определений вершить правосудие «не по божеским, а по светским правилам».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015. – 320 с.
2. Даурова, Т.Г. Уголовное право: история и современность. Вопросы Общей части : учеб. пособие / Т.Г. Даурова, О.А. Лиценбергер ; под ред. Т.Г. Дауровой. – Саратов, 2001. – 321 с.
3. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (у дакументах і матэрыялах) / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. – Мінск, 1998. – С. 39.
4. Доўнар, Т.І. Развіццё агульнадзяржаўнага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях : аўтарэф. дыс. ... докт. юрыд. навук : 12.00.01 / Т.І. Доўнар ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1997. – С. 10.
5. Исаев, И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. – М. : Юристъ, 1994. – 257 с.
6. Иванов, Н. Библия и уголовный закон / Н. Иванов // Советская юстиция. – 1992. – № 78. – С. 15–18.
7. Энциклопедия уголовного права : в 6 т. / под общ. ред. В.Б. Малинина. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – Т. 3: Понятие преступления. – 797 с.

УДК 343.01

КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

С.В. СВИРСКИЙ

(Представлено: ст. преп. В.А. КУРЯКОВ)

Рассматриваются основные этапы становления и развития такого базового института уголовного права как «преступление» на территории современной Республики Беларусь в разные исторические периоды. Выделяются понятия и употребляемая терминология в формировании нормативного определения понятия «преступление» и его основных признаков.

В древних белорусских княжествах основным источником уголовного права был обычай. В основном это были наиболее значимые и важные обычаи, с которыми законодатель был согласен или значение которых хотел подчеркнуть, а также новые нормы, отражающие определенные изменения в уголовно-правовых отношениях на конкретном этапе исторического развития [1].

Первые писаные памятники права уголовно-правового характера появились в Беларуси в феодальный период её развития. По причинам отсутствия достаточного для развернутого анализа объема дошедших до нашего времени источников права, в которых бы отражались и раскрывались понятия преступления, представляется затруднительным судить об уровне развития уголовного права феодального периода на территории современной Беларуси. В целом можно высказать личное суждение, что содержащиеся в общеземских грамотах нормы уголовного права были впервые кодифицированы в уголовном законе – *Судебнике Казимира 1468 г.* Судебник в последующем лёг в основу Статута Великого Княжества Литовского (*государства, политико-экономическим центром которого были белорусские земли*), принятого в 1529 г. Редакция Статута изменялась дважды – в 1566 и 1588 гг. В последней редакции Статут действовал вплоть до середины XIX в.

Статут являлся одним из наиболее разработанных на основе местного обычного права и судебной практики кодифицированных нормативных актов XVI века в Европе. Статут регламентировал весьма широкий круг отношений в различных областях жизнедеятельности общества того времени, уделяя при этом весьма значительное место предписаниям уголовно-правового характера. Несмотря на определенную терминологическую сложность в описании запрещаемых деяний с признаками преступного в современном понимании, Статут содержал в целом хорошо разработанное представление о таком явлении, как преступление.

Хотя развёрнутое определение понятия преступления не было прописано в его буквальном понимании, но в различных разделах Статута указывалось на наказуемость различных *видов деяний*, как бы выходящих за рамки правового поля общественных отношений того периода. Описание конкретных преступлений свидетельствует, что таковыми признавались лишь те деяния, которые причиняли существенный вред государю, государству или его подданным всех сословий, что указывает на признание преступлением деяния общественно опасного. В Статуте провозглашено, что «мы, государь» будем судить и действовать «этими правами и артикулами, в этом же статуте ниже писанными», то есть ответственность предусматривалась в нормативно закреплённых пределах, что свидетельствует об описании признаков противоправности [2].

После присоединения Беларуси к России Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. продолжал еще действовать на территории Беларуси и Литвы. По указанию Сената в 1811 г. его перевели на русский язык и издали в Санкт-Петербурге на русском и польском языках как действующий закон для Беларуси и Литвы. Вместе с тем, реформирование судебной системы, особенно ликвидация в Беларуси городских и земских судов, сопровождалось изменениями и в уголовном праве. 15 июня 1840 г. было окончательно отменено действие Статута 1588 г. С этого момента *в Беларуси начинают действовать уголовные нормы российского Свода законов 1832 г.*, который вступил в действие с 1 января 1835 г. [3].

15 августа 1845 г. было принято и с 1 мая 1846 г. введено в действие *Уложение о наказаниях* уголовных и исправительных, фактически представлявшее собой уголовный кодекс Российской Империи. Проведённые в России реформы потребовали существенного изменения уголовного законодательства и частично разработанные нововведения были реализованы в 1885 г. путём издания новой редакции Уложения 1845 г. Окончательно новое Уголовное уложение было утверждено 22 марта 1903 г. Это Уложение по сути явилось прообразом уголовного кодекса, в главе I которого «О преступлениях и наказаниях вообще» были даны достаточно точные в правовом отношении определения понятия преступления и системы наказаний, близкие по своему содержанию с текстом современных определений однотипных институтов уголовного права. Преступлением признавалось «*деяние, воспрещённое во время его учине-*

ния законом под страхом наказания». И хотя данное определение явилось формальным, в нём впервые законодательно закреплён принцип «нет преступления без указания о том в законе» [4].

В изданном 24 ноября 1917 г. Декрете СНК РСФСР «О суде» № 1 судам разрешалось руководствоваться в своей деятельности «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР» запретил использование законов «свергнутых правительств».

Непосредственно после пролетарской революции 1917 г. уголовно-правовые отношения регулировались многочисленными разрозненными нормативными актами: декретами, инструкциями, положениями и др. Этими актами вводилась уголовная ответственность за воинские преступления, контрреволюционную деятельность, мародёрство, взяточничество, спекуляцию, саботаж, прочие злоупотребления торговцев, промышленников и чиновников и т.п. деяния. 12 декабря 1919 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР были изданы «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», третий раздел которых назывался «О преступлении и наказании» с описанием как бы основных признаков понятия «преступление» в его революционно-пролетарском представлении.

24 мая 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР – первый УК социалистического типа. Постановлением III сессии ЦИК БССР от 24 июня 1922 г. действие УК РСФСР было распространено на всю территорию Белоруссии с 1 июля 1922 г., а с 1924 г. этот кодекс официально назывался Уголовным кодексом Белорусской ССР. В кодексе была закреплена следующая формулировка понятия преступления: «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени... В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса.»

Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В соответствии с Общими началами на 3-й сессии ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 г. был принят Уголовный кодекс Белорусской ССР (введён в действие с 15 ноября 1928 г.). По УК БССР 1928 г. преступлением признавалось «всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период» (ст. 4). В этот период допускалась аналогия права, то есть применение «тех статей Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду и важности преступления», а также осуждение за преступное состояние.

Существенная демократизация уголовного законодательства была осуществлена принятием Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы явились прообразом Общей части УК союзных республик, в том числе и Беларуси. Основы содержали следующие разделы: I. Общие положения; II. О преступлении; III. О наказании; IV. О назначении наказания и освобождении от наказания.

Указанные союзные законы легли в основу Уголовного кодекса Белорусской ССР, который был принят четвертой сессией Верховного Совета БССР пятого созыва 29 декабря 1960 г. (введён в действие с 1 апреля 1961 г.). УК 1960 г. считал преступлением «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и иные права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» [5].

Область уголовно наказуемых деяний ограничивалась также тем, что определенные деяния признавались преступными лишь при условии их совершения после применения к виновным мер общественного воздействия либо дисциплинарного или административного взыскания. Это прообраз современных составов преступлений с административной преюдицией.

За продолжавшийся период своего действия УК 1960 г. многократно и основательно изменялся и дополнялся. С сентября 1991 г. Уголовный кодекс БССР стал называться Уголовным кодексом Республики Беларусь. В редакции Закона Республики Беларусь от 1. 03. 1994 г. в ст. 7 УК было закреплена следующее определение понятия преступления: «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Доўнар, Т.І. Развіцце агульназемакага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях : аўтарэф. дыс. ... докт. юрыд. навук : 12.00.01 / Т.І. Доўнар ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 1997. – С. 10.

2. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – Т. 1. – 432 с.
3. Рогов, В.А. История государства и права России IX – начала XX веков / В.А. Рогов. – М, 1995. – 542 с.
4. Чистякова, О.И. История отечествен. государства и права / О.И. Чистякова. – М. : БЕК, 1997. – 257 с.
5. Уголовное право БССР: часть общая : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. И.И. Горелика, И.С. Тишкевича. – Минск : Выш. шк., 1973. – 368 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : утв. Законом РБ от 29 дек. 1960 г. ; введ. в действие с 1.04.1961 (СЗ БССР,1961г.,N1,ст.4) с изм. и доп. по сост. на 10.01.1998. – Минск : Амалфея, 1998. – 208с.

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****В.А. БЫЧКОВА***(Представлено: Е.В. ЧИЖИК)*

Данное исследование направлено на выявление и обоснование причин, которые обуславливают необходимость внедрения информационных технологий в деятельность органов уголовного преследования, в частности, в следственную деятельность. В статье отражается взаимозависимость всех сфер жизнедеятельности общества и возможность изменения одних процессов под влияние других.

Информатизация представляет собой организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, который обеспечивает условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений. При этом информационный ресурс, как определено в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», – организованный совокупностью документированной информации, которая включает базы данных и другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах [1].

Информатизация является одним из наиболее значимых направлений мирового научно-технического процесса, а также важнейшим фактором развития современного общества.

В современном мире наблюдается повсеместное развитие, внедрение и совершенствование электронных информационных систем, а также автоматизация множества процессов. В настоящее время сложно найти хотя бы одну сферу жизнедеятельности, которая осталась без использования информационных технологий. Это свидетельствует о трансформации общества из индустриального в информационное.

В декабре 2017 года был созван II Съезде ученых Беларуси, на котором была утверждена стратегия государственной политики «Наука и технологии: 2018 - 2040». Согласно данной стратегии необходимо осуществлять переход не только к цифровой экономике, но и к широкому внедрению информационных технологий во все сферы жизнедеятельности белорусского общества [2].

Общественные отношения – динамически развивающаяся единица, изменение которых вызывает необходимость преобразования различных структур, в том числе и правовых. Таким образом, с информатизацией общества, существенно изменились способы совершения преступлений, а также появились новые средства фиксации информации, которая может быть использована при раскрытии преступлений.

В данных условиях возникает необходимость внедрения новых способов извлечения информации, которая фиксируется, например, на материальных носителях или в глобальной сети Интернет, для дальнейшего приобщения ее к материалам дела. Необходимо отметить, что также представляется возможным использовать технические средства (аудио-, видеозапись) для хранения информации, которая получена в процессе следственной деятельности, что обеспечит продолжительный срок ее хранения, сократит сроки проведения процессуальных действий, а также сделает деятельность правоохранительных органов более эффективной и удобной.

В рамках данного исследования мы делаем акцент непосредственно на информатизацию следственной деятельности. Это обусловлено тем, что именно в основу следствия положены собирание необходимой доказательственной информации, ее оценка и приведение в правильную форму для быстрого и полного расследования преступлений, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных, а также с целью защиты от необоснованного обвинения или осуждения [3,4].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что для полного, эффективного и оперативного раскрытия преступлений необходимо, чтобы способы деятельности правоохранительных органов соответствовали развитию современного общества. Только в таком случае правоохранительные органы смогут быстро среагировать на преступную деятельность и пресечь ее.

Кандидат юридических наук О. А. Белов полагает, что «одной из причин недостаточного уровня раскрываемости преступлений является низкое качество информационного обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений». В узком смысле под информационным обеспечением раскрытия и расследования преступлений он понимает «деятельность по получению (сбору) криминалистически значимой информации, ее хранению, обработке, передаче и использованию в целях раскрытия и расследования преступлений» [5].

Сегодня фундаментальной целью развития уголовного процесса является необходимость обеспечения оперативности раскрытия и расследования преступлений в условиях соблюдения основополагающих принципов уголовного процесса. Решение данной задачи возможно путем разработки и внедрения в правоприменительную практику современных технических средств фиксации процессуальных действий

и ее результатов, формирования материалов уголовного дела и ознакомления с ними участников уголовного процесса.

Если говорить о развитии белорусского уголовно-процессуального права, то уже внедрен ряд глобальных научных достижений и технических решений, которые касаются процессуального поиска новых доказательств, их фиксации и изъятия, а также последующего их воспроизведения для оценки на предмет допустимости, достоверности и достаточности.

Ярким примером такого внедрения является дополнение Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь нормой, которая позволяет работникам следствия или суда проводить ряд следственных действий (допрос, очную ставку, предъявление для опознания) с использованием систем видеоконференцсвязи [6].

Таким образом, мы можем утверждать, что процесс информатизации следственной деятельности напрямую зависит от развития общественных отношений, от состояния общества. Сегодня есть ряд достижений, связанных с использованием информационных технологий, в деятельности правоохранительных органов. Однако с развитием общественных отношений в дальнейшем данный процесс будет совершенствоваться и набирать новые обороты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 11 мая 2016 г. № 362-3. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>.
2. Стратегия «Наука и технологии: 2018 – 2040» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gknt.gov.by/news/aktualno/strategiya_nauka_i_tekhnologii_2018_2040/. – Дата доступа: 07.09.2018.
3. Электронная онлайн библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://banauka.ru/3708.html>. – Дата доступа 09.03.2018.
4. Уголовно-процессуальный кодекс : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : Одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 января 2018 г. № 93-3. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295>.
5. Белов, О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Белов ; Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. – М., 2007. – 26 с.
6. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 05.01.2016 № 356-3 [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.1

ЭЛЕМЕНТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.А. БЫЧКОВА*(Представлено: Е.В. ЧИЖИК)*

Статья посвящена анализу основных элементов информатизации следственной деятельности, которые внедрены на сегодняшний день. К таким элементам относятся: электронные доказательства, цифровое алиби, компьютерная экспертиза, базы данных, применение видеоконференцсвязи в уголовном процессе и электронная форма уголовного дела. В рамках исследования осуществляется рассмотрение каждого элемента в отдельности, проводится их характеристика, а также раскрываются причины, которые обусловили необходимость их использования.

В настоящее время информатизация представляет собой глобальный процесс, который охватывает все сферы жизнедеятельности общества, существенно изменяя их. Этот процесс затронул и деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

На сегодняшний день мы можем выделить следующие основные направления информатизации следственной деятельности: использование электронных доказательств, применение цифрового алиби, осуществление компьютерной экспертизы, эксплуатация баз данных, применение систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе, использование электронной формы уголовного дела.

С развитием науки и техники совершенствуются способы передачи информации, разрабатываются все более и более совершенные средства взаимодействия людей. В настоящее время неотъемлемой частью жизни граждан являются персональные компьютеры, мобильные телефоны, ноутбуки, смартфоны, планшеты и т.п. Данные устройства позволяют дистанционно осуществлять обмен информацией и контактировать с большим числом людей. Важно отметить, что на сегодняшний день это не только средства коммуникации, но и так называемые «орудия» для совершения преступления.

Использование глобальной компьютерной сети Интернет во всех сферах жизни современного общества ведет к необходимости применения в повседневной деятельности следователя возможностей данной сети как источника информации. Ресурсы сети Интернет могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела.

Примером тому являются, в первую очередь, социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Instagram», «Одноклассники», «Мой мир», «Твиттер», «Facebook» и другие. Анализ личной страницы преступника позволяет правоохранительным органам ознакомиться с его анкетной информацией, оценить круг его общения и личные предпочтения. На сегодняшний день существует также большое количество систем мгновенного обмена сообщениями, например, Viber, WhatsApp, Telegram, Skype и иные. Посредством данных систем также осуществляется передача текстовых сообщений, звуковых сигналов, изображений, видео и иной информации.

Активное использование цифровых устройств дает дополнительные возможности правоохранительным органам при осмотре какого-либо электронного носителя получить большое количество личных данных о конкретном лице путем изучения текстов его сообщений на самом устройстве или в его социальных сетях, а также с помощью анализа контактной информации и сведений о последних звонках выявить соучастников, свидетелей, подозреваемых. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) содержит достаточно универсальные нормы, которые допускают использование технических средств при производстве следственных действий и научно обоснованных способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч.3 ст.192 УПК).

Использование новейших технологий в совершении преступлений способствует формированию новых способов их раскрытия и расследования. В связи с этим появляется такой элемент как электронное доказательство. Таким образом, правоохранительные органы при осмотре любого электронного носителя либо непосредственно данных самой социальной сети имеют возможность фиксации полученных сведений уголовного дела в виде электронных доказательств, например, закрепление скриншотов страниц социальных сетей [1, с. 98–99].

С повсеместным использованием технических средств у правоохранительных органов появляется возможность фиксации доказательственной информации, полученной, например, в ходе допроса, с помощью различных цифровых средств аудио-, видеозаписи. С их помощью удастся достаточно быстро решать криминалистические задачи с целью получения объективной и полной розыскной и доказательственной информации, а также они способны обеспечить продолжительный срок хранения запечатленных объектов и сведений. Благодаря этому повысилась раскрываемость преступлений, следственная деятельность стала более эффективной и оперативной [2, с. 78].

Ежедневное использование компьютера привело к тому, что, обретая статус подозреваемого, лицо имеет возможность сослаться на то, что в момент совершения преступления работало за компьютером совершенно в другом месте. За рубежом это получило название – «цифровое алиби». Активное развитие компьютерных технологий на сегодняшний день привело к возможности осуществления компьютерной экспертизы, посредством проведения которой представляется возможным восстановить удаленные файлы, определить, какие действия были произведены на определенном компьютере, где и в какой момент [3, с. 1].

Важным элементом информатизации является функционирование большого количества баз данных, которые доступны к использованию органам уголовного преследования, а также судам. Их наличие обеспечивает возможность получения необходимой информации о каком-либо лице в максимально сжатые сроки. Например, базы данных предоставляют возможность в ускоренной форме установить личность лица, его местонахождение, определить, какие правонарушения или преступления были им совершены ранее, определить наличие или отсутствие состояния судимости и т.п. В Республике Беларусь созданы следующие базы данных: база данных абонентов сотовой связи, база данных о гражданах, право на выезд которых временно ограничено, единый государственный банк данных о правонарушениях, база данных дактилоскопической регистрации и другие.

Закономерным шагом по внедрению в уголовный процесс современных информационно-коммуникационных технологий стала возможность производства процессуальных действий с применением режима видеоконференцсвязи. Ст. 224-1 УПК закреплено, что в определенных законом случаях, допрос потерпевшего, свидетеля, а также очная ставка могут быть проведены дистанционно с использованием систем видеоконференцсвязи. Важно, чтобы при использовании системы видеоконференцсвязи обеспечивалось надлежащее качество изображения и звука. Информация, которая получена с использованием видеоконференцсвязи, фиксируется техническими средствами, отражается в протоколе следственного действия и приобщается к уголовному делу. Для обеспечения безопасности участников уголовного процесса допрос, очная ставка могут быть проведены с изменениями внешности или голоса, которые обеспечивают неузнаваемость защищаемых лиц. Данный элемент информатизации значительно повышает результативность и качество производства по уголовным делам, обеспечивает оперативность уголовного процесса. Благодаря использованию системы видеоконференцсвязи стало возможным обеспечить максимальную безопасность участникам уголовного процесса [4, с. 33–34].

За рубежом уже сложилась определенная система безбумажного ведения судебных дел. Электронные технологии широко практикуются в США, Канаде, Великобритании, Японии, Казахстане и др. государствах [5, с. 15]. УПК в ст. 193, 308, 358 определяет две формы составления протоколов следственных действий, судебных заседаний и приговоров суда – написание от руки или изготовление с помощью технических средств, что является толчком и начальной формой перехода к электронному документообороту и присоединению к проекту «Е-уголовное дело».

Внедрение электронного документооборота позволит значительно сократить сроки расследования уголовных дел, что обусловлено более упрощенной процедурой получения необходимых справок, например, из психиатрического диспансера, а также следственная деятельность не будет приостанавливаться при необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы. Будет упрощена процедура собирания доказательств и составления процессуальных документов, т.к. бумажные документы характеризуются объемом и тяжеловесностью томов уголовного дела, что вызывает дискомфорт в процессе документооборота между правоохранительными органами при осуществлении своей деятельности. Электронный же, в свою очередь, позволит обмениваться информацией, не покидая рабочего места, что является более удобным, а также экономит время, силы работников. Электронный документооборот позволит сократить расходы государства, часть которых идет на содержание архивов и архивариусов, что является материально выгодным. Нельзя не отметить, что бумажные носители являются недостаточно надежными, т.к. хорошо подвергаются уничтожению и со временем изнашиваются до такой степени, что становится невозможным прочесть содержащуюся в них информацию, электронная форма обеспечит сохранение материалов дела и элементов доказывания на протяжении долгого времени без какого-либо ее искажения [6].

Наиболее точное описание электронной уголовно-процессуальной формы, на наш взгляд, дано А.Ф. Абдулвалиевым, который предлагает сформировать электронный носитель, включающий программное обеспечение, формирующее уголовное дело, содержащее алгоритм последовательности действий (движения уголовного дела), включающий бланки и шаблоны отдельных процессуальных документов и позволяющий прикреплять к данным документам в электронной форме все сведения о полученных доказательствах, в том числе фото-, кино- и видеоизображения, а также иные файлы и программные продукты [7].

Изучение зарубежного опыта (Эстония, Грузия, Финляндия, Казахстан, Армения) показывает, что при оценке перспектив внедрения проекта «Е-уголовное дело» в качестве положительного эффекта рас-

считается сокращение бумажного документооборота, повышение эффективности работы следователя за счет освобождения его от рутинной технической работы по оформлению, копированию, сшиванию материалов уголовного дела, что позволит оптимизировать сроки расследования преступлений.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на сегодняшний день элементы информатизации активно внедряются в деятельность органов уголовного преследования, в том числе и суда. Это обусловлено социальными изменениями, а именно, появлению новых средств коммуникации. В результате чего появились новые способы и средства совершения преступлений, которые требуют новых способов их раскрытия. С развитием компьютерных технологий стало возможным фиксировать информацию по конкретному уголовному делу на материальных носителях и в дальнейшем обмениваться ей между правоохранительными органами в процессе осуществления своей деятельности, что значительно облегчило деятельность субъектов уголовного процесса и сделало ее более удобной, эффективной и оперативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мякишева, А. Н. Электронная информация как доказательство по уголовному делу / А.Н. Мякишева // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики : материалы V научн.-практич. конф., г. Саранск, 27 фев. 2017 г. / редкол. : Н. Н. Азисова ; Средне-Волжский институт . – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2017. – С. 97–102.
2. Павловец, Г.А. Понятие цифровых средств и система принципов их использования в процессе доказывания / Г.А. Павловец // Журнал Право Беларуси. – 2011. – С. 78–81.
3. Салмина, А.Б. Проверка «Цифрового алиби» / А.Б. Салмина // Вестник Удмуртского государственного университета. – 2012.
4. Харчейкина Ю.В. К вопросу о внедрении информационно-коммуникационных технологий в уголовное судопроизводство / Ю.В. Харчейкина // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И.И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. уголов. процесса и прокур. надзора ; редкол. : А.А. Данилевич, О.В. Петрова, В.И. Самарин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 32–36.
5. Абдулвалиев, А.Ф. Опять про электронное уголовное дело / А. Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 15–18.
6. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения / Т.А. Савчук // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2-х ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шкаплев. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2016. – Ч. 1. – С. 451–454.
7. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела и деятельность судебных органов [Электронный ресурс] / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1 (157). – С. 58–65. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_345.html. – Дата доступа: 07.09.2018.

УДК 343.35

**ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО ПРИЗНАКУ СОВЕРШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ДЕЙСТВИЙ****К.Ю. ЩЕРБАК***(Представлено: ст. преп. В.А. КУРЯКОВ)*

Рассматриваются юридическое содержание и проблемы интерпретации должностного лица по признаку лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий, на основе анализа части 4 ст.4 УК, Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 3-129/2001, сложившейся судебной практики и научных публикаций; предлагается научно-теоретическая формулировка признаков лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий, названы отдельные спорные положения, обращается внимание на необходимость дальнейшего и более углубленного исследования признаков данной категории должностного лица.

Проблема трактовки признаков должностного лица как субъекта преступлений коррупционной направленности, сформулированных в уголовном законодательстве, существовала всегда, и, как свидетельствует следственно-судебная практика, продолжает оставаться сложной как в понятийном отношении, так и с позиции правоприменения. Правильная трактовка признаков имеет важное, существенное значение, поскольку позволяет избежать ошибок в квалификационной деятельности.

В настоящее время наиболее полную регламентацию признаков должностного лица дает Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК). Законодатель в ч. 4 ст. 5 УК выделяет четыре, назовем условно, базовые группы признаков, наличие которых в разном сочетании позволяют идентифицировать (отнести) конкретных лиц к категории должностных как возможных субъектов преступлений коррупционной направленности, а точнее, против порядка управления и некоторых других.

Как следует из содержания анализируемой нормы, **уголовным законом** с учетом выполняемых функций и других обстоятельств к категории должностных лиц отнесены:

1) представители власти, ...а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях... должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, ... [1].

В п. 3 ч. 4 ст. 4 УК объединены *три категории* должностных лиц, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением:

а) организационно-распорядительных обязанностей;

б) административно-хозяйственных функций;

в) лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

Полагаем, что в дополнительном исследовании нуждается такая разновидность должностного лица **как лицо, уполномоченное на совершение юридически значимых действий**. Поскольку именно в понимании этой категории субъектов должностных лиц возникает значительное число вопросов в судебной практике.

До 15 июня 1993 г. в УК Беларуси 1960 г. (ранее – УК БССР) по названному признаку категория должностного лица не выделялась. И только с принятием Закона Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» к должностным лицам наряду с другими категориями стали относить лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий [2]. Этот признак должностного лица получил свое закрепление и в новом УК, который вступил в законную силу с 1 января 2001 года.

Фактически на официальном уровне толкование признаков рассматриваемого вида должностного лица было дано лишь спустя 8 лет Конституционным Судом Республики Беларусь в Заключении от 12 ноября 2001 г. N 3-129/2001 «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4

Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий». Как пояснил Конституционный суд, «юридически значимыми признаются такие действия, в результате совершения которых наступают или могут наступить правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений». В пункте 8 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 сказано, что «лицами, уполномоченными в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, являются работники, совершающие такие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица» [3].

В этой части считаем необходимым указать, что деятельность выделенных законодателем в две самостоятельные группы лиц (п.п. 1 и 2 ч. 4 ст. 4 УК) с учетом особенностей статусных функций в момент их реализации также в конечном итоге в различных форматах, но исключительно в рамках правового поля, непосредственно связана с возникновением, изменением или прекращением правоотношений. Эти же последствия наступают и при осуществлении своих полномочий лицами, признаки которых отражены законодателем в п.3 ч. 4 ст. 4 УК. По нашему мнению, этот признак можно назвать как бы объединяющим всех лиц, наделенных законодателем статусом должностного лица и включенных в сферу уголовно-правовых отношений.

Однако очевидно, что помимо общих признаков, имеющих принципиальное значение в квалификационной деятельности, требуется установление применительно к каждой группе и ряд других обязательных признаков, которые в совокупности с вышеуказанными условиями позволят максимально точно дифференцировать субъектов должностных преступлений на соответствующие группы, выделенные в уголовном законе.

Как определяет общая теория права, под юридически значимыми действиями понимаются действия (бездействие), являющиеся юридическими фактами. Но всякие ли действия являются юридическими фактами, которые могут придавать статус должностного лица?

Во-первых, это действия, на совершение которого лицо постоянно или временно **официально уполномочено**, т.е. наделено учреждением, организацией или предприятием (*независимо от форм собственности*) правом от их имени осуществлять действия, обладающие свойством юридического факта (выдача официальных (обязательных для других субъектов) правоустанавливающих документов, принятие решений или совершении иных юридически значимых действий). Так, Конституционный суд Республики Беларусь ограничил круг лиц, относимых к должностным лицам по признаку совершения юридически значимых действий, только лицами, уполномоченными на совершение таких действий *организацией, учреждением или предприятием*. Из их числа «выпали» лица, получившие полномочия со стороны физических лиц [4].

Во-вторых, совершение действий влечет за собой наступление последствий, т.е. **действия непосредственно** порождают, изменяют, прекращают правоотношения. На этом основании к должностным лицам следует отнести юрисконсультов, экспертов, брокеров, поскольку все они совершают юридически значимые действия. Следуя такой логике, к должностным лицам тогда можно относить различных участников гражданско-правовых отношений, исчерпывающий перечень которых отражен в нормах ГК.

Разделяя точку зрения В.М. Хомича, считаем, что такой подход не учитывает одного важного обстоятельства: должностная деятельность – это деятельность, имеющая публично-правовой и властно-организующий характер [5].

В-третьих, совершенные действия должны повлечь юридические **последствия публично-властного характера** для третьих (иных) физических или юридических лиц. По указанным основаниям не могут быть отнесены к должностным лицам граждане, заключающие сделки или совершающие иные значимые действия от собственного имени, т.е. их действия не являются публично-правовыми. Заключение любой частноправовой сделки (договора купли-продажи, перевозки и т.п.), безусловно, влечет за собой возникновение правоотношений, но они не затрагивают сферу управленческой деятельности. Следовательно, не могут признаваться должностными лицами индивидуальные предприниматели, в том числе и когда они от собственного имени заключают трудовые договоры с наемными работниками.

Вместе с тем следует отметить, что исключение предпринимателей из сферы субъектов должностных преступлений далеко не бесспорно. Например, в рамках действующего законодательства индивидуальный предприниматель может оказывать субъекту хозяйствования услуги по ведению бухгалтерского учета, осуществлению властно-распорядительного контроля за движением товарно-материальных и денежных средств, совместно с руководителем принимать определенные управленческие решения и др. Данный вопрос будет исследован более подробно в рамках другой научной публикации.

Что интересно, при подготовке проекта Уголовного кодекса разработчиками вносилось предложение о том, чтобы этот признак должностного лица носил публично-правовой характер. Однако, при принятии УК во втором чтении из первоначальной редакции в п.3 ч.4 ст.4 проекта УК были исключены сло-

ва «влекущих последствия публично-правового характера», что бесспорно вызвало определенные проблемы для правоприменительного процесса.

В содержании п. 3 ч. 4 ст. 4 УК законодатель выделил, как представляется, в самостоятельную группу и такую категорию лиц, которые действуют не от имени и по поручению *организаций, учреждений или предприятий*, а на основании соответствующих законов от своего имени и совершаемые ими публично-правовые (*юридически значимые*) действия являются непосредственной профессиональной обязанностью. Например, государственные или частные нотариусы, либо лица, выполняющие юридически значимые действия наряду с иными профессиональными обязанностями.

В этой части уточняем, что для правильной констатации признаков должностного лица следует отграничивать *управленческую деятельность* работника от *профессиональной*. Так, медицинские работники в одних случаях выполняют сугубо профессиональные обязанности (осмотр больного, постановка диагноза, проведение операции) и не выступают в качестве носителей управленческих или должностных правомочий; а в других случаях могут совершать действия, естественно связанные с их профессией, но имеющие юридически значимые последствия и, следовательно, являются должностными лицами. Например, таковым признается лечащий врач, который, выписывая листок о временной нетрудоспособности пациента, своими действиями порождает социальные (связанные с реализацией права на получение пособия по временной нетрудоспособности) и трудовые (право быть освобожденным от производственных обязанностей) правоотношения, имеющие властно-правовой характер.

Такая же практика привлечения к уголовной ответственности должна складываться в отношении учителей, преподавателей. В одних случаях ректор или проректор вуза, декан и заместитель декана факультета, заведующий кафедрой, директор школы, член квалификационной, приемной комиссии и др., признаются должностными лицами в силу занятия ими какой-либо административной должности и выполнения в связи с этим *организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей* или принятием *юридически значимого* решения о зачислении лица в учебное заведение либо о присвоении квалификации выпускнику. В других же случаях, в частности, при проведении учебных занятий (чтение лекций, ведение семинаров, проверка контрольных и письменных работ) такие лица рассматриваются лишь как исполняющие свои профессиональные обязанности. Это условие получило свое отражение в ЗаклЮчение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 3-129/2001, подтверждено сложившейся судебной практикой последних лет: преподаватель при приеме даже курсовых, экзаменов и зачетов всегда является должностным лицом. Подобная точка зрения не нашла одобрения среди белорусских ученых. Как справедливо отмечает В.М. Хомич, преподаватель не определяет юридическую значимость (обязательность) определенных правовых последствий для студента, выставляя ему ту или иную оценку на экзамене. Наступят для студента юридически значимые последствия или нет, решает не преподаватель, его на это никто не уполномочивал (ни закон, ни ректор)» [6].

Предлагается научно-теоретическая формулировка определения признаков лица, уполномоченного в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, которые непосредственно порождают, изменяют или прекращают правоотношения. Это лицо, которое:

а) официально уполномочено, т.е. наделено учреждением, организацией или предприятием (*независимо от форм собственности*) правом от их имени осуществлять действия, обладающие свойством юридического факта (выдача официальных (обязательных для других субъектов) правоустанавливающих документов, принятие решений или совершении иных юридически значимых действий,

б) или лицо, для которого выполнение юридически значимых действий является непосредственной профессиональной обязанностью

в) либо лицо, выполняющее юридически значимые действия наряду с иными профессиональными обязанностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., №275-З: Принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 15 июня 1993 г., № 2401-ХП [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий: заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 3-129/2001 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 122. – 2/1262.

4. Лукашов, А.И. Проблемы уголовной ответственности должностных лиц [Электронный ресурс] / А.И. Лукашов // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Хомич, В.М. Понятие должностного лица в уголовном праве [Электронный ресурс] / В.М. Хомич // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Хомич, В.М. Взятничество через призму уголовного закона и судебной практики / В.М. Хомич // Судовы веснік. – 2003. – № 2. – С. 51–52.

УДК 343.35

**ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО ПРИЗНАКАМ ВЫПОЛНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ
И АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ****К.Ю. ЩЕРБАК***(Представлено: ст. преп. В.А. КУРЯКОВ)*

Исследуется юридическое содержание и проблемы интерпретации отдельных признаков должностного лица как субъекта коррупционных преступлений, выполняющего функции организационно-распорядительной и административно-хозяйственной направленности, рассматриваются разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. №12 (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.424-428 УК), в которых с учетом сложившейся судебной практики и выявленных спорных положений сформулированы рекомендации, позволяющие обоснованно расширить перечень признаков организационно-распорядительных и административно-хозяйственных деятельности должностных лиц для включения их органами уголовного преследования в сферу уголовной ответственности в качестве субъекта коррупционных преступлений.

Следует отметить, что Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) не содержит определения понятия должностного лица как специального субъекта преступлений коррупционной направленности и, в частности, против интересов службы.

На уровне науки уголовного права в условиях многообразия авторских позиций, не претендуя на бесспорность, предлагается следующая формулировка понятия «должностное лицо», содержание которой, по нашему мнению, в целом отражает (содержит) минимально необходимый набор основных юридически значимых признаков анализируемого института:

Должностное лицо как специальный субъект преступлений против интересов службы, это: *«Вменяемое физическое лицо, достигшее как общего, так и специального возраста уголовной ответственности, вовлеченное в установленном законом порядке в систему служебных отношений, охраняемых нормами уголовного законодательства, и обладающее обусловленными свойствами объекта преступления дополнительными признаками, при наличии которых данное лицо может совершить в качестве исполнителя общественно опасное деяние, запрещенное главой 35 УК».*

Несмотря на то, что в УК отсутствует дефиниция понятия должностного лица как субъекта служебного властвования и возможного злоупотребления предоставленными полномочиями в ущерб интересам службы, законодатель с целью недопущения разночтений в понимании должностного лица в части 4 ст. 4 УК раскрыл признаки отдельных видов (категорий) должностных лиц. Согласно ч.4 ст. 4 УК к должностным лицам относятся: 1) представители власти; 2) представители общественности, наделенные полномочиями представителей власти; 3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административных обязанностей; 4) лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; 5) должностные лица иностранных государств [1].

Полагаем, что в дополнительном исследовании нуждается такая разновидность должностного лица, **как лицо, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающее должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей**, поскольку именно в понимании этой категории субъектов должностных лиц возникает значительное число вопросов в судебной практике.

На уровне УК хотя бы примерный перечень обязанностей должностных лиц рассматриваемой категории по признакам их функциональной деятельности отсутствует, что, по нашему мнению, в определенной степени является условием для расширительного или ограничительного толкования признаков субъектов преступлений коррупционной направленности. При изложенных обстоятельствах следственно-судебная практика обращается к разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. №12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» (с изм. и доп.).

Пленум в анализируемом постановлении указывает, что **организационно-распорядительные** обязанности(функции) заключаются в должностной функциональной деятельности, связанной с выполнением организационно – распорядительных обязанностей по руководству деятельностью организаций, их подразделений, отдельных подчиненных им лиц. Суть этих функций сводится к организации работы органов и учреждений (их отдельных подразделений), подбору и расстановке кадров, приему и увольне-

нию, планированию работы, контролю и проверке исполнения, поддержанию дисциплины, применению мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий. Это, по сути, функции по руководству *подчиненными по службе, работе* людьми.

К должностным лицам, обладающим данной функцией, относятся:

1) Руководители министерств и ведомств, учреждений, организаций, предприятий и их заместители, главные специалисты и их заместители, руководители структурных подразделений и иных структурных внутриведомственных и территориальных подразделений указанных органов;

2) Начальники управлений, отделов, цехов, заведующие кафедрами, лабораториями, секциями, руководители участков работ (мастера, прорабы, бригадиры, звеньевые и т.д.);

3) Лица, не имеющие в своём непосредственном подчинении других работников, но *возглавляющие самостоятельное направление работы*.

4) Лица, уполномоченные осуществлять руководство проведением различных организационных мероприятий, например, со своими учащимися (учитель, ответственный за проведение с учениками внеклассного вечера) либо с гражданами не в связи с их работой (руководители туристических групп, тренеры, возглавляющие команды спортсменов на соревнованиях, и т.п.).

5) Лица, занимающиеся расстановкой и подбором кадров, организацией труда или службы работников, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложением дисциплинарных взысканий и т.п.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 7 постановления № 12 отметил, что занимающими должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей, следует признавать, в частности, лиц, осуществляющих полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организацию учёта и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей [2].

Являясь также разновидностью управленческой деятельности, административно-хозяйственные функции имеют принципиальное отличие от организационно-распорядительных функций. Если последние предполагают обязательно наличие взаимосвязи «руководитель-подчиненный», то в данном случае, то есть при выполнении административно-хозяйственных функций, такой взаимосвязи не требуется. Особенность административно-хозяйственных полномочий – это своеобразная связь «лицо-материальная ценность». Сущность данной взаимосвязи – лицо обладает определенными полномочиями в отношении этих материальных ценностей [3].

В связи с этим в науке уголовного права достаточно долго стоял вопрос о том – являются ли лица должностными на основании имеющегося договора о полной материальной ответственности.

Позиция белорусского законодателя по данному вопросу такова:

Во-первых, материально-ответственные лица законом к должностным лицам не относятся, во-вторых, для признания такого лица должностным необходимо, чтобы оно наряду с обязанностями по непосредственному, например, хранению имущества, выполняло также функции по *управлению или распоряжению им* (например, распределение материальных ценностей и т.п.), при этом наличие подчиненных при осуществлении вышеуказанных функций не обязательно.

Например, на небольшом предприятии старший бухгалтер может не иметь в подчинении рядовых бухгалтеров, но он является должностным лицом, так как отвечает за учет и контроль за движением ТМЦ на предприятии, принимает решения, связанные с распоряжением материальными ценностями. И наоборот, рядовой бухгалтер крупного предприятия может выполнять исключительно технические обязанности по ведению учета и контролю движения имущества и должностным лицом не может быть.

К должностным лицам, обладающим административно-хозяйственной функцией, относятся: 1) начальники планово-хозяйственного, финансового, снабженческого отдела или службы, их заместители; 2) главные (старшие) бухгалтеры и их заместители; 3) заведующие хранилищами и складами, зав. магазином, торговым центром; 4) ведомственные контролеры и ревизоры и т.д.

На наш взгляд, недостатком толкования административно-хозяйственных и организационно-распорядительных обязанностей является отсутствие общих, свойственных всем, относящимся к данной категории лицам, «типовых» функций. Дается лишь примерный перечень, причем не исчерпывающий, наиболее часто встречающихся на практике организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей. Также в качестве недостатка можно выделить неконкретность и отсутствие четких ориентиров подразделения функций на административно-хозяйственные и организационно-распорядительные в самом Уголовном кодексе.

На основании вышесказанного формулируем краткие выводы следующего содержания:

1) организационно-распорядительные функции сводятся к осуществлению лицом таких обязанностей, которые предоставляют возможность влиять на правовой статус подчиненных;

2) административно-хозяйственные функции – сводятся к обязанностям, которые позволяют управлять и распоряжаться материальными ценностями;

3) считаем целесообразным: разграничить на законодательном уровне дефиниции таких категорий должностных лиц, как выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей;

4) конкретизировать уголовно-правовую дефиницию «должностное лицо», включив в статью 4 УК новые пункты в следующей редакции: «18. Под организационно-распорядительными обязанностями понимается руководство деятельностью учреждений, организаций, предприятий, их подразделений, отдельных подчиненных им лиц. 19. Под административно-хозяйственными обязанностями понимается осуществление полномочий по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организация учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г., №275-3: Принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2018.
3. Бугаевская, Н.В. Должностное лицо как субъект преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.В. Бугаевская. – М., 2003. – 265 л.
4. Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 2. – 328 с.

УДК 159.99

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ВЫЯВЛЕНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ
ДЛЯ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ****Е.В. ПОЛОЗОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)*

Рассматривается проблема совладания с профессиональным стрессом, неконструктивное преодоление которого может приводить к развитию профессионального выгорания и деформации. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости формирования соответствующего профессии копинг-поведения, позволяющего во всех случаях адекватно реагировать на стрессовое раздражение.

В 1962 г. американский психолог Лойс Б. Мерфи в своих исследованиях кризисов взросления ввела понятие «копинг» или «совладание». Л. Мерфи определяла «coping» как попытку индивида конструктивно преобразовать ситуацию, которая является для него угрожающей и заставляет мобилизовать внутренние ресурсы. Стратегии совладающего поведения в ситуациях неопределенности были рассмотрены в работах разных авторов, среди которых можно выделить Е.В. Битюцкую, Т.В. Корнилову, И.Н. Леонова и др. Концепция копинга сегодня становится одним из центральных аспектов современной теории стресса, а копинг-поведение и толерантность к неопределенности рассматриваются как стабилизирующий фактор, способствующий адаптации личности к воздействию различных стрессовых и неопределенных ситуаций [7, с. 109].

Проблема копинг-поведения является достаточно актуальной для юридической психологии, в частности, при изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников правоохранительных органов. Изучение копинг-стратегий в стресс-преодолевающем поведении в деятельности сотрудника правоохранительных органов особенно значимо потому, что профессиональная деятельность сотрудника протекает в экстремальных, динамично меняющихся и опасных для жизни и здоровья условиях, в которых от сотрудника зависит не только его жизнь, но и жизнь граждан. Неумение справляться со стрессом, управлять своим поведением в сложных и напряженных ситуациях снижает успешность и качество выполнения должностных обязанностей, а также требуются дополнительные усилия для поддержания оптимального психофизиологического уровня. Все это приводит к следующим последствиям: повышение текучести кадров, снижение удовлетворенности трудом, деформация личностных и характерологических качеств. Становится очевидным, что стресс-преодолевающее поведение является одним из факторов обеспечения надежности профессиональной деятельности в сложных условиях. Выявление особенностей копинг-стратегий в стресс-преодолевающем поведении сотрудников правоохранительных органов становится одним из важных направлений в юридической и экстремальной психологии и определяется необходимостью психологического обеспечения деятельности сотрудников [6, с. 1].

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов создает в целом систему факторов (ненормированный рабочий день, постоянный контакт с асоциальными элементами, необходимость полной отдачи психических и физических сил при пресечении преступлений и др.), определяющих профессиональное искажение и возникновение профессиональной деформации личности. Система работы правоохранительных органов искажает личность под воздействием хронического стресса, вызванного физиологическими и психологическими стрессорами: болевыми воздействиями, холодом, высокой температурой, чрезмерной физической нагрузкой, тревогой, информационными перегрузками, сигналами угрозы, постоянной мобилизацией всех ресурсов организма, конфликтными ситуациями, словесными раздражителями [8, с. 69].

При исследовании копинг-стратегий большинство ученых придерживается единой системы классификации способов совладания со стрессом:

- 1) когнитивные копинг-стратегии, направленные на переоценку ситуации;
- 2) копинг-стратегии, направленные на снятие эмоционального напряжения;
- 3) копинг-стратегии, направленные на воздействие на ситуацию;
- 4) успешный копинг – используются конструктивные стратегии, которые в результате приводят к преодолению трудной ситуации, вызывающей стресс;
- 5) неуспешный копинг – используются неконструктивные стратегии, которые препятствуют преодолению трудной ситуации [4, с. 324].

Особенности копинг-поведения оперуполномоченных криминальной милиции МВД исследовал в своей работе В.И. Солдатов (2009). Автор пришел к выводу, что успешность профессиональной деятель-

ности обуславливается в значительной мере высоким уровнем копинг-поведения. Высокий уровень стресс-преодолевающего поведения достигается активным использованием таких копинг-стратегий, как «агрессивные действия», «вступление в социальный контакт», «манипулятивные действия». У оперативных сотрудников с низким уровнем совладающего поведения преобладает использование таких копинг-стратегий, как «осторожные действия», «манипулятивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки». С увеличением срока службы в должности оперуполномоченного, уровень стресс-преодолевающего поведения у сотрудника становится более определенным.

А.П. Шихова (2009) проводила исследование стресса в профессиональной деятельности сотрудников дознания спецподразделений ОВД. По результатам исследования автор сделала следующие выводы: совладающее поведение у сотрудников в состоянии профессионального стресса обусловлено использованием неконструктивных копинг-стратегий пассивного, манипулятивного и асоциального типов и механизма психологической защиты «регрессия» [2, с. 11]. Высокая стрессоустойчивость у сотрудников связана с использованием активных и просоциальных копинг-стратегий, развитию профессионального стресса способствует использование неконструктивных стратегий (пассивных и асоциальных).

При изучении совладающего поведения у руководителей ОВД, И.Ю. Кобозев (2011) пришел к выводу, что в результате профессионального стресса активная адаптивная стратегия «асертивные действия» является наименее выраженной, а такие копинг стратегии, как «избегание», «осторожные действия», «асоциальные действия», «непрямые действия», имеют более высокие показатели использования [1, с. 35].

В.А. Корчмарюк (2010) в своем исследовании выделяет бессознательные аспекты копинг-стратегий в правоохранительной деятельности. По мнению автора, для совладания со стрессом сотрудники правоохранительных органов используют бессознательные личностно-средовые копинг-ресурсы, такие как развитость восприятия социальной поддержки, локус контроля над средой, эмпатия и аффилиация, позитивная Я-концепция, наличие эффективной социальной поддержки. Молодые сотрудники используют псевдоадаптивную дисфункциональную модель копинг-поведения. Признаки данной модели: использование как активных, так и пассивных базисных копинг-стратегий; в качестве ведущей базис стратегии выступает стратегия «поиск социальной поддержки», мало задействована копинг-стратегия «разрешение проблем».

И.В. Рябченко (2007) провела исследование базисных копинг-стратегий у «успешных» и «неуспешных» сотрудников ОВД. «Успешные» сотрудники используют стратегию «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки», копинг-стратегия «избегание» находится у них на последнем месте. «Неуспешные» сотрудники в качестве базисной используют стратегию «избегание», на втором месте – стратегия «поиск социальной поддержки», на последнем месте – копинг-стратегия «разрешение проблем».

Таким образом, можно выделить основные направления в исследованиях копинг-поведения и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов – рассматривается влияние на выбор копинг-стратегий возраста сотрудников, стажа службы в правоохранительных органах, участия в боевых действиях; при определении базисных копинг-стратегий рассматривается взаимосвязь с копинг-ресурсами, как индивидуально психологическими, так и средовыми [5, с. 34–35].

В результате субъекты профессиональной деятельности правоохранительных органов обладают широким репертуаром стратегий, основанных на межличностном взаимодействии, используемым ими для разрешения трудных ситуаций, с которыми сталкиваются на работе [3, с. 23].

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть применимы психологами, работающими в правоохранительных органах, для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на обучение сотрудников правоохранительных органов адаптивным формам поведения с учетом специфики их профессиональной деятельности и стажа работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева, Е.В. Самоуправление и копинг-поведение сотрудников уголовного розыска / Е.В. Бурцева // Инициативы XXI века. – 2012. – № 1. – С. 115–117.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях / Н.Е. Водопьянова // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб. : СПбГУ, 2000.
3. Дергачёва, Е.В. Особенности копинг-стратегии субъектов профессиональной деятельности правоохранительных органов / Е.В. Дергачёва // Психология и социология. – 2018. – № 2. – С. 14–18.
4. Долганина, И.О. Проблема саморегуляции сотрудников полиции в условиях профессионального стресса / И.О. Долганина, П.А. Пономарёв // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. – 2016. – С. 323–325.

5. Коноплёва, И.Н. Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов / В.А. Рогачёв, И.Н. Коноплёва // Психология и право. – 2018. – № 1, Т. 8. – С. 26–43.
6. Коноплёва, И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов / В.А. Рогачёв, И.Н. Коноплёва // Медицинская психология в России. – 2015. – № 2 (31). – С. 11.
7. Коноплёва, И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов / В.А. Рогачёв, И.Н. Коноплёва // Психология и право. – 2017. – № 4, Т. 7. – С. 106–126.
8. Левкова, Е.А. Проспективные исследования профессиональных деформаций и копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов / Е.А. Левкова, Ю.А. Сульдина // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 1. – С. 68–70.

УДК 159.99

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТИВНОСТИ
У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ****Е.В. ПОЛОЗОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)*

Раскрыты ситуации служебной деятельности, которые вызывают у сотрудников трудности в профессиональной адаптации. На основе исследования различных подходов к пониманию адаптации строится анализ понимания адаптации в психологии труда и юридической психологии. Выделяются существенные характеристики и составляющие профессиональной адаптации с целью профилактики и недопущения дезадаптационных нарушений у сотрудников правоохранительных органов.

Термин «адаптация» (от лат. adaptation – приспособление) заимствован из биологии и означает приспособление к окружающей среде. Применительно к социальным системам адаптация означает нечто большее, чем биологическое приспособление. В контексте включения работника в трудовую деятельность речь идет о профессиональной адаптации, когда происходит его интенсивное знакомство со спецификой профессии, а также изменение собственного поведения в соответствии с условиями труда [6, с. 142].

Проблема адаптации военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов к служебной деятельности и экстремальным условиям службы исследовалась Н.Н. Белозеровой, А.А. Ушаковым и др. Педагогические аспекты исследуемой проблемы социально-профессиональной адаптации были раскрыты в трудах А.Я. Фомина. Уровни и этапы адаптации в контексте профессиональной деятельности молодых специалистов изучались О.И. Зотовой и др.

Спецификой профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов является наличие экстремальных факторов, зачастую связанных с реальными рисками для здоровья и жизни, непредвиденных ситуаций, высоких физических и психических нагрузок [1, с. 44]. В результате проведенных исследований учеными была раскрыта сущность профессиональной адаптации как достижения человеком способности к адекватному взаимодействию с социально-профессиональной средой. Вместе с тем не в полной мере, раскрытой является специфика адаптации представителей различных специальностей к профессиональной деятельности. В частности, продолжает оставаться актуальной задача раскрытия особенностей адаптации сотрудников правоохранительных органов к экстремальным условиям службы, измерения и оценки уровня их адаптированности. Решению этой задачи было посвящено данное исследование [4, с. 77–78].

Крайне важным следует признать положение о том, что адаптация в профессиональной деятельности проявляется через преодоление трудностей. Иными словами, исследователи указывают на адаптацию как на жизненный путь в становлении личности как профессионала [1, с. 130]. Вопросы, составляющие адаптацию в профессиональной деятельности, позволяют обратиться к исследованиям А.Г. Маклакова, который рассматривал адаптацию во взаимосвязи с физиологическими составляющими, помимо этого, вместе с С.В. Чермяниным, указал на нервно-психическую устойчивость, коммуникативные способности и моральную нормативность как основные составляющие профессиональной адаптивности [7, с. 86].

Практическая направленность на достижение определенной цели в нестандартной ситуации как нельзя лучше раскрывает тот механизм, который лежит в основе профессиональной адаптации, особенно в деятельности сотрудников правоохранительных органов. В специальной психологии вопросы адаптации рассматриваются в различных направлениях. Помимо юридической психологии следует также упомянуть и психологию труда. Здесь исследуются вопросы профессиональной адаптации как неспецифической, в понимании Е.П. Ильина, адаптации личности. В частности, Н.С. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова отмечают, что адаптация может быть внутренней, связанной с приспособлением личности к изменяющимся условиям профессиональной деятельности, а также внешней, связанной с взаимодействием внутри коллектива. Преемственность исследования данных авторов по отношению к отечественной общей психологии проявляется в понимании действенной адаптации, приспособления работника через деятельность. Данное положение соотносится с деятельностным подходом в отечественной психологии и указывает на важнейшую составляющую исследуемого механизма – возможности приспособления и преобразования окружающей среды только и исключительно через практическую деятельность [3, с. 105].

К такой составляющей адаптации, как моральная нормативность, проявляется особое внимание в юридической психологии. В частности, об адаптации как соблюдении правил поведения в обществе пишет В.Л. Васильев. Важным в исследованиях данного автора представляется также указание на конкретные составляющие профессиональной адаптации молодых сотрудников правоохранительных органов,

которые включают в себя социальную, реконструктивную, организационную, достоверительную, коммуникативную и поисковую составляющие. В практических трудах исследователя показаны наиболее проблемные составляющие адаптации молодых сотрудников правоохранительных органов – коммуникативная и поисковая составляющая, что на психологическом уровне означает проблемы в области практического применения навыков общения и внимания для работы в правоохранительной сфере. В исследованиях данного автора важным представляется указание на конкретные психологические механизмы, которые лежат в основе определенных составляющих адаптации. Например, поисковая составляющая определяется вниманием, достоверительная – эмоциональным интеллектом, социальная – моральными качествами и т.д. Важным также следует считать и утверждение о практическом характере адаптации, основанном на деятельности. При этом исследователь в рассмотрении вопросов адаптации исходит из положений общей психологии, однако рассматривает адаптацию в рамках педагогики, пенитенциарной и криминальной психологии, приходя тем не менее к выводам, схожим с выводами исследований в области общей психологии. Иначе говоря, в юридической психологии профессиональная адаптация также связана с практической деятельностью, при этом она должна не только обеспечивать соответствие поведения личности интересам общества, но и способствовать преобразованию окружающей действительности с учетом требований морали [1, с. 131].

У будущих сотрудников МВД адаптивность, как показатель способности к профессиональной деятельности, низка, при этом моральные свойства личности достаточно выражены. В период адаптации в процессе профессиональной деятельности в течение первого года отдельные сотрудники приобретают высокую адаптивность по отдельным составляющим, другие, напротив, характеризуются низкими составляющими адаптивности. Тем не менее в целом адаптивность является средней. С формированием профессионального опыта у сотрудников МВД адаптивность существенно повышается, при этом практически все составляющие адаптивности у данных сотрудников находятся на высоком уровне. Иначе говоря, в период профессиональной адаптации различные сотрудники МВД демонстрируют разную адаптивность, тем не менее те сотрудники, которые смогли адаптироваться к работе в МВД, со временем вырабатывают высокую адаптивность, причем на высоком уровне находятся все характеристики [8, с. 137].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов носит напряженный характер, она сопряжена с высоким чувством ответственности. Сотрудники правоохранительных органов вынуждены выполнять большой объем сложной работы, и очень часто их деятельность осуществляется в условиях недостатка времени и информации. Все это может привести к развитию стойких состояний психической напряженности, эмоциональной неустойчивости, к возникновению различных заболеваний [5, с. 21]. Но при качественной моральной и профессионально-психологической подготовке, при самостоятельной работе сотрудника над собой, все возможные отрицательные влияния экстремальных условий на него и его действия могут быть успешно нейтрализованы в результате адаптации психической и физиологической составляющей организма к требованиям профессиональной деятельности, в частности к службе в правоохранительной системе [2, с. 130].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатов, К.Н. Психологические особенности адаптации будущих сотрудников правоохранительных органов / К.Н. Акатов // Психология. историко-критические обзоры и современные исследования. – 2014. – № 5. – С. 125–140.
2. Макеева, Е.В. Поведение сотрудников правоохранительных органов в экстремальных ситуациях / Е.В. Макеева // Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых. – Минск : БГУ. – 2016. – С. 129–130.
3. Метлицкий, И.Е. Системно-структурный подход к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов / И.Е. Метлицкий // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2017. – № 1. – С. 103–107.
4. Носкова, О.Г. Психология труда: учеб. пособие для студ. вузов / О.Г. Носкова // под ред. Е.А. Климова. – М. : Академия, 2004. – С. 384.
5. Осухова, Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие / Н.Г. Осухова. – 2-е изд., испр. – М. : Академия. – 2007. – С. 288.
6. Последняя, О.М. Профессиональная адаптация в экстремальных трудовых условиях / О.М. Последняя // Материалы XX Междунар. науч. конф. молодых ученых. – Минск : БГУ, 2017. – С. 142.
7. Пряхина, М.В., Салимова, Н.В. Составляющие профессиональной компетентности по профилю должности в подразделениях охраны общественного порядка / М.В. Пряхина, Н.В. Салимова // Европ. журн. соц. наук. – 2012. – Т. 2, № 11 (27). – С. 80–86.
8. Урбанович, А.А. Психология кризисов социальной идентичности личности / А.А. Урбанович. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь. – 2005. – С. 228.

УДК 343.2

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА КАТЕГОРИИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ****В.В. ХРИТОНЕНКО***(Представлено: д-р юрид. наук, проф. В.М. ХОМИЧ)*

Проводится сравнительный анализ зарубежного законодательства в части разграничения преступных деяний на определённые виды. Констатируется, что институт категоризации признаётся во многих странах, относящихся к разным правовым системам.

Применение метода сравнительного правоведения при изучении уголовного права позволяет лучше узнать как зарубежное, так и национальное право. Законодатель использует сравнительное право для совершенствования национального права. Такая же возможность открыта правовой доктрине и судебной практике. Сравнительное право необходимо для развития национального уголовного права, поэтому сегодня многие юристы в Республике Беларусь заинтересовались им, для того, чтобы лучше узнать и понять белорусское уголовное право.

Рассмотрим на основе сравнительного анализа категории преступлений в уголовном законодательстве зарубежных стран Российской Федерации, Франции, Англии, Испании и др.

Рассмотрим уголовное законодательство Российской Федерации. Уголовный кодекс Российской Федерации вступил в законную силу 13 июня 1996 г.

Статья 15 УК РФ подразделяет все преступления на четыре категории: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления [2].

Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.

Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, превышает три года лишения свободы.

Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал такие понятия, как тяжкие преступления, особо тяжкие преступления, а также не представляющие большой общественной опасности. Вместе с тем в законе отсутствовали признаки каждой из указанных категорий преступлений, не было единого критерия для их классификации. Выделявшаяся наукой уголовного права категория менее тяжких преступлений в законе отражения не находила.

Отнесение того или иного преступления к соответствующей категории имеет четко установленные в УК РФ правовые последствия. Так, рецидив преступлений признается опасным или особо опасным в зависимости от того, сколько раз ранее лицо было осуждено за умышленное преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление (ст. 18); уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ст. 30); только сплоченная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, может быть признана преступным сообществом (преступной организацией) (ст. 35, 210); не иначе как при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления суд может применить наказание в виде лишения виновного специального, воинского или почетного звания, а также классного чина и государственных наград (ст. 48); пожизненное лишение свободы только как альтернатива смертной казни устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь (ст. 57); смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ст. 59); вид исправительного учреждения при отбывании лишения свободы устанавливается осужденным именно с учетом категории совершенного преступления (ст. 58); совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств признается смягчающим обстоятельством (ст. 61). Кроме того, с категорией преступления непосредственно связано назначение наказания по совокупности преступлений (ст. 69), освобождение от уголовной ответственности (ст. 75-

76), в том числе в связи с истечением сроков давности (ст. 78, 83), освобождение от наказания (ст. 79-82), погашение сроков судимости (ст. 86), а также применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним (ст. 90), освобождение несовершеннолетних от наказания (ст. 92-93) и сроки погашения их судимости (ст. 95); привлечение к ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210) и укрывательство преступлений (ст. 316) [2].

Общим основанием категоризации преступлений названы характер и степень общественной опасности деяний. Они конкретизированы формой вины и величиной санкций в виде максимального срока лишения свободы.

Вина и санкции служат критериями классификации преступлений в подавляющем большинстве зарубежных кодексов. Так, УК Франции 1992 г. подразделяет все уголовно наказуемые деяния на три категории по материальному (социальному) критерию - их тяжести. Статья 111-1 устанавливает: "Преступные деяния классифицируются в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения" [3].

Общим с уголовным правом Республики Беларусь является то, что классификация проведена по материальному критерию, т.е. тяжести деяний, которая включает форму вины и меру наказания. Как и в уголовном праве Республики Беларусь категории преступлений влияют на построение основных институтов уголовного права Франции.

Далее рассмотрим уголовное законодательство Англии. Основным действующим законом, который посвящен классификации преступлений, является Закон «Об уголовном праве» 1967 г.

Ранее в Англии преступления делились на:

- тризи (государственную измену);
- фелонии (тяжкие преступления);
- мисдиминоры (менее тяжкие преступления).

Такая классификация влияла в основном на процессуальный порядок расследования и рассмотрения дела.

В соответствии с давно сложившимися нормами общего права измена подразделялась на государственную измену и малую измену. К первой группе относились такие преступления, как убийство короля, королевы и членов его семьи, оказание помощи его врагам, подделка королевской печати, фальшивомонетничество, убийство канцлера или судей, а ко второй - убийство женой мужа или слугой хозяина. В настоящее время под понятие измены (подпадают лишь те действия, которые относились к государственной измене).

Деление преступлений на фелонии и мисдиминоры Законом 1967 г. было отменено, и в настоящее время по материальному признаку они подразделяются на измену и другие преступные деяния.

В Уголовном кодексе Украины в ст. 12 предусмотрена следующая классификация.

В зависимости от степени тяжести преступления подразделяются на преступления не большой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Преступлением небольшой тяжести является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет, или иное, более мягкое наказание.

Преступлением средней тяжести является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет.

Тяжким преступлением является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более десяти лет.

Особо тяжким преступлением является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или пожизненное лишение свободы.

Необходимо отметить важную особенность построения УК Испании в связи с разделением деяний на преступления и проступки: УК состоит из трех книг, каждая из которых имеет самостоятельное уголовно-правовое значение. Первая книга содержит положения Общей части о преступлениях и проступках, лицах, подлежащих уголовной ответственности, наказаниях и т.п. Вторая книга закрепляет нормы Особой части, относящиеся к преступлениям и наказаниям за их совершение. Третья книга содержит нормы об ответственности за совершение проступков. Кроме указанной основной классификаций преступных деяний используется и классификация внутри выделенных категорий, а критерием выступает ценность объекта посягательства.

Категории выделенных преступных деяний оказывают влияние на построение норм многих институтов Общей части: о наказании, об ответственности за неоконченное преступление и за соучастие, давность привлечения к уголовной ответственности. Данная классификация является ведущей, она подтверждает объективную необходимость разграничения преступлений по их тяжести не только для совершенствования юридической и законодательной техники, но и для правильного понимания социальной значимости различных преступлений и отражения посредством выделения соответствующих категорий преступных деяний основных направлений уголовной политики государства.

Уголовный кодекс Армении предусматривает следующие категории преступлений (ст. 19): преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [4].

Классификация преступлений и наказаний по мусульманскому праву сложилась исторически, а ее основанием являются два критерия: степень определенности наказания и характер нарушенных прав и интересов. Преступные деяния классифицированы на три категории: преступления, посягающие на "права аллаха", влекут точно определенное наказание - "хадд"; преступления, посягающие на права отдельных лиц, за которые предусмотрены конкретные наказания - "кисас", "кавод" или "дийа"; все иные правонарушения, влекущие наказание - "таазир". К преступлениям первой категории относятся вероотступничество, бунт, прелюбодеяние, употребление спиртных напитков, кража, разбой. За их совершение возможно назначение четко указанных наказаний, например, отсечение руки за кражу, сто ударов плетью или забивание камнями до смерти за прелюбодеяние. Вторая категория преступлений также предусматривает фиксированное наказание, но означаемое в буквальном смысле, "воздаяние равным": убийство влечет смертную казнь либо принятие выкупа за кровь, за утрату всех пальцев рук отсечение также всех пальцев и т.д. Третья категория предусматривает назначение наказания по усмотрению суда: устное покаяние, молчаливое проявление осуждения, бритье головы, чернение лица и т.д. Система наказаний в мусульманском праве отличается особой жестокостью, наличием множества телесных и членовредительских наказаний, изощренными способами исполнения смертной казни. Такой результат дифференциации уголовной ответственности и наказания не соответствует общепринятым понятиям.

Итак, в уголовном законодательстве зарубежных государств нашли свое закрепление классификации преступных деяний на три или четыре самостоятельные категории. При этом деление уголовных преступлений в зависимости от тяжести или предусмотренного в санкции наказания (что в конечном счете также определяется тяжестью посягательства) имеет немаловажное значение для решения целого ряда уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов (для определения порядка расследования и судебного разбирательства, давности, наказуемости и проч.).

Таким образом анализ зарубежного законодательства дает основание сделать вывод о том, что классификация преступлений в зависимости от их тяжести - очень важный институт уголовного права, поскольку является важнейшим средством дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. Закона от 29.07.2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
3. Уголовный кодекс Республики Франции : принят в 1922 г. : вступил в силу с 1 марта 1994 г. // под ред. Л.В. Головки ; пер. Н.Е. Крыловой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 648 с.
4. Уголовный кодекс Армении [Электронный ресурс] // Competition. – Режим доступа: <http://www.competition.am/uploads/resources/qreakanRUS.pdf>. – Дата доступа: 09.09.2018.
5. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс] // ugolovnykodeks.ru. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-ispanii/>. – Дата доступа: 09.09.2018.

УДК 343.25

К ВОПРОСУ ОТМЕНЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**В.В. ХРИТОНЕНКО***(Представлено: д-р юрид. наук, проф. В.М. ХОМИЧ)*

Рассматриваются вопросы о возможности реализации права на жизнь и отмены смертной казни в Республике Беларусь. Приводятся данные о современной ситуации по применению смертной казни в странах евразийского пространства.

В настоящее время Республика Беларусь является единственным государством в Европе, которое применяет смертную казнь как вид уголовного наказания. На сегодняшний день 150 стран мира отказались от применения такого наказания, как смертная казнь, из них 28 стран Евросоюза.

Конституция Республики Беларусь провозгласила, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1].

В Конституции Республики Беларусь (статья 24) прямо закреплен временный и исключительный характер смертной казни. По существу, разработчиками проекта Конституции 1994 года учтены нормы важнейших международных документов – Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, а также регионального акта – Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, связанных с ней протокола № 6 и ряда резолюций Совета Европы. В протоколе № 6 к Конвенции предусмотрена отмена смертной казни в мирное время и допустимость ее применения в военное время или при неизбежной угрозе войны. Совет Европы сейчас идет дальше, ведя речь об отмене смертной казни и в военное время. (Протокол № 13).

Статья 22 Конституции Республики Беларусь закрепляет, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [2].

В соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), к лицам, совершившим преступление, может быть применено наказание в виде смертной казни (до ее отмены). В свою очередь, ч. 1 ст. 59 УК гласит: «в качестве исключительной меры наказания допускается применение смертной казни – расстрела за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах (до отмены смертной казни)» [3].

Как видим, и Конституция Республики Беларусь, и УК предусматривают применение смертной казни как исключительной меры наказания до ее отмены. То есть законодатель, включая данные нормы в соответствующие акты, предопределяет, что смертная казнь носит временный характер и при наступлении определенных условий будет отменена как вид наказания.

Вопрос отмены смертной казни как исключительной меры наказания остается дискуссионным, о чем свидетельствуют периодически проводимые международные конференции и семинары по поставленной проблеме.

Также являются неоспоримыми исследования, которые показывают, что чем больше люди знают о фактах, связанных со смертной казнью, тем меньше они возражают против ее отмены.

Обществу нужно готовить к этому шагу. Всем памятные результаты всенародного голосования 24 ноября 1996 года по вопросу об отмене смертной казни. Против этого высказалось 80% от принявших участия в голосовании (кстати, опросы в Литве, проведенные накануне признания правовых норм о смертной казни неконституционными, показывали, что там также около 80% опрошенных выступает против ее отмены). У нас решение республиканского референдума носило, во-первых, рекомендательный характер, во-вторых, тогда действовало иное уголовное законодательство. В те годы, когда законодательство республики не предусматривало, в отличие от многих государств мира, в качестве вида наказания пожизненное заключение, общественное мнение не могло смириться с возможностью отмены смертной казни, поскольку ее альтернативой служило лишь лишение свободы на срок не более 15 лет. Применение этого наказания за такое чудовищное преступление, как убийство при отягчающих обстоятельствах, представлялось едва ли не кошмарным.

В новом Уголовном кодексе Республики Беларусь, благодаря решимости Президента Республики Беларусь, введенном в действие с 1 января 2001 года, норма о смертной казни (статья 59) содержит ряд новелл, свидетельствующих о последовательной линии государства на ее ограничение. Уголовный кодекс допускает применение смертной казни не просто за некоторые особо тяжкие преступления, как сказано в Конституции, а лишь за такие особо тяжкие преступления, которые сопряжены с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

Следует также подчеркнуть, что только от того, будем мы применять смертную казнь или нет, не зависит уровень демократии в нашем государстве. Как известно, США достаточно широко используют

это наказание, что не влияет на их престиж как демократического государства. Дело в другом. Мы сами выбрали свой путь, обозначив его в Конституции. По этому пути нам и следует продвигаться.

Прогресс, достигнутый в Европе по проблеме смертной казни, является весьма значительным. Государства – члены Совета Европы, подписавшие Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признали необходимым отказаться от смертной казни.

Республика Беларусь неоднократно заявляла о своей готовности жить в единой семье европейских народов. В качестве шага для вступления нашего государства в Совет Европы и продвижения по пути правового решения проблемы смертной казни предлагаем в ближайшей перспективе введение моратория на ее применение. Возможным вариантом могло бы быть введение моратория на исполнение приговоров о смертной казни (надо признать, что длительное ожидание исполнения приговора также оценивается как причинение страданий человеку, хотя в США среди смертников есть “долгожители”, которые ожидают исполнения приговоров в течение десятков лет). Вместе с тем, учитывая высокую значимость проблемы борьбы во всем мире с терроризмом, считаем возможным не распространять мораторий на виновных в актах терроризма, повлекших лишение жизни людей.

Говоря о необходимости полной отмены смертной казни, следует согласиться с тем, что этот процесс может быть постепенным. Возможны такие либеральные варианты развития событий, как отмена смертной казни в обычном судопроизводстве, однако сохранение ее в специальном судопроизводстве (например, в праве военного времени), либо отмена ее в качестве эксперимента на определенный срок, либо объявление моратория на применение смертной казни.

Таким образом, для решения вопроса об отмене смертной казни предполагается выполнить следующее:

1. Необходимо проводить разъяснительную работу с гражданами, которая показывает, что смертная казнь как исключительная мера наказания не достигает целей уголовной ответственности – частной превенции, так как при применении данного вида наказания происходит физическое устранение преступника. Состояние преступности не меняется в зависимости от того, предусмотрена или нет в качестве исключительной меры наказания смертная казнь. Очень высока вероятность судебной ошибки, которую исправить становится невозможно.

2. Следует ввести ограничение на определенное время в отношении применения смертной казни как вида наказания для того, чтобы была реальная возможность проанализировать ситуацию с преступностью и возможным влиянием на нее присутствия в УК смертной казни как исключительной меры наказания. Помимо указанного, проводить мониторинг общественного мнения по рассматриваемому вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова, Р. Разговор по существу. Двадцать лет спустя [Электронный ресурс] / Р. Романова. – Режим доступа: <http://www.sb.by/politika/article/razgovor-po-sushchestvu-dvadtsat-let-spustya.html>. – Дата доступа: 24.09.2018.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 62 с.
3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Мастюлин И.А.</i> Непризнанные и несостоявшиеся государства как проблема современного международного права (на примере Каталонской республики)	3
<i>Мастюлин И.А.</i> Пробелы международного права в области признания и образования новых государств	6
<i>Цапин Н.И.</i> Блокчейн-технологии в юридической практике	8
<i>Цапин Н.И.</i> Криптовалюты: обеспечение интересов государства, общества, личности	10
<i>Аніськовіч Л.Д.</i> Эвалюцыя прадстаўнічых інстытутаў у Вялікім Княстве Літоўскім	12
<i>Аніськовіч Л.Д.</i> Класіфікацыя павятовых соймакаў Вялікага Княства Літоўскага ў перыяд 16–18 стст.	16
<i>Ермачэнок Н.Л.</i> Проблемы регистрации общественных объединений в Республике Беларусь	18
<i>Ермачэнок Н.Л.</i> Роль и место общественных объединений в становлении гражданского общества и правового государства в Республике Беларусь	21
<i>Зянюк Я.С.</i> Правовые основы создания и функционирования института общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации	23
<i>Зянюк Я.С.</i> Понятие и роль общественного контроля	25
<i>Куделя И.В.</i> Правовая защита авторских прав в сети интернет	27
<i>Куделя И.В.</i> Правовое регулирование и защита персональных данных	29
<i>Лепнёва Д.А.</i> История возникновения юридической ответственности медицинских работников	31
<i>Лепнёва Д.А.</i> Юридическая ответственность медицинских работников в зарубежных странах	33
<i>Меницкая С.А.</i> Права женщин в системе брачно-семейных отношений в Великом Княжестве Литовском	35
<i>Меницкая С.А.</i> Институт развода в Великом Княжестве Литовском	37
<i>Акачэнок М.А.</i> Понятие и виды эффективности государственного управления	39
<i>Акачэнок М.А.</i> Эффективность в деятельности органов государственного управления в Республике Беларусь	41
<i>Романенко А.В.</i> Избирательное право в Республике Беларусь, его принципы и правовое регулирование	43
<i>Романенко А.В.</i> Избирательное право в Республике Беларусь. Реализация принципа «свободных выборов»	45
<i>Смолянин Е.М.</i> Особенности немецкого городского права в белорусских городах в XIV–XVIII вв.	47
<i>Смолянин Е.М.</i> Городское самоуправление Беларуси в XIV–XVIII вв.	50
<i>Логвинова А.В.</i> Правовые и этические проблемы эвтаназии	54
<i>Логвинова А.В.</i> Эволюция правового регулирования эвтаназии в мировой и отечественной практике	56
<i>Мачанский С.Г.</i> Искусственный интеллект как ресурс современного правоприменения	59
<i>Мачанский С.Г.</i> Использование искусственного интеллекта в сфере юридического консультирования	61
<i>Москвина В.И.</i> Копный суд в судебной системе Великого Княжества Литовского (XVI–XVIII вв.)	63
<i>Москвина В.И.</i> Особенности судебного процесса в копном суде (XVI–XVIII вв.)	65
<i>Сазанович Д.А.</i> Военный трибунал в БССР во время Великой Отечественной войны (1941–1945 г.)	67
<i>Сазанович Д.А.</i> Нормативно-правовое регулирование партизанского движения на территории БССР во время Великой Отечественной войны (1941–1945 г.)	69
<i>Стадольник К.А.</i> Современные модели института уполномоченного по правам человека	71
<i>Стадольник К.А.</i> Современные концепции института уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь	75

Трофимова Э.О. Общественный контроль над органами местного управления и самоуправления в Российской Федерации	80
Трофимова Э.О. Конституционные основы общественного контроля над органами местного управления и самоуправления в Республике Беларусь	83
Козлов Н.В. Отражение идей правового государства в Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года	86
Козлов Н.В. Предпосылки принятия Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года	88
Герасименко А.А. Основы правового регулирования охраны детства Республики Беларусь	90
Герасименко А.А. Правовой статус детей в Республике Беларусь	94
Олесько С.С. Понятие конституционно-правового баланса интересов личности, общества, государства	97
Олесько С.С. Конституционно-правовой баланс интересов личности и государства в информационной сфере: на примере мессенджера Telegram	101
Приставко М.С. Перспективы медиации в области здравоохранения	106
Приставко М.С. Медиация в конфликтах при реализации конституционного права на медицинскую помощь в Республике Беларусь: процедурный аспект	108
Сапего Я.В. Интернет-петиции в зарубежных странах	110
Сапего Я.В. Интернет-петиции в Республике Беларусь: примерная правовая модель	112
Гриневич В.С. Парламент и его роль в системе государственных органов в Республике Беларусь на современном этапе	114
Гриневич В.С. Современные тенденции развития парламентаризма	117
Метла Е.А. Парламентские слушания как форма парламентского контроля в Республике Беларусь	119
Метла Е.А. Институт парламентского контроля в Республике Беларусь	122
Бердович В.М. Использование электронных петиций как способа реализации законодательной инициативы граждан: опыт Финляндии	125
Бердович В.М. Порядок подачи законодательных электронных петиций в парламент: опыт Канады ...	127
Гринько А.А. Правовая регламентация статуса инвалидов в Республике Беларусь	130
Гринько А.А. Правовой статус инвалидов в Республике Беларусь	134
Ковальчук П.С. Понятие и принципы инклюзивного образования	137
Ковальчук П.С. Понятие социальной уязвимости в праве	141
Матвеева К.А. История возникновения гарантий деятельности парламентариев	145
Матвеева К.А. Материальные гарантии деятельности парламентариев в зарубежных странах	148
Мурашко Д.И. Международно-правовое регулирование языковых прав при отправлении правосудия	151
Мурашко Д.И. Регулирование языковых прав при отправлении правосудия в национальном законодательстве государств Западной Европы	153
Покумейко Е.А. Общественный контроль в сфере правового регулирования охраны историко-культурного наследия	155
Покумейко Е.А. Государственно-правовое обеспечение охраны памятников истории и культуры	158
Молошёнко Т.А. Конституционно-правовое закрепление понятия «юридическая помощь»	160
Молошёнко Т.А. Субъекты и порядок оказания бесплатной юридической помощи	163
Хрипач Т.П. Особенности конституционно-правовой ответственности судей в Республике Беларусь .	166
Хованова С.В. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в Российской Федерации	171
Чертилин А.А. Актуальные вопросы судебной практики в сфере добровольного страхования транспортных средств	175
Ануфриев А.Н. Специфика вещного права органов местного самоуправления в России: на материалах города Тамбова	180
Гасанова Д.П. Система общественного контроля в сфере ЖКХ на примере Тамбовской области	184

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Девятковская К.В. Международное регулирование соматических прав	187
Нестеренко Е.А. Понятие и признаки дизайна одежды как результата интеллектуальной деятельности	189
Нестеренко Е.А. Особенности охраны дизайна одежды в рамках института незарегистрированного промышленного образца в европейском союзе	193

<i>Нестеренко Е.А.</i> Совершенствование правовой охраны дизайна одежды в Республике Беларусь	197
<i>Авдейчик А.А.</i> Правовая сущность и характерные особенности гражданско-правовых отношений в сети Интернет	201
<i>Авдейчик А.А.</i> Классификация гражданско-правовых отношений в сети Интернет	203
<i>Дедушкевич Е.С.</i> Эволюция развития корпорации и корпоративных отношений, понятие и признаки корпорации в государствах-членах ЕАЭС	205
<i>Дедушкевич Е.С.</i> Унификация и гармонизация гражданского законодательства, регулирующего создание, деятельность, реорганизацию и ликвидацию корпораций государств-членов Евразийского экономического союза	208
<i>Олихвер А.С.</i> Коллизионный аспект критерия предвидимости в праве Республики Беларусь и зарубежных странах	211
<i>Олихвер А.С.</i> Материально-правовой аспект критерия предвидимости в праве Республики Беларусь и зарубежных странах	214
<i>Синькевич А.В.</i> Нормативно-правовой аспект инновационной деятельности в Республике Беларусь	217
<i>Синькевич А.В.</i> Место правоотношений в сфере инновационной деятельности системе права	219
<i>Визнер Я.В.</i> Криптовалюта как объект гражданских прав в Республике Беларусь	221
<i>Визнер Я.В.</i> Майнинг криптовалюты: правовой аспект	223
<i>Цыро Л.Д.</i> «Фактическое сожительство» и «гражданский брак»: проблемы соотношения и доктринального определения понятий	225
<i>Цыро Л.Д.</i> Правовое регулирование фактического брака в зарубежных странах	227
<i>Ершова М.М.</i> Ответственность сторон по договору суррогатного материнства: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования	230
<i>Ершова М.М.</i> Права и обязанности сторон по договору суррогатного материнства	233
<i>Лаврова Е.В.</i> Домашние животные как предмет договора розничной купли продажи	236
<i>Лаврова Е.В.</i> Выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними (правовой аспект) ..	239
<i>Деркач А.В.</i> Договор франчайзинга в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовые аспекты	242
<i>Кулабухова Е.П.</i> Доступ к правосудию людей с инвалидностью в Республике Беларусь	244
<i>Кулабухова Е.П.</i> Реализация права на доступ к правосудию лиц с инвалидностью	246

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Гайдук А.</i> Проблемные аспекты определения понятия и основных форм насилия в семье	249
<i>Гайдук А.</i> Криминологический анализ преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	254
<i>Государев К.В.</i> Проблемные вопросы квалификации по ст. 317-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь	258
<i>Мальчевский Д.А.</i> Мотив и цель как квалифицирующий признак преступления (из практики квалификации преступлений)	264
<i>Свирский С.В.</i> Уголовный закон и преступление: история становления и развития на примере источников права Полоцкого княжества	268
<i>Свирский С.В.</i> Краткий сравнительный анализ понятия «преступление» на территории современной Беларуси в разные исторические периоды	271
<i>Бычкова В.А.</i> К вопросу о необходимости информатизации следственной деятельности	274
<i>Бычкова В.А.</i> Элементы информатизации следственной деятельности	276
<i>Щербак К.Ю.</i> Должностное лицо как субъект коррупционных преступлений по признаку совершения юридически значимых действий	279
<i>Щербак К.Ю.</i> Должностное лицо как субъект коррупционных преступлений по признакам выполнения организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций	283
<i>Полозов Е.В.</i> Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов и выявление копинг-стратегий для её преодоления	286
<i>Полозов Е.В.</i> Социально-психологические закономерности формирования профессиональной адаптивности у сотрудников правоохранительной системы	289
<i>Хритоненко В.В.</i> Законодательное регулирование деления преступлений на категории в уголовном праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ	291
<i>Хритоненко В.В.</i> К вопросу отмены смертной казни в Республике Беларусь	294